

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложение къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

КІЕВСКІЕ ТИПЫ.

СТУДЕНТЪ-ДРАГУНЪ.

Фуражка прусскаго образца, безъ полей, съ микроскопическимъ козырькомъ, съ чернымъ—вмѣсто синяго—эколышкомъ; мундиръ въ обтяжку съ отвороченной лѣвой полкой, позволяющей видѣть бѣлую шелковую подкладку; пенснэ на широкой черной лентѣ; ботинки безъ каблучковъ и бѣлыя перчатки на рукахъ — вотъ обыкновенный костюмъ студента-драгуна, котораго вы ежедневно видите на Крещатикѣ. Съ тайной грустью думаетъ онъ о томъ, что «какъ-то не принято» носить постоянно шпагу (это вѣдь такъ красиво, когда изъ-подъ мундира выглядываетъ золоченый кончикъ ноженъ), но, по свойственному ему отсутствію инициативы, онъ все-таки не рѣшается ввести въ своемъ кругу эту моду, уже давно не новую для петербургскихъ студентовъ-гвардейцевъ.

Наружности своей онъ старается придать возможно болѣе корректный отпечатокъ, посвящая ей по крайней мѣрѣ часа три-четыре въ сутки. У него всегда найдется въ карманахъ цѣлый ассортиментъ туалетныхъ принадлежностей, флакончикъ Vera-Violetta, напильничекъ, замша, розовый порошокъ и крошечныя ножницы для ногтей, складное зеркальце, миниатюрная пудреница, палочка

фиксатуара и коллекція щеточекъ для коротко острижен-ныхъ волосъ, закрученныхъ усиковъ и маленькой остро-конечной бородки.

Тѣмъ не менѣ эти заботы никогда не скрываютъ ни умственной ни душевной пустоты студента-драгуна, ни ранняго его знакомства съ радостями жизни, за кото-рыя въ старое доброе время добродѣтельные и чадолю-бивые отцы исправно посѣкали своихъ девятнадцати-лѣтнихъ сыновей. Эти качества сквозять въ мутномъ, без-жизненномъ взглядѣ изъ-подъ устало-полуопущенныхъ рѣсницъ, въ нездоровой блѣдности лица, въ рѣзкихъ чер-тахъ около глазъ и носа и въ томъ плотоядномъ выра-женіи глазъ и губъ, съ которымъ студентъ-драгунъ оглядываетъ встрѣчающихся ему на улицѣ женщинъ.

Университетъ онъ, конечно, иногда посѣщаетъ: тамъ, въ коридорахъ и въ курилкахъ, въ антрактѣ между лек-ціями, всегда очень шумно и весело, можно встрѣ-таться со «своими» и условиться насчетъ вечерней пар-тіи винта и ужина у Рейнера, услышать свѣжую новость или пикантный анекдотъ и, наконецъ, изъ любопытства (это, право, презабавно) посидѣть минутъ десять на лек-ціяхъ, глядя съ презрительной усмѣшкой на этихъ, въ поношенныхъ тужуркахъ, которые тамъ что-то слушаютъ и даже записываютъ какую-то ерунду.

Нечего уже и говорить о томъ, что онъ поразительно равнодушенъ къ наукѣ, искусству и общественнымъ во-просамъ. Все печатное вызываетъ въ немъ родъ душев-ныхъ судорогъ. Однако у него въ распоряженіи всегда есть десятка два или три общихъ мѣстъ, съ помощью которыхъ онъ прикрываетъ отъ неопытнаго наблюдателя свое убожество. — «Шекспиръ? — О! Это былъ великій знатокъ человѣческаго сердца. Вы знаете, его Гамлетъ такъ глубокъ, что его не могутъ до сихъ поръ постичь лучшіе комментаторы. Впрочемъ, говорятъ, что вовсе даже

и не Шекспиръ его написалъ, а Бэконъ». — «Пушкинъ? — Какая красота! Какая легкость и безыскусственность... Когда весь день стоитъ какъ бы хрустальный... Пушкинъ — истинный создатель русскаго языка». — «Вагнеръ? Вотъ гдѣ музыка будущаго!» и т. д. Впрочемъ, надо оговориться: студентъ-драгунъ знакомъ отчасти съ современной французской беллетристикой и цитируетъ наизусть цѣлыя порнографическія страницы изъ Золя, Мопассана, Катюль-Мендеса, Лоти и Бурже. При этомъ онъ питаетъ слабость къ бульварнымъ французскимъ восклицаніямъ въ родѣ: «Tiens!.. fichtre!.. oh-la-la!.. il a du chien!..» и проч.

Но въ чемъ онъ истинный геній, что занимаетъ цѣлый день его тоскующую лѣнь, это — карамбольный бильярдъ у Штифлера, и, право, студенту прежняго времени похвала Грановскаго или Пирогова не доставляла столько гордаго и стыдливаго удовольствія, какъ современному студенту-драгуну — брошенное вскользь одобреніе всегда полупьянаго маркера Якова: «Вотъ этого шара вы — ничего, чисто сдѣлали». Другое его развлеченіе — винтъ, и непремѣнно самый хищническій — открытый, съ присыпкой, гвоздемъ, винтящимися коронками и тройными штрафами. Нерѣдко, вставъ изъ-за карточнаго стола, онъ съ небрежно-разсѣяннымъ видомъ и бѣгающими глазами объявляетъ, что, «кажется, господа, я не захватилъ своего бумажника... пусть останется за мною».

Студентъ-драгунъ ходитъ въ самые модные рестораны. Ничто такъ не щекочетъ его мелкаго тщеславія, какъ фамильярно-почтительный поклонъ франтоватаго и фаворизованнаго мѣстною золотою молодежью лакея. При этомъ студентъ-драгунъ топорщится, выпячиваетъ грудь, говорить популярному лакею «ты» и «братецъ», брезгливо морщится, читая menu, но изрѣдка бросаемыя имъ на по-

сѣтителей ресторана быстрые взгляды выдають его радостное волненіе.

Случается, что, окончивъ завтракъ, онъ отзываетъ великолѣпнаго лакея въ темный уголъ пустого кабинета и тамъ, краснѣя, умоляющимъ голосомъ упрашиваетъ его взять на себя и этотъ счетъ, «а на той недѣлѣ мнѣ, ей-Богу, пришлютъ изъ деревни, такъ я за все расплачусь сразу». Когда же лакей, послѣ продолжительнаго колебанія, соглашается наконецъ на его просьбу, лицо студента-драгуна озаряется самой живой радостью. Онъ съ усиленіемъ сдерживаетъ рефлексивное движеніе своей руки, стремящейся крѣпко пожать лакейскую руку, и выходитъ изъ ресторана, ковыряя во рту зубочисткой, съ видомъ пресыщеннаго и равнодушнаго *gourmand'a*.

Не меньше удовольствія доставляетъ этому милому молодому человѣку близость съ лихачемъ Карломъ или Ачкасомъ, — близость, пріобрѣтенная цѣною трехъ рублей «на чай», выпрошенныхъ у товарища по кутежу съ громадными усиленіями и униженіями.

Студентъ-драгунъ по своему происхожденію принадлежитъ чаще всего къ богатымъ, безалабернымъ семьямъ. Впрочемъ, между разновидностями этого типа попадаются нерѣдко и дѣти бѣдныхъ, но благородныхъ фамилій, въ которыхъ они обыкновенно состоятъ на положеніи милыхъ *enfants terribles*, боготворимыхъ всѣми членами семьи.

«Положимъ, у Сонечки башмаки каши просятъ, а у Гришутки изъ пальто вата давно вылѣзла, — разсуждаетъ мать семейства надъ какими-нибудь 10-ю рублями, сколоченными усиленіями героической экономіи:—но какъ же отказать Мишенькѣ? Вѣдь онъ взрослый, онъ мужчина, онъ студентъ, надо же ему на разныя... тамъ... мелочи!»

Правда, надо отдать справедливость этой самоотвер-

женной матери: она и не подозревает о томъ, что на другой же день ея «Мишенька», фланируя съ пріятелями по Крещатику и завидѣвъ издали свою мать въ поношенномъ бурнусишкѣ, юркнетъ въ первый попавшійся магазинъ, повинувась неодолимому чувству подлаго, низменнаго стыда за бѣдно одѣтую мать, у которой еще, кромѣ того, такое ласковое (очень смѣшное на улицѣ) выраженіе лица. Если же бѣгство почему-либо не удастся, и товарищи спросятъ его: «Съ какой это ты сейчасъ салопницей раскланивался?»—онъ отвѣтитъ, весь пунцовый и даже вспотѣвшій отъ стыда: «Такъ... это... тамъ... одна бѣдная знакомая».

Всего интереснѣе наблюдать студента-драгуна въ то время, когда въ холостомъ кругу «своихъ», послѣ сильныхъ возліяній Бахусу, онъ откровенничаетъ о своихъ «маленькихъ грѣшкахъ». Кто не знаетъ этого молодого человѣка, у того отъ его разсказовъ стануть на головѣ дыбомъ волосы: всѣ виды сладострастія — какъ перенесенные къ намъ съ дряхлаго Востока, такъ и изобрѣтенные современнымъ нервнымъ аппетитомъ разврата—давно уже испытаны этимъ двадцатилѣтнимъ, хорошенькимъ, безбородымъ мальчикомъ и даже перестали «астикотировать» его желаніе. Онъ, по его словамъ, наскучивъ всѣмъ обыденнымъ, постоянно ищетъ чего-нибудь новенькаго, остраго и неиспробованнаго. Онъ вмѣняетъ себѣ въ особенную честь знать безошибочно имена всѣхъ выдающихся кокотокъ и ихъ биржевую котировку.

Завѣтная мечта студента-драгуна — имѣть своихъ собственныхъ сѣрыхъ рысаковъ, абонементъ въ театръ, всегда толстый бумажникъ и дюжину хорошаго вина въ буфетѣ для своихъ друзей, такихъ же, какъ и онъ, студентовъ-драгуновъ. Для достиженія этого современнаго «идеала», онъ не побрезгуетъ ничѣмъ, ни даже прода-

жей своей молодости и любви какой-нибудь муміи, упрямо не желающей подчиниться вліянію разрушительной руки времени.

Впрочемъ, въ видѣ утѣшенія, можно думать, что этотъ типъ — явленіе наносное, временное. Уже теперь въ студенческой средѣ слышатся (пока еще не ясные) голоса противъ такого тлетворнаго и мелочнаго направленія учащейся молодежи.

ДНѢПРОВСКІЙ МОРЕХОДЪ.

Онъ все лѣто совершаетъ одинъ и тотъ же очень короткій рейсъ — отъ Кіева до... «Трухашки» и обратно. Надо отдать ему справедливость: онъ обладаетъ недюжинными навигаторскими способностями, потому что ухитряется даже на такомъ микроскопическомъ разстояніи устроить изрѣдка маленькое «столкновеньице» съ конкурентнымъ пароходомъ или какую-нибудь иную «катастрофочку» увеселительнаго характера.

Онъ обыкновенно называетъ себя «штурманомъ дальняго плаванія». Не вѣрьте ему. Онъ не былъ даже и на каботажныхъ курсахъ, а просто поступилъ на пароходъ помощникомъ капитана (вѣрнѣе сказать — кассиромъ и контролеромъ билетовъ) и «достукался» всѣми правдами и неправдами до капитанскаго званія.

Это не мѣшаетъ ему однако за бутылкой добраго коньяку съ увлеченіемъ рассказывать о своихъ приключеніяхъ, о стычкахъ съ малайскими пиратами, объ аваріяхъ въ Индѣйскомъ океанѣ, о пребываніи въ плѣну у людоѣдовъ и о прочихъ ужасахъ, отъ которыхъ у слушателей бѣгають по спинѣ мурашки. Одинъ очень достовѣрный свидѣтель передавалъ мнѣ, какъ однажды, въ критическую минуту, какой-то изъ днѣпровскихъ мореходовъ обнаружилъ свои спеціальныя знанія

и присутствіе духа. На пароходѣ, шедшемъ отъ Кіева внизъ, лопнула рулевая цѣпь, и его понесло теченіемъ прямо на быки Цѣпного моста. Между пассажирами поднялся страшный переполохъ. Всѣ суетились, бѣгали и кричали, объятые ужасомъ; нѣкоторые собирались уже бросаться въ воду... «Капитана! капитана!»—раздавались отовсюду испуганные голоса. Но капитанъ не внималъ воплямъ своихъ жертвъ. Онъ метался взадъ и впередъ по палубѣ, ломалъ въ отчаяніи руки и кричалъ:

— Оставьте меня! Какой я, къ чорту, капитанъ? Я даже и плавать не умѣю. Спасайся, кто можетъ!

Съ этими словами доблестный капитанъ надѣлъ на себя единственный, имѣвшійся на пароходѣ, спасательный поясъ и съ поразительнымъ спокойствіемъ сталъ дожидаться крушенія парохода...

Болѣе серьезные рейсы совершаетъ днѣпровскій мореходъ зимою, когда, имѣя право носить довольно красивую (хотя нѣсколько фантастическую) форму, получаетъ половинное жалованье и ровно ничего не дѣлая, онъ попадаетъ въ свою сферу. Онъ отдаетъ якоря въ «Югѣ», нагружается въ этой бухтѣ, разводитъ пары и подъ сильнымъ боковымъ вѣтромъ плыветъ въ «Тулонъ», заходя по дорогѣ и въ другія гавани... Случается нерѣдко, что онъ, претерпѣвъ жестокую «аварію», становится на «мертвый якорь» въ ближайшемъ полицейскомъ участкѣ.

Впрочемъ, и во время лѣтнихъ рейсовъ онъ рѣдко бываетъ «не подъ парами».

Съ публикой онъ грубъ, игривъ съ дамами и побаивается своего лоцмана, который хотя и подчиненъ ему официально, но на самомъ дѣлѣ руководитъ движеніемъ парохода и знаетъ днѣпровскій фарватеръ гораздо лучше своего капитана. Въ разговорѣ съ сухопутными людьми любитъ иногда щегольнуть англійскимъ восклицаніемъ, въ родѣ «All right» или «Goddam».

Съ внѣшней стороны днѣпровскій мореходъ представляетъ собою рослаго, здороваго мужчину, на которомъ красиво лежитъ коротенькая тужурка съ прилѣпленными къ ней со всѣхъ сторонъ якорями. Онъ всегда къ услугамъ тѣхъ дамъ, которыя даже и на такомъ небольшомъ разстояніи, какъ отъ Кіева до Кременчуга, не могутъ обойтись безъ флирта. Стоя у рулевого колеса и положивъ на него руку, онъ рисуется, принимаетъ пластичныя, мужественныя позы и съ чувствомъ необычайнаго достоинства кричитъ, наклоняясь къ рупору: «Задній ходъ! Стопъ! Полный ходъ!»

Сурковъ, Фельдманъ и прочіе участники Тарханкутской тарарабумбіи, несомнѣнно, принадлежатъ къ описанному классу мореходовъ.

Злые языки дали днѣпровскимъ морякамъ прозвище «швейцарскихъ моряковъ».

„БУДУЩАЯ ПАТТИ“.

Ее можно встрѣтить на Крещатикѣ, часа въ 3—4 пополудни, когда торопливой походкой, съ озабоченнымъ видомъ и съ кожанымъ портфелемъ «Musique» подъ мышкой, она возвращается изъ музыкальнаго училища. «Да, тоже, поди, не легко дается извѣстность этимъ будущимъ Патти»,—думаетъ, глядя на нее, встрѣчный обыватель.

Артистическая карьера будущей Патти начинается съ того, что, при наличности маленькаго «домашняго» сопрано и небольшого музыкальнаго слуха, она довольно мило мурлыкаетъ въ своемъ кругу: «si tu m'aimais» и «вѣютъ вѣтры»,—въ тотъ часъ между вечернимъ чаемъ и партіей винта, когда гости болѣе всего щедры на поощренія маленькимъ «семейнымъ» талантамъ.

— Манечка, ты бы того... спѣла бы намъ что-нибудь,—говоритъ благодушный папаша, поглаживая бороду и смѣющимися глазами приглашая гостей присоединиться къ его просьбѣ.

— Спой, свѣтикъ, не стыдись,—вставляетъ какой-нибудь неисправимый холостякъ, знавшій Манечку «еще вотъ такую».

Манечка идетъ къ роялю и безъ всякихъ претензій, слабымъ голосомъ, съ неправильными придыханіями, но

не безъ пріятности, поеть о томъ, какъ «ажъ деревья гнутся».

— Очень, очень хорошо... прелесть, что такое, — одобряютъ гости, косясь на двери сосѣдней комнаты, гдѣ уже раскрыты зеленые столы. — Вы знаете, въ наше время голосъ — это цѣлый капиталъ. Только вѣдь учиться да учиться надо. Школа — вотъ что самое главное, а тамъ — почему знать? Можетъ-быть... хе-хе-хе... изъ васъ, барышня, будущая Патти выйдетъ.

Постоянныя упоминанія о школѣ, похвалы гостей, рассказы о почестяхъ и баснословныхъ гонорарахъ, получаемыхъ знаменитыми артистами, въ концѣ концовъ гипнотизируютъ будущую Патти, которая, въ свою очередь, гипнотизируетъ нѣжныхъ, но расчетливыхъ родителей. Ея настоятельныя просьбы еще и потому находятъ откликъ въ родительскихъ сердцахъ, что Манечка никакъ не можетъ пойти въ гимназіи дальше четвертаго класса, а между тѣмъ кому не извѣстно, что небогатой дѣвицѣ трудно составить приличную партію, не обладая среднимъ образованіемъ, или трогательною склонностью къ хозяйству, или наконецъ, какимъ-нибудь пріятнымъ талантомъ?

— А вѣдь Манечку бы нужно... того... отправить къ профессору, попробовать голосъ... Кто ее знаетъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ у нея... того... талантъ скрывается? — говоритъ въ одно прекрасное утро, пробѣгая за стаканомъ чая газету, отецъ семейства. — Кстати, вотъ и въ газетѣ напечатано, что какой-то вновь прибывшій профессоръ Маккарони «ставитъ» самые дурные и испорченные голоса... Къ тому же и дешево. Развѣ попробовать?

На другой же день будущая Патти пробуетъ у профессора Маккарони голосъ. Профессоръ — подозрительная личность въ потертомъ фракѣ, съ плѣшивой головой, нафабранными усами и чудовищнымъ кадыкомъ — въ вос-

торгѣ отъ голосовыхъ средствъ Манечки. «Правда, есть небольшие дефекты... слабость среднихъ нотъ, недостатокъ школы... ну, и такъ далѣе... Но я берусь въ два года сдѣлать изъ вашей дочери звѣзду русской оперы... Только берегите, mademoiselle, берегите вашъ голосъ».

Съ этого дня для всѣхъ родныхъ и знакомыхъ семейства, заключающаго въ своихъ нѣдрахъ будущую звѣзду русской оперы, начинается миллионъ терзаній. Въмѣсто «легонькаго винтика» и «прохожденія по маленькой», на сцену выступаютъ безконечные разговоры о діафрагмѣ, о постановкѣ голоса, о среднемъ регистрѣ, о головныхъ нотахъ, о придыханіяхъ, о носовыхъ и лобныхъ «хопахъ» и о тысячѣ подобныхъ техническихъ предметовъ. Манечка вызывается къ піанино, но она не въ духѣ, она боится злоупотреблять голосомъ, — ей запретилъ ея профессоръ пѣть по вечерамъ. Наконецъ, уступая тайному чувству честолюбія, она, какъ будто бы нехотя, соглашается и поетъ что-нибудь изъ Чайковскаго или Липшина.

«Чортъ ее знаетъ, эту школу, — думаютъ гости въ то время, какъ у нихъ отъ высокихъ нотъ будущей Патти бѣгають по спинамъ холодныя мурашки. — Я, можетъ-быть, по своему невѣжеству и не чувствую, а оно и на самомъ дѣлѣ... школа».

Однако очень скоро будущая Патти остается недовольна уроками профессора Маккарони: и самъ профессоръ неинтересный, и ученики у него какіе-то все подозрительные, и скука страшная на урокахъ, и никогда не бываетъ концертныхъ вечеровъ. Съ ней охотно соглашается и папаша, давно уже подозрѣвавшій въ профессорѣ бѣглаго итальянскаго каторжника. «Знаете ли, — говоритъ онъ: — какъ-то страшно ввѣрять такое сокровище, какъ голосъ, какимъ-то сомнительнымъ субъектамъ. Вы бы послушали, что у нея за «ut *bémol*!»! Соловей, да и только».

Будущая Патти держитъ экзаменъ въ музыкальное училище, приводя въ трепетъ своимъ знаменитымъ *ut bé-mol'*емъ нервныхъ экзаменаторовъ. Однако она все-таки принята, и восхищенные родители немедленно заказываютъ ей у Барскаго новый роскошный «Musique».

Съ этого времени Манечка становится деспотомъ въ семьѣ.—«Манечкѣ нужно спокойствіе, Манечка такая нервная, Манечка отдыхаетъ. Тсс... Манечка занимается, Манечкѣ нельзя кислаго»... Цѣлый день съ утра до вечера изъ ея комнаты раздаются безконечныя «аааа, оооо уууу», настойчивыя, пронзительныя, беспощадныя... Вся семья терпитъ ихъ, скрежеща зубами, вѣруя въ будущность Манечки, и только одинъ младшій братъ-гимназистъ, тщетно усиливающейся понять подъ эти звуки сущность неправильныхъ глаголовъ на «і», швыряетъ съ озлобленіемъ грамматику Кюнера въ уголь и восклицаетъ:

— Чортъ!.. Визжить, точно кошка драная!

Манечка ходитъ въ музыкальное училище, трепещетъ передъ именемъ г. Эверарди, обожаетъ г. Пухальскаго, третируетъ свысока ученицъ г. Блюменфельда и вводитъ въ домъ множество будущихъ Тамберликовъ и Мазини, отъ вокальнаго нашествія которыхъ папаша спасается бѣгствомъ къ сосѣдямъ. Однако усилія будущей Патти подвигаются впередъ очень медленно. Она остается на первомъ курсѣ, не выдержавъ экзамена. На слѣдующій годъ повторяется та же исторія, черезъ годъ—то же. Манечка изъ подростка становится дѣвицей, изъ дѣвицы—барышней, изъ барышни—старой дѣвой. Она съ негодованіемъ признаннаго таланта покидаетъ училище.

— Зависть!.. Покровительство бездарностямъ!.. Рутина!.. Слабость къ смазливымъ личикамъ!

При этомъ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ профессоровъ непременно обвиняется въ умысленной порчѣ голоса будущей Патти.

— Вообразите себѣ, — говорятъ возмущенные родители: — этотъ Эверарди совершенно «сорвалъ» голосъ нашей Мими (всѣ Манечки послѣ 25 лѣтъ обращаются въ Мими). Это просто ужасъ, какъ онъ обращается съ голосами!

Окончивъ, такимъ образомъ, музыкальное училище (тремя годами раньше окончанія курса), будущая Патти становится ревностной участницей всѣхъ домашнихъ концертовъ. Оперныхъ пѣвицъ она бранить съ беспощаднымъ ожесточеніемъ, вызывающимъ даже у нея на губахъ пѣну. Въ то же время потребность «обожанія» она съ профессоровъ переноситъ послѣдовательно на Тартакова, Медвѣдева и, въ концѣ концовъ, на Мышугу, приставая къ нимъ съ просьбами подарить на память карточку или носовой платокъ и поднося имъ ко дню бенефиса вышитые гарусомъ туфли и подушки.

Въ тѣхъ лѣтахъ, когда надежда сдѣлаться со временемъ звѣздой русской оперы становится очень сомнительной, Мими начинаетъ, съ «неподражаемымъ шикомъ» аккомпанируя себѣ на гитарѣ, исполнять цыганскіе романсы, въ родѣ Шмиттофоваго:

„Ты сиводни сапрасила съ укорамъ,
Атачего я при вастрѣчи малачу“.

Вмѣстѣ съ лѣтами растетъ ея поклоненіе опернымъ тенорамъ, обращаясь наконецъ въ настоящую фанатически-яростную манию. Она уже не довольствуется однимъ «посмотрѣніемъ» своего идола, — у нея является ничѣмъ неудержимое желаніе повергнуться къ его божественнымъ ногамъ и прикоснуться къ его священной особѣ собственными руками... И нерѣдко случается, что Мими, не будучи въ силахъ превозмочь своего психопатическаго вождельнія, съ блуждающимъ взоромъ, съ растрепанной прической, кидается въ фойе опернаго театра къ ногамъ

своего кумира и, къ великому соблазну присутствующихъ, начинаетъ покрывать полы его сюртука горячечными поцѣлуями.

Здѣсь, впрочемъ, мы уже имѣемъ дѣло съ типомъ оперной психопатки, о которой въ свое время поговоримъ подробнѣе, такъ же какъ и о «будущей Рашели» и «будущей Софіи Ментеръ».

До конца дней своихъ Мими глубоко убѣждена, что въ ней погибъ великій талантъ, непризнанный завистливыми профессорами, и великолѣпный голосъ, «сорванный» ихъ варварскимъ методомъ.

ЛЖЕСВИДѢТЕЛЬ.

Его отнюдь нельзя смѣшивать съ такъ называемымъ «благороднымъ» свидѣтелемъ. Благородный свидѣтель— это тотъ незнакомецъ съ громкимъ голосомъ, внушительной осанкой, чаще всего въ дворянской фуражкѣ, который въ критическій моментъ уличнаго или трактирнаго «недоразумѣнія» тянетъ перваго попавшагося изъ дѣйствующихъ лицъ за рукавъ и многозначительно шепчетъ ему:

— Мусью, валяйте ихъ къ мировому. Даю вамъ бла-ародное слово дворянина, что съ нихъ присудятъ за безчестіе.

Профессія лжесвидѣтеля болѣе солидная и постоянная. Разновидности этого типа такъ многочисленны и неуловимы, что нѣтъ возможности прослѣдить всѣ его измѣненія. Тѣмъ не менѣе довольно ясно обозначаются три группы, или класса, на которые можно раздѣлить всѣхъ лжесвидѣтелей:

а) Лжесвидѣтель нотаріальный *). Большею частью онъ штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, уволенный, по его соб-

*) Надо объяснить. Лжесвидѣтелями я называю людей этой категоріи не для того, чтобы бросить тѣнь на ихъ добросовѣстность, но просто въ силу установившагося, можетъ-быть, даже нѣсколько жестокаго, ходячаго прозванія.

ственному выраженію, «для пользы службы». Онъ медлителенъ въ движеніяхъ, важенъ, простодушенъ, не-ряшливъ въ одеждѣ, фабритъ усы, равнодушенъ къ женскому полу и питаетъ къ своему нотаріусу благоговѣйное почтеніе, почти суевѣрный ужась.

Обязанность его заключается въ томъ, чтобъ явиться въ 11 ч. утра въ контору нотаріуса, прослушать съ видомъ специалиста актъ духовнаго завѣщанія или закладной, и затѣмъ, степенно надѣвъ очки и громко высморкавшись, подписать внизу листа свое званіе, имя, отчество и фамилію. Впрочемъ, онъ такъ вѣритъ въ своего патрона и такъ мало понимаетъ прочитанное, что охотно подпишется даже подъ собственнымъ смертнымъ приговоромъ.

За каждую подпись онъ получаетъ рубль. Средній его доходъ равняется 80—100 рублямъ въ мѣсяць. Однако деньги плохо держатся въ его карманѣ, потому что онъ большею частью подверженъ «слабости».

Характерной его чертой является его долготѣнее пребываніе въ конторѣ. Случается, что перемѣнятся въ конторѣ и клерки, и кліенты, и даже самъ нотаріусъ, а онъ, какъ старый дубъ среди молодыхъ отпрысковъ, стоитъ на своемъ посту непоколебимый, степенный, все еще не научившійся понимать хоть одну строчку изъ прочитаннаго въ его присутствіи акта.

б) Лжесвидѣтель у «аблаката». Это — типъ сравнительно рѣдкій, такъ сказать, вымирающій. До реформы 63-го года каждый частный повѣренный имѣлъ у себя небольшой штатъ субъектовъ подозрительнаго вида и мрачнаго темперамента, готовыхъ за добрую рюмку водки засвидѣтельствовать гдѣ угодно, когда угодно и что угодно. Въ настоящее время, съ постепеннымъ исчезновеніемъ съ лица земли частныхъ повѣренныхъ, исчезаетъ и типъ лжесвидѣтеля. Онъ остался еще у под-

польныхъ «аблакатовъ», нишущихъ витіеватыя кляузы въ грязныхъ кабачкахъ, помѣщающихся на улицахъ, прилегающихъ къ Софійевской площади.

Свое вознагражденіе онъ получаетъ обыкновенно патурою въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ его патрону открыть кредитъ. Въ это же учрежденіе отправляется «аблакатъ», когда ему нуженъ свидѣтель по его специальности.

— Свидѣтель Мастодонтовъ, что вы можете сказать по этому дѣлу? — спрашиваетъ мировой судья лжесвидѣтеля, предстоящаго передъ лицомъ Оемиды съ опухшимъ и подбитымъ кое-гдѣ лицомъ, со значительно порѣдѣвшей лѣвой бакенбардой, въ сильно поношенной «цивильной одеждѣ».

Свидѣтель Мастодонтовъ выступаетъ впередъ, откашливается въ руку и начинаетъ давать свое показаніе густымъ и хриплымъ басомъ, перемежающимся съ сильнымъ фальцетомъ:

— Такъ что, васкродь... этга... иду я по Хвундуклеевской улыци... тильки бачу, якись чоловикъ... несе якись сапоги. Я ему кажу...

— Позвольте, — прерываетъ судья лжесвидѣтеля: — здѣсь дѣло вовсе не въ сапогахъ. Васъ вызвали свидѣтелемъ по дѣлу Иванова, обвиняемаго въ кражѣ кадки масла у лавочника Обиралова.

— Точно такъ, ваше превосходительство, я по этому самому дѣлу и доказываю. Винъ иде съ сапогами... Ну, я и думаю: нехай винъ себѣ иде... А потимъ я бачу, що другій якись несе кадку...

Нерѣдко защита «аблаката» и показанія свидѣтелей кончаются тѣмъ, что всю компанію приговариваютъ къ заключенію на полтора года въ арестантскія роты.

Это я говорилъ о постоянныхъ лжесвидѣтеляхъ. Но есть лжесвидѣтели временные, такъ сказать, лжесвидѣтели-гастролеры. Ихъ нанимаютъ обыкновенно на толчкѣ.

Особенно интересна такса, по которой оплачивается ихъ участіе въ дѣлѣ. Еврей никогда не получаетъ за выходъ болѣе полтинника, русскій беретъ рубль, полтора и даже два, въ зависимости отъ важности и продолжительности дѣла. Между ними есть субъекты положительно талантливые, схватывающіе суть дѣла налету и даже не нуждающіеся въ репетиціяхъ.

в) Лжесвидѣтель бракоразводный. Онъ всегда причесанъ по послѣдней модѣ и какъ дэнди лондонскій одѣтъ. Къ сожалѣнію (впрочемъ, можетъ-быть, и къ счастью), этотъ типъ въ Кіевѣ культивируется туго и является лишь случайно въ отвѣтственной роли свидѣтеля. Его обязанность заключается въ томъ, чтобы, устроивъ пантомиму «паденія» съ одной изъ сторонъ, быть застигнутымъ въ самомъ комичномъ и непріятномъ положеніи, въ которое когда-либо попадаетъ смертный.

ПЪВЧІЙ.

1. Дискантъ-новичокъ. Онъ только-что поступилъ въ хоръ, куда его отдала мать — бѣдная прачка или поденница, обремененная многочисленнымъ и прожорливымъ потомствомъ. Его рожца не успѣла еще утратить дѣтской наивности, миловидности и свѣжести; волосы на головѣ торчатъ въ разныя стороны непослушными вихрами, за которые регентъ нерѣдко тянетъ его на высокихъ нотахъ. Онъ такъ малъ ростомъ, что, одѣтый въ парадный кафтанъ, болтается въ немъ, какъ горошина въ пустомъ стручкѣ. Трогательное и смѣшное впечатлѣніе производитъ этотъ малышъ, когда, подобравъ лѣвой рукой подолъ своего кафтана, а правой поддерживая цѣлую грудь ежеминутно расплзающихся врозь толстыхъ нотныхъ тетрадей, онъ едва успѣваетъ вприпрыжку за капеллой, идущей въ церковь.

Въ свободное время онъ состоитъ на побѣгушкахъ у регента и чиститъ ботинки франтоватымъ тенорамъ. Басовъ боится пуще огня и величаетъ ихъ «дяденьками». Иногда, по неопытности и легкомыслію, доноситъ регенту о какомъ-нибудь грандіозномъ дебошѣ, произведенномъ въ прошедшую ночь «перепившимися» басами, за что впоследствии получаетъ отъ нихъ хорошую встряску. Идя съ хоромъ впереди похоронной процессіи, онъ и здѣсь

не можетъ умѣрить природной живости темперамента: толкаетъ въ бокъ сосѣда справа, дергаетъ за волосы идущаго впереди товарища и потомъ ругается съ обоими своимъ звонкимъ, еще не осипшимъ голосомъ.

2. Дискантъ-опытный. Онъ уже вполне освоился съ жизнью, нравами, обычаями и жаргономъ капеллы. Со взрослыми пѣвчими состоитъ съ полупрiятельскихъ отношенiяхъ, служба нерѣдко повѣреннымъ и посредникомъ ихъ интимныхъ дѣлишекъ. Втихомолку курить, попиываетъ и предается порокамъ, которые развиваетъ среди мальчугановъ замкнутая жизнь. Лицо у него желтое, попошенное, глаза окружены зловѣщими синими тѣнями, голосъ сильный. Жалованья дисканты, какъ новички, такъ и опытные, обыкновенно не получаютъ никакого, развѣ за исключенiемъ солистовъ.

3. Теноръ. Высокій, худощавый молодой человекъ, съ меланхолическимъ выраженiемъ лица. Франтъ. Питаетъ слабость къ пестрымъ панталонамъ и яркимъ галстукамъ. Бреетъ бороду, но зато носить усы «въ иголочку». Занятъ сильно своей виѣшностью, душитъ цвѣтнымъ одеколономъ и при помощи помады «мусать» устраиваетъ на головѣ чудовищный «алякапуль». Глубоко увѣренъ въ своей неотразимости передъ женщинами и втайнѣ лелѣетъ мечту завести интрижку съ эксцентричной графиней или княгиней, плѣненной его голосомъ. Когда поетъ въ церкви соло, то живописно облакачивается на стѣну, скрещиваетъ по-наполеоновски на груди руки, закатываетъ глаза къ потолку и изящнымъ движенiемъ пальцевъ расправляетъ воротникъ. Сентименталенъ, обладаетъ возвышенными чувствами, говоритъ выпренимъ слогомъ, любитъ читать уголовные романы и пѣть только благородная вина, причемъ отдаетъ предпочтенiе тенерифу и аликанту.

4. Басъ. Высокъ, грузентъ, носить волосы въ видѣ.

львиной гривы. Глаза заплаыли и опухли отъ хроническаго пьянства, въ небритой бородѣ часто замѣтенъ пухъ и остатки вчерашней закуски. Одѣтъ небрежно, большею частью въ широкій, длиннополый, засаленный на животѣ и локтяхъ, сюртукъ.

Любитъ поспать и выпить; къ прочимъ земнымъ радостямъ относится скептически, а женщинъ прямо-таки презираетъ самымъ искреннимъ образомъ. Во хмелю либо реветъ «многолѣтіе», либо вступаетъ въ баталіи съ городовыми, — смотря по темпераменту. Выпить можетъ цѣлую четверть.

Басъ важенъ и медлителенъ въ движеніяхъ, говоритъ мало, но всегда вѣско и на густыхъ нотахъ. Хранитъ въ памяти преданія о знаменитыхъ октавахъ и протодьяконахъ и рассказываетъ о нихъ съ благоговѣніемъ.

Среди басовъ наибольшимъ почетомъ пользуется «октава». Онъ гордость и баловень всего хора. Самъ регентъ называетъ его по имени-отчеству. Ему прощаются и страсть къ спиртному, и буйный характеръ, и даже иногда отсутствіе слуха. Онъ невеликъ ростомъ, но очень широкъ, кряжистъ и звѣроподобенъ.

ПОЖАРНЫЙ.

«Слава и смѣлость — лучшіе ходатаи передъ женщинами», — говоритъ Шекспиръ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что «кавалерскіе» фонды пожарнаго стоятъ на кухняхъ чрезвычайно высоко: трудно повѣрить — но иногда даже не ниже фондовъ интендантскаго писаря, этого единогласно признаннаго, профессиональнаго «тирана» и «погубителя» женскихъ сердець, которому «только бы достигнуть своей цѣли», чтобы потомъ «надсмѣяться» самымъ коварнымъ образомъ.

Да и трудно, чтобы слабое женское сердце не замерло въ сладкомъ испугѣ, когда среди глубокой ночи, съ оглушительнымъ грохотомъ, звономъ и трескомъ, мчится мимо оконъ бѣшенымъ карьеромъ пожарный обозъ. Кровавое пламя факеловъ колеблется высоко въ воздухѣ надъ ювозками и вспыхиваетъ зловѣщимъ блескомъ на мѣдныхъ каскахъ, вѣнчающихъ темныя, неподвижныя фигуры пожарныхъ, сохраняющихъ въ этой бѣшеной скачкѣ какое-то суровое, роковое спокойствіе. И въ этомъ спокойствіи чувствуется привычная готовность ежедневно ставить свою жизнь на карту.

Положительно не ошибешься, если скажешь, что большинство пожарныхъ служить не изъ нужды, а по призванію. Во всѣхъ классахъ общества есть пылкія, не-

спокойныя головы, которыхъ неудержимо привлекаетъ все исключительное, выходящее изъ рамокъ обыденной сѣрой жизни, все сопряженное съ ежеминутной опасностью для жизни. Правда, и между пожарными находятся, какъ исключеніе, трусы и лѣнты, но они недолго уживаются въ этой средѣ и всегда служатъ мишенью для презрѣнія и насмѣшекъ товарищей.

Наиболѣе смѣлый, вѣрнѣе сказать — отчаянный, ловкій и сильный пожарный назначается «трубникомъ». Во время пожара онъ направляетъ, куда нужно, струю воды, держа въ рукахъ наконечникъ рукава. Отвага его поразительна. При мнѣ однажды пожарные работали вокругъ запертаго сарая, набитаго сѣномъ, которое, по чьей-то неосторожности, загорѣлось. Во что бы то ни стало, нужно было направить струю внутрь сарая. И вотъ одинъ изъ трубниковъ, съ концомъ рукава въ рукахъ, бросается къ дверямъ; быстро сбивши топоромъ замокъ дверей, распахиваетъ ихъ настежь и въ тотъ же мигъ исчезаетъ въ цѣлой бурѣ пламени, вырвавшись изъ сарая. Товарищи не видятъ его, но наугадъ направляютъ струи воды въ то мѣсто, гдѣ исчезъ трубникъ. Черезъ нѣсколько секундъ пламя замѣтно утихаетъ, и всѣмъ становится видно, какъ внутри сарая вьюномъ вьется трубникъ, вертя по всѣмъ направленіямъ трубой. Наконецъ огонь совсѣмъ утихаетъ. Изъ сарая валитъ только густой, черный дымъ. Трубникъ выходитъ на воздухъ весь черный, съ волдырями на лицѣ и рукахъ, едва держащійся на ногахъ. Если вы спросите у пожарныхъ, какимъ образомъ этотъ смѣльчакъ не задохся, вамъ отвѣтятъ, что «онъ умѣетъ подолгу задерживать дыханіе».

У болѣе извѣстныхъ есть свои поклонники, почитатели среди тѣхъ зрителей, которые ни за что не пропустятъ ни одного пожара. Эти любители испытываютъ

чувства несравненно болѣе сильныя, чѣмъ зрители боя быковъ въ Испаніи. Яркій свѣтъ огня, жаръ, трескъ горящаго дерева, запахъ дыма, суета, хриплый крикъ брандмейстера: «Лыбедская, ката-ай!», рѣзкій топотъ испуганныхъ и разгоряченныхъ лошадей — все это напрягаетъ нервы зрителей до высочайшей степени. И когда появляется среди толпы пожарныхъ любимый трубникъ, публика раздражается восторженными криками:

— Пророковъ! Пророковъ! Bravo, Пророковъ! Визирь молодецъ! Валяй, Визирь!

Пророковъ является всегда героемъ пожара. Онъ не теряетъ даромъ ни секунды. Съ озвѣрѣвшимъ лицомъ, испуская каждую секунду страшнѣйшія ругательства, онъ бѣжитъ съ рукавомъ въ самый густой огонь. Горе какому-нибудь франту въ цилиндрѣ, самоотверженно явившемуся «помогать», а иногда даже и «руководить», — если онъ попадетъ подъ ноги Пророкову во время его стремительнаго бѣга. Онъ пуститъ ему въ лицо (и это еще на хорошій конецъ) такой ужасный зарядъ озлобленной ругани, что самоотверженный «руководитель» невольно отскочитъ далеко въ сторону. И брандмейстеры и пристава знаютъ хорошо характеръ трубника: они не рискнутъ сунуться къ этому звѣрю съ совѣтами во время его героическаго экстаза, потому что для него нѣтъ тогда ни начальника ни указчика. Опьяненный безумной скачкой, суетой, близостью опасности, чувствуя на себѣ глаза тысячной толпы, онъ впадаетъ въ то состояніе, въ которое впадали скандинавскіе «берсеркеры».

Съ пожара онъ нерѣдко возвращается «на крючьяхъ» *).

Въ свободное время широкая натура трубника разгуливается совсѣмъ инымъ образомъ. Онъ пьянъ съ утра

*) Раненыхъ и убитыхъ пожарныхъ отвозятъ домой на той повозкѣ, гдѣ помѣщаются крючья.

до вчера *) и во хмелю непременно вступаетъ въ кровопролитныя баталіи съ людьми всякаго чина и званія. Когда, послѣ долгихъ усилій, удастся его завлечь въ ближайшій участокъ, онъ, послѣ долгихъ и крупныхъ объясненій со «стражей», валится камнемъ на нары и потомъ уже не показываетъ никакихъ признаковъ жизни.

Но полиція уже знаетъ до тонкости его желѣзную натуру. Чуть только прозвонилъ пожарный звонокъ, и безжизненному трубнику крикнули на ухо «пожаръ!» — совершается мгновенное чудо. Трупъ оживаетъ. Ни въ лицѣ его ни въ движеніяхъ нѣтъ и слѣда страшнаго опьяненія. Застегиваясь по дорогѣ, онъ бѣжитъ на пожарный дворъ, на бѣгу вскакиваетъ на мчащуюся повозку и опять несется въ огонь и опасность, прицѣпившись гдѣ-нибудь на подножкѣ и высоко подпрыгивая на ямахъ и пригоркахъ.

*) Трубники не дежурятъ ни на каланчѣ ни у казарменныхъ воротъ.

КВАРТИРНАЯ ХОЗЯЙКА.

Чаще всего она — вдова пѣхотнаго капитана, и потому называетъ себя штабъ-офицершей. Она толста, нечистоплотна, ходитъ цѣлый день въ широкой бѣлой ночной кофтѣ; лицо у нея красное, рѣзительное, голосъ рѣзкій, манеры и жесты воинственные. Любитъ пить кофе съ кипячеными сливками и часто раскладываетъ пасьянсъ «могила Наполеона». Сама съ удовольствіемъ ходитъ утромъ на базаръ, гдѣ давно уже, благодаря энергичности фигуры и характера, пользуется боязливымъ уваженіемъ со стороны овощныхъ торговкокъ, не признающихъ иногда авторитета даже самого городского. Въ разговорѣ любитъ употреблять иностранныя слова, а квартиранта непременно называетъ «мусью».

Когда будущій жилецъ, бѣдный студентъ, чиновникъ, приказчикъ или репортеръ, — увидѣвъ на обонномъ стеклѣ бѣлый билетикъ, заходитъ узнать условія, на которыхъ отдается квартира, онъ видитъ передъ собой не хозяйку, а ангела.

— Кровать у васъ своя есть? Нѣтъ? Ну, такъ я вамъ завтра же куплю. И матраца нѣтъ? Это ничего, ничего, — все это завтра же будетъ. Вы не думайте, что я какъ прочія хозяйки... Я, слава Богу, могу понимать положеніе... Деньги впередъ дадите?.. Мой супругъ, царствіе ему небесное, служилъ въ Н —скомъ полку... Мы че-

тыре года ротой командовали... Только три рубля?.. Ахъ, молодой человекъ!.. Знаете, я вамъ, какъ мать, скажу: дайте впередъ за мѣсяць! Потомъ сами довольны будете. А то что хорошаго? Туда, сюда, глядь, денешки и разошлись.

Въ продолженіе первыхъ дней квартирантъ положительно уничтоженъ любезностью своей хозяйки. Возвращаясь со службы или съ лекцій, онъ застаётъ ее развѣшивающей у него въ комнатѣ то кисейныя гардины, то олеографическіе пейзажи. Послѣ обѣда хозяйка скромно стучится въ дверь и появляется съ кофейникомъ и молочникомъ.

— Мусью, можетъ-быть, кофейку? — спрашиваетъ она со сладкой улыбкой. — Послѣ обѣда это очень полезно. Мой покойный супругъ, царство ему небесное, всегда любилъ послѣ обѣда побаловаться.

Она присаживается къ столу и начинаетъ занимать квартиранта безконечными рассказами изъ своей штабъ-офицерской жизни. Она была первая во всей дивизіи дама. На балахъ въ ротондѣ у нея отъ кавалеровъ отбоя не было, и однажды, изъ-за чести танцевать съ нею третью кадрили — по значенію, — вставляетъ она съ многозначительной улыбкой, — прапорщикъ Пуля вызвалъ на дуэль штабсъ-капитана Неспокойнаго... А когда она съ полкомъ выступила изъ города, то ее провожала вся мѣстная молодежь за четыре станціи. Выпито было пятнадцать дюжинъ шампанскаго, а ей каждый изъ провожавшихъ поднесъ по букету. «Двадцать шесть букетовъ и все изъ однѣхъ бѣлыхъ розъ! Каково это вамъ покажется, мусью?»

Если жилецъ занятъ вечеромъ какой-нибудь работой, хозяйка входитъ въ его комнату на цыпочкахъ.

— Занимаетесь? Вотъ это съ вашей стороны, мусью, прекрасно, что вы занимаетесь. Ну, занимайтесь, занимайтесь, занимайтесь, я не буду вамъ мѣшать. У меня

спокойно будетъ заниматься, не то, что у другихъ хозяевъ. У меня, если, на примѣръ, музыкантъ квартиру снимаетъ, ни за что не пуцу. Потому что, согласитесь, можетъ-быть, другимъ эта музыка совсѣмъ не симпатична?

Такимъ порядкомъ проходитъ дней пять, шесть, даже цѣлая недѣля. Въ одно прекрасное утро хозяйка входитъ къ жильцу, говоритъ съ нимъ о погодѣ и вдругъ, какъ будто бы вскользь, произноситъ:

— А объ чемъ я васъ, мусью, попрошу? Тамъ за квартиру еще съ васъ слѣдуетъ нѣсколько... тамъ... рублей... Такъ, можетъ-быть, вы будете такъ любезны... Ну, конечно, если только у васъ есть... Я вѣдь, слава Богу, умѣю понимать людей... Можетъ-быть, у васъ и нѣтъ въ настоящее время, но я знаю, что вы, какъ человѣкъ благородный, и все такое... Не то, что нѣкоторые (здѣсь голосъ хозяйки умышленно возвышается, и лицо обращается къ перегородкѣ, за которой живетъ очень бѣдный и очень тихій телеграфистъ), которые живутъ вотъ уже мѣсяць и до сихъ поръ даже половины не заплатили! Нѣтъ-съ! (голосъ еще болѣе возвышается). Такъ благородные квартиранты не поступаютъ. Такъ поступаютъ только жулики-съ! Да-съ!..

Въ этотъ день квартирантъ уже не получаетъ послѣдненнаго кофе.

На другое утро хозяйка, не прибѣгая къ дипломатической прелюдіи о погодѣ, прямо напоминаетъ:

— Мусью, а насчетъ того, что я васъ вчера просила?.. Такъ, пожалуйста... Вы вѣдь знаете, я бѣдная вдова, и за меня некому вступиться, а съ меня тоже хозяева спрашиваютъ. Нынче, честное слово, послѣдній рубль издержала на базаръ.

Вернувшись со службы, жилецъ застаётъ хозяйку въ своей комнатѣ: она снимаетъ гардины съ оконъ и картины со стѣнъ.

— Я вижу, мусью, вамъ не особенно это нужно,—говоритъ она, отрясая съ гардинъ пыль подъ самымъ носомъ молодого человѣка:—а у меня здѣсь квартирантъ новый нанялъ комнату... такъ вотъ, хочу ему...

Новый квартирантъ даетъ о себѣ скоро знать. Вечеромъ, когда старый жилецъ садится за изученіе лекцій по римскому праву или за повѣрку кассовой книги, изъ сосѣдней комнаты нежданно раздаются крики грудного младенца, крики тягучіе, пронзительные, гнусавые... Крики восходятъ вверхъ по хроматической гаммѣ, спускаются внизъ, продѣлываютъ сложные пассажи, и квартирантъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ убѣждается, что рядомъ съ нимъ поселился ученикъ музыкальнаго училища по классу гобоя.

Съ этого дня требованія хозяйки уже теряютъ сплосходительный и небрежный характеръ. Она начинаетъ длинныя разсужденія на тему, что такъ благородные люди не дѣлаютъ, что она сама благородная дама и такого страннаго обращенія съ собою допустить не можетъ, что вотъ сосѣдній жилецъ — это сразу видно — человѣкъ благородный: заплатилъ деньги впередъ за мѣсяць, и она къ нему никакихъ претензій не имѣетъ.

Потомъ неисправный квартирантъ, противъ желанія, слышитъ черезъ тоненькую перегородку, какъ въ комнатѣ гобоиста звенятъ послѣ обѣда ложки и стаканы, и какъ хозяйка резонируетъ въ повышенномъ тонѣ о нѣкоторыхъ, которые вотъ уже цѣлый мѣсяць, и т. д.

Случается, что немилости хозяйки подвергаются всѣ жильцы одновременно, причемъ всегда составляетъ исключеніе какой-то таинственный мужчина высокаго роста, съ большими черными усами и въ ботфортахъ, живущій на хозяйской половинѣ и цѣлый день фальшиво насвистывающій арію: «По на прас ну, юнкеръ, ходишь». Этотъ таинственный незнакомецъ иногда прибавляетъ къ сентенціямъ хозяйки и свой внушительный басъ:

— Это вы вѣрно, сударыня. Такъ только мерррзавцы могутъ поступать, а не благородные люди.

Въ одно прекрасное утро дѣйствія хозяйки сразу принимаютъ рѣшительный характеръ. Она не входитъ, а врывается въ комнату неисправнаго квартиранта и начинаетъ громко, съ драматической жестикуляціей доказывать, что она имѣетъ свое полное право, что она женщина бѣдная, но благородная, что она не хочетъ держать разной голи. Во время ея монолога изъ-за дверей раздается сочувствующій басъ незнакомца съ черными усами:

— Да чтò вы, сударыня, съ этими шерамыжниками разговариваете? Въ шею ихъ гоните, и дѣло съ концомъ... Только нервы свои разстраиваете понапрасну.

Черезъ два дня послѣ новаго объясненія, хозяйка, какъ буря, стремится въ кухню, и оттуда слышится ея зычный голосъ:

— Гапка, ступай, вынь у этого прохвоста вьюшки изъ трубы! И чтобы больше групку ему не топить!..

Гапка входитъ въ комнату жильца самымъ сенсационнымъ образомъ, громко шлепая ногами и особенно нагло вертя толстыми бедрами. Вытащивъ съ грохотомъ изъ трубы вьюшки, она съ такой же помпой исчезаетъ.

Возвратившись въ этотъ день домой позднимъ вечеромъ, квартирантъ, по обыкновенію, робко нажимаетъ звонокъ. Дверь тотчасъ же съ трескомъ распаивается, и изъ нея послѣдовательно вылетаютъ: сначала чемоданъ квартиранта, потомъ его подушка, обернутая одѣяломъ, и наконецъ узелокъ съ бѣльемъ, причемъ въ отверстіе двери квартирантъ видитъ свою хозяйку въ ночной кофтѣ, со свѣчой въ рукахъ, и таинственнаго незнакомца въ одномъ бѣльѣ. Послѣ всего, къ ногамъ несчастнаго квартиранта летитъ его документъ, и густой басъ незнакомца злорадно произноситъ: «Вотъ теперъ попляши-ка на мо-

розѣ-то!» Дверь съ такимъ же трескомъ захлопывается, какъ и отворилась...

Если же, не дождавшись такого непріятнаго окончанія, квартирантъ какъ-нибудь умудрится заплатить деньги, обращеніе хозяйки мгновенно измѣняется.

— Вы не думайте, мусью, что я вамъ хочу непріятность сдѣлать, когда о деньгахъ напоминаю. Но вы понимаете? Я женщина бѣдная, вдова, — долго ли меня обидѣть? Повѣрите ли: сегодня послѣдній рубль на базаръ издержала. Вотъ только вы и помогли, дай Богъ вамъ здоровья.

БОСЯКЪ.

Въ Петербургѣ его называютъ «вяземскимъ кадетомъ», въ Москвѣ — «золоторотцемъ», въ Одессѣ — «шарлатаномъ», въ Харьковѣ — «ракломъ».

Въ Кіевѣ имя ему — «босякъ».

Жалкая фигура съ зеленымъ, опухшимъ и лоснящимся лицомъ, украшеннымъ синяками и «кровоподтеками», съ распухшимъ носомъ, отливающимъ фіолетовымъ цвѣтомъ, съ потрескавшимися сипими губами... Голова уходитъ въ приподнятыя кверху плечи, руки плотно прижаты къ трясущемуся на морозѣ тѣлу, тщетно стараясь его обогрѣть и въ то же время запахнуть расходящіяся полы одежды, поги—одна въ калонѣ, другая въ зіяющей ботинкѣ—полу-согнуты и стучать колѣномъ о колѣно... Вотъ внѣшній видъ босяка, видъ, къ которому, для полноты картины, необходимо еще прибавить «нѣчто», надѣтое на туловище, весьма похожее на женскую кацавейку, висящее длинной грязной бахромой на рукавахъ и заплатанное на груди и спинѣ случайными кусками брезента или выцвѣтшаго байкового одѣяла...

Лѣтомъ босяку живется лучше и привольнѣй, сравнительно съ зимою. Даровой ночлежъ всегда готовъ для него или въ кустахъ по берегу Днѣпра, или въ Царскомъ саду, гдѣ подъ густой тѣнью вѣковыхъ липъ можно найти уголокъ, недоступный для зоркихъ полицейскихъ глазъ.

И работа всегда найдется лѣтомъ для босяка, потому что хозяева барокъ, пристающихъ къ Кіеву, нуждаются постоянно въ рабочихъ рукахъ для разгрузки товара. Приходя рано утромъ на пристань, вся босая команда соединяется въ плотную, дружную артель. Одного, наиболѣе вліятельнаго въ ихъ средѣ, самаго грамотнаго, босяки избираютъ своимъ счетоводомъ, казначеемъ и отчасти даже распорядителемъ. Онъ уже не работаетъ со всѣми, а стоитъ на берегу съ записной книжкой въ рукахъ и принимаетъ отъ работающихъ товарищей вырученныя ими деньги. По окончаніи работъ вся накопившаяся у казначея сумма дѣлится аккуратно между членами артели или съ общаго согласія дружно пропивается въ ту же ночь. Расчетъ ведется самымъ тщательнымъ образомъ, и никому изъ босяковъ не придетъ въ голову утаить хотя незначительную часть выручки. Дѣйствія артели основаны на строжайшемъ взаимномъ контролѣ и на честности, гарантированной двумя дюжинами крѣпкихъ кулаковъ. Говорятъ, что въ удачные дни заработокъ босяка простирается до трехъ рублей. Посторонній работникъ, знакомый съ правами босой команды, никогда не рискнетъ конкурировать съ артелью.

Зато зимою босяку приходится очень туго, лишь изрѣдка наворачтывается дешевая работишка въ родѣ рубки дровъ или очистки снѣга. Очень часто у него нѣтъ пяточка для ночлежнаго дома, а въ бесплатныя пріюты такъ много охотниковъ, что они еще задолго до открытія воротъ пріюта стоятъ около нихъ густою толпою. Хорошо еще, если почная темнота и безпечность зазѣвавшагося дадутъ босяку возможность проскользнуть въ чужой дворъ, устроиться на ночь въ пустомъ сараѣ. Въ противномъ случаѣ ему приходится бродить по улицамъ, согрѣвая свое дрожащее тѣло у костровъ, если они зажжены.

Конечно, «кутузка» въ этихъ тяжелыхъ обстоятель-

ствахъ является желательнымъ и наилучшимъ исходомъ.

Зимою, подъ давленіемъ нужды, босякъ волей-неволей обращается къ двумъ побочнымъ промысламъ: нищенству и воровству.

Воруеть онъ, конечно, очень неловко. У него нѣтъ ни дерзости ни навыка профессиональнаго мазурика, и потому на первомъ же, по крайней мѣрѣ, на второмъ дебютѣ онъ попадаетъ въ руки полиціи. Нищенствуетъ же онъ гораздо успѣшнѣе, хотя и это ремесло требуетъ ловкости и своеобразныхъ техническихъ знаній.

Особенно благопріятна для нищенства суббота. Этотъ день богобоязненные лавочники; въ силу освященнаго давностью времени обычая, посвящаютъ раздачѣ нищимъ мѣдныхъ денегъ и залежалыхъ съѣстныхъ припасовъ. Съ самага ранняго утра въ субботу кievскія улицы наводняются такимъ множествомъ хромыхъ, слѣпыхъ, безрукихъ, одѣтыхъ въ страшныя лохмотья субъектовъ, что незнакомый съ обычаемъ наблюдатель только диву дается. Правда, вечеромъ въ тотъ же день половина этихъ калѣкъ какимъ-то чудомъ выздоравливаетъ въ «Зеленомъ кабинетѣ» или въ «Свиданіи друзей». Слепые прозрѣваютъ, и хромые, откинувъ костыли и развязавъ согнутую ногу, откалываютъ трепака.

Иные, прося милостыню, бьютъ на оригинальность, прибѣгая или къ возвышенному слогу, или къ наивно-безстыдной откровенности. «Господа почтенные, — обращается босякъ къ подгулявшей компаніи: — пожертвуйте пятакъ на выпивку бѣдному учителю, изгнанному изъ службы за многочисленныя пороки». Если же онъ бывшій офицеръ, то непременно прибѣгнетъ къ французскому языку: «доне келькшозъ пуръ поврѣ офисье». Есть такіе, которые произносятъ импровизированныя рѣчи. «Господа филантропы! Обратите вниманіе на мое исключительное

бѣдственное положеніе. Получалъ когда-то 100 руб.— пьянствовалъ, получалъ 25 — пьянствовалъ. Теперь я, какъ видите, босякъ—и все-таки пьянствую. Да здравствуетъ босая команда!»

Не такъ давно одинъ субъектъ мрачнаго вида и внушительнаго тѣлосложенія практиковалъ еще болѣе оригинальный способъ. Онъ на людной улицѣ подходилъ къ какому-нибудь хорошо одѣтому господину, провожавшему даму, и говорилъ ему съ таинственнымъ видомъ:

— Мусью, на два слова.

И когда недоумѣвающей прохожій, оставивъ свою даму, отходилъ въ сторону, босякъ самымъ рѣшительнымъ тономъ высказывалъ категорическій ультиматумъ:

— Рупь или въ морду!

Въ публикѣ почему-то укоренилось мнѣніе, что среди босой команды влачатъ свое жалкое существованіе бывшіе богатые помѣщики, гусарскіе офицеры, чуть ли даже не бывшіе ученые, которыхъ заставила такъ низко упасть слабость къ спиртному. Безъ сомнѣнія, эти слухи весьма преувеличены, однако въ нихъ есть доля правды: почти всегда между босяками есть пять-шесть человѣкъ, бывшихъ когда-то учителями, армейскими капитанами, подающими надежды музыкантами... Но большинство членовъ босой команды все-таки составляется изъ пропи- вшихся мастеровъ и подгороднихъ крестьянъ, дошедшихъ, вслѣдствіе безработицы, лѣности или пьянства, до ночлежнаго дома.

Въ босой командѣ есть и женщины, жалкія, бессмысленныя созданія, влачація жизнь между кабакомъ и больницей... Въ 25 лѣтъ онѣ выглядываютъ пятидесятилѣтними старухами. О нихъ мы говорить не будемъ.

В О Р Ъ.

Свѣдущее лицо, то-есть учитель, или — какъ онъ зовется на воровскомъ argot — «мазъ», очень скоро и безошибочно опредѣляетъ, къ какой именно изъ болѣе узкихъ отраслей своей спеціальности способенъ ученикъ. Направленіе ума, свойства души, наружность, наконецъ даже тѣлосложеніе ученика ясно говорятъ, будетъ ли онъ «марвихеромъ», или «скачкомъ», или «бугайщикомъ», или «блакатаремъ», или аферистомъ.

«Марвихеръ» — это воръ, занимающійся исключительно карманными кражами.

Онъ невеликъ ростомъ, худощавъ, ловокъ и быстръ въ движеніяхъ. Одѣвается какъ средней руки мѣщанинъ или зажиточный рабочій (за послѣднее время между «марвихерами» вошли въ моду короткіе мохнатые бушлаты изъ свѣтло-желтаго драпа). По натурѣ трусливъ, любитъ «звонить» (болтать, хвастаться) и на крупныя предпріятія, благодаря этимъ качествамъ, вовсе не приглашается. На «дѣло» «марвихеръ» никогда не идетъ одинъ, а беретъ съ собою помощника или помощницу, большею частью подругу сердца, которая называется «марвихершей». Свѣчные ящики въ церквахъ — излюбленное мѣсто, около котораго эта компанія являетъ искусство рукъ. «Стырить» кошелекъ изъ пальто растерявшейся въ тѣснотѣ дамы — для опытнаго карманщика дѣло одной минуты. Еще быст-

рѣе передается этотъ кошелекъ въ третьи, четвертыя и пятыя руки, такъ что на случай обыска «марвихерь» можетъ съ легкимъ сердцемъ выражать свое благородное негодование. Многолюдныя гулянья и зрѣлища также посѣщаются «марвихерами».

Но, чтобы «дѣло» вышло «клевое», т.-е. удачное, они стараются работать навѣрняка, т.-е. сначала выслѣдить «карася» въ моментъ, когда онъ платитъ и мѣняетъ деньги, и удостовѣриться, въ какой карманъ онъ ихъ положить. Затѣмъ остается только стиснуть со всѣхъ сторонъ намѣченную жертву или завести съ ней общую драку, во время которой и очищается «кайстра» (мѣшокъ, карманъ, кошелекъ и касса одинаково называются этимъ техническимъ терминомъ). Разказы о томъ, что своихъ учениковъ воры заставляютъ практиковаться сначала на манекенахъ, увѣшанныхъ звонками, преувеличены, — по крайней мѣрѣ, по отношенію къ кievской ассоціаціи. Просто-напросто, «мазь» пускаетъ ученика на дѣло одного, а самъ издали слѣдитъ за нимъ, критикуетъ его работу и, въ случаѣ надобности и возможности, подаетъ помощь... Окончательную же шлифовку «марвихерь» получаетъ въ «гостиницѣ» (тюрьмѣ), гдѣ разказы о ловкихъ «дѣлахъ», обратясь въ легенды и преданья, съ уваженіемъ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Нечего и говорить о томъ, что «марвихеры», какъ и прочіе воры, выработали свой собственный условный языкъ. Такъ, напримѣръ, часы у нихъ называются «стукалы», сапоги — «коньки», панталоны — «шкары», манишка и галстукъ — «гудокъ», сыщикъ — «лягавый», городской — «барбось», тюремный надзиратель — «менто», военный — «масалка» и т. д.

У воровъ есть и свои собственныя пѣсни, навѣяныя тюремными музами. Пѣсни эти говорятъ, большею частью, о судѣ и о горькой участи «мальчишки», отправляюща-

гося на каторгу. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, поется о томъ, что

Судей сберется полкъ,
Составить свое мнѣніе
И скажетъ, что я воръ,
Сослать на поселеніе.
Защитникъ у глазахъ
Обрѣжетъ прокурора
И скажетъ, что нельзя
Его считать за вора.

И тутъ же неожиданно глупый припѣвъ:

Всегда, всегда съ утра и до утра.

Другая пѣсня, съ очень трогательнымъ мотивомъ, похожимъ на похоронный маршъ, чрезвычайно популярна. Она начинается такъ

Прощай, моя Одесса,
Прощай, мой карантинъ,
Насъ завтра отвозятъ
На островъ Сахалинъ.

И припѣвъ, печальный, почти рыдающій припѣвъ:

Погибъ я, мальчишка, погибъ навсегда.
А годы проходятъ, проходятъ лѣта.

Однако мальчишка вовсе не заслуживаетъ этого сожалѣнія, потому что дальше очень подробно перечисляются его прежніе подвиги:

Зарѣзалъ мать родную,
Отца я убилъ,

и опять: «Погибъ я, мальчишка...»—и такъ далѣе до безконечности, куплетовъ что-то около сорока.

За «марвихеромъ» слѣдуетъ лицо высшей категоріи—«скокъ», иначе—«скачокъ» или «скѣкцеръ». Его специальность—ночныя кражи черезъ форточки и двери, отворяемыя при помощи отмычекъ. «Скачку» не надо обла-

дать художественной ловкостью «марвихера», но зато его дѣло требуетъ несравненно большей дерзости, присутствія духа, находчивости и, пожалуй, силы. «Скачокъ» никогда не упускаетъ изъ виду, что неловкость или случай могутъ натолкнуть его во время работы на человѣка, готоваго «надѣлать тарараму» («тарарамъ» означаетъ шумъ, скандалъ). Потому всякій «скачокъ» не расстаётся съ ножомъ, который на воровскомъ жаргонѣ называется очень разнообразно: «перомъ», «хомкой», «жуликомъ» и другими именами. По большей части «скачокъ»—бывшій слесарь, и наружность его долго сохраняетъ слѣды, налагаемые его прежней профессіей. На дѣло «скачокъ» рѣдко идетъ въ одиночку; ему необходимо, чтобы кто-нибудь «стремилъ» (стерегъ, наблюдалъ) въ то время, когда онъ работаетъ. Стоящій на стремѣ, или по-кіевски*) «штемпъ», выбирается изъ второстепенныхъ воришекъ, неспособныхъ къ отвѣтственнымъ подвигамъ или не успѣвшихъ еще зарекомендовать себя. Почувявъ опасность, «штемпъ» даетъ условный сигналъ. Большею частью онъ кричитъ: «шесть!» или «зекъ!», иногда же сигналъ состоитъ изъ свистка или покашливанія, смотря по обстоятельствамъ. За свои услуги «штемпъ» получаетъ изъ «дувана» (добычи) самое мизерное вознагражденіе. Замѣтимъ, кстати, что «скачокъ» производитъ кражи почти всегда при помощи прислуги «карасей», и гораздо чаще женской, чѣмъ мужской, обязанность которой заключается въ «подводкѣ», т.-е., инымъ словомъ, въ приуготовленіи дѣла.

Спеціальность «бугайщика» не такъ опасна, какъ спеціальность «скачка» или «марвихера», и требуетъ несравненно менѣе наглости и физической ловкости.

*) Говоримъ „по-кіевски“ потому, что многіе термины, какъ, напр., „стремить“, „жуликъ“ и др., повсемѣстны, а нѣкоторые принадлежатъ только кіевскому воровскому языку.

«Бугайщикъ» работаетъ не руками, а головой и языкомъ. Онъ спекулируетъ на человѣческой глупости, довѣрчивости и жадности. Самый излюбленный пріемъ «бугайщиковъ» состоитъ вотъ въ чемъ. Намѣтивъ на улицѣ «карася», одинъ изъ нихъ идетъ впереди его и, какъ будто бы нечаянно, роняетъ какой-нибудь предметъ — медальонъ, брошку, кольцо или что-нибудь въ этомъ родѣ. «Карась» нагибается и поднимаетъ этотъ предметъ, но его тотчасъ же хватаетъ за руки другой «бугайщикъ», идущій за нимъ слѣдомъ, и требуетъ «честнаго дѣлежа», а въ противномъ случаѣ угрожаетъ «скричать городского». Карась волей-неволей подчиняется требованію. Тогда «бугайщикъ» увлекаетъ его въ «свой» полутемный трактиръ, гдѣ и получаетъ съ него деньгами половину стоимости брошки, причемъ экспертомъ въ оцѣнкѣ является «сторонній», незнакомый яко бы ни тому ни другому посѣтитель, т.-е. третій «бугайщикъ». Въ концѣ концовъ, конечно, найденная драгоцѣнность оказывается мѣдянкой, со стеклами вмѣсто камней, а то и просто шпильмаркой. Также охотно занимаются «бугайщики» и продажей фальшивыхъ ассигнацій въ видѣ такъ называемыхъ «куколъ», т.-е. пачекъ простой бумаги, сверху и снизу которыхъ лежатъ настоящіе кредитные билеты. Такая «кукла» всовывается простаку за приличную плату.

Изъ сказаннаго ясно, что работа «бугайщика» заключается въ томъ, чтобы «забить баки» «карасю», «наморочить ему голову». Но «бугайщики» всегда дѣйствуютъ по избитымъ, опредѣленнымъ шаблонамъ. Изобрѣтателемъ и творцомъ новыхъ кунштюковъ является «аферистъ».

«Аферистъ» *) — это пышный, великолѣпный цвѣтокъ

*) Читатели дальше увидятъ, что выраженіе „аферистъ“ на языкѣ воровъ имѣетъ значеніе, весьма различающееся съ общепринятымъ.

воровской профессіи. Онъ одѣвается у самыхъ шикарныхъ портныхъ, бываетъ въ лучшихъ клубахъ, носитъ громкій (и, конечно, вымышленный) титулъ. Живетъ въ дорогихъ гостиницахъ и нерѣдко отличается изящными манерами. Его продѣлки съ ювелирами и банкирскими конторами часто носятъ на себѣ печать почти геніальной изобрѣтательности, соединенной съ удивительнымъ знаніемъ человѣческихъ слабостей. Ему приходится брать на себя самыя разнообразныя роли, начиная отъ посыльнаго и кончая губернаторомъ, и онъ исполняетъ ихъ съ искусствомъ, которому позавидовалъ бы любой первоклассный актеръ. Слушая или читая о продѣлкахъ Шпейера, Корнета Савина, Золотой Ручки и другихъ знаменитыхъ «аферистовъ», которые выказывали сплошь да рядомъ такую страшную силу воли, такой недюжинный умъ и такую смѣлость, поневолѣ задумаешься надъ тѣмъ, какую пользу принесли бы обществу эти люди, если бъ ихъ качества были направлены въ хорошую сторону...

Описывая различныя категоріи кіевскихъ воровъ, мы упустили изъ виду нѣкоторыя интересныя спеціальности. Такъ, на примѣръ, воръ, занимающійся исключительно кражей со взломомъ, называется «шниферомъ», а самое его занятіе — «шнифомъ». Нечего и говорить о томъ, что профессія «шнифера» сопряжена со значительной ловкостью и нахальствомъ, вслѣдствіе чего къ «шниферамъ» относятся съ уваженіемъ какъ вся воровская ассоціація, такъ и тюрьма, гдѣ «шниферъ» считается почетнымъ гостемъ.

Есть воры, промыселъ которыхъ состоитъ въ томъ, что они «ходятъ на доброе утро», т.-е. забираются по утрамъ въ гостиницы, какъ будто бы разыскивая знакомыхъ. При этомъ они заходятъ послѣдовательно во всѣ номера, покамѣстъ не найдутъ оставленнаго легкомыслен-

нымъ «пассажиромъ» и незапертаго номера. Застигнутые на мѣстѣ дѣйствія, они извиняются, ссылаясь на то, что ошиблись дверью... Вору этого разряда, для того, чтобы не возбуждать преждевременнаго подозрѣнія, одѣваются почти прилично.

Здѣсь уже кстати будетъ упомянуть о «христославкахъ». Они собираются на рождественскихъ праздникахъ въ небольшія компаніи и ходятъ по домамъ «со звѣздой», выискивая удобный случай стянуть въ передней пальто или калоши. Этотъ промыселъ не требуетъ никакого искусства, и занимаются имъ только начинающіе артисты.

Гораздо опаснѣе такъ называемыя «хиписницы» («хиписъ» вообще значить — кража), или «кошки». Онѣ ходятъ по магазинамъ во время распродажъ и окончательныхъ ликвидаций и, пользуясь толкотней, всегда находятъ возможность прицѣпить къ изнанкѣ ротонды штуку матеріи или мотокъ кружевъ. Также «кошки» не брезгаютъ и тѣмъ, чтобы соблазнить какого-нибудь уличнаго селадона, напоить его до положенія ризъ и потомъ обобрать при помощи постояннаго друга сердца, который на ихъ жаргонѣ называется «котомъ». Впрочемъ, здѣсь мы подходимъ уже къ весьма интересному міру сутенеровъ, или, по-кіевски, «зуктеровъ», о которомъ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Когда воръ «отконалъ» (окончилъ) дѣло, то на сцену является новое и чуть ли не самое важное въ воровской профессіи лицо — «блакатарь», т.-е. покупщикъ и укрыватель краденаго. Каждому порядочному мошеннику извѣстно, что о всякой болѣе или менѣе крупной кражѣ потерпѣвшій тотчасъ же сообщаетъ полици, и «лягавые» особенно тщательно начинаютъ слѣдить за ломбардами и магазинами, принимающими въ ломъ драгоценныя металлы. Волей-неволей приходится итти къ «бла-

катарю», который, по-своему добросовѣстно оцѣнивъ вещь, выдаетъ за нее половину ея стоимости. Исключеніе составляютъ тѣ случаи, когда «блакатарь» самъ даетъ дѣло, т.-е. указываетъ мѣсто и сообщаетъ всѣ необходимыя для воровъ свѣдѣнія. Въ этихъ случаяхъ «блакатарь» выдаетъ за вещи только треть ихъ цѣны.

Всѣ «блакатари» міра соединены между собою на подобіе звеньевъ гигантской цѣпи. Предметъ, украденный сегодня въ Кіевѣ, черезъ два-три дня уже находится въ Петербургѣ, если не за границей. Большинство «блакатарей» для вида занимается перекупкой стараго платья или содержаніемъ трактира.

Промежуточную ступень между ворами и обыкновенными людьми составляютъ «блатные», т.-е. пособники, покровители или просто только глядящіе сквозь пальцы люди всякихъ чиновъ и званій. Сюда относятся: разнаго рода пристанодержатели, дворники, прислуга, хозяева ночлежныхъ домовъ и грязныхъ портерныхъ.

ХУДОЖНИКЪ.

Влеченіе къ «святому искусству» почувствовалъ весьма рано. Въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ разрисовывалъ углемъ заборы, вслѣдствіе чего бывалъ нерѣдко таскаемъ за уши мѣстнымъ «будочникомъ».

Потомъ растиралъ краски въ «ателье» лаврскаго маляра. Своею бойкостью обратилъ на себя вниманіе заѣзжей помѣщицы-филантропки и былъ на ея средства отправленъ обучаться живописи.

Просидѣвъ на первомъ курсѣ училища четыре года, разошелся въ мнѣніяхъ съ профессорами и вернулся въ Кіевъ, гдѣ и возлегъ съ подобающимъ почетомъ въ лонѣ мѣстныхъ талантовъ.

Взгляды свои на искусство исповѣдуетъ коротко, определенно и отрывисто:

— Рафаэль—младенецъ... Головки съ бомбоньерокъ... Пасхальные херувимы... Микель-Анджело тоже... Рибейра, Сальваторъ Роза, Ванцикъ, Тиціанъ, фламандцы и французы, итальянцы и нѣмцы — всѣ они пачкуны и кисляи... Живопись вывѣсокъ... Рембрандтъ еще туда-сюда, но и тотъ... Будущее принадлежитъ нынѣшней молодежи «съ настроеніемъ».

Про современниковъ отзывается неодобрительно:

— Профессора ничего не понимаютъ. Старье, рухлядь:

развалины... Унижаютъ искусство... Я съ ними расплевался... Айвазовскій пишетъ подносы... Клеверъ — яичницу съ лукомъ... Шишкинъ—колоссальная бездарность... «Передвижники» — это генералы, насильно захватившіе гегемонію... Глядѣть совѣстно... Блины какіе-то, а не картины... Нѣтъ-съ. Не изъ Петербурга и не изъ Москвы, а изъ Кіева возсіяетъ свѣтъ истиннаго искусства.

— Мы — импрессионисты! — восклицаетъ онъ въ артистическомъ задорѣ, и на этомъ основаніи пишетъ снѣгъ фіолетовымъ цвѣтомъ, собаку—розовымъ, ульи на пчельникѣ и траву—лиловымъ, а небо—зеленымъ, пройдясь заодно зеленой краской и по головѣ кладбищенскаго сторожа.

На выставку кіевскій художникъ посылаетъ исключительно пейзажи, уморительные пейзажи, гдѣ на первомъ планѣ торчатъ цвѣты ромашки съ чайное блюдечко величиною, а непосредственно за ромашкой виднѣется микроскопическій Днѣпръ съ неизбѣжнымъ парходомъ. Кіевскій художникъ—исключительно пейзажистъ. О рисункѣ и перспективѣ онъ знаетъ только по наслышкѣ изъ десятыхъ усть, а пейзажъ всегда можно писать тѣми сочными, небрежными и размашистыми мазками, которые служатъ несомнѣнными признаками оригинальнаго таланта. Если же посѣтителъ и встрѣтитъ случайно на выставкѣ жанръ или портретъ, то долго стоитъ передъ нимъ въ недоумѣніи, пока не рѣшитъ, что это, должно-быть, одна изъ загадочныхъ картинъ: «куда дѣлась собака колбасника?» или: «гдѣ здѣсь Наполеонъ?»

Однако публика изрѣдка покупаетъ эти «апрѣльскія утра» и «зимніе вечера». Я долго удивлялся: чѣмъ руководствуются при своихъ покупкахъ эти меценаты, и наконецъ рѣшился допросить объ этомъ одного изъ нихъ,

только-что купившаго за десять рублей полуторааршинный «разливъ Днѣпра».

— Видите ли, батенька, — отвѣчалъ добродушно меценатъ, толстый конотопскій помѣщикъ: — первое дѣло: рамка довольно приличная, а второе — это все-таки не олеографія, а масляная краска... Пусть виситъ себѣ надъ диваномъ въ гостиной... Кто же ее будетъ разглядывать-то? А видъ, все-таки, комнатѣ придаетъ...

Какъ только картина приобрѣтена, художникъ немедленно спекулируетъ на ея успѣхъ и въ тотъ же вечеръ при лампѣ пишетъ къ ней «панданчикъ». Оставляя фонъ нетронутымъ, передній планъ чуть-чуть измѣняетъ: тамъ, гдѣ были скамейки, ставитъ камень, а на мѣстѣ камня пишетъ скамейку.

Любитъ выставлять «этюды». Этюдомъ у него называется деревянная дощечка вершковъ трехъ въ квадратѣ, по ней въ длину два мазка: голубой — небо и зеленый — земля.

— Этюдъ художника — это все равно, что черновая рукопись Пушкина! — кричитъ онъ вдохновенно. — Сокровище!.. Историческій документъ!.. Въ немъ видно «настроение», виденъ «моментъ», выхваченный изъ природы, видно, какъ душа выливалась, и какъ отразился мѣръ въ творческихъ глазахъ!

Справедливость требуетъ замѣтить, что всѣ эти изліянія и моменты «съ настроеніемъ», всѣ эти историческіе документы отправляются обыкновенно съ выставки полностью на квартиру художника, гдѣ «творческіе глаза» могутъ ихъ созерцать вплоть до слѣдующей выставки.

Кіевскіе художники раздѣлились, по крайности, десятка на два или на три группы. Есть между ними общество «осенниковъ», общество «весенниковъ», «декабристовъ», «независимыхъ» и т. д. Нѣкоторыя товарищества состоятъ всего-навсего изъ двухъ человѣкъ, между которыми

все-таки существуетъ трогательное согласіе въ томъ, что художники прочихъ группъ—маляры и бездарности. Такъ же крѣпко они увѣрены, что солнце искусства взойдетъ непременно съ ихъ палитръ.

Средства къ существованію кievскій художникъ добываетъ писаніемъ образцовъ по заказу кievскихъ монастырей, и въ этомъ отношеніи такъ наловчился, что любого святого можетъ нарисовать съ закрытыми глазами.

Безпечнаго веселья, шума, артистическихъ проказъ, талантливыхъ и остроумныхъ шалостей — нѣтъ въ мастерскихъ кievскихъ художниковъ. Въ нихъ господствуетъ самое кислое уныніе, винтъ «по маленькой», профессиональное злоязычіе и услажденіе своихъ самолюбій.

— Помните вы мои «Барки въ дождь»? Каковъ колоритъ? — Да, удивительный колоритъ. — А каковы дали въ моемъ «Китаевъ»? — Чудныя дали. — А мои «Караваевскія дачи»?.. Ну-ка, пусть попытаются академисты передать эти эффекты осенняго заката. — Куда имъ, этимъ неряхамъ, этимъ ходульнымъ малярамъ!

Надо въ концѣ оговориться. Двое или трое художниковъ вырвались изъ этой инертной, бездарной среды, и теперь имена ихъ извѣстны всей Россіи.

«СТРѢЛКИ».

Существуетъ въ Кіевѣ нѣсколько полуофициальныхъ и даже совсѣмъ неофициальныхъ ночлежныхъ домовъ, называемыхъ «постоялками». Въ нижнемъ этажѣ такой «постоялки» ночуетъ обыкновенно народъ темный и оголѣлый — «босяки»; верхъ же занимается бывшими привилегированными людьми. (Впрочемъ, это подраздѣленіе не совсѣмъ точно: дѣло только въ томъ, что за ночлегъ въ нижнемъ этажѣ платится 5 коп., а въ верхнемъ — 10).

Обитатели верхняго этажа — преимущественно «стрѣлки». Такъ они и сами себя называютъ, производя это названіе отъ глагола «стрѣлять», что означаетъ — просить, или, вѣрнѣе, выпрашивать.

Въ «стрѣлковомъ клубѣ» (полу-ироническое мѣстное названіе «постоялки») живутъ бывшіе чиновники, пропавшіеся актеры, выгнанные со службы офицеры и наконецъ люди самаго неопредѣленнаго происхожденія. Всѣ они могутъ уподобить свою жизнь утлому судну среди волнъ, у всѣхъ у нихъ есть въ прошедшемъ полоса радужныхъ воспоминаній.

Большею частью «стрѣлки» обращаются къ филантропамъ не лично, а письменно. Навѣрно, каждому изъ нашихъ читателей знакомы эти кудреватые, слезоточивыя письма:

«Милостивый государь! Желалъ бы излить всѣ свои страданія, --- читаете вы строки, написанныя каллиграфи-

ческимъ почеркомъ: — облегчить наболѣвшую душу, но, конечно, вамъ уже не нова печальная повѣсть о несчастьяхъ неудачника.

«Сынъ херсонскаго помѣщика въ роли нищаго! Контрастъ поистинѣ ужасный! Обратите же вниманіе на эту печальную ситуацію и внемлите голосу погибающаго!»

Есть письма почти юмористическія, начинающіяся, напримеръ, такъ: «Хотя и въ отставку, но мужественно проливавшаго кровь на алтарь отечества, штабсъ-капитана такого-то — прошеніе»...

При этомъ отъ изобрѣтательности стрѣлка въ связи съ характеромъ благодѣтеля зависитъ, кѣмъ стрѣлокъ рекомендуетъ себя въ своемъ прошеніи: офицеромъ, дворяниномъ, хористомъ безъ мѣста и т. д. Это называется: бить на офицера, на дворянина, на учителя...

Завѣтная мысль стрѣлка — найти «хорошій адресъ», т. е. щедрую, неоскудѣвающую руку. И такія мѣста берегутся, какъ зѣница ока. «Дай скверному, неопытному стрѣлку хорошій адресъ, такъ онъ его вмигъ испортитъ, — говоритъ посѣдѣлый въ стрѣльбѣ обитатель «постоялки». — Ничего, знаете ли, нѣтъ легче, какъ превратить «хорошій адресъ» въ «избитое», «обстрѣленное мѣсто».

За указаніе «хорошаго адреса», — адреса «гуманной» личности (вообще между стрѣлками преобладаетъ слогъ возвышенный), — взымается въ пользу указавшаго треть полученной суммы. Своеобразная корпоративная честь никогда не позволяетъ въ этомъ случаѣ утаить хоть самую малую долю изъ полочки. Также платится извѣстная сумма и за составленіе письма.

Есть между «стрѣлками» субъекты, которые сами не стрѣляютъ, а занимаются только разыскиваніемъ и сообщеніемъ «хорошихъ адресовъ». У нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются довольно объемистые рукописные календари, гдѣ значатся всѣ «гуманныя личности» опредѣленнаго района,

напримѣръ, Липокъ, Подола, Старога Города или Печерска. Противъ фамиліи въ этихъ календаряхъ можно найти краткія замѣтки о семейномъ положеніи «гуманной личности», о ея приѣмныхъ часахъ, о характерѣ прислуги (въ послѣдней графъ обыкновенно стоитъ: «собака!», потому что между «стрѣлками» и прислугой рѣдко господствуютъ добрыя отношенія). Есть практическія указанія о манерѣ стрѣлка въ разныхъ мѣстахъ, — напримѣръ: только лично... ловить на улицѣ... трудно доступить... избитый адресъ... только заказнымъ, и т. п.

Стрѣлки иногда варьируютъ свою дѣятельность. Нѣкоторые изъ нихъ посылаютъ заказнымъ письмомъ вмѣстѣ съ прошеніемъ свои документы. Намъ извѣстенъ случай, когда такое заказное письмо странствовало за графомъ П. чуть ли не полгода и наконецъ, догнало его въ Парижѣ. Другіе подбрасываютъ письма въ коляски. Не такъ давно одинъ «стрѣлокъ» явился къ извѣстному въ Кіевѣ филантропу и со слезами на глазахъ просилъ денегъ на похороны жены. Просьба имѣла успѣхъ, и стрѣлокъ получилъ деньги, но каково же было его удивленіе, когда на другой день «гуманная личность» прислала на указанную квартиру катафалкъ и цѣлую погребальную процессію! Стрѣлокъ этотъ никогда не былъ женатъ.

Нельзя сказать, чтобы ремесло стрѣлка не было выгоднымъ. Въ горячее время контрактовъ искусники по этой части успѣваютъ «настрѣлять» рублей до двадцати въ день. Бываютъ даже случаи, когда щедрый благотворитель, тронутый письмомъ или слезливымъ тономъ стрѣлка, пожертвуетъ пятьдесятъ, а то и сто рублей. Казалось бы, что при такой удачѣ вовсе не трудно было бы бросить «стрѣлковый» промыселъ и заняться болѣе почетнымъ дѣломъ... Но «стрѣльба» засасываетъ людей легкостью добычи и беззаботной кочевой жизнью. Между «стрѣлками» не въ рѣдкость субъекты, изучившіе Рос-

сію не хуже любого учителя географіи, но изучившіе ее практически, во время своихъ странствованій «стрѣлковымъ порядкомъ», т.-е. гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на попутной телѣгѣ, гдѣ зайцемъ по желѣзной дорогѣ, останавливаясь тамъ день, тамъ мѣсяць, тамъ годъ, уклоняясь отъ пути, или даже совсѣмъ забывая о немъ, чтобы завернуть въ гости къ вновь отысканной «гуманной личности».

На улицѣ порядочный «стрѣлокъ» рѣдко проситъ (это дѣло уличныхъ стрѣлковъ, попросту нищихъ), а если и проситъ, то дѣлаетъ это въ оригинальной формѣ.

«Милостивый государь, — говоритъ онъ патетическимъ тономъ: — на васъ епотова шуба, а я два дня, съ позволенія сказать, не ѣлъ-съ. Одолжите полтинникъ!» Или вдругъ обращается къ прохожему, какъ будто общая ему нѣчто весьма курьезное: «Вообразите себѣ положеніе, — ни копейки денегъ и ни крошки табаку!»

Описанный нами стрѣлокъ — существо весьма безвредное. Самая большая непріятность, какую онъ можетъ причинить, — это стянуть изъ вашей гостиной чью-нибудь визитную карточку съ фамиліей «погромче», чтобы потомъ написать на ней лестную рекомендацію о самомъ себѣ, какъ объ очень достойной, но временно впавшей въ нужду личности.

«Стрѣлокъ» обыкновенно — человѣкъ веселый, общительный, со слабостью къ произведеніямъ казенной монополіи. Чтобы составить о немъ ясное понятіе, надо послушать его, когда вечеромъ, послѣ дневныхъ трудовъ, сидя на своей койкѣ, онъ болтаетъ съ товарищами по профессіи.

Тутъ можно наслушаться самыхъ удивительныхъ приключеній, своеобразныхъ характеристикъ людей и событий, почти невѣроятныхъ разсказовъ. Но, какъ и всякій охотникъ по влеченію, а бродяга по натурѣ, «стрѣлокъ» часто украшаетъ свое повѣствованіе блестками художественнаго вымысла.

ЗАЯЦЪ.

«Желаю получить пять тысячъ подъ вторую (послѣ банка) закладную. 400 десятинъ плодородной земли со всѣми усадьбами. Посредниковъ и комиссіонеровъ просятъ не являться».

Однако, несмотря на послѣднее условіе, желающій получить пять тысячъ все-таки никакъ не обойдется въ концѣ концовъ безъ зайца. Подъ тѣмъ или другимъ видомъ юркій заяцъ непременно проникнетъ къ помѣщику, и вмигъ образуется длинная цѣпь изъ посредниковъ, нужныхъ людей, свѣдущихъ человѣчковъ — въ сущности, такихъ же зайцевъ — цѣпь, начинающаяся помѣщикомъ и кончающаяся капиталистомъ. Два-три дня зайцы, высунивъ языки, рыщутъ по городу: одинъ разузнаетъ адресъ залогодателя, другой находитъ наиболѣе удобную къ нему лазейку, третій знакомитъ, четвертый ведетъ переговоры, пятый самъ не можетъ дать себѣ отчета, какую опъ роль играетъ въ этой суматохѣ, однако суетится больше всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ...

Наконецъ сдѣлка кончена, помѣщикъ получаетъ деньги, заключаетъ, при участіи шестого и седьмого зайцевъ, нотаріальную закладную и выдаетъ куртажъ, который сейчасъ же и дѣлится между всѣми звеньями цѣпи на основаніи какого-то спеціальнаго правила товарищества, непонятнаго для непосвященныхъ: кому приходится

рубль, кому два, кому десять, а кому и львиная доля въ цѣлюю сотню.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность обыкновенныхъ, такъ сказать, «полевыхъ» зайцевъ. Кромѣ нихъ есть еще порода биржевыхъ зайцевъ, которые къ своимъ собратьямъ относятся такъ же, какъ, на примѣръ, борзая собака къ дворняжкѣ: она смѣлѣе, неутомимѣе и способна на травлю даже очень крупнаго звѣря.

Этихъ хищниковъ называютъ зайцами исключительно за ихъ внѣшній видъ. Впалый животъ, поджарыя длинныя ноги, вѣчная торопливость походки и движенія, настороженныя и какъ будто бы прядающія во всѣ стороны уши, носъ, постоянно точно разнюхивающій что-то въ воздухѣ — вотъ типичныя черты зайца, конечно, большею частью еврея.

Неутомимость и выносливость зайца-еврея поистинѣ изумительны. Весь день онъ въ непрестанномъ суетливомъ движеніи, рассчитываетъ, комбинируетъ, знакомитъ, бѣгаетъ съ порученіями, обманываетъ, проситъ, страшитъ. Бѣсть онъ, какъ и всѣ евреи, очень мало, — минимумъ того, чѣмъ можетъ насытиться человѣкъ, — и все-таки это не мѣшаетъ ему никогда не терять энергіи, никогда не ослабѣвать въ упорномъ стремленіи «имѣть свой собственный милліонъ». Если неблагоприятный вѣтеръ сброситъ его въ то время, когда онъ карабкается черезъ тысячи препятствій къ завѣтной цѣли, онъ не падаетъ духомъ, а становится на ноги и опять начинается съ начала. Онъ не откажется ни отъ какого порученія, какъ бы оно ни было ничтожно, и въ то же время не побоится, имѣя въ рукахъ большія деньги, рискнуть ими самымъ отчаяннымъ образомъ.

Заяцъ славянскаго происхожденія уступаетъ во многомъ зайцу только-что описанной породы. Онъ менѣе подвиженъ, при неудачѣ раскисаетъ и имѣетъ національное тя-

готѣніе кончатъ сдѣлки въ ресторанахъ. Но зато онъ беретъ корректностью внѣшняго вида, медлительностью движеній, хорошимъ покроемъ сюртука и наиграннымъ апломбомъ. Онъ умѣетъ иногда не безъ достоинства поговорить со своимъ кліентомъ о паденіи псовой охоты, о шестой книгѣ дворянскихъ родовъ и о послѣднемъ городскомъ скандалѣ.

ДОКТОРЪ.

Интересно иногда бываетъ послушать только-что окончившаго курсъ медика (въ особенности, если онъ человѣкъ искренній и любящій свое дѣло), когда разговоръ коснется его призванія и его будущей дѣятельности. «Боже мой, Боже мой, — говоритъ онъ, въ отчаяніи хватая себя за волосы:—ну, ровнехонько ничего въ памяти не осталось. Сотни книгъ, тысячи лекцій, сотни тысячъ терминовъ, — и въ результатѣ какой-то невообразимый хаосъ въ головѣ. Даже некогда и повторить прослушаннаго въ университетѣ, потому что медицина идетъ впередъ гигантскими шагами, и просто нѣтъ возможности слѣдить за ея успѣхами. Каждый день слышишь и читаешь о новыхъ средствахъ, до сихъ поръ никому неизвѣстныхъ; узнаешь, что тѣ методы и приемы, которые только вчера считалъ послѣднимъ словомъ науки, сегодня уже сдѣлались смѣшною рутинной. Да какъ еще подумаешь, что—что ни человѣкъ, то новый, совершенно отличный отъ другого организмъ, и что поэтому отъ одной и той же болѣзни Ивана слѣдуетъ лѣчить иначе, чѣмъ Петра, такъ просто руки опускаются!»

Если этотъ горячій монологъ услышитъ старый, посѣдѣлый въ щупаньи пульса врачъ, онъ улыбнется такъ же, какъ улыбается окуренный пороховымъ дымомъ ветеранъ, когда новобранецъ передаетъ ему свои первыя боевыя впечатлѣнія.

— Какъ мнѣ пріятно, молодой collega, воскресить въ вашихъ словахъ мою юность. Всѣ мы такъ думали въ ваши годы. Это въ васъ говорить просто недостатокъ опыта. Вотъ поживите-ка съ наше да попрактикуйтесь, тогда совсѣмъ другое скажете. Опытъ, опытъ самое главное.

Вывѣсивъ у своихъ дверей мѣдную дощечку съ обозначеніемъ пріемныхъ часовъ и съ добавленіемъ, что бѣдныя принимаются бесплатно, молодой врачъ считаетъ своею священною обязанностью аккуратно и безнадежно отсиживать пріемное время.

Первый паціентъ, являющійся къ нему на квартиру, просто подавленъ его внимательностью. Никогда впослѣдствіи, сдѣлавшись знаменитостью, оцѣнивающей на вѣсъ золота каждое свое слово, этотъ врачъ не изслѣдуетъ такъ тщательно довѣрившихся его искусству особъ, какъ перваго паціента, зашедшаго къ нему потому только, что его дощечка первая бросилась въ глаза. Больной, склонный, какъ и всѣ больные (да, кажется, и большинство здоровыхъ людей), находить у себя всевозможныя болѣзни и видящій поощреніе въ чрезвычайной внимательности доктора, припоминаетъ всѣ свои болѣзненные ощущенія, даже самыя мельчайшія и мгновенныя.

— Гм... А въ спинѣ вы не чувствуете боли? — спрашиваетъ врачъ, многозначительно хмурия брови.

Больной напрягаетъ память и вспоминаетъ, что, дѣйствительно, проспавъ однажды 14 часовъ подъ рядъ на спинѣ, онъ ощущалъ въ ней нѣкоторую ломоту.

— Да, да, вотъ именно. Иногда такія странныя боли бываютъ, что просто вытерпѣть невозможно.

— Гм... А не чувствуете вы, что васъ какъ будто бы перепоясываетъ что-то?

Больной въ продолженіе двухъ или трехъ секундъ колеблется и потомъ заявляетъ нерѣшительно:

— Да; вотъ... именно... перепоясываетъ... Какъ будто бы меня кто-нибудь такъ... взялъ и затянулъ туго.

«*Tabes dorsalis*, — думаетъ про себя врачъ. — Плохая штука».

Такимъ же образомъ у пациента отыскивается наследственный аневризмъ, первые симптомы подагры, незначительныя каверны въ верхушкахъ легкихъ, сильное общенервное разстройство и много другихъ болѣзней, тогда какъ первоначально онъ жаловался исключительно на упорный насморкъ.

Въ рецептъ, который прописываетъ молодой врачъ своему первому пациенту, неизбѣжно входятъ, по крайней мѣрѣ, пятнадцать новоизобрѣтенныхъ «иновъ», и только одна *aqua destillata* оказывается въ немъ старымъ ингредиентомъ. На прощаніе пациентъ очень крѣпко жметъ руку доктора, оставляя въ ней рублевую бумажку, причемъ оба стараются не встрѣтиться глазами. Но такъ какъ пальцы молодого врача не приобрѣли еще достаточной ловкости («опытъ, опытъ—самое главное»), то бумажка падаетъ на полъ, и врачъ, покраснѣвъ, тщательно наступаетъ на нее ногой.

Но опытъ все-таки самое главное. Проходитъ годъ, другой. Въ приемной молодого врача уже дожидаются иногда по двое, по трое посѣтителей заразъ; желтыя бумажки замѣняются зелеными, несравненно искуснѣе переходящими изъ рукъ въ руку; Иванъ и Петръ, страдающіе одной и той же болѣзью, но представляющіе собою совершенно отличные другъ отъ друга организмы, сливаются въ одномъ собирательномъ лицѣ пациента, который для уменьшенія жара долженъ глотать фенацетинъ, а отъ разстройства нервовъ принимать *kali bromati*. Вскорѣ приемная оказывается тѣсною для посѣтителей. Докторъ мѣняетъ старую квартиру на новую, да кстати приобрѣтаетъ и новую дверную дощечку, на которой звя-

не врача замѣняется званіемъ доктора, а бесплатный пріемъ бѣдныхъ исчезаетъ безслѣдно. Наступаетъ тотъ періодъ, когда докторъ уже можетъ считать себя достаточно умудреннымъ опытомъ. Къ этому же времени онъ приобретаетъ характерные черты и приемы, свойственные одной изъ нижеслѣдующихъ четырехъ категорій:

1) Докторъ веселый. Большею частью специалистъ по нервнымъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Подходить къ кровати больного съ открытымъ лицомъ и дружескимъ смѣхомъ. — «Ну, чтò? Мы захворали немножко? Посмотримъ, сейчасъ посмотримъ. Ну-съ, покажите нашъ язычокъ. Язычокъ нехоро-ошъ. Желудочекъ-то у насъ, должно-быть, не въ порядкѣ? А мы его возьмемъ да и очистимъ, этотъ самый желудочекъ, чтобы онъ не шалилъ. Микстурку ему пропишемъ сладенькую».

При этомъ онъ осторожно обнимаетъ больного или гладитъ его по головѣ. Полученный гонораръ съ легонькимъ смѣшкомъ опускаетъ въ карманъ, обѣщая завтра опять заѣхать и непременно въ то же самое время.

Обыкновенно веселый докторъ бываетъ невеликъ ростомъ, съ кругленькимъ брюшкомъ. Дѣти его любятъ и слушаются. Истеричныхъ женщинъ онъ подкупаетъ своимъ участливымъ видомъ и готовностью слушать объ ихъ необыкновенно тонкихъ и впечатлительныхъ нервахъ въ связи съ ужаснымъ семейнымъ положеніемъ.

2) Докторъ женскій. Красавецъ высокаго роста, съ выхоленной черной бородой и бѣлыми мягкими руками. Въ часы пріема надѣваетъ на себя бѣлый фартукъ. Съ пациентками своими проникновенно любезенъ и знаетъ толкъ въ женскихъ туалетахъ. Постоянно окруженъ плеядой поклонницъ — такихъ же многочисленныхъ и такихъ же фанатичныхъ, какъ и поклонницы знаменитыхъ теноровъ, актеровъ, музыкантовъ и т. д. Эти психопатки любятъ въ интимномъ кружкѣ, захлебываясь отъ удовольствія,

разсказывать о томъ, какъ имъ было страшно идти къ доктору, какой докторъ обворожительный, какъ имъ стало стыдно, и какъ душка-докторъ сказалъ имъ: «Не стыдитесь. Нечего стыдиться. Докторъ не мужчина».

Гонораръ свой женскій докторъ получаетъ въ крупныхъ бумажкахъ, запечатанныхъ большею частью въ маленькій конвертъ. Въ благодарность за благополучное лѣчение, а также ко дню именинъ, непременно получаетъ отъ своихъ пациентокъ вышитыя полотенца и подушки.

Женскій докторъ всегда хорошій собесѣдникъ и сумѣетъ, если понадобится, и занять, и развлечь, и разсмѣшить больную.

3) Докторъ-пессимистъ. Сохраняетъ постоянно мрачный видъ. Осмотрѣвъ больного, страдающаго, наприимѣръ, глазами, морщится и говоритъ отрывисто:

— Трахома. Неизлѣчимая.

И, видя испугъ на лицѣ больного, считаетъ не лишнимъ нѣсколько утѣшить его:

— Но вы не беспокойтесь. Теперь наука дѣлаетъ такіе громадныя успѣхи, что лѣтъ черезъ пять, много черезъ шесть, эта болѣзнь будетъ такими же пустяками, какъ простой насморкъ.

Пациенты его побаиваются, но вѣрятъ ему.

— Чтò ни говорите, а все-таки опытный врачъ. Всегда такъ напрямикъ и скажетъ, если болѣзнь опасна. Зато, ужъ если за кого возьмется, непременно на ноги поставитъ.

4) Докторъ - спекулянтъ. Самый несимпатичный изъ всѣхъ докторскихъ типовъ. Рекламуетъ себя съ такой же безстыдной развязностью, какъ различные изобрѣтатели рекомендуютъ свои составы отъ клоповъ, мозольные пластыри и растительные элеопаты.

Призванный къ постели даже такого больного, въ близкой смерти котораго невозможно усомниться, докторъ-спекулянтъ ни на секунду не теряется.

— Пустяки! Увѣряю васъ, у меня одинъ пациентъ еще въ худшемъ положеніи находился, но я его въ недѣлю поставилъ на ноги. До сихъ поръ прекрасно себя чувствуетъ. А этого мы живо поднимаемъ. Только покажите-ка мнѣ сначала, чѣмъ это его мои уважаемые коллеги пичкали? Ну, такъ и есть! Выкиньте эту стряпню сейчасъ же за окно и дайте мнѣ бумаги и чернилъ!

Получивъ гонораръ, докторъ-спекулянтъ тутъ же, не стѣсняясь, разворачиваетъ бумажку, щупаетъ ее, чуть ли даже не смотритъ на свѣтъ и только послѣ этихъ манипуляцій рѣшается опустить ее въ карманъ. Если его пациентъ умираетъ, и родственники обращаются къ доктору съ упреками, онъ разводитъ руками съ видомъ крайняго недоумѣнія.

— Господ-да! Вѣдь я же не Богъ, наконецъ! Я принялъ всѣ зависящія мѣры, но что же сдѣлаешь противъ природы?

Кромѣ описанныхъ разновидностей, есть еще докторъ грубый (это большею частью знаменитость, или кандидатъ въ знаменитости), докторъ молчаливый, докторъ соболѣзнующій, докторъ заранѣе знающій, что ему скажутъ, и т. п.

Въ концѣ концовъ, если хорошенько разобраться, эта непринужденность, или самоувѣренность, или фамиллярновеселое обхожденіе, или грубость, или учтивость, или тонкое вниманіе — не что иное, какъ внѣшніе наигранные приемы, замѣняющіе по отношенію къ больному роль внушенія. Находятся скептики, увѣряющіе, что именно эти-то приемы и составляютъ во всемъ медицинскомъ искусствѣ единственную положительную сторону, сообщая больному увѣренность въ томъ, что онъ непременно долженъ выздоровѣть при заботахъ такого знающаго и внимательнаго врача.

«ХАНЖУШКА».

Такимъ насмѣшливымъ прозваніемъ окрестили въ Кіевѣ профессиональныхъ богомолокъ, созданныхъ молитвенными потребностями города, на всю Россію славящагося своими монастырями и святынями. Эти особы служатъ посредницами и проводницами между наиболѣе популярными отцами и схимниками—съ одной стороны и чающей благодати публикой—съ другой. Онѣ замѣняютъ для прибывшихъ откуда-нибудь изъ Перми или Архангельска купцовъ - богомольцевъ самые полные путеводители, являясь неутомимыми и словоохотливыми гидами, имѣющими вездѣ знакомство или лазейку.

Въ монастыряхъ ихъ терпятъ, отчасти какъ необходимое зло, отчасти какъ ходячую рекламу, а отецъ-экономъ нерѣдко «благословляетъ» ихъ: то медкомъ, то свѣжеиспеченнымъ хлѣбцемъ, то осетровой соляночкой. Впрочемъ, молодой монахъ, не усвоившій еще въ достаточной степени внѣшнюю степенность «ангельскаго чина», никогда не утратитъ случая, увидѣвъ ханжушку, обозвать ее «мокрохвостой» и «дармоѣдкой».

Онѣ, конечно, безукоризненно знаютъ всѣ престолы и праздники и особенно-торжественныя служенія. Имъ извѣстны дни и часы пріемовъ у святыхъ отцовъ, отличающихся либо наиболѣе строгой жизнью, либо даромъ провидѣнія, либо умѣньемъ видѣть человека «наскрозь» при исповѣди, либо еще какими-нибудь особенностями и странностями. Впрочемъ, у каждой есть свой излюблен-

ный отецъ, котораго она «обожаетъ» предпочтительно передъ прочими, состоя при немъ, такъ сказать, личнымъ адъютантомъ. За «своего» она готова перегрызть конкуренткѣ горло, если только у нихъ зайдетъ споръ о сравнительныхъ достоинствахъ двухъ отцовъ.

Есть двѣ разновидности этого типа: «ханжущка-постница» и «ханжущка-лакомка». Первая высока, необыкновенно костлява и всегда какъ будто бы наклонена впередъ; лицо у нея зеленое, длинное и хищное, съ длиннымъ щурьимъ носомъ и квадратною нижнею челюстью. Она строго блюдетъ среду и пятницу, когда не вкушаетъ вина, не ѣстъ зайца, который по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ былъ въ числѣ «семи паръ нечистыхъ», а видомъ напоминаетъ дикую кошку, 29-го августа отказывается отъ арбуза, потому что онъ, разрѣзанный пополамъ, напоминаетъ «усѣкновенную главу», и т. д. Если благодѣтели по ошибкѣ или незнанію предложить ей отвѣдать что-нибудь изъ «запрещеннаго», она тотчасъ же изображаетъ и лицомъ, и жестами, и голосомъ такой нечеловѣческой испугъ и такое обиженное негодованіе, что самимъ благодѣтелямъ становится жутко.

Ханжущка-лакомка мала ростомъ, кругла и жирна, какъ хорошо откормленный въ мясной лавкѣ котъ. Она вся проникнута добродѣтелями и набожными чувствами, и даже ея лицо, на которомъ едва видны щелочки глазъ, свѣтится маслянистымъ глянцемъ. Она, въ противность ханжущкѣ-постницѣ, не откажется ни отъ рюмки доброй старой вишневки ни отъ чашки «кофю», если только угощеніе слѣдуетъ отъ солидной и «стѣящей» компаніи. Къ закату дней своихъ она непременно приобрѣтетъ гдѣ-нибудь на Шулявкѣ или на Пріоркѣ маленькій, дикой краски, домикъ въ три окна, гдѣ желаннымъ гостемъ бываетъ здоровенный монахъ въ франтовской рясѣ.

Во всемъ остальномъ обѣ разновидности поразительно

похожи. Во-первыхъ, обѣ говорятъ необыкновенно быстрымъ полушопотомъ, причемъ произносятъ слова не только изъ себя, но и въ себя, т.-е. одновременно и произнося слова и вдыхая воздухъ, отчего получается впечатлѣніе безпрестаннаго монотоннаго журчанія. Во-вторыхъ, и та и другая косноязычатъ, картавятъ или пришепетываютъ, потому что такъ выходитъ и трогательнѣе и жалче.

Даже и костюмъ онѣ носятъ одинаковый, полупоношенный — черное платье и черный платочекъ съ бахромой на головѣ.

Другъ къ другу ханжушки относятся нетерпимо, потому что имъ волей-неволей приходится сталкиваться въ однихъ и тѣхъ же домахъ въ качествѣ рассказчицъ, приживалокъ и проводницъ благочестія. Здѣсь, вѣроятно, кромѣ опасенія конкуренціи, примѣшивается болѣе острое и тонкое чувство, — нѣчто въ родѣ взаимнаго стыда, нѣчто въ родѣ того, что испытываютъ другъ къ другу двое профессиональныхъ жрецовъ, или двое зайкъ, въ присутствіи постороннихъ глазъ.

У нихъ есть своя спеціальная терминологія и для наиболѣе излюбленныхъ «отцовъ» даже особенныя, ласкательно-интимныя прозвища.

— Такъ ты говоришь, мать моя, была нынче на служеніи? — спрашиваетъ одна ханжушка другую.

— Ахъ, была, была, матушка. Какое, я вамъ скажу, благолѣпіе! Ужъ такое благолѣпіе, такое благолѣпіе, что просто не знаешь, на небѣ ты или на землѣ!

— Въ мантияхъ служили-то?

— Въ мантияхъ, родная, въ мантияхъ. «Бутонь» предстоящимъ былъ.

— А «Пернатый» не сослужилъ?

— Сослужилъ и «Пернатый». Удостоилась я къ ручкѣ приложиться, когда къ кресту подходили. Ручки-то у него бѣленькія такія да пухленькія... ма-ассенькія, масенькія,

точно у ребеночка безгрѣшнаго... и французскіи духами надушены.

Ханжущки знаютъ про своихъ «благодѣтелей» самыя интимныя подробности и съ видомъ благочестиваго сокрушенія («какъ лукавый-то силенъ нынѣ сталъ!») переносятъ изъ дома въ домъ соблазнительныя вѣсти.

Въ кругъ ихъ обыденныхъ занятій входитъ множество мелочей. Онѣ разгадываютъ сны, лѣчатъ отъ дурного глаза, растираютъ у благодѣтелей болящія мѣста освященнымъ масломъ съ Аѳонской горы, исполняютъ всякія порученія къ сосѣднему лавочнику, съ которымъ «язычничаютъ» о тѣхъ же благодѣтеляхъ. При свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, благословеніяхъ образомъ и прочихъ обрядныхъ происшествіяхъ онѣ являются въ соотвѣтственной роли церемоніймейстеровъ. Передъ тѣмъ, какъ на отпѣваніи закрываютъ гробъ, ханжущка непременно развяжетъ и возьметъ себѣ платокъ, связывающій ноги покойнаго.—«Отъ зубовъ, батюшка, помогаетъ», — объяснить она любопытному.

Если вы хотите видѣть ханжущку во время самаго кипучаго момента ея жизни, зайдите въ лавру во время большого праздника. Вы увидите ее въ гостиницѣ, сидящей въ кругу купеческаго семейства, пьющей «съ угрызениемъ» тридцатое блюдечко чаю и рассказывающей своимъ непрерывнымъ полушопотомъ:

— А то еще показывали той странницѣ иноци аѳонстїи вздохъ святого Іосифа Аримаѳейскаго. Когда этта, значить, завѣса-то раздрася — онъ, батюшка, и воздохнулъ отъ своего сокрушеннаго сердца, а ангели святїи тотъ вздохъ и собрали въ малую скляницу, на манеръ пузырька аптекарскаго. Такъ онъ, этотъ вздохъ, въ скляницѣ и содержится, бычачьимъ пузыремъ сверху затянуть, и кто на его, на батюшку, съ вѣрою смотритъ, тому отъ зашойной болѣзли очепь даже помогаетъ.

БЕНЕФИЦИАНТЪ.

Эскизъ.

Насколько мнѣ извѣстно, въ Кіевѣ нѣтъ ни одного спеціально-игорнаго дома. Въ этомъ отношеніи, несмотря на свою американскую внѣшность, праматерь русскихъ городовъ далеко отстала отъ Петербурга, Москвы и даже Одессы. Впрочемъ, старожилы рассказываютъ, что когда-то на Соломинкѣ былъ цѣлой компаніей, во главѣ съ какимъ-то отставнымъ ротмистромъ, основанъ игорный притонъ. Однако это солидное учрежденіе недолго продолжало свои операціи; потому что своевременно было разрушено полиціей.

Съ прогрессирующимъ паденіемъ «контрактовъ» исчезнетъ даже и обыкновенный типъ ярмарочнаго шулера. дѣйствующаго въ одиночку, на собственный рискъ и страхъ, и надѣющагося единственно на «проворство рукъ», типъ господина со сдобнымъ голосомъ и мягкими ладонями, съ необыкновенно утонченными манерами, надушеннаго, съ громаднымъ солитеромъ на указательномъ пальцѣ правой руки...

Впрочемъ, любитель сильныхъ ощущеній можетъ и теперь еще вкусить прелесть карточного азарта на одномъ изъ такъ называемыхъ «бенефисовъ». Въ Кіевѣ есть де-

сятка три или четыре игроковъ, собирающихся почти ежедневно по вечерамъ для стуколки и штосса. Во избѣжаніе столкновеній съ полиціей, они постоянно мѣняютъ мѣсто своихъ сборищъ, назначая ихъ заранѣе то у одного, то у другого члена компаніи. День сборища называется на ихъ жаргонѣ «бенефисомъ», потому что приноситъ хозяину квартиры несомнѣнныя выгоды.

Собираются игроки поздно вечеромъ. Бенефициантъ предлагаетъ имъ чай, холодную закуску, водку и пиво— «сколько кто потребуетъ», какъ сказано въ условіи. Затѣмъ начинается игра, длящаяся большею частью до утра и даже по полудня слѣдующихъ сутокъ. Здѣсь уже бенефициантъ съ избыткомъ наверстываетъ затраченные на закуску и вино деньги, потому что за каждую игру картъ получаетъ по три и даже по четыре рубля. Карты же мѣняются: при штоссѣ — передъ каждымъ новымъ банкомъ, а при стуколкѣ — послѣ каждыхъ двухъ круговъ. Кромѣ того съ каждаго выигрыша бенефициантъ получаетъ 10%.

Чистая прибыль хозяина бенефиса очень непостоянна: она колеблется между 20 и 500 рублей въ одинъ вечеръ. Но самъ бенефициантъ не имѣетъ права участвовать въ игрѣ. Его обязанность — ухаживать за гостями и, въ случаѣ надобности, предупреждать ихъ о близости полиціи.

Нерѣдко на бенефисѣ появляется «карась», съ толстымъ бумажникомъ и съ наивной довѣрчивостью провинціала. Тогда члены компаніи соединяются вмѣстѣ для общей цѣли. Въ ходъ пускаются условные стуки, покашливанья и мимическіе знаки. Содержимое бумажника «карася» дѣлится потомъ самымъ честнымъ образомъ между всеми участниками «общаго» бенефиса.

Если нѣтъ «карася» — игра ведется между собою. Въ этихъ случаяхъ общество, такъ сказать, по жи-

раетъ само себя, и, благодаря неосторожному употребленію условныхъ знаковъ, игра нерѣдко кончается общей кровопролитной баталіей...

Контингентъ посѣтителей бенефисовъ — очень пестрый, чаще всего попадаютъ: мелкій чиновникъ, содержатель извозчичьей биржи, разбогатѣвшій лавочникъ, купеческій Альфонсъ и наконецъ личности загадочныхъ профессій и подозрительнаго вида.

„ПОСТАВЩИКЪ КАРТОЧЕКЪ“.

Небольшая, худосочная фигура. Блѣдное, малокровное лицо. Рыжіе усы и рыжая маленькая бородка. Очки въ золотой оправѣ. Губы толстыя, красныя и слюнявыя...

Это — поставщикъ «карточекъ», тѣхъ самыхъ «карточекъ», которыя сжигаетъ цѣлыми дюжинами почти каждый холостякъ при вступленіи въ первый законный бракъ.

Трудно повѣрить, но однако такая профессія существуетъ и — что страннѣе всего — заставляетъ людей заниматься ею, какъ призваніемъ. Представители этого рода индустріи являются въ то же время почти безкорыстными «служителями идеи».

Можетъ-быть, многимъ покажется, напримѣръ, невѣроятнымъ, что въ Кіевѣ есть люди, истратившіе цѣлыя родовыя состоянія на составленіе коллекцій порнографическихкихъ карточекъ, собранныхъ ими во всѣхъ странахъ свѣта.

Разорившись, они начинаютъ широкую торговлю предметами своей узкой спеціальности. Они прекрасно знаютъ вкусы публики. Каждому изъ своихъ кліентовъ — будь то гимназистъ или студентъ, офицеръ или штатскій человѣкъ, старикъ или молодой, они умѣютъ въ совершенствѣ угодить...

Промышленность свою этотъ господинъ обставляетъ интимной таинственностью.

— Только для васъ, — шепчетъ онъ, внушительно поднимая брови: — только для васъ! Самому не хочется разставаться съ такимъ прекраснымъ экземпляромъ... да ничего ужъ не подѣлаешь, очень вы хорошій человекъ.

Конечно, ему знакомы всѣ тонкія подробности его занятія. Онъ безошибочно, издали, отличаетъ лондонскія репродукціи отъ лейпцигскихъ и французскія отъ константинопольскихъ. Какъ мастеръ и знатокъ своего дѣла, онъ оскорбится, если ему скажутъ, что какой-нибудь изъ новыхъ «варіантовъ» незнакомъ ему. Онъ стоитъ au courant своего дѣла и внимательно слѣдитъ за его успѣхомъ.

Полиція почти никогда не трогаетъ его. «Мало ли что дѣлается въ узкомъ семейномъ кружкѣ... Вольному — воля, спасенному — рай. Никто никого не тянетъ покупать карточки!»

Въ заключеніе я долженъ сказать, что описанный нами типъ не составляетъ большой рѣдкости. Вноситъ онъ въ общество свое растлѣвающее вліяніе съ какой-то принципиальной наивной послѣдовательностью.

Одинъ знакомый мнѣ докторъ-психіатръ увѣрялъ меня, что поставщики «карточекъ» представляютъ собою весьма любопытный матеріалъ для клиническихъ изслѣдованій.

РАЗСКАЗЫ.

ПСИХЕЯ.

23-го ноября. Мнѣ каждый могъ бы задать очень простой вопросъ: для чего я опять принялся за дневникъ, который началъ и бросилъ лѣтъ пять тому назадъ? И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего смѣшнѣе мысли писать дневники и автобіографіи. Во-первыхъ, смѣшно уже то, что у всѣхъ у нихъ одинаковое начало: первымъ долгомъ сочинитель всѣми святыми божится, что пишетъ не для публики, а исключительно для своего личного удовольствія. Для того, чтобы я, молъ, уже будучи маститымъ старцемъ, убѣленнымъ сѣдинами и окруженнымъ толпою розовыхъ малютокъ, могъ опять пережить и перечувствовать то, что чувствовалъ нѣкогда цвѣтущимъ юношей, и чтобы одинокая слеза воспоминанія... или какъ это обыкновенно пишутъ въ этихъ случаяхъ? И начинаетъ гарцовать и рисоваться, да еще по дорогѣ къ этимъ почтеннымъ сѣдинамъ онъ тридцать разъ перечитываетъ свои воспоминанія, никому, кромѣ него, не интересныя, и перечитываетъ непремѣнно какому-нибудь застѣнчивому и воздушному провинціальному созданію, которое будетъ трепетать отъ наплыва неизвѣданныхъ ощущеній и потихоньку до слезъ зѣвать въ платокъ. Какъ это, ей-Богу, гадко, что самые умные люди готовы смаковать свои личныя мелочно-интимныя ощущеньица и находить въ нихъ особенный вкусъ и толкъ!

Что касается меня, то дневникъ этотъ мнѣ чрезвычайно важенъ, и читать я его никому уже, конечно, не буду.

Сегодня докторъ сказалъ мнѣ, что при томъ образѣ жизни, который я веду послѣдніе три года, т.-е. при постоянныхъ голодовкахъ, бессонницахъ и непосильной, почти лошадиной работѣ, у меня можетъ произойти переутомленіе нервной системы. Какъ этотъ модный докторъ ни миндальничалъ за мои кровные пять рублей (онъ даже совѣтовалъ мнѣ въ Крымъ ѣхать для развлеченія, а мнѣ не на что калошъ себѣ купить!), однако я очень хорошо понималъ, что мнѣ грозитъ сумасшествіе. Тѣмъ болѣе, что всѣ мои почтенные предки были страстными алкоголиками и безумцами. Въ эту тетрадь я буду записывать всѣ свои мыслишки до тѣхъ поръ, пока не замѣчу уже слишкомъ явныхъ несообразностей. А тогда... Тогда либо въ больницу, либо, если хватить воли, пулю въ лобъ.

26-го ноября. Чья это несправедливость? Я безусловно обладаю сильнымъ и оригинальнымъ талантомъ; передъ собой-то мнѣ ужъ рисоваться не зачѣмъ. Въ этомъ убѣжденіи меня укрѣпляетъ, конечно, не золотая медаль, присужденная мнѣ академическимъ совѣтомъ, съ которымъ я имѣю основаніе расходиться во взглядахъ на искусство, и не отзывы газетныхъ критиковъ. Я уже не мальчикъ и умѣю оцѣнить все это по достоинству, потому что «людская честь безсмысленна, какъ сонъ». Но я чувствую въ себѣ присутствіе мощнаго, напряженнаго творчества, взглядъ мой быстро и точно улавливаетъ мельчайшія детали предметовъ, наконецъ мнѣ никогда еще не приходилось насиловать своего воображенія, чѣмъ такъ страдаютъ художники въ погонѣ за темами. Исполнскія мысли, одна другой смѣльѣе и оригинальнѣе, такъ переполняютъ мою голову, что мнѣ иногда становится за нее страшно. Но, что всего важнѣе, я во время про-

песса-творчества, точно въ религіозномъ экстазѣ, ощутительно познаю въ себѣ сладкое присутствіе моего невѣдомаго бога. Голова моя пылаетъ, по спинѣ бѣгають холодныя волны, волосы мерзнутъ и шевелятся на головѣ, духъ мой ликуетъ. А насмѣшливая судьба, точно нарочно, поставила меня въ грустную невозможность воплотить до конца хоть одинъ изъ этихъ дорогихъ мучительныхъ образовъ. Погоня за кускомъ насущнаго хлѣба несовмѣстима со свободнымъ творчествомъ! Приходится съ опасностью для жизни и разсудка лавировать между мечтами и славой и перспективой голодной смерти. Голодъ—самая плохая пища для вдохновенія. Но вѣдь не могу же я съ моимъ неудержимымъ полетомъ фантазіи, съ тѣмъ внутреннимъ кипѣніемъ, которое меня изнуряетъ, не могу же я сдѣлаться писаремъ или сапожникомъ!!

27-го ноября. Сегодня какъ разъ я окончилъ двѣнадцатаго Пушкина. Я такъ наловчился ихъ лѣпить, что могу работать съ закрытыми глазами, и всѣ они похожи одинъ на другого, какъ близнецы. Пушкиныхъ теперь охотно разбирають, по случаю какого-то пятидесятилѣтія, но хозяинъ магазина, куда я поставляю статуэткі, недоволенъ моей работой. «У васъ, — говоритъ онъ сурово: — нѣтъ совсѣмъ разнообразія, намъ нужны разные серіи. У публики пестрые вкусы».

Меня иногда схватываетъ тошнота при мысли, что приходится размѣниваться на эту черную поденную работу. Я съ ужасомъ вижу, какъ послѣ недѣли работы надъ инымъ надгробнымъ бюстомъ въ профиляхъ моихъ античныхъ борцовъ начинаютъ появляться тяжелыя, геморoidalныя черты, напоминающія лицо начальника департамента или купца первой гильдіи. Но что же дѣлать, если десять-двадцать рублей позволяютъ мнѣ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца быть хозяиномъ моего вдохновенія?

28-го ноября. Почему-то принято всеми, что пьяный человекъ близокъ къ идиотскому состоянію. Поразительно невѣрное заключеніе! Я долженъ, между прочимъ, сознаться, что пить водку вошло для меня въ привычку именно на этой проклятой квартирѣ, которую хозяйка изъ экономіи и благодаря моей неаккуратности почти всеѣмъ не топить. Сначала я ограничивался двумя или тремя рюмками, чтобы согрѣться, но потомъ это количество перестало меня удовлетворять. Теперь я пишу почти пьяный. Мысль работаетъ страшно сильно и притомъ съ удивительной точностью: постигаетъ такія тонкія подробности своихъ ощущеній, которыя трезвый умъ непременно выпустить изъ виду.

Только вотъ языкъ и ноги не повинуются, и глаза плохо слушаютъ: именно все предметы теряютъ рѣзкія очертанія и какъ будто засыпаны пескомъ. Но это ничего не значитъ: извѣстно, что многіе великіе мастера создавали свои безсмертныя произведенія въ томъ самомъ состояніи, въ которомъ я теперь нахожусь. Я хотѣлъ сегодня работать: у меня есть въ виду одна важная вещь, но пролежалъ на томъ собачьемъ ложѣ, которое хозяйка зоветъ кушеткой, и мечталъ о славѣ.

29-го ноября. Я проснулся ровно въ полдень со страшною головою болью. Станный сонъ снился мнѣ этой ночью. Я видѣлъ себя стоящимъ гдѣ-то на окраинѣ города. По всей вѣроятности, была осень. Вѣтеръ гудѣлъ въ телеграфныхъ столбахъ; мелкій, но необыкновенно частый и холодный дождь застилалъ все предметы тускло-сѣрымъ покровомъ. Начинало смеркаться, и сердце мое сжималось ожиданіемъ несчастья...

Вдругъ сзади меня послышался топотъ нѣсколькихъ десятковъ лошадиныхъ ногъ. Я обернулся назадъ и увидѣлъ странное зрѣлище: десять или двѣнадцать всад-

никовъ, одѣтыхъ съ ногъ до головы въ черныя одежды, мчались попарно со страшною быстротою; на ихъ громадныхъ лошадяхъ были надѣты черныя попоны съ круглыми отверстіями для глазъ. Всадники неслись быстро, не оборачиваясь ни назадъ ни въ стороны. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ смоляной факель, который горѣлъ краснымъ, сильно коптящимъ пламенемъ. Я понялъ, что кого-то хоронять, и дѣйствительно, изъ-за угла тотчасъ же показался катафалкъ, который три пары траурныхъ лошадей везли такъ скоро, что не отставали отъ всадниковъ. Черный гробъ весь былъ заваленъ яркими пунцовыми розами. Я побѣжалъ за этой страшной процессіей и вскорѣ очутился вмѣстѣ съ ней на кладбищѣ. Это было чрезвычайно печальное мѣсто: — обнаженные деревья скрипѣли и качались, роняя на землю холодную воду; пахло сырой землею и гниющими на ней желтыми листьями.

Всадники сняли гробъ и начали опускать его въ яму, но верхняя крышка не была закрыта, и я увидѣлъ въ немъ мраморную статую, изображавшую дѣвушку необыкновенной божественной красоты. Она покоилась на ложѣ изъ яркой зеленой травы и вся сплошь была одѣта красными розами и камеліями. Не знаю самъ, какимъ образомъ, но я сразу узналъ ее — это была спящая Психея!

Я кинулся къ людямъ, опускавшимъ гробъ, и кричалъ и плакалъ, увѣряя, что лежащая въ гробу — жива; они захохотали и грубо оттолкнули меня. Но я опять пробился къ гробу, обхватилъ руками прекрасное холодное тѣло и очутился вмѣстѣ съ нимъ въ могилѣ. Сверху посыпалась земля... все больше и больше...

Наконецъ мнѣ нечѣмъ стало дышать; я хотѣлъ крикнуть, — но мой голосъ звучалъ шопотомъ; я сдѣлалъ отчаянное движеніе и проснулся.

30-го ноября. Сегодня опять день пропасть даромъ. Мои «Борцы» мнѣ вдругъ ни съ того ни съ сего опротивѣли; не могу я видѣть этихъ здоровыхъ, грубыхъ мускуловъ! Для чего же, спрашивается, въ такомъ случаѣ я ихъ съ любовью вынашивалъ цѣлые мѣсяцы, для чего ходилъ на морозовскую фабрику, гдѣ за двугривенный заставлялъ бороться фабричныхъ парней? Но зато весь день я думалъ о той дивной статуѣ, съ которой вмѣстѣ лежалъ въ могилѣ. Гдѣ же я раньше видѣлъ это прекрасное, спокойное лицо, это тѣло, нѣжное, какъ у дѣвочки, съ едва обозначавшимися формами груди, гибкое и граціозное, въ то же время наивное во всей своей наготѣ? И почему же это непременно Психея, а не Дафна или не Флора? Меня интересуеетъ психологія сна, и я много читалъ по этому предмету. Я очень хорошо знаю, что во снѣ нельзя увидѣть ничего такого, чего когда бы то ни было не видалъ въ дѣйствительности. Стало-быть, и я мою Психею долженъ былъ видѣть.

Но гдѣ же? Я перебираю въ умѣ всѣхъ классиковъ и положительно не могу припомнить. Странно-знакомое лицо, но описать его нѣтъ никакой возможности: что-то прекрасное въ высшей степени и въ то же время до-нельзя простое! Когда я хочу вызвать его въ памяти — оно не является, но, стоить мнѣ хоть на секунду задуматься о чемъ-нибудь другомъ, оно вдругъ такъ и всплываетъ передъ глазами.

2-го декабря. Я едва имѣю время, чтобы вымыть руки, перепачканныя глиною, и набросать нѣсколько строкъ въ эту дурацкую тетрадь. Вотъ уже третій день, какъ я, не отрываясь, лѣплю мою Психею. Нервы мои ожили, работа идетъ легко и быстро, и каждый вечеръ, ложась въ постель, я ощущаю состояніе полного равновѣсія ума и сердца,—состояніе, близкое къ блаженству.

Нѣкоторые ваятели изображаютъ Психею совершенно

физически-развитой женщиной: непостижимое заблужденіе! Психея — почти дѣвочка, она мала ростомъ и должна производить впечатлѣніе еще невыровнявшагося, но прелестнаго подростка, который едва начинаетъ самъ смутно и стыдливо познавать свое превращеніе изъ ребенка въ дѣвушку. Но, кромѣ этого, я сдѣлалъ еще болѣе крупное открытіе: никакое тѣло, кромѣ дѣвственнаго, не имѣетъ права быть изваяннымъ или высѣченнымъ изъ какого бы то ни было матеріала, потому что ваяніе есть самое чистое, самое возвышенное и непремѣнно самое цѣломудренное изъ всѣхъ искусствъ. Поэтому скульпторъ долженъ работать, не имѣя передъ глазами не только живой натуры, но даже и манекена, а въ особенности все губить живая натура. Ибо если къ воплощаемой въ мраморъ мечтѣ примѣшается тяжелая и грязная дѣйствительность, то мѣсто мечты заступаетъ порнографія. Не даромъ же въ нашемъ многовѣковомъ искусствѣ употребляются лишь самые простые инструменты: руки и двѣ-три деревянные палочки.

Эту тетрадь читать кромѣ меня никто не будетъ, и потому я буду говорить до конца: и Фидій, и Канова, и Торвальдсенъ, несмотря на всю мощь генія, не могли отрѣшиться отъ грубыхъ будничныхъ чувствъ въ своей личной жизни. Только тогда скульпторъ и въ состояніи сотворить великое, если онъ самъ чистъ и цѣломудренъ.

Я изображаю Психею спящей. Говорятъ, что фигуры, лежа, проигрываютъ, но меня это не останавливаетъ.

4-го декабря. Боже мой, сколько мученій, сколько адскаго труда, и ничего, ничего! Не могу никакъ вспомнить ту Психею, которую я видѣлъ во снѣ. Съ утра до вечера я работаю до одури, до истощенія, и ничего! Передо мной не спящая Психея, а пикантный сюжетецъ въ сладостной истомѣ.

Нѣтъ! Я, должно-быть, заработался; нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не снимать шесть дней подъ рядъ рабочаго халата. Попробую немного отдохнуть.

6-го декабря. Какой же это къ чорту отдыхъ? Двое сутокъ не встаю я съ дивана, и меня душитъ самый безобразный кошмаръ. Въ умѣ моемъ самымъ непостижимымъ образомъ перемѣшались событія всѣхъ дней. Порой я никакъ не могу рѣшить, происходилъ ли какой-нибудь извѣстный фактъ сегодня утромъ, или вчера, или, наконецъ, цѣлую недѣлю тому назадъ, или я читалъ о немъ въ книгѣ, или видѣлъ во снѣ.

Вообще я замѣчалъ уже не разъ, что память у меня очень быстро тупѣетъ, въ особенности съ того времени, какъ я бросилъ всѣ знакомства и почти пересталъ разговаривать вслухъ. Она, точно у старика, свѣжа еще по отношенію къ случаямъ моего дѣтства, но чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ болѣе она становится сбивчивой и туманной. Большую часть дня я сплю и вижу тысячи сновъ, и въ этихъ снахъ я также вижу себя лежащимъ на диванѣ, повторяющимъ тысячу разъ одно и то же, обыкновенно самое глупое слово, и не знающимъ, куда дѣваться отъ тоски. Эти пошлые сны такъ тѣсно переплетаются съ пошлой дѣйствительностью, что я временами долго и мучительно раздумываю: — гдѣ кончается одно и гдѣ начинается другое? Иногда я какъ будто бы отрезвляюсь и съ отчаяніемъ хочу выбраться изъ этого чертовскаго полуобморока. Хочу встряхнуться, разсѣяться хоть немного, но черезъ нѣсколько времени сонное колесо опять начинаетъ меня завораживать.

Ночь для меня ужасна! Я не сплю вплоть до разсвѣта и порой со страхомъ, порой съ удивленіемъ созерцаю громаднѣйшую вереницу картинъ, статуй, животныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ, которыя появляются пе-

редь моими глазами безъ участія моеѣ воли и уходятъ противъ моего желанія. Нѣкоторыя лица просто уродливы. Они кривляются, дѣлають страшные глаза и высовываютъ языки, и когда одно изъ нихъ уже близко подойдетъ къ моеѣ физіономіи, — мнѣ становится мерзко, точно отъ прикосновенія палача. Чтобы избавиться отъ этихъ галлюцинацій, я выпиваю нѣсколько рюмокъ водки, и мнѣ легче. Не пойти ли къ доктору?

8-го декабря. Случайно поглядѣлся нынче въ зеркало. Я не видалъ себя недѣли три и просто испугался, когда на меня глянуло длинное, зеленое, страшно исхудалое лицо съ обтянутыми, точно у мертвеца, скулами, со впалыми, окруженными чернымъ глазами. Я просто ненавижу свою наружность. Говорять, что человекъ—вѣнецъ творенія. Поглядѣли бы они на тотъ вѣнецъ, который въ настоящее время представляетъ моя персона!

10-го декабря. Сумѣю ли я передать все, что произошло сегодня ночью? До сихъ поръ еще не могу прійти въ себя отъ той массы ощущеній, которыя мнѣ пришлось пережить. Словами не выразить и сотой доли, но все-таки постараюсь рассказать все по порядку. Среди ночи я проснулся, точно кто-то назвалъ меня по имени. Это со мной часто случается, если мнѣ въ лицо слищкомъ сильно свѣтитъ луна. Вся моя комната была залита потокомъ серебряно-зеленаго свѣта и казалась совсѣмъ незнакомой, стѣны какъ будто выросли и раздalisь въ стороны, всѣ предметы высматривали странно и подозрительно. Я какимъ-то внутреннимъ чутьемъ понималъ, что сейчасъ, именно въ эту минуту должно произойти событіе громадной важности. Мой взглядъ упалъ на Психею. Она лежала на полу; ея тѣло, обложенное мокрыми тряпками и проникнутое нѣжнымъ матовымъ сіяніемъ, казалось прозрачнымъ. Машинально схватилъ я

стѣки, подошелъ къ ней и, точно повинуваясь чужому вліянію, пообозначилъ нѣсколько линій... И вдругъ я вскрикнулъ и задрожалъ отъ восторга: передо мной лежала та самая Психея, которую я видѣлъ во снѣ и дивный образъ которой такъ тщетно старался припомнить! Развѣ есть въ человѣческомъ языкѣ средства, чтобы изобразить ту бурную радость, которая поднялась въ моей душѣ!! Теперь я понялъ, отчего ея лицо казалось мнѣ такимъ простымъ и знакомымъ. Она есть тотъ прототипъ божественной красоты и гармоніи, стремленіе къ которому вложено въ душу каждаго человѣка со дня его рожденія и который человѣчество окрестило избитымъ названіемъ «идеала». Намъ, художникамъ, судьба даетъ средства постигнуть его, но до этой великой ночи всѣ мы мучительно и бесплодно гонялись только за его призракомъ. А я, я, блѣдный, некрасивый, изможденный ваятель, я достигъ того, что казалось до сихъ поръ невозможнымъ, я схватилъ это невозможное и заключилъ его въ крѣпкія, осязаемыя формы. О! Я прекрасно понимаю, что здѣсь мой талантъ ни при чемъ, и что моею рукой водилъ случай. Но, именно вслѣдствіе этого-то, никто и не долженъ, кромѣ меня, видѣть Психею, потому что, если когда-нибудь и дойдетъ человѣческое искусство до такой совершеннѣйшей степени, то развѣ черезъ десятки столѣтій. Человѣкъ раньше узнаеть и подчинить себѣ всѣ тѣ силы природы, которыя теперь его самого поработщаютъ, и когда въ концѣ концовъ доберется до послѣдняго, до этой вѣчной истины и вѣчной красоты, то онъ уже перестанетъ быть человѣкомъ. А теперь только одному Богу извѣстно, какія послѣдствія можетъ вызвать всенародное появленіе моей Психеи. Она должна столѣтія пролежать въ землѣ подобно твореніямъ древнихъ грековъ, пока не настанетъ ея время и сама судьба не извлечетъ ее, какъ свѣтильникъ, который долженъ свѣтить на горахъ.

Число не проставлено. Я не писалъ нѣсколько дней по причинѣ нестерпимой головной боли. Минутами мнѣ кажется, будто кто-то ломаетъ мой черепъ на части, и каждое движеніе причиняетъ чудовищную боль. Кстати: на послѣднія деньги я послалъ сегодня за гипсомъ.

Числа нѣтъ. Едва только въ комнатѣ стало темнѣть, я тщательно закрылъ занавѣски, зажегъ лампу и долго-долго стоялъ, безмолвно созерцая неземную красоту моего созданія. Вѣдь — что замѣчательно: все, чѣмъ только съ незапамятныхъ временъ ни увлекался человѣкъ до безумія: слава, чувственность, патриотизмъ, долгъ, честь, все наслажденія міра — все это можетъ пріѣсться и наскучить, но это восхищеніе, которое я теперь испытываю, не надоѣсть никогда! Я задаю себѣ вопросъ: что было бы, если бъ она была живой женщиной? Мнѣ кажется, ее кто-нибудь долженъ былъ бы убить, точно такъ же, какъ я черезъ нѣсколько дней закопаю ее въ землю. Но до этого времени она только моя, и красота ея принадлежитъ одному мнѣ.

Моя! Ахъ, если бы это слово не было такъ осквернено тысячами человѣческихъ вождельній! Удивительно странная моя судьба. Мнѣ теперь тридцать пять лѣтъ, и я совершенно изможденъ жизнью. Но даже во время моей первой молодости для меня не существовало обаянія женской ласки. Можетъ-быть, вслѣдствіе особенной болѣзненности организма я въ ней никогда и не нуждался. Когда женщины избѣгали всякой встрѣчи со мной, всегда отличавшимся выдающимся безобразіемъ, то это не только не оскорбляло моего самолюбія, а скорѣе радовало. Я никогда не зналъ женщины, не зналъ ни поцѣлуевъ, ни пожатій рукъ, ни влюбленныхъ взглядовъ. И вотъ, какъ будто бы удовлетворяя чувство справедливости, судьба послала мнѣ самое чистое, невѣроятно высокое счастье, которому, конечно, ничего подобнаго не испытываютъ

всѣ осквернившіеся нечистой любовью къ женщинѣ. Но это еще не все: я знаю, я предчувствую, что для меня здѣсь скрываются еще большія наслажденія, но до времени одѣты тайной! Ахъ! Теперь я закончилъ формовку въ гипсѣ, и она лежитъ передо мною ослѣпительно-бѣлая.

15-го декабря. Позабылъ въ дневникѣ проставлять числа; впрочемъ, до того ли мнѣ было. Сегодня хозяйка грустнымъ голосомъ объявила мнѣ: такъ какъ у насъ сегодня 15-е декабря, то изъ этого слѣдуетъ, что я ровно три мѣсяца не платилъ за квартиру. Бѣдная женщина, кажется, жалѣетъ меня и отчасти немножко побаивается. Впрочемъ, что же тутъ мудренаго: не даромъ же въ языкѣ простонародья названія артистъ и художникъ сдѣлались синонимами или сумасшедшаго, или жулика.

Я пишу, и меня беспокоитъ весьма странное обстоятельство: я забываю нѣкоторыя буквы, и припомнить ихъ стѣдуетъ мнѣ большого труда. Отчего это? Но это не важно! Мнѣ пришла въ голову одна очень богатая мысль. Если пословица разрѣшаетъ каждому барону имѣть свою фантазію, то кто же можетъ запретить разъ во всю жизнь побаловаться ею свободному художнику? Я придумалъ вотъ что... Не помню, писалъ ли я въ дневникѣ или нѣтъ о томъ снѣ, когда я «ее» увидѣлъ въ первый разъ въ гробу? Кажется, что писалъ! Я хочу цѣликомъ возстановить въ дѣйствительности это первое впечатлѣніе, т.-е. положить ее въ хорошій сосновый гробъ, обитый темнымъ бархатомъ и устланный зеленью. Только: гдѣ достать денегъ?

16-го декабря. Сегодня ко мнѣ зашелъ Сливинскій, мой коллега по академіи. Это очень странный человекъ. На первый взглядъ онъ производитъ впечатлѣніе помѣшаннаго: волосы у него постоянно взъерошены, взглядъ то блуждаетъ безъ цѣли, то вдругъ неподвижно

и пристально останавливается на лицѣ собесѣдника, котораго однакоже въ это время Сливинскій не видитъ и не слышитъ, занятый своими мыслями. Иногда онъ внезапно прерываетъ ваши слова какимъ-нибудь вопросомъ, который не имѣетъ ничего общаго съ происходившимъ разговоромъ, а является результатомъ его собственныхъ размышлений. Онъ ужасно разсѣянъ, страстно любитъ женщинъ, чѣмъ часто бываетъ мнѣ противенъ, и всюду ищетъ приключеній. Въ жизни онъ совершенный ребенокъ, и, если въ его присутствіи разговоръ заходитъ о житейской прозѣ, Сливинскій молча грызетъ ногти. Его конекъ — психологія вообще и психологія женскаго сердца въ особенности. Я люблю изрѣдка съ нимъ разговаривать, потому что мнѣ иногда приходятъ въ голову такія удивительныя мысли, которыя всякому, кромѣ Сливинскаго, покажутся сумасшедшими. Но онъ меня понимаетъ съ полуслова и даже знаетъ напередъ, что я скажу, — это у него какой-то необыкновенный даръ. Временами же, когда намъ особенно часто приходится видаться, мы такъ глубоко залѣзаемъ другъ другу въ самыя сокровенныя уголки души и выкалываемъ оттуда такую дрянь, что становимся злѣйшими врагами. Я услышалъ его голосъ еще на лѣстницѣ и хотѣлъ-было послать сказать, что меня нѣтъ дома, но было уже поздно: я едва успѣлъ стащить съ кровати простыню и покрыть Психею. Ни одинъ человекъ, покуда я живъ, не увидитъ ея!

— Что у тебя за видъ такой?—спросилъ Сливинскій, не успѣвъ еще поздороваться и разглядывая самымъ безцеремоннымъ образомъ мою фигуру.

— То-есть, какъ это какой видъ? Рога у меня, что ли, на лбу выросли?—спросилъ я нарочно грубо, чтобы отвлечь его отъ этого щекотливаго направленія.

— Нѣтъ, не рога. Рога — это бы еще куда ни шло, а

вотъ лицо у тебя какъ выжатый лимонъ стало, а подъ глазами синяки. — Я молчалъ. — А знаешь, братъ, что?— вдругъ быстро и волнуясь спросилъ Сливинскій: — тебѣ не приходитъ въ голову, что ты скоро долженъ умереть?

— Перестань, пожалуйста.

— Ты не вѣришь? Но я въ твоёмъ лицѣ ясно вижу черты особенной духовной красоты. Понимаешь? Я часто наблюдалъ, когда лежалъ въ клиникѣ: у нервныхъ людей за нѣсколько недѣль до смерти видно, какъ духъ, освобождаясь, разрушаетъ свою темницу. Впрочемъ, бросимъ объ этомъ. Чѣмъ ты теперь занимаешься? Работашь?

Ага! Мнѣ приходится хитрить! Впрочемъ, я раньше зналъ, что такъ будетъ. И я отвѣчалъ такъ равнодушно, что даже самъ себѣ удивился: ни одинъ талантливый актеръ не овладѣлъ бы тономъ такъ естественно:

— Вотъ лежу на диванѣ, понемножку думаю о безсмертіи, съ хозяйкой по вечерамъ бесѣдную; вообще провожу время занимательно и не безъ пользы.

Сливинскій уперся въ мое лицо своимъ тяжелымъ взглядомъ.

— Все это ты врешь, братецъ, — заключилъ онъ внезапно: — у тебя теперь внутреннее кипѣніе идетъ. Ну, да ладно, на откровенность я не напрашиваюсь. Я къ тебѣ вотъ зачѣмъ пришелъ: представь себѣ, спиритизмъ. если съ нимъ поближе познакомиться, вовсе оказывается не такое шарлатанство, какъ о немъ протрубили!..

И онъ со свойственнымъ ему пыломъ и краснорѣчіемъ началъ излагать свою невѣроятно-смѣлую, но въ то же время не лишенную остроумія теорію медиумизма.

Воспользовавшись его минутной остановкой, я спросилъ:

— А ты что же дѣлалъ за это время? Что ты мнѣ о себѣ ничего не расскажешь?

— Я палець о палець не ударилъ, — отвѣчалъ Сливинскій, необыкновенно быстро оставивъ своихъ стучащихъ духовъ. — И знаешь почему? Во-первыхъ, потому, что у меня оказывается призваніе вовсе не къ скульптурѣ, а къ женщинамъ; любовь къ женскому тѣлу, должно-быть, и заставила меня заниматься нашимъ искусствомъ. А во-вторыхъ, и это я уже говорю совершенно серьезно, наше съ тобой искусство — страшно бѣдное искусство: оно холодно, какъ мраморъ, съ которымъ ему приходится имѣть дѣло, и такъ же чисто. Можетъ-быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, скульпторъ, которому предстоитъ создать что-нибудь безсмертное, долженъ быть такимъ отшельникомъ и психопатомъ, какъ ты...

Удивительная странность: этотъ человѣкъ всегда высказываетъ то, о чемъ я думаю, но не рѣшаюсь выразить словами, не даромъ же я его называю своею совѣстью. Интересно только, какими различными путями приходимъ мы къ однимъ и тѣмъ же выводамъ.

— Знаешь ли, — продолжалъ между тѣмъ Сливинскій, и я сразу, по нѣжнымъ тонамъ, зазвучавшимъ въ его голосъ, узналъ, что онъ заговорить о своемъ любимомъ предметѣ: — изъ меня, пожалуй, могъ бы выйти какой-нибудь прокъ раньше, но теперь я такъ опустился нравственно, что погибъ для искусства. Меня не удовлетворяетъ эта строгая чистота линій, этотъ безжизненный гипсъ. Живописцемъ я еще могъ бы, пожалуй, сдѣлаться, но потому, что у живописца въ распоряженіи краски, цвѣта, оттѣнки. Живопись чувственнѣе. Но я не хочу приписываться ни къ какому цеху. Молодость дается человѣку одинъ только разъ и ужъ, конечно, не для того, чтобы погубить ее, погрузившись, какъ это сдѣлалъ ты, съ ногами и руками въ одно искусство. А смѣшивать два эти ремесла есть тѣмъ охотниковъ — я не изъ ихъ числа. Я не знаю, чтѣ съ собой самимъ дѣлать, но зато на-

слаждаюсь мудро всѣми дарами, которые доставляетъ чело-
вѣку благая природа и его изощренный умъ, причемъ
на первомъ планѣ, конечно, ставлю женщинъ и женщинъ.

— И ты думаешь, тебѣ это «ремесло» не надоѣсть?

— Никогда! Видишь ли, голубчикъ, я принадлежу къ
числу тѣхъ избранниковъ, которые развили въ себѣ такую
тонкую и чуткую воспримчивость, что наслаждаются
больше деталями, аксессуарами, такъ сказать, любви,
чѣмъ самой любовью въ грубомъ смыслѣ. А такъ какъ
эти аксессуары такъ же бесконечно разнообразны, какъ
разнообразны характеры челоѣческіе, то, слѣдовательно,
для меня будетъ всегда существовать прелесть новизны.
Эхъ! Жаль, что ты выродокъ какой-то и не сможешь
понять меня. Знаешь ли ты, напримѣръ, сколько тайной
неуловимой прелести заключаетъ въ себѣ постепенное
сближеніе съ женщиной: эти робкіе намеки въ то время,
когда глаза сказали все, эти ссоры и подавляемые вспышки
ревности, это первоначальное замѣшательство... Да ты,
впрочемъ, ничего не понимаешь.

— Отлично понимаю, что это только гастрономическій
развратъ! — перебилъ я съ неудовольствіемъ.

Сливинскій поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ. Онъ
какъ будто не считалъ меня возможнымъ на такое воз-
раженіе.

— Можетъ-быть, ты и правъ, — протянулъ онъ задум-
чиво, но тотчасъ же снова весь оживился. — Да! Но
сколько въ этомъ развратѣ борьбы, сколько разъ при-
ходится напрягать всѣ способности ума, всю силу воли!
Послушай! Ты знаешь, до чего можетъ дойти воля чело-
вѣка? Думалъ ты объ томъ когда-нибудь?

На этотъ разъ я замѣтилъ, что Сливинскій съ инте-
ресомъ ожидаетъ моего отвѣта.

— Я не ручаюсь, вполне ли я понялъ твой вопросъ, —
отвѣчалъ я: — но если ты, такъ же, какъ и я, подь по-

нтіемъ о волѣ подразумѣваешь всякое хотѣніе жизни, то вѣдь тебѣ должно быть извѣстно, что я всегда ставилъ человѣку въ заслугу возможно большее отрицаніе этой самой воли.

— Ахъ, оставь ты въ покоѣ прахъ своего Шопенгауэра! — досадливо воскликнулъ Сливинскій. — Я тебя спрашиваю про волю въ житейскомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ силы самыхъ прозаическихъ желаній. По-моему, эту силу желанія каждый человѣкъ, даже и мы съ тобой, можемъ довести до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что для насъ въ мірѣ ничего не будетъ невозможнаго!

Оказывается, по мнѣнію Сливинскаго, волю можно развить путемъ постоянной упорной гимнастики, состоящей въ томъ, что ежеминутно дѣлать все противно своему желанію. Если мнѣ ѣсть въ данную минуту хочется—я долженъ терпѣть до крайности, хочется лежать—долженъ ходить, люблю спать на мягкомъ—долженъ приучить себя спать на камняхъ, и т. д. Затѣмъ, когда человѣкъ совершенно подчинить себѣ такимъ порядкомъ свою волю, то всѣ окружающіе его, не только люди, но даже и животныя, невольно и незамѣтно начнутъ подчиняться силѣ его желаній. Тогда для человѣка нѣтъ ничего невозможнаго, кромѣ препятствій, представляемыхъ временемъ.

— Понимаешь ли, — горячился Сливинскій: — что, настойчиво и неутомимо преслѣдуя одну идею, я могу не только папой римскимъ или китайскимъ императоромъ сдѣлаться, но даже величайшимъ геніемъ или ученымъ. Слыхалъ ли ты о томъ, какъ одинъ негръ, безграмотный рабъ, довелъ свою память до такой остроты путемъ упражненія, что могъ повторить наизусть около пятисотъ продиктованныхъ ему восьмизначныхъ цифръ? Да это что еще! Я тебѣ приведу лучшіе примѣры. Ты думаешь, почему Наполеонъ изъ простаго поручика сдѣлался вели-

чайшимъ въ исторіи императоромъ? Ты думаешь — одно счастье? Да, конечно, отчасти и счастье, потому что съ его предпріятіями нерѣдко совпадали благопріятныя комбинаціи случайностей, но главнымъ образомъ — сила желанія. Тамъ, гдѣ мы съ тобой десятки тысячъ разъ упустимъ изъ рукъ нашъ случай, человѣкъ, твердо рѣшившійся, воспользуется имъ, не останавливаясь ни передъ рискомъ, ни передъ святостью традицій, ни передъ сотнями кровавыхъ жертвъ! Сила желанія и увѣренность! Это — все, это — знаменитый Архимедовъ рычагъ. Въ священномъ писаніи сказано, что имѣющій въру въ горчичное зерно можетъ сдвинуть съ мѣста гору. И это доступно всякому необыкновенно напряженному желанію. Исцѣляютъ же факиры больныхъ и воскрешаютъ покойниковъ!..

Я не узнавалъ Сливинскаго: онъ весь точно выросъ и похорошѣлъ, глаза его горѣли огнемъ вдохновенія, и голосъ звучалъ сурово и настойчиво.

— Отчего же ты въ такомъ случаѣ со своей странной теоріей остаешься до сихъ поръ простымъ шалопаемъ? — спросилъ я черезъ нѣкоторое время.

— Отчего? Оттого, что не хочу, но я испробовалъ мою волю надъ женщинами, къ чему собственно и клоню рѣчь. Запомни это великое изреченіе, — со временемъ, когда ты будешь писать обо мнѣ свои воспоминанія, оно тебѣ пригодится: нѣтъ такого мужчины, который, владея гибкой и сильной волей, не покорилъ бы себѣ любой женщины. И не только женщины съ большимъ воображеніемъ или съ тѣмъ, что зовется темпераментомъ, но даже неприступной, какъ богиня, и холодной, какъ статуя.

— По-твоему, пожалуй, и настоящую статую можно также загнипотизировать?

Я чувствовалъ, предлагая этотъ вопросъ, какъ поблѣд-

нѣди-мои щеки. Точно заглянулъ въ черную пропасть: и жутко и весело!

— Можно, — серьезно отвѣчалъ Сливинскій. — Ты вспомни мнѣ о Галатеѣ, а вѣдь, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного мифа безъ основанія. Да я тебѣ уже сказала разъ, что нѣтъ ничего невозможнаго для сильной воли. Наконецъ, если ты и не оживишь статую, то ты самъ, понимаешь, самъ повѣришь, что сдѣлалъ это.

Сливинскій скоро сталъ прощаться и, уходя, спросилъ:

— Что это у тебя покрыто простыней? Можно взглянуть?

Если бы я кинулся на него и схватилъ бы его за горло, какъ мнѣ хотѣлось это сдѣлать въ первую минуту, то этотъ диковинный человѣкъ, пожалуй, насильно добрался бы до моей тайны. Но я не двинулся съ мѣста, протянулъ ему для прощанья руку и отвѣтилъ, собравъ все присутствіе духа:

— Такъ, труха разная валяется.

Однако я и не подозрѣвалъ никогда въ себѣ такого запаса хитрости и самообладанія! Тотчасъ по уходѣ Сливинскаго сдѣлалъ ширмы изъ простынь и занавѣсилъ ими тотъ уголь.

Числа нѣтъ. Голова моя кружится, руки дрожатъ и отказываются повиноваться. Не знаю, буду ли я въ состояніи собрать мысли, чтобы связно передать все случившееся.

Когда наступила ночь, я опустилъ занавѣску и зажегъ лампу. Въ комнатѣ сразу стало какъ-то строго и таинственно. Глаза мои не могли оторваться отъ бѣлыхъ ширмъ, загораживающихъ уголь: казалось, за ними происходила какая-то неслышная и незримая жизнь. Меня неудержимо тянуло за эти ширмы, но я медлилъ и, охваченный лихорадкой, старался растянуть это жгучее ожиданіе какъ можно дольше.

Наконецъ волненіе мое возросло до нестерпимости, и я рѣшился.

Глубоко затаивъ дыханіе, осторожными, неслышными шагами подошелъ я къ простынямъ, спускавшимся съ потолка, и раздвинулъ ихъ дрожащей рукой. Въ этой маленькой внутренней комнаткѣ въ три шага въ квадратѣ была сладкая и чуткая тишина, какая можетъ быть только въ святилищѣ. Она лежала на широкомъ, грубомъ холстѣ, съ ногъ до головы укрытая простыней, слабо обрисовывавшей ея чудныя формы. Она лежала на спинѣ, нѣсколько согнувъ лѣвую ногу. Голова ея, склоненная немного на бокъ, покоилась на лѣвой рукѣ, а правая небрежно спускалась на землю.

Я не скажу, чтобы мнѣ было страшно; если бы она въ эту минуту поднялась со своего каменнаго ложа и обратилась ко мнѣ со словами, я не испугался бы: я даже какъ будто ожидалъ того. Но я съ трудомъ владелъ своими членами; они отяжелѣли, точно насыпанные пескомъ, въ глазахъ чрезвычайно быстро мелькало множество мелкихъ блестящихъ точекъ...

И вотъ, хотя я и все время строго слѣдилъ за своими ощущеніями, я явственно замѣтилъ, что простыня, покрывающая возвышеніе груди, медленно опускается и поднимается, колеблемая тихимъ дыханіемъ. Сердце мое билось въ груди, какъ барабанъ, и все время ныло какой-то томительной, сладостной болью... Затѣмъ я теряю нить. Помню только, какъ я тихо опустился на колѣни, склоняясь головой къ полу, какъ осторожно приподнялъ уголокъ простыни, какъ приблизилъ свои губы къ ея ногѣ... Но, когда я ощутилъ губами ея холодное тѣло, — нестерпимо-сладкая боль около сердца вдругъ мгновенно вспыхнула и разрослась, какъ пламя, облитое спиртомъ... На секунду у меня мелькнула мысль, что это смерть. Должно-быть, со мной былъ обморокъ, потому

что, когда я открылъ глаза, то сквозь щели занавѣсокъ уже брезжилъ утреннй свѣтъ.

Что же все это значить? Или правъ былъ Сливинскій, говоря, что я долженъ скоро умереть? Ну, что же? Я готовъ встрѣтить смерть, какъ любимую гостью, потому что послѣ того мига наслажденія, который мнѣ доставила прошедшая ночь, развѣ можетъ жизнь увлечь меня чѣмъ-нибудь? Ахъ! Какъ я благословляю то, что мнѣ въ дѣтствѣ казалось такимъ ужаснымъ несчастіемъ, что заставляло моихъ товарищей всегда отворачиваться съ презрѣніемъ отъ меня! Оно одно только сберегло меня отъ растлѣнія и, лишивъ главной человѣческой радости, дало судьбѣ возможность съ избыткомъ вознаградить меня.

Числа нѣтъ. Сегодня я первый разъ за два мѣсяца вышелъ на улицу. Должно-быть, я производилъ на прохожихъ весьма странное впечатлѣніе, потому что всѣ они удивленно оглядывали меня съ ногъ до головы. Морозный воздухъ совсѣмъ опьянилъ меня, глаза слипались отъ сверкавшаго на солнцѣ снѣга, а ноги, отвыкшія отъ ходьбы, подгибались и шатали во всѣ стороны мое слабое тѣло. Кромѣ того, надо полагать, что мое пальто съ приставшимъ къ нему пухомъ и съ ватой, обильно вылѣзшей изъ дыръ, довершало общее впечатлѣніе. Проходилъ напрасно цѣлый день и не досталъ ни копейки. Придется отложить мысль о гробѣ. Господи! Что со мною дѣлается?

То же. Почему у меня не идутъ изъ ума горячечныя рѣчи Сливинскаго? Цѣлый день я о нихъ думалъ и прихожу къ такимъ выводамъ, которые меня самого пугаютъ. Сливинскій говорилъ, что для воли нѣтъ невозможнаго. Нужно, слѣдовательно, только умѣть напрягать эту волю, умѣть желать настойчиво, страстно, неутомимо! Я отлично сознаю, что не можетъ вещь, сдѣланная изъ камня, сама, по собственному побужденію встать съ мѣста и подойти ко мнѣ. Но вѣдь странствуютъ же загнипнотизированные

субъекты по морямъ и лѣсамъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ? Стало-быть, испытываютъ же люди то, чего, въ сущности, нѣтъ и что испытано быть не можетъ. Впрочемъ, въ этомъ вопросѣ самъ чортъ ногу сломить!

То же. Я опять проснулся среди ночи отъ неожиданнаго толчка и быстро сѣлъ на постели. Луна свѣтила необыкновенно ярко, и, казалось, въ ея лучахъ пронёсся однообразный журчащій шопотъ.

Видѣлъ ли я во снѣ что-нибудь, или раньше, еще днемъ, думалъ о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, но мнѣ казалось, что забылъ нѣчто очень важное, и все старался припомнить. И вдругъ, точно молнія, мой мозгъ озарила страшная мысль: «надо умѣть желать». Я съ большимъ трудомъ поднялся съ кровати и опять съ тѣмъ же сладкимъ замираніемъ въ сердцѣ прокрался за перегородку. Отъ холода, волненія и слабости мое тѣло шаталось и трепетало, челюсти часто и неприятно дрожали и стучали другъ о друга. Осторожно и медленно, боясь потревожить чуткій сонъ Психеи, стащилъ я съ нея простыню; она не шевельнулась ни однимъ мускуломъ, и только грудь ея едва замѣтно поднималась и опускалась.

О, сколько всемогущей красоты было въ ея спокойномъ лицѣ, въ нѣжномъ, полупрозрачномъ, нагомъ тѣлѣ! Я собралъ весь запасъ силы воли и, сжавъ кулаки такъ крѣпко, что ногти вошли въ мясо ладони, я до боли стиснулъ зубы и сказалъ повелительно и увѣренно: «Проснись!»

И вдругъ, среди жужжащей тишины раздался глубокой, прерывистый вздохъ. Неподвижное лицо оживилось улыбкой, глаза открылись и нѣжно встрѣтились съ моими глазами! Блаженное и острое ощущеніе около сердца опять вырвалось и хлынуло по всему моему существу чудовищнымъ потокомъ. Я закричалъ и рухнулъ внизъ; но, прежде чѣмъ лишиться сознанія, я почувствовалъ, какъ

холодныя, обнаженныя руки сомкнулись у меня на шеѣ.

То же. Я не понимаю, что значить эта мрачная комната съ рѣшеткой, изъ-за которой выглядываютъ какія-то странныя усатыя лица! Или это та самая темница, изъ которой, какъ говорилъ Сливинскій, долженъ освободиться мой духъ?

То же. Боже мой! Какъ трудна побѣда! Временами я бьюсь головой въ стѣны моей темницы, рву на себѣ волосы, вырываю изъ своего лица куски мяса.

Когда же все это кончится?

Число не поставлено. Побѣда! Руки не повинуются мнѣ больше, легкія съ каждымъ дыханіемъ захватываютъ все меньше и меньше воздуха. Но въ недостигаемой высотѣ, сквозь волны лучезарнаго свѣта, я уже вижу твою нѣжную улыбку, мое божество! Моя Психея!

ПЕРВЫЙ ВСТРѢЧНЫЙ.

Ялта, 22 августа 19** г.

Милостивая государыня!

Нѣтъ сомнѣнія, что настоящее письмо удивить васъ или даже, можетъ-быть, раздосадуетъ. Конечно, ничто не мѣшаетъ вамъ бросить его въ каминъ не читая, но, во всякомъ случаѣ, я прошу васъ прежде взглянуть на конвертъ штемпель мѣста отправленія. Вы увидите, что это письмо писано за двѣ тысячи верстъ слишкомъ отъ васъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что я открыто подписываю внизу свое имя и фамилію, можетъ вамъ послужить ручательствомъ, что вы не сдѣлались въ данномъ случаѣ предметомъ ни мистификаціи, ни шантажа, ни интриги, ни тѣмъ болѣе — какихъ-нибудь безумныхъ надеждъ съ моей стороны

...Это случилось въ Петербургѣ, ровно четыре года тому назадъ, 22-го августа 18** года. О, даже умирая, я вспомню это число и этотъ ненастный, мокрый и холодный вечеръ! Въ воздухѣ висѣлъ густой туманъ, и въ двадцати шагахъ глазъ ничего не разбиралъ. Огни электрическихъ фонарей казались издали большими радужными пятнами. Отовсюду, и справа и слѣва, слышалось шлепанье невидимыхъ экипажей. Изрѣдка сѣрую мглу быстро прорѣзали два желтыхъ огненныхъ пятна— это проѣзжала карета. Гдѣ-то съ неумолкаемымъ зво-

номъ влачилась конка, но ея не было видно. Я безцѣльно бродилъ по улицамъ, изрѣдка останавливаясь передъ освѣщенными окнами. Иногда я простаивалъ передъ ними до десяти минутъ и болѣе, охваченный страннымъ, мечтательнымъ любопытствомъ. Особенно привлекали меня квартиры съ богатой обстановкой: съ люстрами, коврами, зеркалами, цвѣтами и шелковой мебелью. Я былъ тогда бѣденъ и одинокъ (какъ и теперь, впрочемъ). Мыканье по урокамъ, жизнь въ меблированныхъ комнатахъ и дешевые обѣды подточили мое здоровье, а вѣчное одиночество сдѣлало меня дикимъ и нелюдимымъ мечтателемъ. И вотъ именно этой-то чудовищной мощи мечты я и былъ обязанъ тѣми наслажденіями, которыя я испытывалъ, стоя передъ освѣщенными окнами незнакомыхъ домовъ, затерянный среди ночи и тумана и равнодушной суеты столичнаго города. Я жилъ двумя жизнями. Днем— робкій и неуклюжій съ недовѣстнымъ мнѣ самому лицомъ, въ картонной манишкѣ и въ панталонахъ, висящихъ внизу бахромой, какъ шерсть у запущеннаго пуделя,— днемъ я заискивалъ передъ швейцарами, тщательно пряталъ подъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, свои дырявые сапоги, страдалъ, когда мнѣ пренебрежительно не подавали руки, и стыдливо избѣгалъ людныхъ улицъ. Но зато вечеромъ, подъ моими любимыми окнами—о! вечеромъ я бывалъ и ловокъ, и красивъ, и уменъ. Я одерживалъ побѣды надъ женщинами и вліялъ на биржу. Какія у меня были лошади и какой великолѣпный столъ!.. Я входилъ въ эти прекрасныя комнаты, освѣщенныя канделябрами и насыщенные теплымъ ароматомъ духовъ и растений: эти комнаты принадлежали мнѣ. Я игралъ вонъ съ тѣми тремя стариками аристократическаго типа въ карты, и мы, не спѣша, обмѣнивались важными изысканными выраженіями. Я очаровывалъ общество пѣніемъ, стоя вонъ у того раскрытаго рояля. Я бывалъ то мужемъ, то жени-

хомъ, то любовникомъ всѣхъ этихъ красивыхъ женщинъ съ размѣренными движеніями, утопающихъ въ кружевахъ и полулежащихъ на причудливо-изогнутой мебели. Женщины въ такіе вечера особенно сильно овладѣвали моимъ воображеніемъ. А днемъ я ни за что не осмѣлился бы сказать любезность простой судомойкѣ.

Впрочемъ, я отвлекся въ сторону. Прошу простить меня за невольное отступленіе и продолжаю. На углу Литейной и Невскаго стояла неподвижно около фонаря какая-то неясная, благодаря туману, фигура. Я подошелъ ближе и остановился въ изумленіи. Не то поразило меня, что это была женщина—кто же не знаетъ, какъ много и какихъ именно женщинъ высылаютъ въ такую пору на улицы Петербурга легкомысліе, обманъ и нищета? Но какъ могла очутиться именно такая женщина, въ грязный осенній вечеръ, на людномъ городскомъ перепутьѣ и одна, совершенно одна—безъ спутника, безъ провожатаго или безъ лакея? Это было для меня такъ же удивительно и такъ же непонятно, какъ если бы зимою среди поля я увидалъ лежащую на снѣгу красную розу. Въ ея высокой фигурѣ, въ позѣ, въ каждой складкѣ ея темнаго платья чувствовалась женщина высшаго свѣта, одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ въ такой вечеръ можно увидѣть только въ тотъ моментъ, когда, выйдя изъ кареты, онѣ торопливо и легко проходятъ по красному сукну освѣщеннаго подъѣзда между двумя рядами большихъ растеній въ кадкахъ, оставляя за собой едва уловимый запахъ духовъ. И не я одинъ это чувствовалъ. Мимо незнакомки, покамѣстъ я наблюдалъ ее, прошло нѣсколько уличныхъ шатуновъ въ подвороченныхъ панталонахъ и съ папиросками въ зубахъ. Но никто не осмѣлился подойти къ ней, ни у одного изъ нихъ не хватило смѣлости заговорить съ этой женщиной.

Она была, повидимому, чѣмъ-то взволнована. Нѣсколько

разъ она нетерпѣливо повертывала голову то въ одну, то въ другую сторону и время отъ времени нервно стучала зонтикомъ по грязнымъ плитамъ мостовой.

Сначала я подумалъ-было, что она кого-нибудь дожидается, — конечно, возлюбленнаго. Но я тутъ же отбросилъ эту мысль, вспомнивъ обстановку адюльтера изъ безчисленнаго множества поглощенныхъ мною французскихъ романовъ. Тамъ, обыкновенно, *la petite baronne de-Coussy*, назначивъ свиданіе своему *Raymond'у*, ѣдетъ сначала въ собственной каретѣ, выходитъ изъ нея въ отдаленномъ пунктѣ города, затѣмъ, отославъ кучера, нанимаетъ фіакръ и только такимъ путемъ попадаетъ наконецъ въ *nôtre petit nid*, которое съ такимъ вкусомъ меблировано очаровательнымъ *Raymond'омъ*. Тѣмъ болѣе, что, если бы она ждала кого-нибудь, она непременно поглядывала бы довольно часто на часы. Но, можетъ-быть, она въ горѣ? въ нуждѣ? въ затрудненіи?

И вдругъ, толкаемый какой-то пружиной, я подошелъ къ незнакомкѣ и приподнял шляпу. Отъ испуга передъ собственнымъ поступкомъ, я почувствовалъ, какъ сердце у меня забилося, а во рту пересохло. Однако я нашелъ въ себѣ силу, чтобы пролететь:

— Простите мою смѣлость, сударыня, но я вижу, что вы находитесь въ затрудненіи... Можетъ, вы заблудились?.. Не могу ли я чѣмъ-нибудь служить вамъ?

Она посмотрѣла на меня... Нѣтъ, не посмотрѣла, а именно, какъ говорится въ романахъ, «смѣрила съ ногъ до головы», смѣрила долгимъ и молчаливымъ взглядомъ и вдругъ произнесла тономъ рѣшимости, не поддающимся никакому описанію:

— Вы или другой... все равно!..

И, быстро взявъ меня подъ руку, она прибавила почти повелительно:

— Идемте.

На углу, какъ разъ около того мѣста, гдѣ мы разговаривали, стоялъ извозчикъ. Я вспомнилъ о томъ, что у меня въ карманѣ болтаются два рубля съ мелочью, предназначенные на уплату части квартирнаго долга.

— Не удобнѣе ли будетъ вамъ поѣхать на извозчикѣ?— спросилъ я.

Не отвѣчая ни слова на мой вопросъ, незнакомка поспѣшно вскочила въ пролетку. Я стоялъ въ замѣшательствѣ рядомъ. Она лѣвой рукой подобрала подъ себя платье и нетерпѣливо воскликнула:

— Да садитесь же наконецъ!

Я поспѣшно повиновался.

— Куда прикажете?— спросилъ извозчикъ, перегибаясь съ козель.

— Куда прикажете?— повторилъ я, какъ эхо.

Боже мой! Какое прекрасное и гнѣвное лицо вдругъ обернулось ко мнѣ.

— Развѣ мнѣ это не все равно? Куда вы возите этихъ...—она запнулась и выговорила съ безразличнымъ подчеркиваніемъ: — ...этихъ, вотъ этихъ женщинъ?

Я велѣлъ извозчику ѣхать прямо. Мы миновали Литейную, миновали еще какую-то улицу. Она молчала, а я, боясь съ ней заговорить, недоумѣло соображалъ — кто же моя загадочная спутница: морфинистка, безумная, или пріѣзжая и обобранная кѣмъ-нибудь женщина, не знающая города и оставшаяся безъ средствъ? Можетъ-быть, она потрясена какимъ-нибудь слишкомъ сильнымъ горемъ? Можетъ-быть, она потребуетъ въ чемъ-нибудь помочь ей? Но — клянусь Богомъ — ни одна нехорошая мысль не приходила мнѣ въ голову. Нѣсколько разъ незнакомка дѣлала жесты, по которымъ я могъ судить о ея нетерпѣннн.

Вдругъ она отрывисто спросила:

— Чтò же, скоро мы пріѣдемъ?

— Простите меня... я... я, право... я не совсѣмъ по-
нялъ васъ... я вѣдь не знаю, куда вамъ угодно.

Она со злостью ударила рукой по зонтику.

— Ахъ, Господи!.. Я вамъ сказала уже, что не знаю
вашихъ грязныхъ притоновъ...

Въ это время мы проѣзжали мимо вывѣски. Висѣвшій
надъ ней фонарь позволялъ прочитать: «Номера Занзи-
баръ, помѣсячно и посуточно».

— Вотъ гостиница, — сказалъ я робко.

Она безмолвно наклонила голову и совсѣмъ отъ меня
отвернулась. Я юстановилъ извозчика. Дверь на
блокъ пронзительно и протяжно завизжала. Пе-
редъ нами круто подымалась узкая деревянная лѣст-
ница съ грязной полотняной дорожкой, а вдоль нея на
стѣнѣ были нарисованы какія-то деревья, около нихъ—
барашки.

Пахло щами и керосиновымъ газомъ. Я закричалъ изо
всѣхъ силъ: «Коридорный!». Мнѣ отвѣтилъ звонкій резо-
нансъ, но никто не явился на мой зовъ. Я оглянулся
на свою даму: она не глядѣла на меня, и мнѣ каза-
лось, что она дрожитъ. Тогда я закричалъ громче преж-
няго: «Номерной! Швейцарь!».

На этотъ разъ на лѣстницѣ показался босой парень,
заспанный и опухшій, въ красной рубахѣ, выпущенной
изъ-подъ жилета. Онъ нехотя спустился до половины
лѣстницы, остановился, почесалъ одной ногой другую,
потомъ почесалъ лохматую голову и, не раскрывая слип-
шихся глазъ, спросилъ сирымъ голосомъ:

— Чтò нужно?

— Есть номера свободные?

— Есть. Вамъ большой номеръ?

— Все равно, только скорѣе!

Онъ повернулся и, лѣниво сказавъ: «пожалуйста», сталъ
подыматься вверхъ. Я въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на

незнакомку, и какъ будто бы она на этотъ вопросительный взглядъ съ какой-то вызывающей смѣлостью побѣжала по ступенямъ. Я пошелъ сзади. Она была безъ капошъ; уличная грязь забрызгала ея узенькія лакированныя туфельки, низъ черной юбки и ажурные чулки, и — странно — это мелочное наблюденіе наполнило мое сердце невыразимой жалостью...

Босой парень ждалъ насъ у двери номера съ огаркомъ въ рукахъ.

Мы вошли. Теперь, когда я пишу эти строки, передо мной съ беспощадной ясностью возстаетъ пошлая обстановка этого «номера» (какъ теперь помню — десятого): прямо передъ дверью въ наклонномъ положеніи — круглое зеркало въ облупившейся бронзовой рамѣ; подъ нимъ диванъ и два кресла, обитые темнымъ кретономъ съ большими красными цвѣтами, а между этой мебелью круглый черный столъ; направо комодъ съ пыльными графиномъ и стаканомъ на немъ; налѣво желѣзная складная кровать съ голымъ тощимъ матрацомъ; ситцевыя темныя занавѣски на окнахъ. Даже обои я помню: на грязно-зеленомъ фонѣ повторялся въ шахматномъ порядкѣ все одинъ и тотъ же рисунокъ — башня, вода и подъемный мостъ черезъ воду, а на мосту стоятъ, взявшись за руки, кавалеръ и дама въ костюмахъ Louis XIV.

Номерной явился слѣдомъ за нами, держа въ рукахъ подушку, а на ней сложенную простыню и сѣрое байковое одѣяло съ красными каймами. Бросивъ все это съ размаху на кровать, онъ вытеръ носъ ребромъ ладони и грубо спросилъ:

— На время номеръ берете или на ночь?

Я сдѣлалъ ему рукой знакъ, но онъ продолжалъ:

— Потому, если на всю ночь, такъ полиція пашпортъ требуетъ, потому — строго зискуется, ежели...

— Выйдите отсюда! — произнесла вдругъ незнакомка.

Эти слова были сказаны совершенно спокойно—безъ раздраженія, безъ аффектаціи, безъ величественнаго презрѣнія, — простымъ тономъ челоуѣка, которому никогда еще не приходила мысль, что его требованіе можетъ остаться неисполненнымъ. И такова была сила безсознательной самоувѣренности, что наглый парень тотчасъ же съ растеряннымъ видомъ выскочилъ за дверь. Мы остались одни. Моя незнакомка стояла до сихъ поръ неподвижно передъ комодомъ, спиною къ двери. Повидимому, она никакъ не могла освоиться съ тѣмъ отвращеніемъ, которое ей внушала эта ужасная комната. Напряженное молчаніе длилось минуты двѣ или три.

Вдругъ она, слегка повернувъ ко мнѣ свою гордую голову, но не глядя на меня, спросила суровымъ голосомъ:

— Вы, конечно, знаете, зачѣмъ я съ вами сюда пришла?

— Извините, ради Бога, — пролепеталъ я, заикаясь: — но я... я, право, не могу догадаться...

Она быстрыми шагами подошла почти вплотную ко мнѣ. Эти пылающіе темные глаза, эти тонкія брови, сдвинувшіяся посрединѣ лба въ гнѣвную складку, невольно заставили меня попятиться.

— Какъ! Вы не знаете? — воскликнула она, задыхаясь. — Вы не знаете?.. Вы? Вы? Мужчина?.. Лжете!!..

Я не находилъ отвѣта на эти злобные, но въ то же время и страстные вопросы... и молчалъ. Незнакомка вдругъ сильнымъ движеніемъ швырнула зонтикъ на диванъ, сбросила шляпу и дрожащими руками стала разстегивать большія перламутровыя пуговицы своей кофточки.

— Вы не знаете?.. Тѣмъ лучше! — слышалъ я отрывистыя, злобныя восклицанія. — Тѣмъ лучше!.. Ну, такъ знайте же, что мнѣ былъ нуженъ первый встрѣчный... Понимаете ли, первый встрѣчный... то-есть — вы, именно

вы!..—выкрикнула она дрожащими губами.— Нуженъ для того... для того... ха-ха... для того... ха-ха-ха-ха...

И она залилась страннымъ смѣхомъ, частымъ, тонкимъ и сначала очень тихимъ. Но потомъ, становясь все громче и громче, этотъ смѣхъ ужасомъ отозвался въ моей душѣ. Въ немъ смѣшались и хохоть, и рыданія, и стоны, и прерывистые вздохи, отъ которыхъ стройное тѣло женщины тряслось, вздрагивало и шаталось изъ стороны въ сторону.

Растерявшійся, испуганный, потрясенный почти не мнѣе ея, — я все-таки догадался слегка взять ее за талию и подвести къ креслу. Она упала въ него, откинувъ голову назадъ и закрывъ лицо руками. Я отворилъ окно. Влажный, холодный воздухъ вторгнулся въ комнату. Видя, что это нѣсколько успокоило даму, я налилъ въ стаканъ воду и предложилъ ей, говоря при этомъ какія-то несвязныя успокоительныя слова. Она отрицательно покачала головой и своей маленькой ручкой въ желтой перчаткѣ отстранила мою руку. Однако мало-по-малу припадокъ сталъ ослабѣвать, рыданія почти прекратились, и изъ-подъ рукъ, закрывающихъ лицо, слышались только судорожные вздохи. Потомъ она совсѣмъ затихла, точно собираясь съ силами, и вдругъ быстро, однимъ толчкомъ поднялась съ кресла.

— Пойдемте, — сказала она сухо, и лицо ея приняло прежнее гордое выраженіе.

Когда мы отошли шаговъ десять отъ подъѣзда, она неожиданно остановилась и, глядя мимо моей головы, холодно сказала:

— Мнѣ все равно, что вы думаете обо всемъ этомъ случаѣ.. Точно такъ же я не намѣрена брать съ васъ слова, чтобы вы никому о немъ не рассказывали. Но я требую, чтобы вы не провожали меня и никогда не старались узнать мою фамилію. Слышите?

И вслѣдъ за тѣмъ, не сказавъ прощальнаго слова, даже не бросивъ на меня мимолетнаго взгляда, она быстро пошла по тротуару. Съ минуту я видѣлъ ея высокую колеблющуюся фигуру. Потомъ туманъ скрылъ ее.

Весьма вѣроятно, что для всякаго другого описываемое происшествіе имѣло бы смыслъ интереснаго приключенія, загадочной встрѣчи — и только. Для меня же оно стало громаднѣйшимъ событіемъ всей моей жизни. Ничтожное, забытое существо, червякъ, нищій, — я однако обладаю страшной силой воображенія и болѣзненной мечтательностью. Прекрасная, таинственная женщина завладѣла мною всецѣло и навсегда. Первый день я ходилъ какъ въ бреду. Я не могъ разобраться въ происшедшемъ и временами сомнѣвался: не принялъ ли я за дѣйствительность одинъ изъ моихъ нелѣпыхъ сновъ. Я даже нарочно сходилъ въ ту улицу, чтобы убѣдиться въ существованіи незнакомыхъ мнѣ прежде номеровъ «Занзибаръ». Съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй одолѣвали меня воспоминанія. Вспоминать мельчайшія мелочи этого дождливаго вечера сдѣлалось для меня наслажденіемъ и потребностью. Я думалъ о нихъ и днемъ и ночью, и утромъ и вечеромъ, и на ходу, и во время ѣды, и во время занятій, но всего сильнѣе и ярче представлялись онѣ мнѣ ночью. Я никогда не зналъ реальной любви съ ея радостями, но я слышалъ и читалъ о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ влюбленные дожидаются момента свиданія. Увѣряю васъ, съ такимъ же нетерпѣніемъ ждалъ я того времени, когда можно будетъ лечь въ постель и въ темнотѣ, въ тишинѣ, прерываемой только тиканьемъ маятника за стѣной, отдаться моимъ мечтамъ и воспоминаніямъ. О, не думайте, чтобы у меня въ эти ночи бывало мало работы! Прежде всего мнѣ никакъ не удавалось вспомнить лицо моей незнакомки. Тысячи другихъ лицъ всплывали и проносились передъ моими глазами, за-

тмевая это прекрасное лицо. Но я съ упорством вызы-
валъ именно это лицо и такъ насилывалъ свою бѣд-
ную голову, что она платила мнѣ жестокими болями.
И я добился своего. Теперь я знаю каждую линію, самый
малѣйшій изгибъ этого лица, и никакая фотографія не
замѣнитъ мнѣ моеѣ памяти. Порою я почти осязаю его.
Мнѣ кажется даже, что я слышу иногда на своихъ рукахъ
тонкіи и нѣжный запахъ, оставшійся на нихъ послѣ при-
косновенія къ одеждѣ этой женщины. Потомъ я начинаю
вспоминать послѣдовательность событій. Я кропотливо,
шагъ за шагомъ, постоянно возвращаясь назадъ и переби-
рая мелочи въ умѣ, восстанавливаю каждый жестъ, каждое
слово, каждый поворотъ головы. Это трудно, но возможно.
Помните, можетъ-быть, какъ у Мопассана въ его «Une vie»
героиня линуетъ бумагу на клѣтки, сообразно съ каждымъ
днемъ своей жизни, и воспоминаетъ ее всю постепенно.
Съ такой же тщательностью и я воскрешаю въ умѣ ве-
черъ 22 августа, такъ что все написанное здѣсь мною—
точно, какъ истина. Затѣмъ я стараюсь проникнуть во
внутреннюю сторону событій, заглядываю въ возмущенную
душу своей незнакомки и освѣщаю эту темную пропасть.
Труднѣе всего то, что мнѣ приходится идти сомнитель-
нымъ путемъ. Если бы меня спросили: какъ поступить
такой-то человѣкъ, такого-то возраста, такого-то воспи-
танія или среды, при такихъ-то и такихъ-то обстоятель-
ствахъ — я бы отвѣтилъ съ большей или меньшей увѣ-
ренностью. Но у меня только и есть данныхъ, что посту-
покъ человѣка, а мнѣ по этому поступку страстно хо-
чется узнать, какая душевная буря толкнула этого чело-
вѣка. И я разбираюсь въ тысячный разъ въ происшед-
шемъ. Я знаю, что моя незнакомка горда, страстна, по-
рывиста и смѣла. Какое же сердечное потрясеніе выбро-
сило на улицу въ грязный осенній вечеръ эту женщину
съ аристократическимъ лицомъ и повелительнымъ голо-

сомъ? Несомнѣнно, что это потрясеніе было сильнѣе самой смерти, потому что такіа гордая натуры умирають легче, чѣмъ переносятъ позоръ. Стало-быть, ей именно позоръ и былъ необходимъ.

О! Я ужъ понималъ теперь горькое и ужасное значеніе брошенной мнѣ фразы о «первомъ встрѣчномъ». Позоръ для другого — въ позорѣ для самой себя... Отсюда остается только одинъ шагъ до вывода, что вся ея сумасбродная выходка была дѣломъ нестерпимой ревности и неудавшейся мести. «Око за око, зубъ за зубъ» — она хотѣла отплатить тою же монетой, какой получила оскорбленіе, но—въ болѣе полной, въ болѣе ужасной мѣрѣ. Потомъ я мечталъ. Фантазія моя рисовала и роскошные сады съ журчащими фонтанами, и разбойниковъ, и похищеніе прекрасной незнакомки, и неожиданнаго спасителя, и свалившееся на голову съ неба богатство... впрочемъ, стѣдуетъ ли объ этомъ говорить? Два года я свято исполнялъ требованія незнакомки, да и какъ я могъ узнать ея фамилію или адресъ? Но сама судьба совершенно неожиданно указала мнѣ ее. Однажды зимою я проходилъ по Англійской набережной. Изъ воротъ великолѣпнаго дома выѣхала карета, запряженная парюю вороныхъ лошадей, и остановилась у подъѣзда. Изъ подъѣзда вышла дама, при видѣ которой у меня застучало въ вискахъ, я долженъ былъ схватиться за стѣну, чтобы не упасть.

...Вы, конечно, не обратили вниманія на мою жалкую фигуру въ потрепанномъ пальто и помятой шляпѣ, а я... я узналъ бы васъ только по одному волненію, которое, какъ электрическій токъ, потрясло мою душу. Я узналъ также и ваши гербы на каретѣ, и вашу фамилію, и высокое положеніе, занимаемое вашимъ мужемъ. Я узналъ все это совершенно невольно, вовсе не желая проникать въ чужую тайну.

Вскорѣ меня перевезли изъ Петербурга въ то мѣсто,

изъ котораго я теперь пишу. Уже четыре года отдаляютъ меня отъ туманнаго августовскаго вечера, но каждая черточка этого необычайнаго событія такъ же прочно и такъ же ясно живетъ въ моей душѣ. Не смѣйтесь надо мной и не сердитесь, если я наконецъ рѣшаюсь выговорить, что люблю васъ. Назовите мою любовь только безуміемъ, потому что по-своему я счастливъ и благословляю васъ за то, что вы дали мнѣ четыре года въ моей жизни, четыре года томительныхъ и блаженныхъ страданій. Въ любви только надежда и желанія составляютъ настоящее счастье. Удовлетворенная любовь изсякаетъ, а изсякнувши, разочаровываетъ и оставляетъ на душѣ горькій осадокъ... А я люблю безъ надеждъ, но все съ тѣмъ же неугасимымъ пыломъ и съ тою же нѣжностью, съ тѣмъ же безуміемъ. Я — жалкій парія, полюбившій королеву. Развѣ можетъ быть королевѣ обидна такая любовь?.. И наконецъ вы можете извинить мое сумасшедшее письмо еще и по другой причинѣ. Я пишу вамъ изъ больницы, и сегодня докторъ (старый другъ моего покойнаго отца) сказалъ мнѣ, что жить мнѣ остается не больше мѣсяца. А вѣдь трудно сердиться на умирающаго, особенно, если онъ, стоя на грани этой холодной, черной бездны, посылаетъ вамъ свое благословеніе и вѣчную благодарность.

(Имя и фамилія).

АЛЬ-ИССА.

ЛЕГЕНДА.

За нѣсколько вѣковъ до Р. Х., въ самомъ центрѣ Индостана существовалъ сильный, хотя и немногочисленный народъ. Имя его изгладилось въ исторіи, даже священныя Веды не упоминають о немъ ни одной строчкой. Но старыя факиры, ревностные хранители преданій, говорятъ, что родоначальники этого народа, суровые и безстрашные люди, пришли съ далекаго Запада и въ короткое время покорили своей власти весь Индостанъ. Всѣ раджи и князья Индостана платили имъ дань, а плѣнные рабы обрабатывали ихъ землю. Они не знали ни роскоши ни страха смерти, и это дѣлало ихъ непобѣдимыми.

Этотъ могущественный народъ поклонялся живому существу — женщинѣ, которая называлась богиней смерти. Богиню смерти никто никогда не видалъ, кромѣ двухъ старѣйшихъ жрецовъ. Они же и выбирали ее тайно изъ всѣхъ красивѣйшихъ дѣвочекъ, не достигшихъ еще четырехлѣтняго возраста, воспитывали ее и чудесными, однимъ имъ открытыми способами доводили ея красоту до сверхъестественнаго совершенства. Когда умирала одна богиня смерти, на мѣсто ея двое жрецовъ взводили тотчасъ же другую, но объ этомъ знали только они. Народъ вѣрилъ, что богиня — бессмертна и красота ея неувядаема.

Разъ въ пять лѣтъ, ночью, она выѣзжала изъ своего храма на гигантской колесницѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ и запряженной десятью бѣлыми слонами. Ее встрѣчалъ весь народъ съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, съ зажженными факелами въ рукахъ. Восторгъ толпы доходилъ до бѣшенства. Рубили головы сотнямъ рабовъ, многіе истязали себя бичами и кривыми кинжалами, въ изступленіи бросались подъ колесницу богини, чтобы быть раздавленными слонами и колесами...

Въ одну изъ такихъ ночей жрецами и народомъ избирался для богини смерти мужъ. Только двѣнадцать часовъ былъ онъ ея мужемъ. Утромъ его на кострѣ торжественно приносили въ жертву, потому что всякій, кто хоть разъ увидѣлъ лицо богини, по законамъ подлежалъ немедленной смерти. И несмотря на это каждыя пять лѣтъ двѣнадцать славнѣйшихъ юношей обрекали себя на служеніе страшной богинѣ. Ихъ ожидали такія тяжелыя испытанія, что преданіе насчитываетъ только четырехъ героевъ, удостоенныхъ величайшей чести — умереть мужемъ богини смерти.

Аль-Иссà былъ сыномъ знатнаго раджи. Пятнадцати лѣтъ онъ уже превосходилъ всѣхъ молодыхъ людей смѣлостью, силой и красотой. Самая знатная и гордая красавица Индіи сочла бы счастіемъ назваться его женой. Но Аль-Иссà посвятилъ себя богинѣ смерти.

Онъ долженъ былъ отказаться отъ семьи. Прикосновеніе къ женщинѣ считалось для него преступленіемъ. Во всю жизнь онъ не смѣлъ ни улыбнуться, ни залѣтъ пѣсни... Война и атлетическія упражненія были его единственными занятіями.

И Аль-Иссà выдержалъ тяжелый искусь. Слезы матери и сестеръ не тронули его, когда онъ уходилъ изъ своего роскошнаго дворца. При встрѣчахъ съ женщинами онъ опускалъ глаза и далеко обходилъ лучшихъ

красавиць... Никто никогда не видалъ его смѣющимся или преданнымъ праздному разговору...

Зато скоро имя его стало приводить въ ужасъ самыхъ воинственныхъ сосѣдей. Безъ панцыря, въ одной легкой бѣлоснѣжной одеждѣ, онъ кидался въ самую густую толпу неприятелей. Туловища, разсѣченныя отъ плеча къ бедру, отрубленныя головы, руки и ноги указывали его путь. Встрѣча съ нимъ была неминуемой смертью, и закаленные враги бѣжали передъ нимъ, какъ стада овецъ, съ криками: «Аль-Иссà! Аль-Иссà!..»

Если не было войны, онъ проводилъ время на охотѣ за дикими кабанами и тиграми. Вода изъ лѣснаго ручья и кусокъ хлѣба служили ему пищей, сѣдло — изголовьемъ.

Наконѣць, черезъ три пятилѣтїя, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда выѣзжала на колесницѣ богиня смерти, глашатаи объявили народу имя Аль-Иссà.

Несмѣтная толпа еще съ утра стекалась на огороженную стѣною площадь передъ храмомъ, гдѣ Аль-Иссà ожидали послѣднїя испытанїя. Его имя было у всѣхъ на устахъ. Всѣ знали, что сама богиня смерти, невидимая никѣмъ, смотритъ теперь изъ тайной амбразуры храма на площадь.

Отмѣрили разстоянїе въ двѣсти локтей, вбили въ землю щитъ съ пятью воткнутыми въ него стрѣлами и дали Аль-Иссà громадный лукъ... И Аль-Иссà при громкихъ крикахъ восторга расщепилъ своими пятью стрѣлами пять стрѣлъ на щитѣ.

Потомъ вооружили Аль-Иссà кривымъ кинжаломъ и на площадь выпустили голоднаго, разъяреннаго бенгальскаго тигра.

Аль-Иссà на глазахъ всего народа, истерзанный страшными когтями, обливаясь кровью, перерѣзалъ горло свирѣпому хищнику и наступилъ ногой на его трупъ...

Наконецъ толпа разступилась, и Аль-Иссà подвели злого варварійскаго жеребца. Дикій, черный, съ пламенными ноздрями, онъ еще никогда не носилъ на своей спинѣ оскорбительнаго бремени. Шестеро конюховъ едва удерживали его. Онъ злобно визжалъ, водилъ вокругъ огненными глазами и дрожалъ своей атласной кожей.

Аль-Иссà спокойно подошелъ къ нему и взялся за холку. Конюхи разбѣжались. Народъ въ ужасѣ и смятеніи бросился въ стороны... Въ одинъ мигъ Аль-Иссà уже сидѣлъ на конѣ. Сначала гордое животное только тряслось отъ злобы и оскорбленія... Черезъ минуту конь и всадникъ скрылись изъ глазъ народа.

Прошелъ цѣлый часъ томительнаго ожиданія, когда наконецъ вдали показался Аль-Иссà на взмыленномъ и покрытомъ пылью конѣ. Варварійскій жеребецъ шатался отъ усталости, но былъ послушенъ Аль-Иссà, какъ ручная овечка.

Испытанія Аль-Иссà кончились.

Въ полночь его, одѣтаго въ драгоцѣнныя одежды, умащеннаго ароматами Востока, отвели въ храмъ и оставили одного. Онъ слышалъ на улицахъ ревъ народа, все болѣе и болѣе приближающійся къ храму. Это богиня объѣзжала городъ на своей колесницѣ, запряженной бѣлыми слонами.

Потомъ въ храмъ вошли два верховныхъ жреца — столѣтніе старцы съ волосами бѣлыми, какъ снѣгъ. Жрецы опустили передъ Аль-Иссà на колѣни, облобызали его ноги и потомъ, взявши за руки, повели въ святилище. Тамъ среди фантастической восточной роскоши возвышалось золотое ложе... Курильницы благоухали ароматами Аравіи и Персіи... причудливые фанари лили волшебный свѣтъ... въ золотыхъ клѣткахъ качались нестрыя священныя птицы, шелковыя ткани тяжелыми складками одѣвали стѣны...

Жрецы безмолвно удалились, закрывъ лица руками. Аль-Иссà ожидало блаженство и черезъ двѣнадцать часовъ — мучительная смерть.

Гдѣ-то далеко за стѣной раздалось нѣжное и сладостное пѣніе женскаго хора. Массивныя двери слоновой кости распахнулись... и медленно вошла сама богиня смерти въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, окутанная покрываломъ.

Аль-Иссà кинулся къ ней, дрожащими руками распахнулъ легкую ткань, закрывавшую лицо, и окаменѣлъ отъ ужаса и изумленія...

Передъ нимъ стояла дряхлая старуха, сморщенная, беззубая, со слезящимися глазами и потухшимъ взоромъ.

ДРУЗЬЯ.

— Васька!.. Василь Васильевичъ...

— Мм... Оставь...

— Ваше сіятельство, соблаговолите проснуться.

— Убирайся къ чорту, идиотъ...

— Имѣю честь доложить вашему сіятельству, что у сосѣдей часы только-что пробили два... Позволю себѣ напомнить вашему сіятельству, что если ваше сіятельство опоздаетъ въ ломбардъ, то панталоны вашего сіятельства придется несть въ ссудную кассу... Между тѣмъ вашей свѣтлости, конечно, небезызвѣстно, что ни одна касса въ городѣ не рѣшается принимать на храненіе этотъ предметъ, столь драгоцѣнный въ архаическомъ отношеніи.

— Отвяжись, Оедька... Хоть спать-то не мѣшай...

— Въ такомъ случаѣ я, ваше сіятельство, буду вынужденъ, — какъ глубоко мнѣ это ни прискорбно, — отъ мѣръ кроткаго увѣщаванія перейти къ мѣрамъ принудительнаго характера... Если ты, Васька, сейчасъ же не встанешь, я вылью тебѣ на голову воду изъ графина...

Угроза подѣйствовала. Васька поднялъ со сложеннаго вчетверо сюртука, служившаго ему вмѣсто подушки, свою лохматую черноволосую голову и спросилъ хрипло:

— А который же часъ?

— Я же тебѣ сказалъ, третій. Вставай.

— Мм... Третій?.. — Васька принялся съ закрытыми глазами, полулежа на кровати, чесать голову, потомъ волосатую грудь. Затѣмъ, сразу открывъ глаза и какъ бы окончательно проснувшись, онъ сказалъ рѣшительно:

— Ну что жь?.. Вставать, такъ вставать... Вмѣстѣ, что ли, пойдѣмъ, Оеда?..

— А гдѣ же мы другое пальто возьмемъ, чтобъ итти вмѣстѣ?..

— Ахъ, да, да, дѣйствительно... Ну, такъ ты подожди, я духомъ слетаю...

Васька натянулъ уже на ногу правый сапогъ, какъ вдругъ неожиданно ударилъ себя ладонью по лбу, сдѣлалъ испуганное лицо и выразительно засвисталъ:

— Фью-ю. Вотъ тебѣ и обѣдъ...

— Что такое?

— Развѣ ты вчера не видалъ на столѣ записки?

— Нѣтъ.

— Пойди, прочти.

Оедька, лежавшій полуодѣтымъ на длинной кровати напротивъ Васьки, подошелъ къ столу и взялъ небольшой клочокъ бумаги.

По мѣрѣ того, какъ онъ вслухъ разбиралъ наскоро набросанные карандашомъ іероглифы, лицо его омрачалось все болѣе и болѣе.

— «Не засталъ... извини... брюки... черезъ два дня... до зарѣзу... предложеніе сдѣлать... неловко... крѣпко жму... еще разъ прошу...»

— Чортъ бы его побралъ съ его предложеніемъ! — закончилъ Оедька энергичнымъ восклицаніемъ чтеніе записки. — Хорошій сюрпризъ устроилъ, нечего сказать!

И онъ грузно бросился на свою кровать. Васька давно уже лежалъ, закутавшись до ушей одѣяломъ.

Во всемъ господствовалъ безпорядокъ холодной ком-

наты «съ мебелью». Куски сахара валялись на залитой чернилами скатерти въ перемежку съ табакомъ; два цвѣточныхъ горшка съ чахлыми кактусами, забросанные папиросными окурками, очевидно, замѣняли собой пепельницы; разверстый настѣжъ шкапъ зіялъ полною пустою; на комодѣ, подѣ кривымъ, засиженнымъ мухами зеркаломъ красовался чей-то порыжѣлый башмакъ въ соѣдствѣ съ коробкою зубного порошка, восьмушкой чая и двумя пустыми пивными бутылками.

По своей профессіи Васька Кобылинъ и Оедька Выропаевъ были студентами академіи художествъ. Уже третій годъ жили они неразлучно вмѣстѣ, дружно раздѣляя хроническое безденежье, и обѣды греческихъ кухмистерскихъ, и холодъ нетопленныхъ квартиръ, и всяческія козни и интриги квартирныхъ хозяекъ. Оба обладали несомнѣннымъ талантомъ: Оедька — въ области пейзажа, Васька — въ сферѣ серьезной жанровой живописи. Товарищи называли ихъ двумя Аяксами, такъ какъ они викауда не появлялись другъ безъ друга.

Художники минутъ десять лежали молча. Наконецъ Васька первый нарушилъ молчаніе.

— Однако я голоденъ, какъ волкъ зимою, — сказалъ онъ мрачно.

Оедька, котораго никогда не покидало врожденное зубо-скальство, тотчасъ же откликнулся:

— Ахъ, очень пріятно... Значить, трюфели не окончательно убили аппетитъ вашей свѣтлости... Ну, что же, и отлично: пойдѣте къ Донону и закажемте небольшой завтракъ... Какъ вы находите мою идею?

— Оставь. Не раздражай, — замѣтилъ строго Васька.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, отчего же? Сначала мы выпьемъ рюмки по двѣ водки... можетъ-быть, вы предпочитаете англійскую горечь... или лучше спросить рябиновки?

— Не дури, Оедоръ...

— А на закуску чего-нибудь солененькаго... икорки, напрімѣръ, зернистой... знаете, этакъ на нее лимончикомъ слегка накапать... очень вкусно... не правда ли?..

— Балычку бы осетроваго... — вставилъ Васька, глотая слюну.

— Прекрасно. Потомъ сыркою побалуемся... свѣжимъ... что со слезою бываетъ... Затѣмъ... затѣмъ... затѣмъ знаешь что?

— Что? — спросилъ Васька, поворачиваясь къ товарищу лицомъ.

— Затѣмъ съѣдимъ устриць десяточка по полтора и къ нимъ шабли...

— Ну ихъ къ чорту... Борща бы со свиной.

— Фу, какіе у васъ вульгарные вкусы, князь... На васъ татары глаза вытаращатъ, если вы борща со свиной потребуете... Если вамъ такъ нравятся національныя блюда, закажите себѣ лучше уху стерляжьую... Тамъ ее недурно готовить... Что до меня, я заказываю бульонъ съ греночками... легко и питательно... Потомъ...

— Да?

— Потомъ какой-нибудь рыбы... Не особенно грубой... Стерлядку или форель... Хорошая вещь форель...

— Вкусная?

— Чрезвычайно... Послѣ этого...

— Пива?

— Ахъ, Боже мой, вы убьете меня, князь... Рюмку стараго портвейна или доброй мадеры... больше ничего... Потомъ по хорошему, куску пулярдки, начиненной трюфелями...

— Довольно, Ѳедька... Перестань...

— Бутылку Mouton Rotschild?

— Оставь...

— Съѣдо дикой козы?

— Прекрати...

— Кофе. Ликеры. Десертъ. Пара гаваннѣ, — продолжалъ выкрикивать Оедька. Потомъ онъ внезапно остановился и прибавилъ съ глубокимъ искреннимъ вздохомъ:

— Знаешь, Васенька, теперь бы по большому куску черного хлѣба сожрать... Хлѣбъ такой мягкій, теплый... да еще бы солью его этакъ посыпать хорошенько... А?

— Страсть хорошо.

— Н-да. Хоть бы гривенникъ у кого-нибудь попросить займы.

— Не у кого.

— Пстой, поищемъ. Булаевъ, напримѣръ?

— Я ему и такъ долженъ.

— Лапшинъ?

— Въ больницѣ.

— Илькевичъ?

— Этотъ удавится скорѣй, а не дастъ.

— Чортъ возьми... А у Цапля?

— Ну вотъ еще. Ты самъ говоришь, что Цапля отъ тебя на другую сторону улицы перебѣгаетъ... Развѣ попробовать къ Жданскому забѣжать?

Они долго бы еще перебирали своихъ товарищей, если бы ихъ не прервалъ осторожный стукъ въ дверь.

— Хозяйкинъ мужъ! — быстро шепнулъ Оедька, закутываясь одѣяломъ. — Спи!

Но въ комнату вошелъ вовсе не хозяйкинъ мужъ, а какой-то незнакомый господинъ въ сѣромъ пальто. Нѣсколько секундъ онъ въ недоумѣннн озирался вокругъ себя, пока наконецъ не замѣтилъ выглядывавшаго изъ-подъ одѣяла Ваську и не спросилъ вѣжливымъ теноромъ:

— Г. Выропаевъ?..

Васька показалъ глазами на другую кровать и буркнулъ:

— Напротивъ.

— Это вы-съ г. Выропаевъ? — повернулся незнакомецъ въ сторону Оедьки.

Оедька приподнялся на локтѣ.

— Я дѣйствительно-съ Выропаевъ-съ. Только, вѣроятно, въ адресномъ столѣ вамъ ошибкою указали не того Выропаева-съ...

— Оедоръ Леонтьевичъ?

— Да-съ.

— И художникъ?

— Къ вашимъ услугамъ... Только я вѣдь исключительно пейзажистъ... Портретовъ не пишу.

— Очень пріятно-съ... Но я не думаю вамъ заказывать портрета... Вы мнѣ позволите, надѣюсь, присѣсть и выкурить папироску?

— Пожалуйста.

— Покорнѣйше благодарю васъ. Извините мнѣ одинъ нескромный вопросъ: не родственница ли вамъ была покойная Анна Родіоновна Выропаева?

— Двоюродная тетка... А развѣ старушка уже того?.. перекинулась?..

— Да-съ, Анна Родіоновна умерла мѣсяць тому назадъ, и я долженъ вамъ сказать, что вы оказываетесь ея ближайшимъ наслѣдникомъ.

— Точно въ водевилѣ!

— Не знаю-съ. Объ этомъ не мое дѣло судить-съ. Но я именно затѣмъ сюда и явился, чтобы предложить вамъ мои услуги при полученіи этого наслѣдства...

— Нѣтъ, вы это серьезно?

— Совершенно серьезно-съ. За вычетомъ нѣкоторыхъ расходовъ на веденіе дѣла, вы должны будете получить около двадцати тысячъ рублей.

— Фу ты, дьяволъ!

— Поэтому, если вамъ будетъ только угодно, соблаговолите одѣться... Мы съ вами заѣдемъ сначала куда-нибудь въ ресторанъ, споемся тамъ, какъ слѣдуетъ, о нашихъ съ вами, такъ сказать, личныхъ отношеніяхъ въ

будущемъ, позавтракаемъ, а затѣмъ къ нотаріусу... Пройдетъ вамъ этотъ маленькій проектъ?

— Необыкновенно.

— Затѣмъ, если вамъ только понадобится... (Незнакомецъ полѣзъ въ боковой карманъ сюртука). И мой бумажникъ всегда...

Онъ поглядѣлъ вопросительно на Оедьку.

— Благодарю васъ... потомъ...— сконфузился Оедька.

— Въ такомъ случаѣ, давайте же наконецъ съ вами познакомимся, — приподнялся съ кровати незнакомецъ. — Илья Ивановичъ Шатуновъ, частный повѣренный. Очень пріятно.

Они крѣпко пожали другъ другу руки.

Черезъ двѣ минуты Выропаевъ, окончившій свой туалетъ съ судорожною поспѣшностью и надѣвъ Васькино пальто, уже собирался выйти изъ дверей вслѣдъ за частнымъ повѣреннымъ.

— Оедька, — окликнулъ его вполголоса, высовываясь изъ-подъ одѣяла, Кобыляинъ.

Оедька подошелъ и спросилъ нетерпѣливо:

— Ну, что тебѣ? Говори скорѣе...

— Послушай-ка, вотъ что, Оедька... — Кобыляинъ замялся. Онъ хотѣлъ сказать:—«попроси у этого господина какую-нибудь монету и сунь мнѣ ее незамѣтно». Но, видя нетерпѣніе своего друга, онъ смутился и прибавилъ:

— Вотъ что, Оедька... Да... Позволь тебя, значить, поздравить съ наслѣдствомъ.

— Ахъ, только-то! — воскликнулъ Оедька, нервно пожавъ плечами. — Что же ты меня задерживаешь изъ-за пустяковъ? До свиданія.

Онъ поспѣшно вышелъ, чтобы догнать Шатунова, Васька глядѣлъ ему вслѣдъ... Болѣе сильное страданіе заставило Ваську въ эту минуту совершенно позабыть о голодѣ.

ЗАБЫТЫЙ ПОЦЪЛУЙ.

Это случилось въ тѣ далекія времена, которыя давнымъ-давно сдѣлались для насъ мифомъ.

Въ спальню маленькаго королевскаго сына, сквозь незакрытое ставнемъ узкое и длинное готическое окно съ причудливой чугунной рѣшеткой, ярко свѣтиль мѣсяць. Его лучи ложились на все нѣжными фосфорическими пятнами. Подъ ихъ прикосновеніемъ рѣзко и таинственно выдѣлялись изъ мрака: то затѣйливый узоръ персидскаго ковра, то высокая и прямая спинка рѣзного кресла, то серебристый мѣхъ распластанной на полу звѣриной шкуры, то складки измятаго кружева, то перламутровая инкрустація игрушечнаго колчана и золоченые концы высыпавшихся изъ него стрѣлъ...

Ночь длилась, а свѣтлое пятно на полу, причудливое и правильное, передвигалось съ мѣста на мѣсто. Наконецъ оно освѣтило и колыбель принца. Онъ лежалъ, разметавши ручки, ногой, весь розовый, съ улыбкой на пурпурныхъ полуоткрытыхъ губкахъ. Когда лучи мѣсяца упали на его лицо, онъ вздохнулъ во снѣ и перевернулся на спину.

А въ каскадѣ лунныхъ лучей въ это время купались прекрасныя феи весенней ночи. Онѣ, взявшись за руки, сплетались въ хороводъ, быстро кружились въ немъ и опять расплетались въ длинную подвижную вереницу. При

сіяніи мѣсяца ихъ тѣла казались совсѣмъ прозрачными; ихъ распущенные волосы волнами падали на плечи; онѣ пѣли, смѣялись и, обнявши другъ друга, подымались и опускались въ потокахъ свѣта...

Одна изъ нихъ замѣтила спящаго маленькаго принца. Отставъ отъ своихъ подругъ, она приблизилась къ его колыбели и, обвиншись вокругъ него, поцѣловала его въ полуоткрытыя губы. Онъ вздрогнулъ, проснулся, протянулъ ручонки, но прекрасная фея была уже далеко, увлекаемая своими безпечными подругами въ веселый хороводъ.

Принцъ росъ. Старый король, глядя на него, сокрушено качалъ сѣдой головой. Его будущій наслѣдникъ не любилъ ни охоты, ни стрѣльбы изъ лука, ни воинственныхъ боевыхъ пѣсенъ. Онъ охотиѣ проводилъ время въ кругу придворныхъ дамъ и слушалъ ихъ разговоры, положивъ одной изъ нихъ на колѣни кудрявую голову. Онъ искалъ ихъ ласкъ и любилъ прикосновеніе ихъ нѣжныхъ рукъ. «Онъ не будетъ настоящимъ королемъ», — шепталъ задумчиво отецъ. «Онъ не будетъ настоящимъ королемъ», — повторяли за нимъ придворные.

Старый король умеръ, и его сынъ наслѣдовалъ престолъ. Но онъ не продолжалъ воинственныхъ завоеваній предковъ, не предавался охотѣ за дикими кабанами, зубрами и медвѣдями, не устраивалъ пышныхъ турнировъ, не проводилъ ночей въ кругу свиты за громаднымъ золотымъ кубкомъ стараго вина, при красномъ свѣтѣ смоляныхъ факеловъ. Изнѣженный и праздный, онъ окружилъ себя прекраснѣйшими женщинами страны и переходилъ отъ одной къ другой, изъ объятій въ объятія, отъ устъ къ устамъ. Онъ былъ прекрасенъ, высокій и стройный, какъ дѣвушка, съ неотразимыми глазами, черными, задумчивыми и томными.

Но молодой король не зналъ счастья. Тайная грусть

никогда не покидала его сердца и противъ воли отражалась на его челѣ. Жадной душой онъ искалъ въ объятіяхъ женщинъ чего-то непонятнаго для него самого, чего-то дорогого и совершенно забытаго...

Иногда, при встрѣчѣ съ новой красавицей, ему казалось, что забытое начинаетъ принимать уже ясный образъ, и онъ стремился къ красавицѣ такъ же страстно, какъ цвѣтокъ стремится къ солнечнымъ лучамъ... Онъ уже чувствовалъ, какъ непонятное начинаетъ принимать осязаемыя формы. Горя и волнуясь, онъ выслушивалъ призванія и мольбы... Но охлаждѣвалъ съ первымъ поцѣлуемъ... Тайна опять безслѣдно исчезала изъ его памяти.

Наконецъ поиски за невозможнымъ утомили его. Онъ сталъ блѣднѣть и слабѣть съ каждымъ днемъ. Его ввалившіеся глаза никогда больше не загорались улыбкой...

Однажды ночью, лежа въ своей кровати подъ пышнымъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ короной, онъ почувствовалъ близость смерти и сталъ припоминать всю свою жизнь и вспомнилъ все, кромѣ забытаго. — «Неужели же я умру, не вспомнивъ?» — прошепталъ, ломая руки и метаясь на своемъ ложѣ, умирающій король.

Въ это мгновеніе яркій лучъ мѣсяца упалъ на его глаза, чьи-то прозрачныя обнаженныя руки обвили его шею, чьи-то губы, дрожащія отъ радостнаго смѣха, приникли къ его губамъ.

И король вспомнилъ... Онъ протянулъ руки вслѣдъ улетающему видѣнію... Но руки опустились безжизненно, а на мертвомъ лицѣ застыло выраженіе нестерпимаго блаженства...

БЕЗУМІЕ.

«...Весь день я кожу унылый, обезсиленный, сгорбленный. Суета и шумъ болѣзненно бьютъ по моимъ опустившимся нервамъ, дневной свѣтъ рѣжетъ мои слабые глаза.

«Работа мнѣ опротивѣла, и я уже давно не прикасаюсь къ кисти, — съ того самаго времени, когда мнѣ была за моихъ «Вакханокъ» присуждена золотая медаль. Начатыя картины висятъ на стѣнахъ и на мольбертахъ, покрытыя паутиной. О! Если бы мнѣ удалось передать на полотнѣ то, что уже давно овладѣло моими грезами и снами! Мнѣ кажется, что, если бы кто-нибудь сумѣлъ всю мощь, все напряженіе таланта вылить въ одномъ произведеніи, — онъ навѣки обезсмертилъ бы свое имя. Но возможно ли это для человѣка?..

«Длинный, скучный день проходитъ, вечернія тѣни сгущаются, и мной овладѣваетъ странная, давно знакомая тревога... Я опускаю занавѣси, зажигаю свѣчу и жду сна.

«И каждый разъ, когда я засыпаю, меня посѣщаетъ одно и то же видѣніе. Въ комнату мою входитъ женщина въ бѣлой длинной одеждѣ, — въ такой одеждѣ, какую носили женщины Греціи и Рима. Руки ея безсильно

падають вдоль боковъ, голова поникла... Лицо ея страшно блѣдно, длинныя черныя рѣсницы опущены, вся она кажется сотканной изъ того тумана, который поднимается по ночамъ отъ гнилыхъ болотъ, но губы необычайно ярки и чувственны. Странная женщина медленно подходит ко мнѣ, ложится со мною рядомъ и обнимаетъ меня... Я холодѣю въ ея объятіяхъ, но ея страшныя губы жгутъ меня. Я чувствую, что съ каждымъ поцѣлуемъ она пьетъ мою жизнь медленными глотками... Это дьявольское, мучительное блаженство продолжается до самаго утра, до тѣхъ поръ, пока въ изнеможеніи я не забываюсь тяжелымъ сномъ безъ всякихъ образовъ и видѣній...

«Приходить утро, и опять тянется скучный, сѣрый день... Я съ ужасомъ думаю о наступающей ночи и въ то же время съ нетерпѣніемъ жажду ея. И все время мнѣ кажется, что около меня незримо витаетъ милый, странный, таинственный и туманный образъ.

«Приходить ночь и съ нею — то же видѣніе...

«Чѣмъ это кончится? Я ослабѣлъ, грудь моя ноетъ, я чувствую, что оргическія ночи понемногу истощаютъ мою жизнь...

«Можетъ-быть, я скоро умру, или сойду съ ума? Но раньше этого мнѣ все-таки хотѣлось бы перенести на полотно то, что меня мучитъ...»

На этомъ кончается дневникъ художника. Его картина была выставлена на послѣдней передвижной выставкѣ. Она изображала женщину въ бѣлой греческой одеждѣ. Фигура, руки, плечи, складки полотна, казалось, были написаны ученической кистью, полинялыми, затхлыми красками. Критики единогласно признали картину неудовлетворительнымъ подражаніемъ импрессионистамъ, но между тѣмъ и они и публика простаивали передъ ней много минутъ въ нѣмомъ изумленіи... Вся сила картины сосредоточилась въ лицѣ. Это странное, блѣдное лицо съ

опущенными рѣсницами, изъ-подъ которыхъ вотъ-вотъ готовы были выглянуть пламенные, грѣховные глаза, это лицо съ пунцовыми губами вампира неотразимой силой приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ посѣщавшихъ выставку.

P. S. Картина куплена извѣстнымъ московскимъ меценатомъ за шесть тысячъ руб. На эти деньги авторъ содержится друзьями въ привилегированномъ заведеніи для душевно-больныхъ.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ.

— Вы позволите мнѣ сѣсть вотъ здѣсь на коврѣ, у вашихъ ногъ?

— Если это вамъ доставляетъ удовольствіе... Но съ условіемъ: не глядѣть на меня такъ пристально и такими сладкими глазами... Ну, рассказывайте что-нибудь интересное.

— Вы меня сразу ставите въ безвыходное положеніе. Когда мнѣ говорятъ: «рассказывайте что-нибудь интересное», я совсѣмъ теряюсь...

— Бѣдняжка!

— Кромѣ того, вѣдь вы знаете, что, когда я около васъ, я могу говорить и думать только объ одномъ...

— Что я прекрасна и что вы меня боготворите?

— Что я васъ боготворю и что...

— И что готовы отдать за меня жизнь? Ахъ, Боже мой, какъ вы скучны! Я слышала это отъ васъ, по крайней мѣрѣ, тысячу разъ...

— Другихъ вы слушали благосклоннѣе...

— Не старайтесь казаться злымъ, мой маленькій Мопассанъ. Я къ вамъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ вы заслуживаете... Ай, ай, ай, какъ вы широко раскрыли глаза! Конечно, я къ вамъ очень добра. Я позволяю вамъ безнаказанно говорить о вашей любви, не отказываю, когда вы просите поцѣловать мою руку, не за-

сыпаю, когда вы читаете вслухъ ваши новеллы... Неужели этого мало?

— Конечно, мало. Вы подали нищему корку хлѣба и ставите это себѣ въ заслугу. Вы вѣдь знаете, Нина Аркадьевна, вы не можете не видѣть, какъ я васъ люблю. Ни одна женщина никогда не ошибется въ качествѣ того чувства, которое она внушаетъ мужчинѣ.

— Это я тоже слышала отъ васъ.

— И вы вѣрите мнѣ?

— О, конечно! Я даже не даю себѣ труда сомнѣваться въ этомъ.

— А я ненавижу вашу холодную иронию. Отчего же, если вы видите, какъ я мучусь, и если въ вашемъ сердцѣ нѣтъ даже искры чувства ко мнѣ, отчего вы не прогоните меня изъ простой жалости?

— Но я васъ и не удерживаю. Вы совершенно свободны. Я знаю только, что вы предпочтете мучиться подлѣ меня, чѣмъ вдали, и я вамъ это милостиво разрѣшаю.

— Merci. Вы великодушны.

— Какъ королева?

— Нѣтъ, какъ тигрица.

— Ого! Мы становимся, кажется, немного дерзки?

— Ахъ, какъ бы я желала умѣть быть дерзкимъ! Тогда, навѣрно, вы не иронизировали бы такъ спокойно.

— О, да, безъ сомнѣнія, тогда бы наши роли мгновенно перемѣнились. Я бы бросилась вамъ на грудь, умоляла бы васъ о любви, можетъ-быть, даже заплакала бы. Но вы, навѣрно, отвернулись бы отъ меня съ самымъ убійственнымъ хладнокровіемъ.

— Нѣтъ, не смѣйтесь надъ моими словами, Нина Аркадьевна! То, что я сказалъ про дерзость — не шутка, не легонькая шпилька среди салонной болтовни, а глубокая и страшная истина, содержащая въ себѣ всю пси-

хологію женскаго сердца. Не улыбайтесь заранѣе, — я сейчасъ разъясню свою мысль. Впрочемъ, и мысль-то эта не моя. У Шекспира въ «Ричардѣ III» она высказана съ такой гениальною смѣлостью, что ужасъ охватываетъ, когда читаешь... Помните, тамъ въ I дѣйствіи за погребальной колесницей Генриха VI идетъ его невѣстка лэди Анна. Генрихъ VI и мужъ лэди Анны — Эдвардъ — убиты рукою Глостера (впоследствии Ричарда III) — горбатаго и хромого урода, но въ то же время безгранично дерзкаго человѣка.

„Будь проклята рука убійцы злого, —
говорить лэди Анна: —

И кровь того, кто эту кровь пролилъ.
Будь проклято и сердце, гдѣ сложилось
Рѣшеніе на пагубное дѣло“.

«Въ этотъ моментъ показывается самъ Глостеръ. Только у Шекспира и можно встрѣтить такую чудовищную брань, какой осыпаетъ лэди Анна убійцу. Она плюетъ ему даже въ глаза. Но Глостеръ говоритъ ей только о своей любви. И вотъ, понемногу, лэди Анна остываетъ отъ своего озлобленія, потому она уже слушаетъ краснорѣчивыя слова Глостера и наконецъ даже принимаетъ отъ него въ подарокъ перстень.

„Простися же со мной...“ —

проситъ Глостеръ лэди Анну, уходящую отъ тѣла короля, и она уже не безъ кокетства отвѣчаетъ ему:

„Не много ль будетъ?
Но если ты склонилъ меня на лесть,
То можешь думать, что ужъ я простила“.

«Даже самъ Глостеръ изумленъ скоростью своей побѣды:

„Какъ! я, зарѣзавшій ея отца!
Какъ! я, зарѣзавшій ея супруга,
Пришелъ къ ней въ часъ неслыханнаго гнѣва
Съ однимъ притворствомъ дьявольскимъ, и — что же?
Она моя — наперекоръ всему!“

«Вотъ вамъ картина душевнаго міра женщины, картина, набросанная гигантскими, грубыми мазками, но какъ изумительно, какъ безошадно-вѣрно. Зато только такіе геніи, какъ Шекспиръ, и осмѣливаются бросать въ глаза человѣчеству подобныя сцены... И на самомъ дѣлѣ: развѣ красота, или богатство, или талантъ покоряють женщину? Нѣтъ. Ничто, кромѣ страстнаго, напряженнаго желанія обладать ею. «Любить тотъ, кто безумнѣй лобзаетъ!» — воскликнулъ одинъ русскій поэтъ. Правда, онъ передъ этимъ оговорился: «хороши только первыя, робкія встрѣчи». Эта оговорка, по-моему, прямо дѣло его болѣзненной природы... Вы, можетъ-быть, спросите: почему же женщина все-таки любитъ больше красивыхъ, богатыхъ и талантливыхъ людей? Да просто потому, что они самоувѣреннѣе. Ну какъ, скажите, пожалуйста, вложу я въ свои слова всю силу любви и желанія, если я въ это мгновеніе страдаю оттого, что вы можете замѣтить на моихъ ботинкахъ предательское отверстіе? Или какъ, напримѣръ, осмѣлюсь я излить передъ любимой женщиной все, что у меня накопилось въ душѣ, если я боюсь, что нѣжное выраженіе сдѣлаетъ мое некрасивое лицо смѣшнымъ? Я волнуюсь и потому выражаюсь, вѣроятно, неясно, но вы, мнѣ кажется, понимаете меня? И это вѣдь очень естественно. У мужчинъ такъ много занятій, страстей и увлеченій: честолюбіе, спортъ, служба, наука, любимая идея... А женщина вся живетъ любовью и ради любви. И къ любви поэтому она такъ чутка и такъ ей послушна, какъ мы, мужчины, и представить себѣ не можемъ».

Соймановъ замолчалъ и опустилъ низко свою большую, курчавую голову. Нина Аркадьевна также молча играла кистями своего свѣтло-сѣраго кашемироваго капота, который мягкими длинными складками неясно и красиво обрисовывалъ ея грудь, бедра и стройныя, длин-

ныя ноги. Ея измѣнчивое лицо красивой и капризной женщины было задумчиво.

— А я такъ любить не умѣю и не могу, да и не хочу, по правдѣ сказать, — заговорилъ опять Соймановъ. — Мы — нервныя и тонкія артистическія натуры и любимъ болѣе самаго чувства тѣ чудныя формы, въ которыя оно облекается. Хотите, я вамъ расскажу, какъ я васъ люблю? Только, ради Бога, не перебивайте меня вашими сарказмами. Мнѣ это такъ больно... Знаете, иногда сижу я въ большомъ обществѣ и слушаю, что говорятъ, а то и самъ говорю что-нибудь. И вдругъ, сразу вспомню о васъ. Сердце у меня забьется такъ крѣпко, и сладко, и больно, и чувствую я, какъ тѣснится у меня въ груди дыханіе... Или иной разъ, случайно, увижу я на улицѣ женщину, костюмомъ или фигурой похожую на васъ, и я спѣшу догнать ее, дрожа отъ нетерпѣнія, хотя уже и догадываюсь, что это — не вы. А когда я иду къ вамъ, то передъ лѣстницей всегда остановлюсь: какая-то томительная робость сковываетъ мои руки и ноги. А когда я остаюсь одинъ у себя въ комнатѣ, я сажусь, закрываю глаза руками и все твержу ваше имя: Нина... Нина... Ниночка... Повѣрите ли? Я въ эти моменты удивительно ясно представляю себѣ вашу фигуру и лицо. Только во снѣ вотъ я васъ никакъ не могу увидать, и это меня печалитъ. Мнѣ кажется, что я скоро прибѣгну къ помощи морфія.

— Мнѣ остается только пожалѣть, что вы такъ неудачно помѣстили свои тонкія чувства, — сказала насмѣшливо Нина Аркадьевна. — Другую женщину они сдѣлали бы счастливой.

— Но вы-то, вы сами неужели никогда не знали этикъ тревогъ и этихъ мимолетныхъ радостей?

— Нѣтъ. Можетъ-быть, потому, что у меня никогда не было препятствій. Мнѣ приходилось только выбирать.

— Но вѣдь вы любили же кого-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣли?

— Вы сами знаете, что да.

— И любили же кого-нибудь сильнѣе, чѣмъ другихъ?

— Какъ вы разнообразны, маленькій Мопассанъ! Почти каждый день вы допытываетесь о моихъ романахъ. Неужели они вамъ такъ интересны?

— Ахъ, Нина Аркадьевна, вы никогда не поймете, что это за мучительное чувство—ревность къ прошлому! И вы правы: я никогда не устану васъ спрашивать, кого и какъ вы любили. Вы говорите, а у меня вся душа переворачивается отъ зависти, злобы и ревности, и все хочется еще и еще слушать, до мельчайшей черточки, до послѣдняго душевнаго извива. Такъ и кажется мнѣ, что я всѣхъ ихъ передъ собою вижу: и мужа вашего, и этого красавца—итальянскаго пѣвца, и того гвардейца, который изъ-за пылкой любви къ вамъ отстрѣлилъ себѣ мизинецъ, и сумасшедшаго инженера, растраившаго изъ-за васъ...

— Пожалуйста, не такъ подробно...

— Простите. Я, дѣйствительно, не имѣю права этого касаться... Но скажите мнѣ искренно, неужели на любовь къ нимъ ушли всѣ перлы вашей души?

— Ушли всѣ перлы.

— И васъ совсѣмъ не соблазняетъ любовь—хорошая, пѣкная, удовлетворенная любовь?

— Нѣтъ.

— Почему же нѣтъ? Вѣдь вы молоды еще, прекрасны, свободны...

— Вотъ именно оттого, что я больше всего дорожу свободой и спокойствіемъ. Кромѣ того, въ любви мужчинъ всегда есть что-то... ну, какъ вамъ сказать... ну, *quelque chose de brutale*, и они хороши только до тѣхъ поръ, пока не близки.

— И вамъ никто изъ нихъ въ настоящее время не нравится?

— Я этого не могу сказать. Бываютъ мгновенія... Иногда въ тапсахъ, во время загороднаго пикника, tête-à-tête съ красивымъ и умнымъ собесѣдникомъ во мнѣ просыпается потребность любви. И я люблю эти моменты, но люблю такъ же, какъ люблю бокаль шампанскаго, только... не сладкаго. Не божье.

Соймановъ вскочилъ съ пола и заходилъ въ волненіи по комнатѣ.

— У васъ просто-напросто холодная натура, — сказалъ онъ. — Вы эгоистка и лѣнлива.

— А вы дерзки и злоупотребляете тѣмъ, что я вамъ многое прощаю, какъ талантливому молодому писателю.

Опять они замолчали. Соймановъ первио ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Она слѣдила за нимъ, закусивъ нижнюю губу и слегка улыбаясь.

— А знаете, кого бы я еще могла полюбить? — вдругъ сказала Нина Аркадьевна.

Соймановъ сразу остановился противъ нея въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Во-первыхъ, онъ долженъ быть красивъ. Не хмурьте бровей, потому что вы знаете, что ваша наружность мнѣ нравится. Во-вторыхъ, онъ долженъ быть уменъ, нѣженъ, скромнъ и талантливъ. Кромѣ того...

— Кромѣ того?

— Кромѣ того, онъ долженъ любить меня больше своей жизни.

— Но вѣдь я васъ именно такъ и люблю.

— Не говорите неправды!

— Чѣмъ же я могу вамъ это доказать? Ну, хотите, я по вашему приказанію лишу себя жизни? Хотите?

— Не говорите глупостей. Вамъ, вѣроятно, вспомнилась исторія Клеопатры? Да если бы я и потребовала

этого — вы не исполнили бы. Вы такъ жадно любите жизнь, что у васъ никогда не хватитъ рѣшимости «разстаться съ милой привычкой къ существованію».

Лицо Сойманова нахмурилось еще больше, даже какъ будто бы потемнѣло. Онъ медленно опустился на прежнее мѣсто — у ногъ Нины Аркадьевны.

— Вы очень вѣрно замѣтили о моей любви къ жизни, — сказалъ онъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ. — У меня никогда не хватитъ силъ поднять на себя руку... Но зато у меня... да и вѣроятно, что у меня одного въ цѣломъ мірѣ, есть вѣрное средство исполнить ваше желаніе.

— Чтò же это за таинственное средство?

— Если хотите, я вамъ расскажу. Это цѣлая исторія и, говоря вправду, не совсѣмъ обыкновенная.

— Пожалуйста. Эта необыкновенная исторія чрезвычайно меня заинтриговала.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — началъ Соймановъ: — у меня былъ другъ. Онъ живъ до сихъ поръ. Кто онъ и какъ его зовутъ — не правда ли, это не интересно? Мы долго жили съ нимъ вмѣстѣ и многимъ обязаны другъ другу. Обстоятельства сложились такъ, что я спасъ отъ позора его семью тѣмъ, что внесъ въ казну деньги, растроченныя его отцомъ. Онъ мнѣ тоже оказалъ одну, не менѣе важную услугу. Мы очень любили другъ друга, и я положительно скажу, что нѣтъ жертвы, которую, если бы понадобилось, не принесъ онъ для меня или я для него.

«Однажды онъ досталъ гдѣ-то скляночку синильной кислоты, такъ — грань пять-шесть. По этому поводу мы съ нимъ разговорились о самоубійствѣ. И онъ и я признавали, что бываютъ случаи, когда оно не только протитательно, но и необходимо. А надо вамъ сказать, что милая привычка къ существованію у него еще сильнѣе,

чѣмъ у меня. И вотъ мы дали другъ другу клятву, — не смѣйтесь такъ преждевременно, Нина Аркадьевна, — клятву помочь другъ другу, если это потребуется, — переселиться въ лучшій міръ. Достаточно ему написать мнѣ въ письмѣ только одно слово: «пора»—и я долженъ тотчасъ же ѣхать туда, гдѣ онъ живетъ, незамѣтно разыскать его и оказать ему (конечно, такъ, чтобы онъ меня не видѣлъ) дружескую услугу. Тѣмъ же условіемъ обязался и онъ относительно меня... Съ этихъ поръ и онъ и я носимъ на часахъ одинаковые брелоки».

Соймановъ показалъ Нинѣ Аркадьевнѣ маленькій золотой флакончикъ, прикрѣпленный при помощи кольца къ часовой цѣпочкѣ.

Нина Аркадьевна разсмѣялась.

— Дѣйствительно, романическая исторія. Но я васъ смѣло могу увѣрить, что въ настоящее время и вы и вашъ другъ выросли, стали благоразумнѣе и безопасность отъ полиціи и суда цѣните выше дружескихъ услугъ.

Соймановъ поблѣднѣлъ.

— А я увѣренъ въ противномъ. По крайней мѣрѣ, я бы не посмѣлъ отказать... Вы не вѣрите?

— Конечно, не вѣрю, — насмѣшливо возразила Нина Аркадьевна. И, вставая съ дивана, она прибавила:—Ну, однако, мой романическій писатель, я васъ прогнанию... Теперь двѣнадцатый часъ. Въ этомъ вы можете убѣдиться, поглядѣвъ на свои часы съ роковымъ брелокомъ.

Соймановъ всталъ, поцѣловалъ ея руку и пошелъ къ дверямъ. Но на порогъ онъ какъ будто бы пошатнулся, схватился за косякъ и обернулся назадъ. Выраженіе его блѣднаго лица Нина Аркадьевна не могла забыть потомъ во всю свою жизнь.

— Значить, вы хотите испробовать меня и моего друга? — спросилъ онъ съ кривой усмѣшкой.

И странно: несмотря на то, что ей сердце на мгновение сжалось отъ ужаса, она отвѣчала, смѣясь:

— Ахъ, да, пожалуйста — это будетъ очень интересно.

— Прощайте, — сказалъ Соймановъ.

Черезъ полмѣсяца послѣ этого разговора былъ второй день Новаго года, и Нина Аркадьевна принимала визиты. Последнимъ и особенно надѣвшимъ ей визитеромъ былъ Коко Веселаго, пустой свѣтскій мальчуганъ лѣтъ пятидесяти, съ лысиной и моноклемъ. Онъ славился искусствомъ знать всегда и все ранѣе другихъ столичныхъ сплетниковъ.

— Ну, что же, вы еще не весь вашъ запасъ выгрузили? — спросила Нина Аркадьевна, воспользовавшись минутной паузой въ потокѣ словъ Коко.

— Ахъ, да! — спохватился вдругъ Коко. — Есть и еще одна интересная новость... Какъ это я раньше о ней не вспомнилъ!.. Вы помните этого... ну, какъ его?.. молодой писатель... Ахъ, вспомнилъ, вспомнилъ!.. Сойманова?..

— Отравился? — вдругъ неожиданно для самой себя вскрикнула испуганно Нина Аркадьевна.

— Ахъ, вы уже зна-аете? — протянулъ Коко, разочарованный въ своемъ удовольствіи рассказать свѣжую новость.

Но она уже овладѣла собой и отвѣчала спокойно:

— Да. Мнѣ объ этомъ писали.

УЖАСЪ.

Никто изъ насъ четырехъ не зналъ своихъ случайныхъ спутниковъ. Разговорились мы совершенно нечаянно, какъ можно только разговариваться, сидя другъ противъ друга въ вагонѣ, въ длинный декабрьскій вечеръ. Угарный запахъ желѣзной печки, зловѣщій тускло-желтый полусвѣтъ; разливаемый двумя фонарями, задернутыми занавѣсками, утомительно-однообразный стукъ колесъ, въ тактъ съ которымъ колыхались и вздрагивали на потолокъ вагона уродливыя тѣни, — все это сообщило нашей бесѣдѣ странный, полуфантастическій характеръ. Вспоминались читанные и слышанные рассказы о загадочныхъ явленіяхъ жизни, объяснимыхъ только вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ, о таинственныхъ предчувствіяхъ, о самоубійствахъ и привидѣніяхъ. Сообразно со вкусамъ и кругозоромъ каждому изъ собесѣдниковъ, и рассказы были различнаго свойства. Одинъ изъ насъ, по всей вѣроятности, купецъ, въ медвѣжьей шубѣ такихъ гигантскихъ размѣровъ, что она оказалась бы широкой для самаго крупнаго медвѣдя, склоненъ былъ болѣе всего къ рассказамъ въ религиозномъ духѣ. Въ его случаяхъ фигурировали: то святотатцы, задумавшіе обобрать покойника, стоявшаго въ церкви, то убитый разбойниками монахъ, требовавшій по ночамъ, чтобы его тѣло предали землѣ, то икона въ Новгородѣ, на которой постепенно распрямляются сжатые въ

кулакъ пальцы святого, и когда они окончательно распрямятся — это вѣрный признакъ скорой кончины міра. Другой пассажиръ — студентъ-медикъ перваго курса — пугаль насъ случаями, происходившими въ анатомическомъ театрѣ, случаями, передающимися изъ поколѣнія въ поколѣніе и совершенно недостовѣрнаго свойства. Я тоже, помнится, варьировалъ какой-то изъ необыкновенныхъ рассказовъ Эдгара По, передѣлавъ его на происшествіе съ моимъ хорошимъ знакомымъ. Четвертый себе-сѣдникъ — господинъ въ ушастой мѣховой шапкѣ и въ пледѣ поверхъ пальто — лишь изрѣдка нарушалъ свое молчаніе односложными замѣчаніями.

Поѣздъ несея впередъ. Вагонъ однообразно вздрагивалъ, и вмѣстѣ съ нимъ вздрагивали на потолкѣ уродливыя, тоскливыя тѣни. За окномъ точно бѣжала назадъ небольшая полоса мутно-сѣраго снѣга, едва освѣщаемаго огнями поѣзда. Изрѣдка въ этой полосѣ быстро мелькали грустные черные силуэты оголенныхъ кустовъ и деревьевъ, а дальше глазъ тонулъ въ 'холодной жуткой тѣмѣ, съ которой сливались и небо и снѣгъ равнины, но въ которой чувствовалась бушевавшая мятель. Наши нервы невольно настроились на печальный и таинственный ладъ.

— Конечно, господа, все, что вы сейчасъ рассказали, необыкновенно и очень страшно, — произнесъ вдругъ молчавшій до сихъ поръ господинъ въ пледѣ и въ ушастой шапкѣ. — Но только все это — недостовѣрно. Кто изъ васъ можетъ поручиться за то, что эти случаи дѣйствительно происходили, а не явились плодомъ досужаго вымысла? А я могу вамъ рассказать, если хотите, объ одномъ происшествіи, случившемся лично со мною. Я въ продолженіе всего лишь нѣсколькихъ минутъ былъ одержимъ «ужасомъ сверхъестественнаго», но эти пять-шесть минутъ остались, и я знаю, что онѣ навсегда останутся самымъ главнымъ событіемъ моей жизни, потому что невозможно

одному и тому же человѣку два раза въ жизни перенести такой ужасъ.

Мы очень заинтересовались словами этого господина, и онъ началъ:

— Десять лѣтъ тому назадъ я служилъ по таможенному вѣдомству и былъ смотрителемъ переходнаго пункта въ пограничномъ мѣстечкѣ В. На моей обязанности лежала повѣрка товаровъ, пропускаемыхъ за границу и провозимыхъ изъ-за границы.

«Пунктъ находился на плотинѣ, пересѣкавшей рѣку Збручь. Въ 6 часовъ вечера, въ моемъ присутствіи, сторожа запирали рогатку, и съ этого момента моя служба кончалась. Остальнымъ временемъ я могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, и у меня вошло въ привычку каждый вечеръ отправляться на вокзалъ къ приходу вечерняго курьерскаго поѣзда. На вокзалѣ въ эту пору собирались все чиновники таможи, пограничные офицеры, иногда даже окрестные мелкіе помѣщики. Въ самомъ вокзалѣ было тепло, свѣтло, даже, если хотите, комфортабельно. Многіе являлись съ своими женами и дочерьми, ужинали въ буфетѣ, немного сплетничали, немного флиртовали, иногда составлялась партія ландскнехта, или, по-тамошнему, «дьябелка». Въ одиннадцать часовъ почти одновременно приходили оба поѣзда: и нашъ и австрійскій. Вокзалъ сразу наполнялся разноплеменной публикой, суетливой, шумной, озабоченной. Изрѣдка переѣзжалъ границу какой-нибудь путешествующій инкогнито кронпринцъ, и мы, глядя на него, съ удовольствіемъ убѣждались, что коронованныя особы ужинаютъ съ такимъ же аппетитомъ, какъ и обыкновенные смертные. Случалось также, и даже почти каждый день, что при досмотрѣ задерживалась въ багажѣ крупная контрабанда, или что какую-нибудь изящную даму уводили для обыска въ уборную.

«А контрабанда въ то время попадалась часто и всегда

въ большомъ размѣрѣ. То была счастливая эпоха, о которой теперь только вздыхаютъ поспѣдѣлые въ таможняxъ и пакгаузахъ чиновники.

«Тогда каждый служащій непременно имѣлъ свой кругъ кліентовъ среди контрабандистовъ. Девять разъ онъ пропускалъ запрещенный товаръ, но въ десятый задерживалъ его, по всей строгости законовъ, и получалъ премію. Таковъ былъ уговоръ, и горе тому контрабандисту, который для десятого раза провозилъ товаръ недорогой, или въ маломъ количествѣ. Да на что лучше: такъ хорошо жилось въ то время таможеннымъ чиновникамъ, что они находили неразрительнымъ выпиcывать на свои холостые ужины изъ Львова и даже изъ самой Вѣны шансонетныхъ пѣвицъ.

«Мѣстечко отстояло отъ вокзала на 4 версты. Общества въ немъ не было никакого, если не считать урядника и четырехъ почтовыхъ чиновниковъ, старыхъ, геморройдалныхъ и скучныхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что четырехверстное разстояніе не пугало меня.

«Однажды вечеромъ, въ концѣ ноября, заперевъ по обыкновенію рогатку, я переодѣлся, привелъ въ порядокъ наконившіеся за день документы и вышелъ изъ дому, чтобы идти на вокзалъ. Туда вели двѣ дороги. Одна, болѣе длинная, шла черезъ все мѣстечко и черезъ прилегавшую къ нему деревню Фридриховку; другая, короткая, и собственно даже не дорога, а тропинка, пересѣкала по діагонали огромное пустое поле и выходила на желѣзнодорожный валъ, откуда до вокзала было, какъ рукой подать. Я, конечно, ходилъ всегда полемъ и на этотъ разъ пошелъ тѣмъ же путемъ.

«Былъ часъ этакъ восьмой, или даже девятый въ началѣ. Стояла такая темь, что въ десяти шагахъ уже ничего невозможно было разобратъ. Я шелъ, угадывая дорогу оцущью, ногами: въ томъ мѣстѣ, гдѣ шла тро-

пинка, снѣгъ слежался плотнѣе и издавалъ подь каблукми легкой звукъ. Рядомъ съ тропинкой тянулся рядъ телеграфныхъ столбовъ. Вѣтеръ жалобно звенѣлъ въ обледянѣлыхъ проволокахъ, а самые столбы гудѣли непрерывно и однотонно. Каждый разъ, подходя къ столбу и еще не видя его во мракѣ, я ужъ слышалъ это гудѣніе.

«Началась вьюга. Прямо мнѣ въ глаза, слѣпя ихъ, несся колючій, мелкій и сухой снѣгъ. Сердце мое было неспокойно. Мною овладѣло странное, неприятное и сложное чувство, которое всегда охватываетъ меня, когда я перехожу большія незакрытыя пространства: поля, городскія площади и даже длинныя залы. Мнѣ казалось, что я такъ ужасно малъ и незначителенъ, а разстилавшееся передо мною поле такъ страшно велико, что я никогда не смогу перейти его. И отъ этой мысли я чувствовалъ временами, что все поле начинаетъ подо мною кружиться.

«Иногда я оглядывался назадъ и смотрѣлъ на слабо мерцающіе вдали огоньки мѣстечка. Это меня облегчало и поддерживало. Наконецъ и огни скрылись разомъ, когда я сошелъ въ длинную, плоскую равнину. Вокругъ меня была одна только мутная, бѣлесоватая мгла.

«Этого мѣста я всегда инстинктивно боялся. Почему? — я и самъ не могъ бы сказать. Каждый разъ, проходя этой долиной, я чувствовалъ, какъ безотчетный страхъ, по гомеровскому выраженію, «хватаетъ меня за волосы». И странно! вмѣсто того, чтобы успокоить себя, я всегда почему-то дразнилъ еще болѣе свое воображеніе воспоминаніями разныхъ ужасовъ. Впослѣдствіи я узналъ, что у многихъ, если не у всѣхъ нервныхъ людей есть мѣста, вызывающія такой безотчетный страхъ.

«Я уже сказалъ, что вокругъ меня была только темнота и вьюга... Вдругъ, прямо передъ собой, въ очень значительномъ отдаленіи, какъ мнѣ показалось, я замѣ-

тилъ большое, темное, неподвижное пятно... Я остано-вился и слегка затаилъ дыханіе, чтобы лучше прислу-шаться. Все было тихо; только снѣжинки слабо стучали о мое лицо, да сердце у меня въ груди билось такъ громко, что, казалось, на другомъ концѣ поля можно было разслушать.

«Темный предметъ не шевелился. Я сдѣлалъ пять ша-говъ впередъ и тотчасъ же убѣдился, что темнота и вьюга ввели меня въ заблужденіе относительно разстоянія. Очень близко отъ меня на снѣгу неподвижно сидѣлъ человѣкъ, прислонившійся спиною къ телеграфному столбу.

«Онъ одѣтъ былъ въ шубу, совершенно разстегнутую и распахнутую на груди. Шалки на немъ не было. Онъ сидѣлъ очень ровно и прямо, вытянувъ впередъ сложен-ныя вмѣстѣ ноги и опутивъ руки по бокамъ туловища, такъ, что кисти ихъ уходили въ снѣгъ. Голова была слегка закинута назадъ.

«— Кто вы? — спросилъ я незнакомца.

«Голосъ мой былъ слабъ, какъ шопотъ, робокъ и зву-чалъ точно откуда-то издали. Такъ иногда передъ обмо-рокомъ слышатся голоса окружающихъ.

«Онъ молчалъ.

«— Кто вы? — повторилъ я.

«Ни звука.

«Онъ, вѣрно, замерзъ, или его убили»,—подумалъ я, и эта мысль какъ будто бы успокоила меня.

«Страхъ, стягивавшій на моемъ черепѣ кожу и пробѣга-вшій морозными волнами по моей спинѣ, уступилъ на минуту мѣсто другому чувству — сознанію необходимости помочь ближнему.

«Я подошелъ къ незнакомцу въ шубѣ и разглядѣлъ его. У него было длинное, худое лицо съ тонкими губами, съ длиннымъ, горбатымъ носомъ; козлиная бородка и брови, изогнутыя острыми углами, довершали это странное,

насмѣшливое лицо, лицо интеллигентнаго сатира. Онъ былъ живъ, потому что его глаза слѣдили за мною. Страхъ опять началъ овладѣвать мною, и мои зубы застучали часто и громко.

«— Кто вы? — спросилъ я въ третій разъ задыхающимъ голосомъ, чувствуя, какъ у меня въ горлѣ становится какой-то сухой, колючій клубокъ. Нервы мои были страшно напряжены и изощрены: я замѣтилъ, что на снѣгу около сидящаго человѣка нѣтъ и признака какихъ-либо слѣдовъ.

«Онъ молчалъ и глядѣлъ на меня. И я глядѣлъ на него, не отрываясь. Я уже не могъ отвести отъ него глазъ. Ужасъ — невѣроятный, непередаваемый словами, нечеловѣческій ужасъ оледянилъ мой мозгъ, мою кровь, мое тѣло. Пальцы на моихъ рукахъ и ногахъ свела внезапно судорога.

«Я глядѣлъ на него, не имѣя силъ отвернуться въ сторону. Прошло... я не знаю, сколько прошло секундъ, минутъ... можетъ-быть, даже часовъ. Время остановилось. И вдругъ (голосъ рассказчика возвысился и зазвенѣлъ)... вдругъ незнакомецъ съ тонкимъ и насмѣшливымъ видомъ подмигнулъ мнѣ лѣвымъ глазомъ. Велѣдъ за этимъ лицо его исказилось въ безобразную гримасу, въ какое-то нелѣпое, циничное сочетаніе смѣха и испуга.

«Въ ту же секунду я почувствовалъ, что и на моемъ лицѣ отразилась эта чудовищная гримаса.

«— Ты дьяволъ! Вотъ ты кто! — закричалъ я въ изступленіи злобы и ужаса и изо всѣхъ силъ ударилъ незнакомца ногой по лицу.

«Онъ упалъ, какъ падаютъ мертвые—грузно и не сгибаясь. Я бросился бѣжать прочь. Но ноги не слушались меня,—онѣ сдѣлались точно свинцовыя, и я съ трудомъ передвигалъ ихъ. Я падалъ, вставалъ и падалъ снова. Только во снѣ иногда я испытывалъ раньше по-

добное чувство, когда снится, что хочешь бѣжать отъ невидимаго врага, а ноги не поднимаются, точно къ нимъ привязаны пудовыя гири...

«И въ то же время (это мнѣ передавали уже впоследствии) я кричалъ безъ остановки все одно и то же слово: «— Дьяволъ! дьяволъ! дьяволъ!

«Потомъ сознание оставило меня. Я очнулся дома, на своей кровати, послѣ жестокой болѣзни».

Господинъ въ ушастой шапкѣ замолчалъ.

— Кто же это сидѣлъ на снѣгу? — спросилъ студентъ, слѣдившій за рассказомъ съ большимъ вниманіемъ.

— Потомъ это все разъяснилось, — отвѣтилъ рассказчикъ. — Оказалось, что какой-то австрійскій купецъ шелъ, такъ же, какъ и я, съ переходнаго пункта на вокзалъ, но по дорогѣ его разбилъ параличъ. Онъ кое-какъ дотащился до столба и сидѣлъ около часу, да еще вдобавокъ обморозился такъ, что не могъ шевельнуть ни рукой ни ногой. Его уже потомъ нашли въ десяти шагахъ отъ меня. Оба мы были безъ чувствъ.

— Такъ вотъ, господа, — закончилъ рассказчикъ въ ушастой шапкѣ: — вотъ какой ужасъ мнѣ пришлось испытать. Я не сумѣю и сотой доли передать изъ своихъ тогдашнихъ ощущеній, но лучшимъ доказательствомъ ихъ можетъ служить моя голова.

Онъ поднялъ шапку. Его волосы были бѣлы какъ снѣгъ.

— Это я за одну ночь такъ побѣлѣлъ, — прибавилъ онъ съ грустной улыбкой.

НАРЦИССЪ.

Стемнѣло. Въ гостиной, куда всѣ четверо перешли пить кофе, еще не зажигали огня. Маленькій уголокъ, который хозяйка дома, баронесса Эйзендорфъ, кокетливо называла «своимъ убѣжищемъ», совсѣмъ потонулъ въ темнотѣ. Холеные латаніи, фениксы и филодендроны перепутались надъ головами сидящихъ, точно сводъ какой-то экзотической бесѣдки. Отъ красноватаго свѣта уличныхъ фонарей ихъ длинные листья бросали на потолокъ фантастически-красивый, дрожащій узоръ. Изъ столовой, гдѣ еще горѣли свѣчи, бѣжала по полу, прорвавшись сквозь дверную щель, узкая и длинная свѣтлая полоска, невольно притягивавшая къ себѣ глаза.

Сидѣвшіе въ «убѣжищѣ» — двѣ женщины и двое мужчинъ — составляли дружескую, тѣсную компанію на нѣсколько циничномъ взаимномъ покровительствѣ въ области флирта. Всѣ они были молоды, красивы, независимы и богаты. Баронесса вдовѣла уже четвертый годъ и часто говорила, что никогда больше не выйдетъ замужъ, потому что пользоваться радостями жизни гораздо удобнѣе и пріятнѣе, будучи вдовою. Ея пріятельница Бэтси не имѣла причинъ ей въ этомъ завидовать, хотя и была замужемъ за очень важнымъ, очень старымъ и

очень снисходительнымъ сановникомъ. Обѣ дамы представляли своими лицами и фигурами интересный контрастъ. Баронесса — пышная, томная и лѣтняя брюнетка, чувственная на видъ, но, въ сущности, болѣе иѣжная, чѣмъ страстная — кидалась всякому въ глаза своей тяжелой красотой. Бѣтси съ перваго взгляда не поражала, но въ ней при болѣе близкомъ знакомствѣ чувствовалось такое очарованіе прихотливаго и остраго ума, такая неотразимая прелесть первной, пылкой и большой натуры, безумно жгущей свою жизнь съ обоихъ концовъ, что число ея поклонниковъ далеко превосходило число поклонниковъ баронессы. Она была мала ростомъ, съ изящной, тонкой фигуркой, блондинка, съ нездоровымъ яркимъ румянцемъ, съ громадными сѣрыми глазами и съ нервнымъ подергиваніемъ въ правомъ углу рта. Она очень часто мѣняла свои привязанности. Въ настоящее время ея «рабомъ» былъ гвардейскій офицеръ — князь Чхеидзе, ревнивый, глупый и необыкновенно красивый грузинъ. За баронессой же ухаживалъ Санинъ — молодой присяжный повѣренный, «восходящее свѣтило криминальной адвокатуры», какъ его величали судебные хроникеры газетъ.

— Ахъ, кстати, — сказала баронесса, закидывая назадъ голову и обращаясь къ адвокату: — я совсѣмъ забыла васъ поблагодарить за цвѣты, которые вы мнѣ вчера прислали... прелестный букетъ!

Она въ это время лежала на кушеткѣ, усталая отъ шумно проведеннаго дня и отяжелѣвшая отъ шампанскаго, выпитаго за обѣдомъ. Санинъ сидѣлъ сзади баронессы, облокотившись на спинку ея кушетки.

— Вы, должно-быть, заснули тамъ въ уголку, m-g Georges? — продолжала баронесса. — Вы слышите, что я говорю?

Санинъ лѣтливо повернулъ къ ней голову.

— Слышу, слышу... прелестный букетъ?.. Очень радъ, если онъ вамъ понравился...

— Ахъ, я обожаю цвѣты! Что можетъ быть лучше? И вы какъ будто бы угадали мой вкусъ: ландыши, фіалки и сирень... Все такіе нѣжные, тонкіе ароматы... Бэтси, ты любишь цвѣты?

— О, да, конечно, — отвѣтила Бэтси, тихо покачиваясь въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ. — Но только мнѣ больше нравятся одуряющіе, нѣжные запахи... Напримеръ, я люблю цвѣты магноліи, померанцевые цвѣты... Они пахнутъ такъ сильно, такъ сладко, что у меня является желаніе ихъ ѣсть. Но все-таки любимый мой цвѣтокъ — тубероза. Онъ меня опьяняетъ, точно гашишъ... Когда я слишкомъ долго слышу его ароматъ, мной овладѣваютъ какія-то необъяснимыя, чудныя галлюцинаціи... Потомъ, конечно, наступаетъ головная боль.

— А вы, князь? Какой цвѣтокъ вы любите больше всего? — спросила баронесса.

Князь, который болѣе всего въ мірѣ заботился о томъ, чтобы его считали острякомъ, и который о каждой своей остротѣ предупреждалъ смѣхомъ, вдругъ рѣзко и отрывисто захохоталъ.

— Я совсѣмъ не люблю цвѣтовъ. Я больше люблю самые плоды.

— Animal, que vous êtes! — воскликнула Бэтси и ударила Чхеидзе вѣеромъ по рукѣ. — Говорите серьезно.

Въ темнотѣ послышался звукъ, похожій на поцѣлуй, и князь сказалъ приторнымъ голосомъ, какимъ всегда «восточные человѣки» говорятъ комплименты:

— Самый прекрасный цвѣтокъ роза. Она похожа на васъ, Бэтси.

Баронесса опять закинула голову, чтобы увидать Санина.

— А вы, м-г Georges, отчего же не скажете, какой вашъ любимый цвѣтокъ? — спросила она.

— Мой цвѣтокъ?

Санинъ задумался.

По лицу его вдругъ скользнула какая-то не то грустная, не то нѣжная тѣнь. Повидимому, онъ вспомнилъ что-то очень далекое.

— Нарциссъ, — отвѣтилъ онъ наконецъ.

— Нарциссъ? Фи! Онъ такой вульгарный цвѣтокъ.

— Нѣтъ, это цвѣтокъ влюбленныхъ. Знаете, какъ о немъ говорятъ на Востокѣ?

И Санинъ произнесъ протяжнымъ голосомъ:

„Я шлю тебѣ нарциссъ. По цвѣту листьевъ онъ

Походить на того, кто до смерти влюбленъ.

Въ немъ аромать, какъ въ дѣвѣ въ часъ свиданья,

И блѣдность юноши въ минуту расставанья“.

— Это деликатный, наивный, задумчивый цвѣтокъ. У него такой нѣжный, еле слышный, пряный запахъ. Онъ растеть на блѣдно-зеленомъ хрупкомъ стеблѣ и, сорванный, вянетъ, не доживая до утра.

— Ахъ, Боже мой, какъ чувствительно! — сказала насмѣшливо баронесса. — Вѣроятно, у васъ съ этимъ задумчивымъ цвѣткомъ связаны какія-нибудь деликатныя воспоминанія?

— Какъ же. Есть и воспоминанія.

— Расскажите, пожалуйста... Это, должно-быть, забавно.

— Да, да, расскажите, м-г Санинъ, — попросила Бэтси. — Это очень интересно.

— Да тутъ собственно и рассказывать-то нечего, — сказалъ Санинъ, подавляя притворную зѣвоту. — Просто — глупыя воспоминанія молодости... Я былъ студентомъ тогда и, конечно, сильно нуждался. Прочелъ я какъ-то въ газетныхъ объявленіяхъ, что ищутъ на лѣто въ

отъѣздъ репетитора-студента. Я и поѣхалъ въ одинъ крошечный уѣздный городишко, на югъ Россіи. Помню, что дорогою я все думалъ: каковы эти люди, съ которыми мнѣ придется провести цѣлое лѣто? Стану ли я къ нимъ въ отношенія члена семьи, или меня будутъ третировать, какъ «наемника»? О томъ семействѣ, куда я ѣхалъ, я зналъ только одно: что тамъ есть гимназистъ приготовительнаго класса, котораго я долженъ былъ подготовить къ дальнѣйшему курсу.

«Мой патронъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, и встрѣтилъ съ такимъ теплымъ и простымъ радушіемъ, что всѣ мои опасенія мигомъ разсѣялись. Да и одна его наружность успокоила бы всякаго. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ Сервантесъ говоритъ: «толстый — слѣдовательно добрый человѣкъ». Все въ немъ дышало неисчерпаемымъ добродушіемъ, кротостью, здоровымъ юморомъ и хорошимъ аппетитомъ. Его звали Матвѣемъ Кузьмичомъ. Въ городѣ онъ занималъ мѣсто уѣзднаго врача. Лѣтъ ему было за пятьдесятъ и, пожалуй, сильно за пятьдесятъ.

«По дорогѣ съ вокзала домой, Матвѣй Кузьмичъ сказалъ мнѣ:

«— Я долженъ васъ, батенька, объ одной вещи предупредить (батенька — было его любимое, ласкательное обращеніе). Знаете, чтобы не вышло какой-нибудь этой непріятности... Жена у меня — иѣмая... Какъ родила второго ребенка — мертваго, такъ съ тѣхъ поръ и лишилась языка... Но слухъ у нея остался прекрасный... Такъ вотъ я и говорю, батенька, чтобы какъ-нибудь не этого... Ну, да вы меня сами понимаете.

«Пріѣхали мы. Одноэтажный домикъ, бѣлый, подъ зеленой крышей, съ чистенькими стеклами, самаго веселаго и привѣтливаго вида. Большая терраса сплошь затянута зеленою дикаго винограда. Глядя издали на та-

кіе дома, всегда почему-то чувствуется, что въ нихъ люди живутъ тихой и уютной жизнью.

«На террасѣ насъ встрѣтила Викторія Ивановна — хозяйка дома. Несмотря на весьма понятное чувство жалости, которое она во мнѣ возбуждала, я невольно остановился передъ ней, пораженный ея странной красотой: такими рисуютъ художники-символисты ангеловъ. Представьте себѣ высокую и тонкую — именно воздушную фигуру, необыкновенно бѣлое, почти безъ тѣней лицо и длинные, египетскаго очерка глаза, полные молчаливой грусти и въ то же время загадочные, какъ у сфинкса. Надѣтъ былъ на Викторіи Ивановнѣ бѣлый костюмъ какого-то фантастическаго покроя, весь въ продольныхъ складкахъ.

«— Витя, представляю тебѣ такого-то, — сказалъ Матвѣй Кузьмичъ, подводя меня къ женѣ. — Это — студентъ, будущій Колинъ репетиторъ.

«Она пристально поглядѣла на меня, молча наклонила голову и медленно протянула мнѣ руку, прикосновеніе которой заставило меня вздрогнуть точно отъ внезапнаго предчувствія.

«Чѣмъ дальше я наблюдалъ Викторію Ивановну, тѣмъ загадочнѣе она для меня становилась. Въ ней было, по видимому, полное равнодушіе къ жизни и ко всѣмъ ея проявленіямъ. И утромъ и вечеромъ, и за обѣдомъ и во время прогулокъ я ее видалъ все съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, на которомъ какъ будто бы навѣкъ застыло тоскливое выраженіе... Только къ своей прекрасной наружности и къ своему всегда фантастическому туалету относилась она съ особенной, тщательной заботливостью. Она любила болѣе, чѣмъ всякая женщина въ мірѣ, смотрѣть въ зеркало и простаивала передъ нимъ чрезвычайно долго.

«У нея не было, какъ это бываетъ у большинства нѣ-

мыхъ, желанія во что бы то ни стало говорить съ окружающими. Азбуки нѣмыхъ на пальцахъ она, повидимому, не знала, а къ жестамъ прибѣгала очень рѣдко. Зато она съ болѣзненной страстностью любила музыку и цѣлые вечера проводила за фортепiano. Играла Викторія прекрасно, но, что бы она ни исполняла, — всегда вкладывала въ произведеніе одинъ и тотъ же отпечатокъ застенчивой, молчаливой тоски.

«Интересно и трогательно было видѣть отношеніе Матвѣя Кузьмича къ женѣ. Этотъ большой, толстый человѣкъ, годившійся ей по годамъ въ отцы, держался съ нею точно виноватый и любящій ребенокъ. Кажется, не было ни одного желанія, ни одного каприза, котораго бы онъ тотчасъ же не исполнилъ, если бы этотъ капризъ пришелъ въ голову Викторіи. Но Викторія принимала его нѣжное и внимательное ухаживаніе со своимъ обычнымъ тоскливымъ равнодушіемъ, и лишь изрѣдка, при особенно настойчивыхъ разспросахъ о здоровьѣ, между ея бровей появлялась чуть замѣтная нетерпѣливая морщинка. Этого бывало совершенно достаточно для того, чтобы Матвѣй Кузьмичъ мгновенно исчезалъ съ испуганнымъ видомъ изъ комнаты.

«Прошло недѣли двѣ или три.

«Необыкновенное чувство, испытанное мною при первомъ знакомствѣ съ нѣмой хозяйкой, не проходило. Наоборотъ, между мной и ею создалась какая-то таинственная, ненормальная связь. Стоило ей, хотя мелькомъ, посмотреть на меня сзади, я въ ту же секунду чувствовалъ на себѣ ея взглядъ и оборачивался не инстинктивно, какъ это бываетъ обыкновенно, — но съ полной увѣренностью, что именно она на меня смотритъ. Мы съ ней никогда ни о чемъ не говорили (мало ли сколько способовъ можно было найти для обмѣна мыслей), но если я читалъ что-нибудь вслухъ или рассказывалъ о

чемъ-нибудь, я всегда зналъ, что она сидитъ тутъ же, рядомъ и не отводитъ отъ меня своихъ удивительныхъ глазъ. Когда же она въ сумеркахъ садилась за фортепiano, я забивался подалеже, въ темный уголъ, и слушалъ ее, и былъ готовъ безъ конца слушать... Эта странная духовная связь не походила на начинающійся флиртъ: въ ней было что-то неестественное, жуткое...

«Однажды въ началѣ юня, какъ теперь помню, въ воскресенье, день выдался особенно жаркій... И люди и животныя дышали съ трудомъ. Въ густомъ раскаленномъ воздухѣ чувствовалась надвигающаяся гроза, но гроза не приходила.

«Наступилъ вечеръ. Отблескъ потухающей зари придавалъ тяжелымъ сизымъ тучамъ кровавый оттѣнокъ. Темнѣло поразительно быстро. Я стоялъ на террасѣ, прислонившись къ столбу, объятый тѣмъ ноющимъ томленіемъ, которое всегда овладѣваетъ мною передъ грозой... Вдругъ привычная, властная сила заставила меня быстро обернуться назадъ... Рядомъ со мной стояла Викторія. Затѣмъ произошло нѣчто непостижимое, ужасное... Я до сихъ поръ не знаю, почему это случилось:—виновато ли во всемъ электрическое напряженіе близкой грозы, или я прочелъ въ ея глазахъ страстный призывъ,—наши руки сплелись въ дикомъ объятіи, и наши губы встрѣтились долго и мучительно-сладко.

«Мы ничего не сказали другъ другу — ни словомъ ни жестомъ. Очнувшись отъ этого внезапнаго поцѣлуя, Викторія освободилась изъ моихъ рукъ, вынула изъ-за корсажа свои маленькіе часы и показала мнѣ сначала цифру XII, а потомъ на окно. При этомъ она знакомъ показала мнѣ, что если я постучусь, то окно отворится.

«Около 11 часовъ гроза утихла. Я вышелъ на улицу, взволнованный мыслью о предстоящемъ свиданіи и объ его необычайности. Небо было ясно, чисто и казалось

бездоннымъ. Луна свѣтила съ какой-то назойливой яркостью. По срединѣ улицы лежали рѣзкія черныя тѣни домовъ. Воздухъ былъ насыщенъ острымъ запахомъ послѣ-грозовой свѣжести и тягучимъ ароматомъ бѣлой акаціи.

«Проходя палисадникомъ, я замѣтилъ грядку нарциссовъ, бѣлѣвшихъ въ темнотѣ, нагнулся и, сорвавъ одинъ, вдѣлъ его въ петличку сюртука. Потомъ, тихо скользя въ полуотворенную калитку, я подошелъ къ окну, выходящему изъ спальни Викторіи въ палисадникъ.

«Окно было затворено, и, прикинувъ къ нему лицомъ, я ничего не могъ разглядѣть, кромѣ черной мглы. Удерживая дыханіе, я постучалъ еле слышно въ стекло. Окно медленно и беззвучно отворилось.

«И вдругъ я увидѣлъ передъ собою всего въ какомъ-нибудь полуаршинѣ лицо Матвѣя Кузьмича, блѣдное, взволнованное лицо, съ глазами, неестественно блестящими отъ яркаго луннаго свѣта.

«Я инстинктивно схватился за палку.

«— Оставьте. Не дѣлайте глупостей,—сказалъ онъ со спокойной горечью въ голосѣ. — У жены теперь нервный припадокъ. Проходите кругомъ на террасу. Я сейчасъ тамъ буду. Намъ надо поговорить.

«Ошеломленный, уничтоженный, взбирался я по ступенямъ террасы. Матвѣй Кузьмичъ уже ждалъ меня.

«— Садитесь,—указалъ онъ на скамейку и самъ опустился рядомъ со мной.

«Въ темнотѣ мы не видали лицъ другъ друга, но я чувствовалъ, что съ моего лица не сходитъ горячая краска.

«— Видите ли,—сказалъ Матвѣй Кузьмичъ ровнымъ голосомъ, въ которомъ однако, слышалось подавленное страданіе: — видите ли, я зналъ, что жена назначила вамъ сегодня ночью свиданіе, и я не хотѣлъ этому мѣшать.

«— Почему? — спросилъ я шопотомъ.

«— Почему? Позвольте этого вамъ не объяснять. Скажу только одно: вотъ уже четвертый годъ я — ея мужъ только по имени. И я не помѣшалъ бы вамъ сдѣлать поступокъ, недостойный васъ, если бы съ Викторіей Ивановной не случился нервный припадокъ... Понимаете: она не вынесла этихъ волненій въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и теперь съ ней истерика.

«Я молчалъ, а Матвѣй Кузьмичъ продолжалъ съ тѣмъ же дѣланнымъ спокойствіемъ:

«— Я вамъ и завтра не буду мѣшать. Я не принадлежу къ числу ревнивцевъ, защищающихъ свое счастье съ револьверомъ въ рукахъ... Да я въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ и не имѣю на это нравственнаго права... Живите у насъ на какихъ угодно основаніяхъ... Дѣлайте что угодно... только... только, прошу васъ... не обращайтесь меня въ сказку города. Мнѣ это было бы слишкомъ тяжело...

«— Нѣтъ, на это я никогда не соглашусь, — возразилъ я, тронутый его самоотверженными словами.

«— Да? Не согласитесь? — Въ голосъ Матвѣя Кузьмича послышалось радостное возбужденіе. — Не согласитесь?.. Вы не повѣрите, какъ мнѣ отрадно это слышать... Вѣдь вы съ перваго раза произвели на меня впечатлѣніе такого честнаго человѣка... Я почти былъ увѣренъ, что вы не согласитесь.

«— Конечно же, не соглашусь.

«— Ну, а теперь — самое послѣднее... Вамъ остается взять ее съ собою. Въ ея согласіи и сомнѣваться нечего. Она за вами пойдетъ хоть на край свѣта. Хотите вы этого?

«Я не отвѣтилъ ни звука. Я не зналъ, что мнѣ сказать.

«— Дѣлайте, какъ вы найдете лучшимъ. Все зависитъ отъ васъ. Я не имѣю права ни совѣтовать ни отгова-

ривать, хотя долженъ сказать, что Викторію Ивановну я обожаю, даже больше — я молюсь на нее... Но я позволю себѣ сказать только одно... Попробуйте вы обратиться къ своей совѣсти и къ своему уму. Черезъ годъ, ну, скажемъ, черезъ два, не станетъ ли вамъ въ тягость вѣчная совмѣстная жизнь съ нѣмой женщиной, съ уродомъ?.. Я самъ за васъ отвѣчу — да. А если такъ, то одно изъ двухъ: или вамъ жизнь сдѣлается несноснымъ бременемъ, или, что еще хуже, вы бросите Викторію — и тогда до конца вашихъ дней вы не избавитесь отъ сознанія сдѣланнаго вами жестокаго и несправедливаго поступка. Я ее знаю. Она никогда не вернулась бы ко мнѣ послѣ этого...

«Слезы щипали мои глаза. Я поднялся со скамейки.

«— Простите меня, Матвѣй Кузьмичъ, — сказалъ я, ища въ темнотѣ его руку. — Я уѣзжаю завтра.

«Въ темнотѣ я не видѣлъ его лица. Но пожатіе его руки было такъ крѣпко и искренно, что съ моей души точно скатился камень».

Санинъ замолчалъ.

— И это все? — спросила черезъ минуту баронесса.

— Все, — отвѣчалъ Санинъ.

Баронесса разсмѣялась принужденнымъ, нервнымъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось ревнивое чувство.

— Очень интересный романъ. Какъ это поэтично: нѣмая Пентефрія и цѣломудренный студентъ!

Санинъ нагнулся, взялъ руку баронессы, поцѣловалъ ее и сказалъ извиняющимся тономъ:

— Ахъ, баронесса, это, вѣдь, было такъ давно...

НЕГЛАСНАЯ РЕВИЗІЯ.

Иванъ Петровичъ былъ еще сравнительно молодъ, но уже въ достаточной степени строгъ и справедливъ. Всегда безукоризненно и солидно одѣтый, съ серьезнымъ лицомъ, украшеннымъ модною бородкой-клинушкой, съ безстрастнымъ взглядомъ холодныхъ глазъ, съ почтительной, хотя и твердой рѣчью — онъ былъ гордостью начальства, надеждою всего департамента.

Этому многообѣщающему молодому человѣку не доставало только эффектнаго случая, чтобы окончательно завоевать будущее, но такъ какъ онъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ судьбы, то и случай не замедлить представиться. Его превосходительство пришелъ однажды въ департаментъ мрачнѣе тучи и быстрыми шагами прослѣдовалъ въ кабинетъ, таинственно кивнувъ по дорогѣ головою Ивану Петровичу.

Иванъ Петровичъ вошелъ твердой поступью, съ приятнымъ и открытымъ видомъ, исполненнымъ немедленной готовности. Начальство обвилو его рукою за талію и полудружески, полу-покровительственно увлекло въ амбразуру окна. Здѣсь оно съ разстановкой надѣло пенснэ, приподняло кверху брови, сдѣлало нижней губой значительную мину и взяло двумя пальцами пуговицу сюртука своего подчиненнаго. Всѣ эти признаки, ничего не значащіе въ глазахъ непосвященнаго, предвѣщали однакоже,

что разговоръ приметъ нѣсколько таинственный характеръ.

— ...Мм... Видите ли, голубчикъ, — произнесъ генералъ внушительнымъ тономъ: — вамъ предстоитъ очень серьезное порученіе... Пусть оно будетъ вашимъ, такъ сказать, э... какъ это называется?.. Ну, подводнымъ камнемъ, что ли?

Иванъ Петровичъ понялъ настоящую мысль своего начальника и молча поклонился.

— Получилъ я на-дняхъ анонимное письмо. Извольте взглянуть... Раскрываютъ злоупотребленія... Вы понимаете, каково наше положеніе? Съ одной стороны, нельзя безъ вниманія оставить, по вѣдъ и гласности предать невозможно. А? Нанишешь, да потомъ и самъ не радъ будешь, какъ всякая гадость на свѣтъ Божій полѣзеть. Вы понимаете, въ этомъ дѣлѣ такъ, съ бухты-барахты нельзя вѣдъ; нужно умѣть... э... какъ это называется?..

— Лавировать, ваше-ство?

— Именно, именно... Вотъ вы и поѣзжайте... Не то, чтобы официально, а, такъ сказать, негласнымъ образомъ... Ну, да вы сами знаете, какъ тамъ... Письмецо это съ собой захватите на всякій случай!.. Въ немъ довольно обстоятельно все изложено...

Иванъ Петровичъ поѣхалъ. Путешествіе было продолжительное, и онъ имѣлъ довольно времени, чтобы обдумать планъ предстоящихъ дѣйствій. Въ душѣ онъ очень одобрялъ начальство за то, что оно именно ему, а не кому другому, поручило это щекотливое дѣло. Это не докладную какую-нибудь составить: приходится лавировать между оглаской и правосудіемъ. Иванъ Петровичъ въ подобныхъ случаяхъ незамѣнимъ (по правдѣ сказать, это былъ первый случай въ его жизни, потому что онъ очень недавно вышелъ изъ одного привилегированнаго заведенія). Онъ наблюдателенъ и неподкупенъ. Въ сущ-

ности, вѣдь каждаго человѣка подкупить легко: иного разжалобишь тѣмъ, что прикинешься дурачкомъ, другого смягчишь обѣдомъ и партіей винта, третьяго собьешь съ толку алломбомъ. Иванъ Петровичъ неподкупенъ. Онъ сдержанъ, сухъ, отлично знаетъ человѣческую натуру, и его провести не такъ-то легко. Ему, конечно, нѣтъ никакого дѣла до этого Персюкова, который не показывалъ къ зачету какія-то тамъ переходящія суммы; главное—возстановить нарушенную идею справедливости и порядокъ.

Правда, въ предстоящемъ дѣлѣ придется провѣрять какія-то книги и суммы. Это тоже непріятная сторона порученія. Иванъ Петровичъ слышалъ, что есть на свѣтѣ двойная и итальянская бухгалтерія, слышалъ также, что слово «транспортъ» пишется внизу страницы и подчеркивается толстой чертой, но дальше его свѣдѣнія по этой части не простирались. И развѣ это такъ уже важно? Вовсе нѣтъ. Нужно только сумѣть сразу взять этого таинственнаго незнакомца, Персюкова, въ руки, ошеломить его сухостью, величественнымъ безпристрастіемъ, и онъ самъ покажетъ, что нужно. Что ни говорите, а знаніе людей — громадное преимущество въ рукахъ того, кто имъ умѣетъ пользоваться.

Такимъ образомъ первыя сутки дороги Иванъ Петровичъ былъ только справедливъ, но на вторыя, благодаря тряскѣ и утомленію, онъ сталъ и озлобленъ. Неизвѣстный Персюковъ сдѣлался его личнымъ врагомъ, подлежащимъ немедленному и самому жестокому распеканію.

Наконецъ поѣздъ остановился. Иванъ Петровичъ взялъ свой изящный чемоданчикъ (онъ не любилъ тратиться на то, что могъ сдѣлать самъ), надѣлъ пенснэ и, изобразивъ на лицѣ совершенно такую же значительную мину, какую онъ привыкъ видѣть ежедневно на лицѣ своего генерала, вышелъ на платформу.

Онъ не успѣлъ еще пройти десяти шаговъ, когда за нимъ послышался чей-то голосъ.

— Если не ошибаюсь, Иванъ Петровичъ?

И удивленный Иванъ Петровичъ не успѣлъ обернуться, какъ тотъ же голосъ продолжалъ:

— Имѣю честь представиться: Персюковъ.

Голосъ былъ сладкій, умиленный и въ то же время и рѣшительный. Иванъ Петровичъ увидалъ передъ собою грузную, мужественно-нескладную фигуру и квадратное лицо, украшенное носомъ въ самомъ отечественномъ стилѣ—въ видѣ хорошаго картофеля. Толстыя губы складывались въ заискивающую улыбку, а глаза смотрѣли изъ-подъ нависшихъ верхнихъ вѣкъ умно и пылливо.

— Не узнаёте меня? — продолжалъ между тѣмъ Персюковъ, завладѣвъ рукою Ивана Петровича и горячо пожимая ее. — А вѣдь мы съ вами однажды въ Петербургѣ встрѣтились.

— Извините, пожалуйста, но я положительно не помню...

— Ахъ, какъ же это? Молодой человекъ, а память вамъ измѣняетъ! Я имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ, если не у Трухачевыхъ, то уже во всякомъ случаѣ у Протопоповыхъ.

Хотя «молодой человекъ» порядкомъ покоробилъ Ивана Петровича, но, на всякій случай, онъ счелъ не лишнимъ изобразить на своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ пріятнаго изумленія. «Чортъ его знаетъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ встрѣчались».

Натискъ, произведенный на него врагомъ, былъ такъ неожиданъ, такъ не согласовался со всѣми теоретическими правилами веденія войны, что Иванъ Петровичъ былъ быстро сбитъ съ точки. Инициативой дѣйствія и нравственнымъ верхомъ самовольно завладѣлъ и, надо сознаться, завладѣлъ довольно грубо, предприимчивый Персюковъ.

Долговязый малый въ синемъ казакинѣ со шнурами и лампасами принялъ изъ рукъ Ивана Петровича его багажъ, а черезъ двѣ минуты и самъ Иванъ Петровичъ сидѣлъ рядомъ съ Персюковымъ въ легкихъ санкахъ, которыя мчала пара великолѣпныхъ сѣрыхъ рысаковъ, покрытыхъ синей сѣткой.

Персюковъ заливался соловьемъ; оказывается, что онъ выѣхалъ на вокзалъ нынче совершенно случайно, «привѣтриться». Онъ очень радъ, что имѣетъ возможность избавить уважаемаго Ивана Петровича отъ неприятной необходимости мерзнуть на почтовыхъ.

Уважаемый Иванъ Петровичъ больше молчалъ. Его всегда нѣсколько тошнило отъ быстрой ѣзды. Онъ кутался въ поднятый воротникъ пальто и внутренно шилить себя. Во-первыхъ, на привѣтствіе Персюкова ему слѣдовало отвѣтить какъ можно суше и уже ни подъ какимъ видомъ руки не подавать. Во-вторыхъ, онъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ все это такъ быстро случилось, и у него не нашлось ни одного слова, чтобы «осадить» и «обрѣзать». Въ нѣжномъ тонѣ и въ любезныхъ манерахъ Персюкова было что-то до того увѣренное и опредѣленное, что ему сопротивляться было положительно невозможно. Иванъ Петровичъ махнулъ рукой и предалъ себя мысленно судьбѣ.

Кучеръ сдержалъ великолѣпныхъ рысаковъ передъ домомъ Персюкова. Домъ былъ небольшой, очень скромный, безъ претензій на шикъ, но, видимо, построенный согласно съ требованіями разумнаго и долговѣчнаго комфорта, какъ строились въ старое, доброе время барскіе дома.

Персюкова внезапно осѣнила счастливая мысль.

— Знаете что, — обратился онъ трогательно-умильнымъ голосомъ къ Ивану Петровичу: — можетъ-быть, вы у меня немного передохнете послѣ дороги?

— Нѣтъ, нѣтъ, вкорнѣйше васъ благодарю, — энер-

гично запротестовалъ Иванъ Петровичъ: — мнѣ никакъ нельзя... у меня тамъ... дѣла разныя.

Это была послѣдняя его попытка заявить свою самостоятельность. Персюкову такъ сладко и такъ рѣшительно настаивалъ, что опять пришлось подчиниться. Несмотря на всѣ отказы и извиненія, Иванъ Петровичъ былъ почти снятъ съ саней и введенъ въ домъ, причемъ его поддерживали подъ локти: съ одной стороны хозяинъ, а съ другой—долговязый малый въ синемъ казакиѣ, несшій чемоданъ.

— Милости прошу въ мою берлогу. — сказалъ Персюковъ, введя своего гостя въ небольшую, уютную комнату. — Вы на меня не будете въ претензіи, если я васъ на одну минуточку оставляю?

Онъ вышелъ. Оставшись одинъ, Иванъ Петровичъ внимательно оглядѣлъ «берлогу». Комната была обставлена умѣло и со вкусомъ и, какъ видно, съ большими средствами. Дорогая мебель краснаго дерева, обиліе рѣдкихъ растений, нѣсколько приличныхъ масляныхъ картинъ придавали ей солидный тонъ.

Иванъ Петровичъ теперь начиналъ сознать, что превеличенная любезность Персюкова, продолжительное его отсутствіе—словомъ, все клонится къ тому, чтобы окончить дѣло обѣдомъ. Положимъ, онъ могъ этого избѣжать: стоить только взять шапку и уйти. Но, разъ уже сдѣланъ цѣлый рядъ ошибокъ — одна лишняя вовсе не имѣетъ особеннаго значенія. Это разсужденіе тѣмъ болѣе успокоивало Ивана Петровича, что онъ начиналъ уже чувствовать порядочный голодъ. Онъ бы, пожалуй, и совсѣмъ успокоился, если бы его не мучилъ трудно разрѣшимый вопросъ: дѣйствительно ли пріѣхалъ Персюковъ на вокзалъ случайно, или его кто-нибудь раньше уведомилъ?..

Черезъ нѣсколько минутъ показался въ дверяхъ хозяинъ, въ сопровожденіи высокой, пышной брюнетки.

— Позвольте васъ познакомить съ моей женой...

Иванъ Петровичъ поклонился такъ, какъ всегда кланялся съ дамами: одною головой, не сгибая спины. Этотъ поклонъ выходилъ очень красиво у одного знакомаго ему кавалергарда.

— Мнѣ при первомъ же знакомствѣ приходится передъ вами извиниться, — сказалъ онъ съ обычной ему въ этихъ случаяхъ серьезной вѣжливостью. — Я только что съ дороги...

— И вамъ совсѣмъ не въ чемъ извиняться, — возразила она. — По-моему, чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Помните только, что вы не въ Петербургѣ, а въ гостепріимной провинціи...

Она засмѣялась. Голосъ у нея былъ грудной, низкій, очень пріятный, а смѣхъ звучный и заразительный, но безъ всякой вульгарности. Перебрасываясь незначительными фразами съ Иваномъ Петровичемъ, она не спускала съ него глазъ, и по этому взгляду, любопытному и привѣтливому, немного ласкающему, онъ заключилъ, что произведенное имъ впечатлѣніе было самое благопріятное.

Между тѣмъ исчезающій поминутно Персюковъ опять появился въ комнатѣ и пригласилъ обоихъ къ столу.

— Не обезсудьте за скромную трапезу, — говорилъ онъ, заставляя съ почтительной фамильярностью пройти въ двери первымъ Ивана Петровича, который немного стѣснялся.

Теперь, впрочемъ, Иванъ Петровичъ сопротивлялся совсѣмъ слабо. Скромная трапеза состояла изъ жареныхъ устрицъ, бульона съ какими-то удивительными пирожками, таявшими во рту, холодной осетрицы, дичи и замѣчательной толстой бѣлой спаржи. Столъ былъ сервированъ безукоризненно, и на немъ, несмотря на зимнее время, красовался большой букетъ

геліотроповъ, «изъ собственной оранжерейки», какъ пояснилъ потомъ, самодовольно улыбаясь, Персюковъ. За столомъ прислуживалъ благообразный лакей, не въ питяныхъ, а въ свѣжихъ замшевыхъ перчаткахъ. Вина подавались тонкія и дорогія, не изъ тѣхъ хересовъ комадеристѣе, которые такъ любитъ хлѣбосольная и надкая на разноцвѣтные ярлыки провинція, но настоящія, выдержанныя французскія вина. Съ каждымъ глоткомъ душистой влаги Иванъ Петровичъ чувствовалъ, какъ въ груди его таяло справедливое негодованіе и умолкали грубые перуны.

Разговоръ за обѣдомъ весьма естественно вертѣлся около желѣзнодорожныхъ путешествій и приключеній. Это дало возможность Ивану Петровичу рассказать нѣсколько интересныхъ эпизодовъ изъ своей прошлогодней поѣздки за границу. Онъ умѣлъ рассказывать очень недурно и не безъ юмора, но, какъ всѣ большіе себялюбцы, оживлялся только тогда, когда говорилъ о самомъ себѣ.

По тому, какъ его слушали, сказывалась разница между мужемъ и женой. Персюковъ слушалъ разсѣянно: то съ преувеличеннымъ вниманіемъ, то совсѣмъ не слушалъ, поглотенный какими-то мыслями. Если Иванъ Петровичъ обращался къ нему лично, то онъ суетливо поддакивалъ, или смѣялся и тотчасъ же добавлялъ:

— А вотъ попробуйте-ка этого лафита. Какъ вы находите, есть букетъ?..

Валентина Сергѣевна не перебивала его ни однимъ словомъ; когда онъ обращалъ голову по ея направленію, она поднимала глаза отъ тарелки и внимательно глядѣла въ его глаза, изрѣдка переводя ихъ на губы, что въ свою очередь тотчасъ же невольно дѣлалъ и Иванъ Петровичъ. Это его смущало, но въ то же время было ему почему-то пріятно. Когда она смѣялась, — смѣхъ сначала загорался въ ея глазахъ, а потомъ уже трогалъ губы,

что очень шло къ ней и придавало улыбкѣ интимный оттънокъ.

Обѣдъ кончился. Валентина Сергѣевна предложила пить кофе въ другой комнату.

— Вотъ мой любимый уголокъ, — сказала она, показывая на мѣсто около каминна.

Каминъ, около котораго стояли удобная козетка и два кресла, совсѣмъ былъ отгороженъ отъ всей комнаты: съ одной стороны—пiano, съ другой—широколистыми, раскидистыми пальмами и трельяжемъ изъ какого-то вьющагося растенія. Въ этотъ уголокъ былъ поданъ кофе, ликеръ и ящикъ съ сигарами.

Иванъ Петровичъ, неподкупная совѣсть котораго уже теперь не заявляла о своемъ существованіи, глубоко усеѣлся въ кресло, втянулъ полусжатými губами нѣсколько капель густого, захватывающаго духъ ликера, посмаковалъ его на языкѣ и принялся медленно, со значіемъ дѣла обрѣзывать дорогую сигару.

Зимній вечеръ замѣтно темнѣлъ. Красный свѣтъ каминна трепеталъ на полу, на зеркалахъ, на потолокъ; длинныя, причудливыя тѣни отъ пальмъ дрожали и перепутывались; вмѣстѣ съ тепломъ сладкая лѣнь охватила тѣло.

Иванъ Петровичъ провелъ сигарой подъ носомъ и вдохнулъ расширенными ноздрями ея ароматный дымъ. Присутствіе красной женщины, которая съ каждой минутой правилась ему все больше и больше, вмѣстѣ съ блаженнымъ состояніемъ послѣобѣденнаго покоя, совсѣмъ его размягчили.

— Удивительное дѣло, — сказали онъ медленнымъ голосомъ: — ничто такъ не сближаетъ людей, какъ каминъ и полутѣма. Отчего это?

Персюкова совсѣмъ не было видно въ тѣни между растеніями. При послѣднихъ словахъ онъ нагнулся, чтобы

наполнить рюмку Ивана Петровича и поглядѣть, мимоходомъ, на его лицо. Взглядъ былъ внимательный, испытующій, какъ у осторожнаго доктора, который прописалъ больному новую микстуру и наблюдаетъ за ея дѣйствиємъ. Однако онъ ничего не сказалъ, опять ушедши въ тѣнь пальмъ.

— Я думаю, это оттого, — отвѣчалъ самъ себѣ Иванъ Петровичъ: — что у всѣхъ, сидящихъ вмѣстѣ у камина, одно и то же настроеніе. Мирное такое, задумчивое, почти грустное, можетъ-быть...

— Домашніе пенаты незримо присутствуютъ, — отзывался откуда-то голосъ Персюкова.

Иванъ Петровичъ повернулъ голову и даже прищурился, но изъ свѣта не разглядѣлъ Персюкова, сидѣвшаго въ темнотѣ.

— Можетъ-быть, и пенаты, — согласился онъ. — А главное—это обстановка. На дворѣ ни свѣтло ни темно; по-польски это называется «шара година» — очень удачное выраженіе, по-моему. Въ комнатѣ пахнетъ такъ хорошо (онъ понюхалъ воздухъ), теплого духами, немного лакомъ и деревомъ отъ рояля. Тепло, полутьма, и дремлетъ, и вспоминается что-то, и куда-то манить, ждешь чего-то неизвѣстнаго...

Онъ остановился и поглядѣлъ на Валентину Сергѣевну. Ему казалось, что она оцѣнитъ его манеру говорить и опять проведетъ по его лицу своимъ ласкающимъ взглядомъ. Но она не шевельнулась, продолжая сидѣть со скрещенными на груди руками и закинутой на спинку козетки головой. Изъ всего ея лица ему видны были только ея ротъ и подбородокъ.

— Чего-то таинственнаго, поэтическаго хочется, — продолжалъ Иванъ Петровичъ, неотступно глядя на освѣщенную часть лица Валентины Сергѣевны и думая въ то же время о томъ, что навѣрно этотъ «бестія» Пер-

сюкова слѣдитъ за нимъ самимъ съ такимъ же вниманіемъ изъ своего темнаго угла. — Жаль, что я не знаю хорошихъ стиховъ. Или тоже хорошо бы теперь слушать длинную чудесную сказку, но только вѣрить ей, какъ, бывало, вѣрилось въ дѣтствѣ.

Онъ замолчалъ. Въ комнатѣ слышалось только слабое хрустѣніе угольевъ.

Персюковъ вдругъ быстро поднялся, тихо отодвинулъ свой стулъ и, мягко ступая по ковру, подошелъ къ Ивану Петровичу.

— Вы меня простите, пожалуйста, Иванъ Петровичъ, — сказалъ онъ: — мнѣ сейчасъ нужно съѣздить по одному дѣлу.

— Скоро ты пріѣдешь? — лѣниво спросила Валентина Сергѣевна, не оборачивая головы.

— Не знаю, голубчикъ. Черезъ часъ, можетъ-быть, черезъ два. Дѣло ужъ очень снѣжное. Ты постарайся, чтобы Ивану Петровичу не было скучно... Я не прощаюсь...

Онъ вышелъ на цыпочкахъ, тихо и плотно затворивъ за собою дверь.

Пока не стихли его шаги, ни гость ни козлыка не сказали другъ другу ни слова. Ему казалось, что въ этой тишинѣ между ними устанавливается непреодолимая близость.

Она заговорила первая.

— Вотъ вы сейчасъ сказали, что нахуетъ лакомъ, и потомъ—про дѣтство. Скажите, случалось съ вами, что иногда какой-нибудь звукъ или запахъ вдругъ вызоветъ цѣлую картину изъ прошлаго? Особенно ярки воспоминанія, связанные съ запахомъ. Знаете, когда я слышу запахъ этого самаго свѣжаго лака, мнѣ сейчасъ же представляется такая картина: я еще совсемъ, совсемъ маленькая, лѣтъ семи или восьми, и стою въ углу, лицомъ къ стѣнѣ. Можетъ-быть, я была наказана, не знаю. Стѣна

покрашена коричневой краской, густо такъ... и я отдираю эту краску ногтемъ. Солнце въ это время садится; на полу четырехугольныя пятна отъ оконъ, совсѣмъ багровыя... Откуда-то, неизвѣстно, пахнетъ не то лакомъ, не то яблоками. И вы не можете себѣ представить, какъ вдругъ грустно сдѣлается и хорошо... Точно жаль, что нельзя этого воротить... Съ вами бываетъ что-нибудь подобное?

Она обернула къ нему голову лѣниво-граціознымъ движеніемъ. Глаза ея, только-что оторвавшіеся отъ огня, еще не потеряли неопредѣленнаго, мечтательнаго выраженія.

Иванъ Петровичъ только теперь вполне постигъ и оцѣнилъ красоту ея лица: блѣднаго, чувственнаго и чрезвычайно нѣжнаго, съ низкимъ лбомъ и яркими губами...

У Ивана Петровича было тяжелое, грубое и однообразное дѣтство, о которомъ онъ не любилъ никогда вспоминать. Но на вопросъ Валентины Сергѣевны онъ отвѣчалъ утвердительно, и такъ живо и радостно, какъ будто бы она въ немъ возбудила самыя дорогія воспоминанія... Его почти безсознательно тянуло перевести разговоръ на почву неясныхъ мыслей и тонкихъ ощущеній.

Опять, такъ же, какъ и за обѣдомъ, ихъ глаза встрѣтились. Она закусила нижнюю губу; Ивану Петровичу опять стало неловко и пріятно.

— Зачѣмъ вы смотрите такъ долго? — сказала вдругъ Валентина Сергѣевна шопотомъ.

Но сама она глазъ не отвела; наоборотъ, въ нихъ загорѣлся вызывающій, дерзкій смѣхъ.

И, внезапно разсмѣявшись громко, она поставила свою ладонь между его и своими глазами и такъ близко къ его лицу, что онъ ощутилъ ея душистую теплоту. Его сердце сжалось и дрогнуло. Онъ хотѣлъ поцѣловать эту теплую ладонь, но не рѣшился; когда же она отняла руку, онъ досадовалъ на себя, зачѣмъ этого не сдѣлалъ.

Каминъ начиналъ потухать. Красный полумракъ становился гуще. Съ каждой минутой дѣлалось все болѣе жутко и пріятно. Теперь нужно было или окончить эту неловкость, или совершенно отдаться минутѣ и случаю.

— А я не ожидалъ, что вы слышали мои слова, — сказалъ Иванъ Петровичъ, чтобы только нарушить напряженное молчаніе. — Мнѣ показалось — вы, глядя на огонь, совсѣмъ ушли въ себя.

Она перевела глаза на огонь, и лицо ея опять стало мечтательнымъ.

— О, нѣтъ, я васъ внимательно слушала... Вы чуть-чуть не выразили одной моей любимой мысли... Только не досказали...

— Хотите, я теперь доскажу?..

— Нѣтъ, вы не угадаете... Это трудно. Ну, хорошо, говорите.

— Вы задумались надъ моими словами, что иногда хочется чего-то неизвѣстнаго... непохожаго на повседневную прозу, что бы шло, можетъ-быть, въ разрѣзъ... въ разрѣзъ... ну, хоть даже съ общественной моралью...

— А дальше?..

— Дальше? А вы мнѣ скажите раньше, угадалъ я?

— Не совсѣмъ... Впрочемъ, я все равно теперь своей мысли не скажу... Все-таки, что же дальше? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, подождите, у меня на этотъ счетъ есть своя цѣлая философія... Только я боюсь, что вамъ будетъ неинтересно..

Ему было настолько интересно, что онъ всталъ съ кресла и сѣлъ рядомъ съ ней на козетку.

— Видите ли...—начала Валентина Сергѣевна быстро и немного волнуясь. — Но я боюсь за свой языкъ, совсѣмъ не умѣю имъ владѣть... Видите ли: вѣдь никому неизвѣстно, что было съ человѣкомъ до его рожденія... Я вотъ закрываю глаза и стараюсь припомнить, что было раньше. И ничего, ничего нѣтъ, кромѣ вѣчной

темноты. Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую, не думаю. И вдругъ, откуда-то, точно полоса свѣта, жизнь. Я живу, понимаю, могу говорить, двигаться. Но вѣдь это все только на мгновеніе. Наступитъ старость, потомъ смерть... А потомъ? Опять та же неизвѣстность, опять, стало-быть, тотъ же холодъ, то же ужасное «ничто». Для чего же это мгновеніе свѣта? Кто мнѣ растолкуетъ его смыслъ? Чтò это? Случай? Ошибка чья-то? Недодуманность? Вѣдь не могу же я думать, что кто-нибудь подшутилъ надъ всѣмъ человѣчествомъ? Я читаю и слышу постоянно, что всѣ мы, люди, одарены разумомъ и волей, и это насъ связываетъ въ братскую семью. Ахъ! Ничего этого я не вижу и не хочу признавать! Я вижу толпу, бессмысленную, раздавленную страхомъ смерти, толпу, которая судорожно цѣпляется за этотъ кусочекъ жизни и свѣта... Мнѣ самой становится страшно и противно!

Она замолчала и нагнула низко голову, приглядываясь къ огню.

Иванъ Петровичъ слѣдилъ за ея словами и движеніями, точно наэлектризованный. Онъ видѣлъ, какъ высоко поднималась ея волнующаяся грудь, видѣлъ, какъ посреди полутьмы сверкало красное отраженіе огня въ ея широко раскрытыхъ глазахъ, какъ трепетали и раздувались ея тонкія, розовыя отъ камня поздри... Онъ замѣтилъ, какъ мягкія складки платья опредѣляли форму всей ея стройной, крѣпкой ноги. Теперь въ этой душной и теплой атмосферѣ, пахнущей мускусомъ, виномъ, вышитое Иваномъ Петровичемъ за обѣдомъ, сразу кинулось ему въ голову.

Онъ замѣтилъ, что ея рука, слабо блѣвшая въ темнотѣ, небрежно лежала на козеткѣ. Почти безсознательно, робѣя и волнуясь, онъ положилъ свою руку рядомъ; такъ, что ихъ мизинцы соприкоснулись.

«Замѣтила она или нѣтъ? Если отниметь руку, я изви-нюсь», — думалъ Иванъ Петровичъ.

— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, — сказалъ онъ вслухъ: — вы меня очень заинтересовали.

— Если такъ ужасна смерть, — продолжала Валентина Сергѣевна: — и такъ страшно-коротка жизнь, зачѣмъ же я ее буду дѣлать скучной и безрадостной? Я хочу веселья и смѣха, — мнѣ угрожаютъ общественнымъ мнѣніемъ; я хочу наслажденія, — мнѣ говорятъ про долгъ и про обязанности! Да для чего же все это? Кому нужна моя исполнительность передъ этимъ самымъ долгомъ? Ну, представьте себѣ, что я иду куда-нибудь далеко нѣшкомъ и несу за спиной тяжелый мѣшокъ съ драгоценностями. По дорогѣ я навѣрно узнаю, что у меня мой мѣшокъ завтра же отнимутъ. Ну, развѣ я не благоразумно поступлю, если я сброшу съ плечъ эту обузу, продамъ ее, расшвыряю деньги на вѣтеръ и хоть день, хоть часъ буду счастлива, какъ хочу?

Иванъ Петровичъ жадно ловилъ ея слова, переводя ихъ тотчасъ же языкомъ разговаривавшей въ немъ страсти. Онъ уже не сомнѣвался, что аллегорія о мѣшкѣ заключала въ себѣ нѣкоторымъ образомъ «разрѣшеніе на свободу дальнѣйшихъ дѣйствій». Удивительною казалась лишь головоломная быстрота, съ которою приближалась развязка. «Что это? Капризъ избалованной женщины? Мгновенная вспышка долго, можетъ-быть, сдержаннаго желанія?» — размышлялъ онъ, между тѣмъ какъ все его тѣло охватывала и сладко сжимала сердце тянущая истома, знакомая ему истома, похожая на страхъ и на ожиданіе. «Или это явленіе психоза, болѣзненнаго расстройства нервовъ? Или — одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда женщины изъ минутной вспышки гнѣва и ревности дѣлаютъ то, въ чемъ потомъ каются въ продолженіе всей жизни?»

Иванъ Петровичъ все сильнѣе прижималъ ея мизинецъ; она руки не убирала.

— Значить... значить, вы вѣрите только въ наслажденіе? — спросилъ онъ тихо, совсѣмъ замирающимъ голосомъ.

Темнота сдѣлала его смѣлымъ и безумнымъ. Онъ взялъ рѣшительнымъ движеніемъ ея маленькую, нѣжную и сильную руку и крѣпко сжалъ въ своей рукѣ. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и сдѣлала движеніе, чтобы вырвать руку — онъ пожалъ ее вторично.

Тогда внезапно она вся обернулась къ нему и, отвѣчая порывистымъ пожатіемъ, прошептала:

— Да, да, въ одно наслажденіе...

Иванъ Петровичъ также въ свою очередь повторилъ это слово, но врядь ли теперь и онъ и она понимали, что говорили. Слова теряли свой смыслъ, оставались только звуки, произносимые страстнымъ, волнующимся шепотомъ.

— А если вамъ нѣпагодъ препятствія?

— Я ихъ не знаю.

— Безъ нихъ нельзя. Ну, скажите, на примѣръ, что бы вы сдѣлали, если бы вамъ кто-нибудь сильно понравился?

— Я заранѣе не могу сказать. Вѣроятно, поступила бы такъ, какъ велитъ сердце.

— Но вы замужемъ.

Она нѣсколько секундъ помолчала, и, когда заговорила, ея голосъ звучалъ глухо.

— Вѣдь мы окружены такою непроницаемою стѣною выдуманныхъ условій, что изъ нихъ выбраться нѣтъ силъ. И зачѣмъ объ этомъ говорить? Зачѣмъ сопротивляться тому, что манитъ? Помните, у кого это?

„Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!“

— Дальше, дальше,—просилъ Иванъ Петровичъ, когда она сразу замолчала, точно спохватившись:—ради Бога, продолжайте.

Она вздохнула такъ глубоко и прерывисто, какъ будто ей не хватало воздуха, и кончила еле слышно, но выразительно отгбнныя слова:

— „Что здѣсь думать? Я твоя, ты—мой.
Все забудь, все брось, мнѣ весь отдайся!
На меня такъ грустно не гляди!
Разгадать, что въ сердцѣ, не пытайся!
Весь ему отдайся—и иди!“

Ея глазъ ему не было видно; онъ хотѣлъ раземотрѣть ихъ выраженіе. Но, когда онъ совсѣмъ близко нагнулся къ ней, аромат ея тѣла и духовъ опьянилъ его. Не помня себя, онъ обвилъ руками ея станъ; сцѣпивъ пальцы съ пальцами, притянулъ къ себѣ ея тѣло и сталъ цѣловать ея губы, глаза, шею...

Валентина Сергѣевна въ ту же секунду очулась...

— Оставьте меня, пустите, — воскликнула она сердито и, какъ видно, съ намѣреніемъ громко. — Вы сошли съ ума!

Ивана Петровича не испугали бы гнѣвныя слова. Онъ, какъ большинство мужчинъ, инстинктивно держался того мнѣнія, что сопротивленіе дѣлаетъ только блансе триумфа побѣдителя, и кромѣ того быть слишкомъ взволнованъ для непрекословнаго послушанія. Но переменна, происшедшая въ Валентинѣ Сергѣевнѣ за какія-нибудь двѣ секунды, просто ошеломила его. Съ лица сбѣжало выраженіе нѣги, оно стало сразу холоднымъ и нѣсколько грубымъ; голосъ, вмѣсто лѣбныхъ бархатныхъ нотъ, зазвучалъ холодно и криливо... Онъ невольно опустилъ руки.

Валентина Сергѣевна тотчасъ же встала, подошла къ двери и, пріотворивъ ее, крикнула:

— Маша! — подайте огня!

Иванъ Петровичъ раздраженно пересѣлъ на свое кресло, поправляя распустившіеся волосы. Ему вдругъ припомнился весь сегодняшній позорный день, и жгучая краска стыда прилила къ его щекамъ.

«Околпачили, околпачили!» — твердилъ ему какой-то внутренній злорадный голосъ, и Иванъ Петровичъ молчалъ, какъ убитый, не поворачивая головы, хотя и чувствовалъ на себѣ вопросительный взглядъ Валентины Сергѣевны.

Горничная внесла лампу, поставила ее на столъ и вышла, скользнувъ любопытно-лукавымъ взглядомъ по обоимъ собесѣдникамъ.

Валентина Сергѣевна, заслоняясь рукой отъ свѣта, рѣзавшаго глаза, упорно глядѣла на Ивана Петровича, такъ что онъ невольно поднималъ голову. Ея лицо выражало тревогу. Онъ понялъ ея мысли, и напряженная, злая улыбка искривила его губы.

Она нерѣшительно подошла къ нему и дотронулась до его волосъ.

— Зачѣмъ вы сердитесь, если сами виноваты? Ну, а если бы кто-нибудь вошелъ?

Она хотѣла загладить свою, можетъ-быть, невольную жестокость.

Чувство стыда возрастало въ несчастномъ Иванѣ Петровичѣ, принимая невыносимые размѣры. Онъ дорого далъ бы теперь за возможность быть какъ можно дальше отъ этой кокетливой комнаты и отъ этой красивой женщины, казавшейся ему пять минутъ назадъ такой очаровательной.

Наконецъ онъ не выдержалъ.

— Скажите, пожалуйста, скоро вашъ супругъ вернется? — спросилъ онъ грубо и не глядя на нее.

— Не знаю, — отвѣчала она удивленнымъ и обиженнымъ тономъ: — можно послать за нимъ, если хотите.

Видѣть въ настоящую минуту Персюкова было бы для Ивана Петровича еще горшей мукой. Онъ уже давно въ умѣ рѣшилъ плюнуть на всю эту дурацкую ревизию, гдѣ онъ держалъ себя такимъ подлымъ образомъ. Нужно было только выдумать приличный предлогъ, чтобы ретироваться.

Предлогъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не выискивался, и Иванъ Петровичъ пошелъ напроломъ.

— Простите меня, — сказалъ онъ, вставая и глядя въ землю: — и извинитесь за меня передъ вашимъ мужемъ... Къ сожалѣнію, я не могу больше ожидать... Мнѣ нужно тутъ... я долженъ еще поспѣть въ одно мѣсто.

Она его не удерживала, молча протянувъ ему руку. Она начинала понимать и отчасти переживать его состояніе.

Онъ взялъ свою шляпу, дошелъ до дверей, но внезапно остановился, подумалъ секунду или двѣ и вдругъ быстро подошелъ къ ней.

— Вотъ еще что, Валентина Сергѣевна, — произнесъ онъ дѣланно-суровымъ голосомъ: — передайте отъ меня вашему мужу, чтобы онъ осторожнѣе обращался съ переходящими суммами. На него анонимные доносы пишутъ!

Этимъ предупрежденіемъ Иванъ Петровичъ окончательно подписалъ свой позоръ. Эффективный случай былъ безвозвратно потерянъ.

Онъ стоялъ и кусалъ молча свои розовые, выхоленные ногти; его терзали неловкость и бѣшенство. Ему хотѣлось плакать, хотѣлось надавать себѣ пощечинъ, хотѣлось до конца испить всю горечь стыда и сладость самобичеванія.

— Скажите еще вашему мужу, прекрасная Клеопатра, — воскликнулъ онъ голосомъ, въ которомъ дрожали побѣда и сдержанные рыданія: — пусть онъ ежедневно бла-

годарить Создателя за то, что попалъ на такого пижона, какъ я; иначе ему пришлось бы очень плохо... Мнѣ поручено было произвести негласную ревизию... Какъ видите, я блестящимъ образомъ выполнилъ возложенное на меня порученіе... Имѣю честь кланяться... Вы не думайте, что я могу вамъ быть вреднымъ... Если хотите, я въ вашихъ рукахъ оставляю противъ себя письменный документъ...

Съ этими словами, едва сдерживая нервныя слезы, которыя жгли ему горло, онъ кинулъ на столъ анонимное письмо и, не прощаясь, надѣвъ въ комнатѣ шляпу, бѣгомъ выбѣжалъ въ переднюю.

Едва за нимъ затворились двери, какъ изъ другой комнаты показался Персюковъ. Его квадратное лицо сіяло самой невинной радостью. Онъ никуда и не думалъ уѣзжать и прекрасно слышалъ все происходившее.

Онъ подкрался неслышными шагами къ своей женѣ, занятой чтеніемъ письма, осторожно обвилъ ее рукою за шею (отчего она слабо вскрикнула), отогнулъ ея голову назадъ и медленно, съ чувствомъ, запечатлѣлъ долгій, благодарный поцѣлуй на ея яркихъ губахъ.

Эти нѣжные супруги давно уже привыкли понимать другъ друга безъ лишнихъ словъ.

ДУХЪ ВЪКА.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Каждый разъ, когда Истомнымъ овладѣвалъ знакомый приступъ лихорадки, онъ перебирался изъ своего комфортабельнаго, просторнаго кабинета въ маленькую, тѣсную, темную комнату, которая служила въ обыкновенное время гардеробной. Комната эта такъ и называлась въ домѣ «папинымъ лазаретомъ». Кромѣ сундуковъ, въ ней стоялъ диванъ стариннаго, неуклюжаго фасона, жесткій и неудобный, съ прорванной обивкой и вылѣзающей изъ нея паружу мочалкой. Этотъ ветхій предметъ долго возмущалъ хозяйственную и аккуратную Вѣру Платоновну. Много разъ поднимала она разговоръ о необходимости продать его старьевщикамъ и даже ссорилась по этому поводу съ мужемъ, но Павелъ Егоровичъ, всегда уступчивый, мягкій и покладистый въ сношеніяхъ съ людьми и совершенно равнодушный къ мелочамъ жизни, — оказывалъ въ этомъ вопросѣ стойкое сопротивленіе.

— Какъ! Продать стараго, преданнаго, испытаннаго друга?—восклицалъ онъ, мѣшая, по своему обыкновению, шутку съ искреннимъ чувствомъ.—Нѣтъ, это будетъ хуже, чѣмъ предательство! Вѣдь сколько мы со старикомъ передумали и перечувствовали въ мои лихорадочныя ночи. И какъ вѣрно служилъ онъ мнѣ во время моихъ кошмаровъ. Онъ бывалъ для меня попеременно то лошадыю съ огненными

ноздрями, то лодкой, то дельфиномъ, то палубой корабля, то бѣлымъ индѣйскимъ слономъ... Нѣтъ, я съ нимъ не въ силахъ разстаться, Вѣрочка...

И, дѣйствительно, только тогда Истоминъ начиналъ чувствовать себя немного лучше во время своихъ жестокихъ пароксизмовъ, когда водворялся на этомъ диванѣ и покрывался старой-престарой, еще отцовской снотовой шубой, которая, такъ же, какъ и диванъ, только на этотъ случай и держалась въ домѣ. Очень можетъ быть, что капризная любовь Истомина къ дырявому дивану и къ изъѣденной молью шубѣ проистекала изъ какого-нибудь страшно отдаленнаго воспоминанія о болѣзни, перенесенной въ дѣтствѣ, когда точно такъ же онъ лежалъ на старинномъ диванѣ, покрытый чьей-то теплой, старенькой шубой.

Какъ только Павелъ Егоровичъ водворялся на диванѣ, около него ставили столикъ со свѣчой, колокольчикомъ, стаканомъ холоднаго чаю и первымъ попавшимся подъ руку уголовнымъ романомъ, потомъ все по его просьбѣ уходило, и онъ оставался одинъ, пылая жаромъ, забываясь и бредя, и зачитываясь въ сознательные промежутки нелѣпыми похожденіями кровавыхъ геросевъ. Кромѣ стараго лакея, и то по звонку,—никто не смѣлъ входить въ комнату, потому что въ этихъ случаяхъ кроткимъ, любящимъ Павломъ Егоровичемъ овладѣвало сильнѣйшее раздраженіе: онъ начиналъ кричать, швырять бульварные романы объ стѣну, сбрасывалъ на полъ со столика стаканъ... Съ теченіемъ времени ему удалось «дисциплинировать домъ», и его на все время болѣзни оставляли въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Вѣра Платоновна называла это причудами, самодурствомъ, но самъ Истоминъ глядѣлъ нѣсколько иначе.

— Видишь ли, Вѣрочка, — говорилъ онъ иногда въ здоровые дни: — все страданія людей происходятъ оттого.

что люди все больше и больше отдаляются отъ животныхъ. Мы потеряли ихъ натуральную красоту, ихъ грацію, силу и ловкость, ихъ стойкость въ борьбѣ съ природой, живучесть. Но хуже всего, что сознание убило въ людяхъ инстинкты. Ты посмотри на собаку. Если она заболѣваетъ, она непременно норовитъ запрятаться куда-нибудь подалеже отъ нескромныхъ взоровъ. Хорошая собака никогда не умретъ дома. Она убѣжитъ въ укромное мѣстечко и тамъ сдохнетъ... Потому что она инстинктомъ понимаетъ, что смерть представляетъ собой явленіе самое противоестественное и гнусное, зрѣлище самое грязное и омерзительное, и она, эта честная, великодушная, самоотверженная собака — скромно избавляетъ своихъ бывшихъ друзей отъ необходимости созерцать самый отвратительный актъ въ мірѣ. А человѣкъ... Человѣкъ—все извратилъ, усложнилъ, перековеркалъ—и въ природѣ и въ самомъ себѣ... Доктора, ухаживаніе, притворство, постныя мины, жалость къ самому себѣ, умиленіе отъ жалости другихъ, словомъ — то наслажденіе страданіемъ, о которомъ говорилъ великій писатель.

На этомъ мѣстѣ Вѣра Платоновна обыкновенно перебивала мужа.

— Ну да... Всѣ вы, писатели, сумасшедшіе. Ты — хоть и не великій покамѣстъ, но въ этомъ отношеніи и отъ самыхъ большихъ не отстанешь...

Но она не могла на него сердиться, потому что эти немножко жестокія слова встрѣчались нѣжной, почти женственной улыбкой.

Наканунѣ Новаго года этотъ чудакъ лежалъ въ своемъ лазаретѣ въ 40-градусномъ жару и бредилъ. Вѣру Платоновну съ дочерьми онъ отослалъ на вечеръ къ извѣстному беллетристу Пархову, къ которому они были приглашены всѣмъ домомъ. Женщины даже и не пробовали

отказаться отъ приглашенія, зная, какъ сильно это раздражитъ Павла Егоровича.

Онъ лежалъ на диванѣ навзничъ, съ полуоткрытыми глазами. Какая-то страшная, чудовищная масса повисла надъ его тѣломъ. Она казалась ужасно, бесконечно далекой, и въ то же время почти касалась лица Павла Егоровича; она была гораздо мягче, чѣмъ пухъ, но въ то же время ея грани напоминали на ощупь необдѣланный гранитъ, — и въ этой непонятной двойственности было что-то тоскливое, тревожное и мучительное.

И вотъ гдѣ-то въ глубинѣ этой нависшей массы ожила какая-то точка. Впрочемъ, трудно рѣшить, чтò это такое: движеніе, звукъ или какое-нибудь другое невыразимое словами явленіе, что-то плавное, тягучее, жалобное, монотонное, чему нѣтъ имени. Оно нарастаетъ, вытягивается, увеличивается, крѣпнетъ и захватываетъ тѣло, мысли и чувства Павла Егоровича какой-то противной, медленной тоской. Оно наполняетъ собою всю громадную массу, увлекаетъ ее въ бѣшеный ураганъ, который грозитъ исковеркать вселенную... и вдругъ въ мгновеніе ока все разсѣивается, все утихаетъ, остается опять неподвижная масса и вибрирующая гдѣ-то въ ея глубинѣ точка, и Павелъ Егоровичъ со стономъ открываетъ глаза.

Онъ видитъ знакомую комнату, тѣнь свѣчного абажура, колеблющуюся на потолкѣ, сознаетъ на минуту и съ большими усиліями, что жена съ дочерьми уѣхали къ Пархову встрѣчать Новый годъ, и тотчасъ же бредъ снова охватываетъ его пылающій мозгъ.

Теперь передъ нимъ цѣлый каскадъ людей, животныхъ, ландшафтовъ и въ особенности какихъ-то отвратительныхъ, полу-человѣческихъ, полу-звѣриныхъ лицъ, которыя мерзко и страшно гримасничаютъ и быстро-быстро смѣняются одно другимъ. Павелъ Егоровичъ

чувствуетъ, что у него голова кружится отъ этой безобразной сутолоки, и онъ усиленъ воли на нѣсколько секундъ приходитъ въ сознание. Ему жарко; дыханіе опалаетъ губы. Онъ едва успѣваетъ сдѣлать глотокъ изъ стакана, какъ опять его воображеніе становится игрой бредомъ... На этотъ разъ онъ декламируетъ какіе-то стихи, въ которыхъ нѣтъ словъ, а одни безсвязные слоги, и которые страшно тяжело и скучно читать. Но непонятная сила заставляетъ его читать и читать безъ конца, не останавливаясь, не передыхая. И такъ проходятъ медленные-медленные, мучительные часы, въ продолженіе которыхъ безконечное число разъ чередуются для Павла Егоровича бредъ и сознание.

Послѣ одного изъ своихъ нелѣпыхъ кошмаровъ онъ очнулся со странными словами въ памяти. Казалось, какой-то тихій, назойливый голосъ еле слышно шепталъ въ его головѣ:

Пусть Новый годъ
Съ собой несетъ
Вино, попойки...

«А! Новый годъ,—подумалъ Истоминъ и улыбнулся.— Это тотъ самый старикъ, который уходитъ, согнувшись, а приходитъ младенецъ... вино, попойки... приходитъ младенецъ... И у обоихъ ленточки. Ленточки, ленточки, точки...»

Но вдругъ, какъ это часто бываетъ въ лихорадкѣ, въ сознаниі Павла Егоровича произошелъ неожиданный поворотъ. Онъ почти совершенно пришелъ въ себя и подумалъ:

«Это я лежу въ лихорадкѣ. Да. А жена и дѣти у Нархомутовыхъ. Новый годъ. Послѣдній годъ въ столѣтін. Въ-

роятно, будутъ произносить тосты. Дѣти не любятъ, скучно. Новый годъ съ собой несетъ... Ахъ, это я изъ бреда. Новый годъ рисуютъ старикомъ. По-моему, пошло. Надо, чтобы отразился духъ. Духъ времени. Съ собой несетъ вино, попойки, —прошепталъ голосъ. Восемнадцатое столѣтіе—маркизь, метръ въ шелковыхъ чулкахъ и пряжки съ брильянтами. Папъ вѣкъ — маленькій, ма-а маленькій такой, горбатенькій, съ двумя головами. А впрочемъ, былъ Наполеонъ. Пусть Новый годъ съ собой несетъ... Фу, какіе гадкіе стихи, юнкерскіе. О чемъ это я? Духъ вѣка, духъ вѣка... Духъ года, духъ дня, духъ минуты... все сѹммируется... Надо вино, попойки... Надо постичь и углубиться духомъ въ духъ... Тогда лицо духа прояснится въ туманѣ, и ты прочитаешь въ лицѣ его, и уста его отверзутся».

Истоминъ въ безсиліи закрылъ глаза и тотчасъ же услышалъ, какъ страшный голосъ, въ которомъ не было ни тембра ни интонацій, произнесъ:

— Духъ Вѣка говоритъ.

Истоминъ прислушался, и вмѣстѣ съ нимъ прислушалось множество живыхъ существъ, которыхъ онъ не видѣлъ, но чувствовалъ близко около себя.

— Духъ Вѣка говоритъ, — продолжалъ голосъ: — что проходятъ мимо него года, и проходятъ дни, и проходятъ мгновенія — и не остается отъ нихъ слѣда во вселенной. И вѣка проходятъ мимо тысячелѣтій, и нѣтъ отъ нихъ слѣда въ безконечности. Ибо тотъ, кто понялъ безконечность, знаетъ, что времени нѣтъ.

И тотчасъ же Истоминъ увидѣлъ необозримое снѣжное поле и поставленный посреди его тронъ, на которомъ возсѣдалъ старецъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ серебряной бородой и съ величественнымъ, но грустнымъ и усталымъ лицомъ, на которомъ отражалась печальная, задумчивая улыбка.

И старецъ сказалъ:

— Я духъ Вѣка, и мимо меня проходятъ годы человѣческіе.

И мимо него потянулись медленной процессіей одинъ за другимъ древніе согбенные старцы. Но одежды ихъ не были похожи на одежды сидящаго на тронѣ. На иныхъ, едва прикрывая ихъ слабое, дряблѣе тѣло, висѣли кусками жалкія лохмотья, отъ которыхъ отказался бы и послѣдній нищій. Другіе были одѣты съ царственной роскошью, но золота ихъ маптіи не было видно изъ-подъ покрывавшей его зловонной грязи. Третьи шли, закованные въ желѣзо и съ ногъ до головы обогрѣнные кровью, и кровь запеклась на ихъ старческихъ устахъ и на сѣдинѣ ихъ головъ. Были между ними хромые, и горбатые, и прокаженные, и покрытые страшными язвами. Были между ними старцы, истощенные голодомъ, были обезображенные чумою, были между ними такъ жестоко и отвратительно изуродованные, что страшно и противно становилось на нихъ смотрѣть. И ни у одного изъ нихъ не было ни бѣлыхъ одеждъ сидящаго на тронѣ ни его величественнаго вида. На ихъ лицахъ запечатлѣлись страданія, испугъ, ненависть, мольба и отчаяніе.

Въ медленной процессіи, одинъ за другимъ, подходили древніе старцы къ сидящему на тронѣ, а онъ простиралъ имъ навстрѣчу руки и склонялся надъ ними съ кроткой, сострадательной улыбкой. И въ его широкихъ объятіяхъ исчезали, растворялись одинъ за другимъ человѣческіе годы.

И когда всѣ они прошли мимо безчисленнаго множества глазъ собравшихся здѣсь невидимыхъ людей и животныхъ, тотъ же неизъяснимый голосъ спросилъ:

— Повѣдай намъ, Великій Духъ, отчего не пристали къ твоимъ одеждамъ ни кровь, ни грязь, ни язвы, ни лохмотья тѣхъ, что вопли въ тебя?

И Великій Старець отвѣтствовалъ съ печальной улыбкой:

— Оттого, что страданіе все очищаетъ, а забвеніе все лѣбитъ...

Истоминъ вздрогнулъ и проснулся съ сознапіемъ, что ему гораздо лучше, чѣмъ прежде. За стѣной часы били 12.

ОБОРОТЕНЬ.

Польсская легенда.

— Станція Березная! Простоя двѣ минуты! — закричалъ подъ окнами, быстро проходя вдоль поѣзда, кондукторъ.

Захвативъ ручной саквояжъ и ружье въ чехлѣ, я вышелъ изъ вагона. Была тихая, холодная ночь. Только-что переставшій падать снѣгъ покрывалъ чистой, еще не заслѣженной пеленой платформу, лежалъ ровными, пушистыми шапками на фонаряхъ, на перилахъ и на карнизахъ зданій, и въ этомъ бѣломъ уборѣ маленькая, еле освѣщенная, безлюдная станція казалась еще молчаливѣе, еще пустыниѣе, чѣмъ обыкновенно.

Я оглянулся по сторонамъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ давно знакомую мнѣ фигуру Трофима Щербатаго, всегда выѣзжавшаго за мной на станцію. Въ своей коричневой свиткѣ, обшитой по швамъ краснымъ шнуромъ, въ огромной бараньей шапкѣ, нахлобученной поверхъ ушей, съ «батогомъ» въ рукахъ, онъ стоялъ посреди платформы, широко разставивъ ноги, и глядѣлъ, раскрывъ ротъ, въ освѣщенные окна вагоновъ. Я окликнулъ его.

— А! Здравствуйте, папичъ. Помогай Богъ! — произнесъ Трофимъ обычное польское привѣтствіе и на ходу

дотронулся рукой до верха своей шапки. — А я васъ все по тѣхъ вагонахъ шукалъ. Ну что жь, будемъ ѣхать, панычъ?

— Поѣдемъ. А какъ дорога по лѣсу?

— Дорога ничего... добрая дорога. Трошки только снѣгомъ позамело, а то завше была дорога добрая. Позовьте мнѣ, панычу, вашъ чумарданъ.

Мы вышли на станціонный дворъ. Посрединѣ его, какъ и на всѣхъ полѣсскихъ станціяхъ, возвышался круглый палисадникъ, заваленный сугробами снѣга. Привязанныя у забора, хорошо знакомыя мнѣ гнѣдые лошади Трофима — маленькіе, пузатые, шершавые и сердитые «муцики» — ѣли сѣчку, низко опустивъ шеи въ рядно, привязанное къ концу дышла. При нашемъ приближеніи обѣ лошади сразу подняли и повернули къ намъ свои косматыя головы съ настороженными острыми ушами.

Мы усѣлись. Трофимъ зачмокалъ и задергалъ вожжами, высоко подымая локти. Промерзшія лошаденки тронули мелкой, но веселой и согласной рысцою. Трофимъ не погонялъ ихъ, потому что до Казимирки намъ предстояло сдѣлать съ лишнимъ двадцать верстъ, и только время отъ времени — больше по привычкѣ — ободрялъ ихъ своими странными туземными восклицаніями: «виштяну!», «гаття-вы!», или что-то въ этомъ родѣ.

Сейчасъ же за станціей пошелъ лѣсъ, огромный строевой, хвойный лѣсъ, входящій въ составъ казенной Бѣловѣжской дачи. Узкая дорожка вилась между двумя стѣнами вѣковыхъ гигантскихъ сосенъ такими капризными, неожиданными и крутыми зигзагами, съ которыми только и умѣютъ справляться привычныя, маленькія полѣсскія лошадки. Вершины деревьевъ, теряясь гдѣ-то въ неизмѣримой высотѣ, оставляли надъ нашими головами тонкую ленточку мутнаго неба, едва озареннаго молодымъ мѣсяцемъ, и видно было, какъ въ этомъ далекомъ

просвѣтъ съ необыкновенной быстротой проносились ключья легкихъ и прозрачныхъ, какъ парь, облаковъ.

Сани беззвучно скользили по свѣжей, нѣжной порошѣ, и только на поворотахъ слышалось, какъ снѣгъ, уминаяемый полозьями, звучно похрустывалъ. Великаны-соены протягивали черезъ дорогу, точно длинныя бѣлыя руки, свои пышныя, отягощенныя снѣгомъ вѣтви. Порою большой мягкій комокъ срывался сверху и, разсыпавшись на лету, безшумно обдавалъ насъ холоднымъ, мокрымъ пухомъ...

Вытянувъ ноги на сѣнѣ, покрывавшемъ дно саней, и прислонившись спиной къ широкому задку, я иногда закрывалъ глаза, и непременно черезъ нѣсколько минутъ мнѣ начинало казаться, что сани какимъ-то непостижимымъ образомъ движутся уже не впередъ, по направленію къ Казимиркѣ, а назадъ, къ станціи. И я нарочно длилъ этотъ странный физическій обманъ, такъ живо всегда переносящій меня въ область воспоминаній дѣтства, но когда опять открывалъ глаза, то снова навстрѣчу мнѣ шла однообразная колоннада могучихъ темныхъ стволовъ, передъ моими глазами рисовалась все та же неподвижная спина Трофима, сидѣвшаго бокомъ на какомъ-то мѣшкѣ, а впереди равномерно и смутно колебался вверхъ и внизъ черный крупъ лѣвой лошади. Тихая лѣнь, безъ мыслей, безъ ощущеній, понемногу охватила меня.

Кажется, я задремалъ, потому что внезапно почувствовалъ себя бодрствующимъ и встревоженнымъ какимъ-то страннымъ звукомъ, похожимъ на завываніе вѣтра въ печной трубѣ. Я прислушался. Казалось, въ страшномъ отдаленіи, на краю свѣта, кто-то стоналъ и плакалъ на весь лѣсъ. Этотъ плачь начинался очень низко и жалобно восходилъ вверхъ непрерывными печальными полутонами, задерживался долго на высокой, пронзительной

нотѣ и затѣмъ вдругъ обрывался невыразимо-тоскливымъ рыданіемъ.

— Никакъ это волки, Трофимъ? — спросилъ я Щербатаго.

— А волки, — отвѣтилъ равнодушно Трофимъ. — Теперь ихъ въ лѣсу богато... Свадьбы играютъ. Но-о-о, вы-малы злякались! Не бойсь! — крикнулъ онъ на лошадей и стегнулъ правую, которая начинала артачиться и жалась къ дышлу.

— А можетъ, это и не волкъ трубить, а вовкулакъ, — заговорилъ вдругъ Трофимъ послѣ долгаго молчанія, въ продолженіе котораго я безпокойно прислушивался къ далекому вою.

— Вовкулакъ?

— Ну да, вовкулакъ. Бываютъ, знаете, такіе люди, что умѣютъ волками прикидываться. Вотъ они и бѣгають по лѣсу и рубятъ... У насъ на Полѣсьѣ этой погани много. Тамъ за разныхъ водяныхъ чертякъ и за видьмаковъ я не знаю, чи тому правда, чи ни. Можетъ, однѣ бабьи сплетки. А вовкулаки у насъ водятся, это правда.

Трофимъ еще разъ крикнулъ на лошадей, повернулъ ко мнѣ свое темное лицо съ бѣлыми отъ мороза усами и повторилъ, таинственно понижая голосъ:

— Это самая истинная правда. Я вамъ скажу, панычъ, что даже у насъ въ Казимиркѣ одинъ разъ такое трапилось... Вы вѣдь знаете Омельчука? Ивана Омельчука, что сейчасъ возлѣ гребли сидитъ*)?

— Знаю. Такъ что же онъ? — спросилъ я, и въ моей памяти стала, какъ живая, приземистая, сутуловатая фигура сѣдого старика съ печально-суровыми, недовѣрчивыми глазами, глядящими исподлобья, на изрытомъ оспой лицѣ.

*) Живеть.

— Опъ-то ничего... А вотъ его батьки старшій братъ, значить Ивановъ дядька — тотъ былъ настоящимъ вовкулакомъ... Это все въ Казимиркѣ знаютъ, хоть кого хотите спытайте. Старики—тѣ его своими глазами видѣли: ужъ, значить, правда. А объявилось все это вотъ какъ...

И онъ разсказалъ мнѣ одну изъ странныхъ полѣскихъ легендъ, которыя такъ свѣжи, фантастичны и наивны, что кажется, будто ихъ создалъ не бѣдный, загнанный, молчаливый и суетвѣрный народъ, а сумракъ вѣкового бора, съ его непролазными трущобами, куда не ступала даже звѣриная лапа, съ его ядовитыми туманами, висящими надъ ржавыми болотами, съ его бездонными трясинами. Мнѣ никогда не забыть тѣхъ сильныхъ, жуткихъ ощущеній, которыя я испытывалъ, слушая этотъ разсказъ, въ то время какъ сани безшумно скользили по мягкому снѣгу, а наверху, въ узкомъ мутномъ просвѣтѣ, стремительно неслись прозрачные обрывки облаковъ, а лѣсъ точно замеръ и прислушивался, не шевелясь, къ далекому заунывному пѣнію волка. Въ эту ночь я также былъ склоненъ вѣрить въ злыхъ духовъ и въ оборотней, какъ и Трофимъ, говорившій съ непоколебимой вѣрой и съ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ преданіямъ отцовъ...

— У стараго Омельчука было два сына: Стецько и Назаръ. Назаръ — младшій сынъ — былъ хлопецъ, какъ и все хлопцы, — ничего про него не говорили ни худого ни хорошаго. А про Стецька не только молодежь, но и старики говорили, что ужъ на что въ ихъ время народъ былъ куда красивѣй и удалѣй, чѣмъ теперь (извѣстно, старикамъ всегда кажется, что въ ихъ время все лучше было), а такого ловкаго, статнаго и веселаго хлопца, какъ Стецько, даже и они на своемъ вѣку не запомнятъ. Выйдетъ ли народъ на работу, — Стецько впереди всѣхъ: первымъ придетъ въ поле, послѣднимъ уйдетъ, косить,

пашеть и рубить такъ, что четверымъ за нимъ не угнаться. А вечеромъ—глядишь—онъ ужъ и на досвиткахъ первый, смѣется и балагуритъ до самаго утра и такія штуки затѣваетъ, что другіе, глядя на него, только за бока хватаются. Дѣвчата такъ къ нему и льнули, точно мухи къ меду, и, что грѣха таить, не одна изъ нихъ потомъ, послѣ свадьбы, плакалась на Стецькову красоту, на его каріе глаза, на черныя брови, да на ласковую, заманчивую рѣчь... Словомъ — не хлопецъ былъ, а орелъ! Умѣлъ онъ и со стариками умное слово кстати сказать, и на клиросѣ пѣлъ по праздникамъ, и съ начальствомъ зналъ какъ обойтись. А въ ту пору вѣдь извѣстно, какое было начальство. У него разговоры были короткіе: «Правда твоя, чоловиче, правда, а ну-ка ложись!»

«Да вотъ бѣда, пришла до Стецька «очередь»; забрили ему лобъ и угнали въ москали. Все село плакало, когда его провожали. А онъ — ничего, пошелъ веселый такой, свѣтлый. «Что вы, говорить, надо мной, какъ надъ покойникомъ, плачете? Нигдѣ вашъ Стецько не пропадетъ, ни въ водѣ ни въ огнѣ»...

«Далеко его угнали, куда-то въ самыя «кацапскія» губерніи. Однако въ скоромъ времени отъ него письмо пришло. Писалъ онъ, что живется ему хорошо, товарищи его любятъ, и начальство не обижаетъ, а если и бьютъ, то самую малость, потому что безъ бою на военной службѣ никакъ невозможно. Потомъ писалъ онъ еще разъ и говорилъ, что назначили его въ полковой церкви за псаломщика. А тамъ и совсѣмъ пересталъ писать, потому что тогда началась большая война съ турками.

«Прошло съ этого времени съ годъ. О Стецькѣ ни слуха ни вѣсточки, такъ всѣ и думали, что — или въ плѣнъ его забрали, или убили въ какомъ-нибудь сраженіи. Какъ вдругъ осенью, точно снѣгъ на голову, явился самъ Стецько—черный, худой, какъ смерть, правая рука

на перевязи и на лѣвую ногу хромаеть. Оказывается, отпустили его въ безсрочную, отпустили съ медалью и съ двумя турецкими пулями въ тѣлѣ. Да денегъ съ собой принесъ онъ сотни четыре—говорилъ, что накопилъ на службѣ...

«Только вернулся онъ совсѣмъ не такой, какъ пошелъ въ солдаты, а точно его тамъ подмѣнили. Ни смѣха, ни шутки, ни пѣсни. Сидитъ цѣлый день какъ старикъ на «призвѣ» *), опустивъ очи въ землю, и все думаетъ. Заговаривать съ нимъ—онъ отвѣчаетъ, только неохотно такъ, еле-еле, и самъ въ глаза не смотритъ, а смотреть куда-то передъ собой, точно что-то впереди себя разглядываетъ.

«Увидѣлъ старый Омельчукъ, что его сынъ «сумуется», поговорилъ со своей старухой, посоветовался съ попомъ и рѣшилъ женить Стецька. Извѣстно, у женатаго человека и мысли другія на умѣ, чѣмъ у холостого, некогда о пустомъ-то думать. По Стецько, когда только услышалъ о свадьбѣ, такъ и уперся «якъ неначе тотъ волъ», не хочу да не хочу, и кончено. Отецъ ужъ и просилъ, и молилъ, и грозился, — ничего не помогаетъ. Наконецъ старая мать стала передъ сыномъ на колѣни. «Не встану, говорить, до тѣхъ поръ, пока ты не дашь согласія, не буду ни ѣсть, ни пить, и съ мѣста этого не сойду». Не могъ перенести Стецько материнскаго горя. «Добре, — сказалъ онъ:—жените меня, если вамъ ужъ такъ не терпится, только смотрите, чтобы вамъ потомъ не пришлось покаяться въ этомъ».

«И женили Стецька. На Рождество свадьбу играли. Все село замѣтило, что въ церкви Стецько стоялъ темный, какъ ночь, и ни одного раза лба не перекрестилъ. Когда же пришли изъ церкви въ хату, то и тутъ онъ сидѣлъ такой сумрачный, что глядѣть на него тошно было, и ни съ кѣмъ не разговаривалъ. По старому обычаю, освя-

*) Завалинка.

ценному предками, хотѣли дружки отвести съ пѣснями молодыхъ въ каморку, какъ это на всемъ свѣтѣ у добрыхъ людей дѣлается, но Стецько сказалъ имъ: «Оставьте въ покоѣ и меня и жену, это не ваше дѣло». Стали было хлопцы надъ нимъ посмѣиваться, но онъ вдругъ такъ заскрипѣлъ зубами и такъ глазами на нихъ сверкнулъ, что у нихъ сразу отбило всякую охоту къ шуткамъ...

«Прошло послѣ женитьбы недѣли съ двѣ, а Стецько все такой же; на жену даже и не смотритъ, какъ будто бы ея совсѣмъ въ хатѣ нѣтъ. А жена у него была красивая, молодая и изъ богатаго дома. Звали ее Грипой. Долго терпѣла Грива, никому ни слова не говорила, наконецъ не выдержала, пришла къ своей матери, заплакала и стала жаловаться на мужа. Не такъ ей было обидно то, что мужъ на нее глядѣть не хотѣлъ, а то, что каждый день около полуночи уходитъ онъ куда-то изъ дому и возвращается назадъ только къ раннему утру. Богъ его знаетъ, что онъ въ это время дѣлаетъ, съ кѣмъ ночи проводить?»

«Мать Гривы, конечно, объ этомъ рассказала старому Омельчуку. Сильно огорчился старикъ. «Постой, думаетъ, выслѣжу я Стецьковы штуки и выведу ихъ на чистую воду. Это, можетъ-быть, у «москалей» такой порядокъ есть, чтобы отъ женъ своихъ бѣгать, а я такой глупости ему не позволю».

«Въ ту же ночь пробрался онъ потихоньку въ огородъ и притаился за клуней. Ночь была свѣтлая, мѣсячная, и морозъ стоялъ такой, что деревья трещали. Ждалъ Омельчукъ около часу, совсѣмъ промерзъ старикъ, и хотѣлъ ужъ назадъ въ хату итти. «Этихъ чертовыхъ бабъ, думаетъ, какъ послушаешься, всегда дурнемъ выйдешь». Только вдругъ слышитъ онъ—заскрипѣла дверь въ хатѣ. Обернулся старикъ и видитъ, что вышелъ на дворъ его сынъ Стецько.

«Постояль Стецько на дворѣ, посмотрѣлъ на мѣсяцъ, оглянулся кругомъ, а самъ такой бѣлый, какъ бумага, и очи горятъ, точно двѣ свѣчки. Страшно стало Омельчуку. Зажмурилъ онъ глаза и прижался изо всѣхъ силъ къ стѣнкѣ. Но, такъ какъ онъ все-таки былъ человѣкъ смѣлый, то и рѣшился наконецъ опять открыть глаза. Смотрить — нѣтъ уже на дворѣ Стецька, а изъ воротъ на улицу выбѣгаетъ огромный бѣлый волкъ. Все тогда понялъ старикъ, и ужъ тутъ его вмѣсто страха такое зло разобрало, что, не долго думая, выломалъ онъ изъ тына добрый коль, перекрестился и пустился въ догонку за вовкулакомъ.

«Бѣжить волкъ по улицѣ, перебѣжалъ черезъ мостъ, потомъ въ лѣсъ ударился, а самъ все на одну заднюю ногу хромаетъ, ну точь въ точь какъ Стецько. Скоро Омельчукъ его совсѣмъ изъ виду потерялъ. Но мѣсяцъ въ эту ночь свѣтилъ такъ ярко, что слѣды на снѣгу лежали, какъ напечатанные. и по нимъ старикъ шель все дальше и дальше.

«Вдругъ слышитъ онъ, впереди его, въ лѣсу, волкъ затрубилъ, да такъ затрубилъ, что съ деревьевъ снѣгъ посыпался, и въ ту же минуту со всѣхъ концовъ лѣса откликнулись сотни волчьихъ голосовъ. А старика только еще больше злоба разбираетъ. «Будь что будетъ, думаетъ, а я объ его проклятую спину весь «дручокъ» обломаю».

«Пришелъ наконецъ Омельчукъ на большую поляну и видитъ: стоитъ посрединѣ большой бѣлый волкъ, а къ нему со всѣхъ сторонъ бѣгутъ другіе волки; сбѣжались, прыгаютъ вокругъ бѣлаго, визжатъ, ластаня къ нему, шерсть на немъ лижутъ. А потомъ принялись играть между собой, совсѣмъ какъ молодыя собаки; гоняются и воютъ на мѣсяцъ, поднявши острыя морды кверху. И видно сразу, что бѣлый надъ ними самый главный, потому что

какъ только онъ къ какому-нибудь волку подойдетъ, тотъ сейчасъ на спину опрокинется и хвостомъ замашетъ.

«Смотрить старикъ и глазъ отвести не можетъ... Вдругъ гдѣ-то далеко по дорогѣ колокольчикъ зазвенѣлъ. Мигомъ вскочили все волки на ноги, уши торчкомъ поставили, а сами въ ту сторону повернулись, откуда звонокъ... Но послушали-послушали немного и опять принялись играть: кусаютъ снѣгъ, прыгаютъ одинъ черезъ другого, рычатъ, а шерсть у нихъ такъ на мѣсяцъ и переливается, и зубы блестятъ, точно сахаръ...

«Опять по дорогѣ колокольчикъ зазвякалъ, но теперь совсемъ уже въ другой сторонѣ, и опять поднялась вся стая. Прислушались волки на минутку и вдругъ рванулись все сразу, какъ одинъ, и понеслись по лѣсу, такъ что снѣгъ подъ ихъ ногами закружился, какъ пыль...

«Не долго ждалъ старый Омельчукъ. Услышалъ онъ скоро, какъ вдругъ забился неровно и торопливо отдаленный колокольчикъ — понесли, должно-быть, испуганные кони, — потомъ крикъ человѣческій по лѣсу разлетѣлся, такой страшный крикъ, что у Омельчука сердце обмерло и упало отъ жалости, а потомъ гдѣ-то близко на «шляху» раздался бѣшеный топотъ лошадей, и долго слышно было, какъ на раскатахъ колотились о сосновыя корневища разбитыя въ щелки сани... Зарыдалъ бѣдный старикъ, что было у него духу кинулся назадъ и всю дорогу, не переставая, крестился.

«Самъ онъ не помнилъ, какъ бѣжалъ лѣсомъ, какъ попалъ въ село и какъ добрался до своей хаты. Поставилъ онъ уже и ногу на перелазъ, да такъ весь и задрожалъ. Стоитъ у воротъ Стецько, смотреть отцу прямо въ глаза, а самъ дышитъ часто-часто, видно, что отъ быстрого бѣга запыхался. Ничего ему отецъ не сказалъ, и уже перенесъ ногу на другую сторону перелаза, какъ вдругъ Стецько самъ заговорилъ:

«— Постой, батько. Ты думаешь, я не знаю, что ты за мной слѣдомъ бѣгалъ? Ну, такъ поди завтра въ церковь, да отслужи молебенъ за то, что живой назадъ вернулся. Если бы не я, — разорвали бы тебя на кусочки, и умеръ бы ты страшной смертью безъ покаянія.

«Стоить Омельчукъ на перелазѣ, глазъ оторвать отъ сына не можетъ, а тотъ дальше говорить:

«— Сегодня ночью намъ, вовкулакамъ, большая власть надъ людьми и надъ звѣрями дана. Только тѣхъ мы и не смѣемъ трогать, кто въ эту ночь не своей волей изъ дому вышелъ. Вотъ, потому-то ты удивлялся, что мы перваго проѣзжаго не тронули: его хозяинъ по дѣлу послалъ. А второй былъ купецъ, и ѣхалъ онъ на ярмарку съ товаромъ за своимъ барышомъ... Толстый былъ купецъ, жирный, откормленный, какъ добрый кабанъ...

«И захохоталъ Стецько во все горло такъ, что даже въ лѣсу отозвалось, а зубы у него на мѣсяцъ такъ и засверкали.

«Всмотрѣлся Омельчукъ въ лицо оборотня, — а ночь свѣтлая такая была, — всмотрѣлся и видитъ, что у Стецька на усахъ и вокругъ рта — красная кровь запеклась. Загорѣлось у старика сердце. Размахнулся онъ изо всей силы палкой, — хватъ! — а передъ нимъ уже нѣтъ Стецька, и только въ лѣсу кто-то хохочетъ, заливается.

«Такъ и пропалъ Стецько безъ вѣсти; никто не видалъ его съ тѣхъ поръ и никто не слыхалъ о немъ. Бѣгаетъ онъ, одержимый страшною силой, по лѣснымъ чащамъ и трубитъ волкомъ, наводя ужасъ на добрыхъ людей...»

Мы подъѣзжаемъ къ селу. Занесенное снѣгомъ, безъ огней въ окошкахъ, оно казалось холоднымъ и мертвымъ въ блѣдномъ полусвѣтѣ февральской ночи. Потянулись плетни, залаяли собаки... На душѣ у меня было тревожно и тоскливо.

КРОВАТЬ.

Ресторанъ опустѣлъ. Остались только я и Леонидъ Антоновичъ. Было далеко за полночь. Усталые лакеи съ измятыми, желтыми лицами тушили лампы. По той «развязности», съ которой они обмахивали салфетками мраморныя доски сосѣднихъ столиковъ, чувствовалось ихъ неудовольствіе противъ двухъ позднихъ и невыгодныхъ посѣтителей.

— О, это была удивительная кровать! — продолжалъ Леонидъ Антоновичъ. — Только въ добрую, затѣйливую старину и дѣлались такія широкія двухспальныя кровати, на которыхъ, въ случаѣ надобности, можно было свободно танцовать кадрили. Вѣроятно, ей было лѣтъ около зосьмидесяти, если не больше, но она сохранилась очень едурно. Ея спинки и бока изъ цѣльнаго, массивнаго краснаго дерева, покрытые рѣзбой и украшенные бронзовыми горельефами, производили впечатлѣніе чего-то семейнаго, солиднаго, почти торжественнаго. Тонкія витыя бронзовыя колонки, возвышавшіяся по четыремъ угламъ кровати, сходились вмѣстѣ наверху и образовали остовъ пышнаго балдахина. Толстыя, улыбающіеся амуры, съ ямъ на щекахъ и на локтяхъ, граціозно поддерживали ниспадающія до самаго пола великолѣпныя штофныя занавѣси.

«Уидѣлъ я эту кровать среди кучи всевозможной рух-

ляди, нагроможденной въ аукціонной залѣ, куда меня завлекли отчасти праздная скука, отчасти страстишка къ антикварнымъ вещамъ... Впрочемъ, я всегда былъ склоненъ думать, что даже такими, съ виду совершенно безцѣльными поступками человѣка управляютъ неизбѣжные, математически-точные законы судьбы.

«Оцѣнщикъ закричалъ:

«— Кровать двухспальная... цѣльнаго краснаго... бронзовыя украшенія... стиль рококо... пологъ штофный, съ вышивкой ручной работы... ножки поломаны... пятнадцать рублей... Кто больше?..

«Во мнѣ вспыхнулъ огонекъ коллекціонера, и я сказалъ умышленно небрежнымъ тономъ:

«— Гривенникъ.

«— Пятнадцать рублей десять копеекъ... кто больше?.. Кровать двухспальная... рококо... Кто больше?

«Недалеко отъ меня толклась шумная кучка какихъ-то подозрительныхъ личностей, въ картузахъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ сапогахъ бураками... По ихъ непринужденности, шушуканью, бросаемымъ и подхватываемымъ на лету шуточкамъ и многозначительнымъ словечкамъ я догадался, что это маклаки-завсегдатаи аукціоновъ. Одинъ изъ нихъ высунулся впередъ и крикнулъ:

«— Полтинникъ!

«— Пятнадцать рублей пятьдесятъ копеекъ... Кто больше?

«Я набавилъ еще гривенникъ. Темная личность—полтинникъ. Я—еще гривенникъ, онъ—еще полтинникъ. Хотя я и начиналъ волноваться, но владѣлъ собою прекрасно: это ужъ такой специальный аукціонный опытъ. Однако, когда кровать возросла до тридцати рублей, я почувствовалъ себя неловко. Въ карманѣ у меня въ этотъ вечеръ было всего-навсего тридцать шесть рублей съ какой-то мелочью — всѣ мои жизненные ресурсы до конца мѣсяца.

«— Тридцать одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ,—повторилъ аукціонистъ: — кто больше?»

«Я молчалъ.

«— Кто больше?.. Разъ!

«Онъ глядѣлъ на меня вопросительно.

«Я заложилъ руки въ карманы и продолжалъ молчать, хотя сердце у меня въ груди такъ и прыгало.

«— Тридцать одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ... кто больше?.. Два!

«Между темными личностями произошло смятеніе (очевидно, они набивали цѣну ради того, чтобы получить отступное, или чтобы отвадить конкурента). Я нагнулся, осмотрѣлъ съ самымъ пренебрежительнымъ видомъ сломанныя ножки, даже пошаталъ ихъ немного, и сказалъ, рѣшительно повернувшись спиною къ оцѣнщику:

«— Только на дрова и годится... Тридцать два рубля и больше ни копейки.

«Темныя личности спасовали. Кровать осталась за мною. Когда я привезъ ее домой и отмылъ толстый слой грязи, покрывавшей бронзовые горельефы, то былъ пораженъ ихъ художественнымъ исполненіемъ. Ихъ было два, по одному на каждой спинкѣ. Они изображали свадебное шествіе все тѣхъ же толстоногихъ, кудрявыхъ, веселыхъ амуровъ съ раздутыми щеками. Одинъ изъ нихъ ползъ на четверенькахъ, между тѣмъ какъ другой сидѣлъ верхомъ у него на спинѣ, третій и четвертый трубили въ длинныя трубы. Цѣлая группа тащила на плечахъ цвѣточные цѣпи и факелы Гименея. Шествіе замыкало двое окончательно пьяныхъ амуровъ, изъ которыхъ одинъ, полулежа на землѣ, предлагалъ чашу съ виномъ длинному аисту, испуганно поджимавшему правую ногу, а другой въ это время выдавливалъ на голову своему собутыльнику тяжелую кисть винограда. И еще одинъ толстякъ, немного въ сторонѣ, полуотверну-

вшись отъ хмельной процессіи, съ дѣтской наивной простотой орошалъ землю. Бабочки и кузнечики сопровождали эту группу.

«Я былъ очень доволенъ своимъ приобрѣтеніемъ... Но несчастіе подкарауливало меня. Великолѣпная кровать вскорѣ совершенно разрушила мое спокойствіе,—спокойствіе стараго, обезпеченнаго холостяка, закоренѣлаго въ своемъ лѣнливомъ эгоизмѣ, молчаливаго врага женщинъ, суетную потребность въ которыхъ мнѣ давно уже замѣняло антикварное увлеченіе.

«Кто бы ни заходилъ ко мнѣ: товарищи по службѣ, любители старинныхъ вещей, или наконецъ просто знакомые, всѣхъ ихъ одинаково интриговала моя кровать въ стилѣ рококо. Всѣ они, точно сговорившись, поздравляли меня «со скорымъ вступленіемъ въ законный бракъ» и спрашивали имя «нареченной». Тщетно я разубѣждалъ ихъ, клялся имъ, волновался, кричалъ, бранился, — они мнѣ не хотѣли вѣрить. Они съ сомнѣніемъ качали своими бараньими головами и возражали съ двусмысленными скверными улыбками:

«— Ладно, ладно, Игнатій Самойловичъ... вы намъ, пожалуйста, очковъ-то не втирайте! Это, какъ хотите, — «ложе брачныхъ наслажденій», а не холостая кровать.

«Слухъ о кровати распространился по всему городу, и вскорѣ квартира моя наводнилась цѣлымъ потокомъ праздной публики. Приходили такіе господа, глядя на которыхъ, я никакъ не могъ сообразить: гдѣ и какъ я могъ съ ними познакомиться. Одни предлагали мнѣ приобрѣсти у нихъ по «случаю» мебель, другіе — лошадей, третьи рекомендовали мнѣ церковь и пѣвчихъ, четвертые ничего не предлагали, но говорили сальности. Я чувствовалъ, что видъ моей необъятной кровати возбуждаетъ во всѣхъ самыя гнусныя мысли. Я негодовалъ и краснѣлъ, но уже начиналъ сознавать, что въ мою спокойную жизнь

вторгнулось неотвратимое вліяніе какого-то злого рока, который зацѣпилъ меня и влечетъ куда-то. Я гипнотизировался.

«Больше всѣхъ досаждали мнѣ мои квартирныя хозяйки. Ихъ звали: Лина, Мина и Eudoxie. Это были три старыя дѣвицы, длинныя, черныя, плоскогрудыя и злыя. Я сдѣлался внезапно центромъ нѣжныхъ попеченій, кокетливыхъ улыбокъ, скабрезныхъ намековъ и какихъ-то безмолвныхъ, но нетерпѣливыхъ упованій.

«Рокъ тащилъ меня съ ускоряющейся быстротой.

«По ночамъ, во время безсонницы, лежа съ открытыми глазами подъ величественнымъ балдахиномъ моей кровати-рококо, я пробовалъ бороться съ этими таинственными силами, со всѣхъ сторонъ толкавшими меня къ гибельному рѣшенію... Но бесплодно! Почему знать, можетъ-быть, души цѣлыхъ рядовъ поколѣній, любившихъ и наслаждавшихся на этой кровати, можетъ-быть, эти коварныя души продолжали по ночамъ незримо копошиться и прятаться въ тяжелыхъ складкахъ штофныхъ занавѣсей? Терзаемая ревностью къ узурпатору ихъ земной реликвиі, онѣ заставляли амуровъ улыбаться, покачивать кудрявыми головками и шептать насмѣшливо:

«— Твоя кровать слишкомъ широка для одного... слишкомъ широка... слишкомъ широка... Тебѣ въ ней будетъ и холодно, и пусто, и страшно... страшно... страшно...

«Но я возражалъ:

«— Кто же раздѣлитъ ее со мной?

«— Глупый вопросъ! Отчего бы тебѣ не попросить объ этомъ смугленькую Eudoxie? — шептали амурь.

«— Eudoxie? Но она вѣдь не такъ уже молода...

«— А ты развѣ такъ ужъ молодъ? Посмотри-ка на свои сѣдые виски.

«— Кромѣ того, кажется, она и не особенно блещетъ красотою.

«— Пустяки. Это только кажется. Вглядишься въ нее какъ слѣдуетъ — она, въ сущности, прехорошенькая дѣвушка.

«— Худа.

«— Ну такъ что же? Почему ты знаешь? Можетъ-быть, ея худоба-то и говорить въ пользу вашего будущаго счастья.

«— Но будетъ ли вѣрна мнѣ смугленькая Eudoxie?— волновался я, выдвигая послѣдній, тревожный вопросъ. — Вѣдь это качество такъ рѣдко у женщинъ... Мы знаемъ, что почтенный Одиссей, вернувшись домой и переломавъ ноги молодымъ соблазнительямъ, не нашель у себя въ семьѣ никакой позорной прибыли... Но мы ничего не знаемъ о томъ, какъ цѣломудренная Пенелопа вела себя впослѣдствіи подѣ фирмой возвратившагося мужа? Безъ сомнѣнія, и вы, господа амуры, не разъ видѣли, что кровать-рококо оказывалась довольно широкой и для троихъ?

«Но амуры смѣялись и увѣряли меня въ противномъ. Десятки честныхъ мужчинъ и женщинъ вкушали здѣсь счастье, и никогда измѣна не оскверняла этого штофнаго полога. Развѣ иначе имѣла бы твоя кровать такой почтенный, торжественный видъ?

«Ну? Что же дальше говорить? Eudoxie стала моею женой. Опредѣленіе судьбы совершилось, милостивый государь... Да-съ... Это еще куда бы ни шло, что моя жена оказалась, при ближайшемъ разсмотрѣніи, кривобокой. Но она сварлива, скупа, невѣжественна, глупа, боязлива. Наконецъ — страшно сказать — она мои старыя драгоценныя урны употребляетъ для домашнихъ надобностей.

«Кромѣ того, лукавые, толстощекие мальчишки безжалостно обманули меня: кровать-рококо оказалась через-

чуръ широка для двоихъ и даже... впоследствии... для четверыхъ...»

Мы вышли изъ ресторана. Я видѣлъ, какъ невѣрными шагами скрылась въ сѣдомъ, мокромъ туманѣ осенней ночи его понурая, жалкая фигура. Бѣдняга! Онъ съ ужасомъ возвращался въ свою великолѣпную кровать стила рококо.

ПЕРВЕНЕЦЪ.

Это случилось въ Москвѣ. Мнѣ только-что минуло семнадцать лѣтъ — возрастъ, въ которомъ жизнь литератора представляется торжественнымъ путемъ къ славѣ, усыпаннымъ розами и лаврами. Вступить на этотъ путь казалось мнѣ верхомъ счастья, доступнаго смертному.

Я теперь не помню ясно содержанія моего перваго разсказа. Если не ошибаюсь, въ немъ говорилось о томъ, что было прекрасное майское утро, что молодой и красивый человѣкъ, по имени Вольдемаръ, влюбился въ это утро въ дѣвицу Людмилу, исполненную необыкновенныхъ достоинствъ, и что дѣвица Людмила измѣнила самымъ коварнымъ образомъ Вольдемару ради кавалерійскаго офицера. Разсказъ назывался «Раннія слезы».

Переписавъ «Раннія слезы» по крайней мѣрѣ разъ восемь, я отнесъ ихъ поэту Вѣнкову, который часто бывалъ у насъ въ домѣ и благоволилъ ко мнѣ. Поэтъ Вѣнковъ писалъ одновременно почти во всѣхъ русскихъ газетахъ и журналахъ и обладалъ изумительной способностью повсюду втискивать гражданскую идею. Если онъ описывалъ грозу, то непременно въ концѣ стихотворенія выражалъ надежду, что и надъ дорогой родиной когда-нибудь «разойдутся нависшія тучи». Видъ водопада напоминаетъ ему плѣненную мысль, разбившую насильственными оковы.

Я и теперь совершенно точно припоминаю его характер-

ную фізіономію: яйцевидное лицо, все изрытое оспой и постоянно склоненное набокъ, жиденькая, беспорядочная, трясущаяся бороденка песочнаго цвѣта, длинный носъ, поделѣповатые глаза и высокій коническій лобъ, по обѣ стороны котораго падали на плечи прямые, рѣдкіе волосы. Онъ никогда не присаживался и постоянно ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголь, при чемъ такъ широко и смѣшно разставлялъ свои кривыя ноги, какъ будто бы находился на палубѣ корабля во время бури. Если же это бывало дома, то, сдѣлавъ три-четыре конца отъ одного угла до другого, онъ каждый разъ подходилъ къ небольшому шкапчику, отворялъ его, доставалъ оттуда графинчикъ съ настойкой и двѣ рюмки (одну для себя, другую для собесѣдника), пилъ со страшными гримасами на лицѣ и, спрятавъ настойку обратно въ шкапъ, продолжалъ ходить своей морской походкой по комнатѣ.

Иванъ Ліодоровичъ принялъ мой рассказъ очень снисходительно и обѣщалъ куда-нибудь пристроить, хотя навѣрно не ручался за успѣхъ. Но и этого туманнаго обѣщанія было для меня гораздо болѣе, чѣмъ достаточно.

Однако прошелъ мѣсяць, и другой, и третій, рассказъ давно уже находился въ редакціи «Московского Иллюстрированнаго Листка», а между тѣмъ судьба его была покрыта мракомъ неизвѣстности. Вѣроятно, за это время я порядкомъ-таки надоѣлъ бѣдному Ивану Ліодоровичу. Каждую среду и субботу — насъ по этимъ днямъ отпускали изъ училища домой — я неизмѣнно являлся къ нему. Въ моихъ глазахъ онъ всегда читалъ одинъ и тотъ же жадный вопросъ и ничѣмъ не могъ меня успокоить, кромѣ неопредѣленныхъ увѣщаній, что «надо подождать, потерпѣть... нельзя же сразу... Редакція прямо завалена рассказами». Ужасныя слова: редакція завалена рассказами! Но, вѣдь то другіе, посторонніе, неинтересные рассказы, а не мои «Раннія слезы»...

Счастье пришло, какъ и всегда оно приходитъ, въ то время, когда я всего менѣе ожидалъ. Однажды въ воскресенье я былъ оставленъ безъ отпуска за единицу, полученную мною по предмету военной фортификаціи (наука, одно названіе которой и теперь еще заставляетъ меня вздрагивать). Въ девять часовъ вечера стали одинъ за другимъ являться отпускные юнкера. Кто-то сказалъ мнѣ — я въ то время былъ въ курилкѣ: «Калининъ пришелъ изъ отпуска и ищетъ васъ». Меня это сообщеніе немного удивило: съ Калининымъ, хлыщеватымъ и глупымъ малымъ, мы до сихъ поръ почти ни разу не разговаривали. Зачѣмъ я могъ ему понадобиться?

Мы встрѣтились на лѣстницѣ, ведущей изъ курилки въ роту. Въ рукахъ у Калинина былъ длинный бумажный свертокъ.

— Пэслюшайте, — сказалъ Калининъ, коверкая, по обыкновенію, фатовскимъ манеромъ свою рѣчь: — кэкой-то «шпакъ» (на нашемъ языкѣ это означало штатскій) просилъ меня передать вамъ вотъ эту штуку.

Онъ сунулъ мнѣ въ руки бумажный свертокъ.

— Какой шпакъ? — спросилъ я, сконфузившись за «шпака».

— Не знаю... Дэвольно гнуснаго вида... Остановилъ меня на улицѣ и спрашиваетъ, не знэкомъ ли я съ вами. Я говорю — знэкомъ. Такъ передайте, говорить, п'желста.

Свертокъ издавалъ сильный запахъ типографской краски. Сердце замерло у меня въ груди отъ какого-то сладкаго предчувствія. Я нетерпѣливо развернулъ бумагу и увидѣлъ два номера «Иллюстрированнаго Листка».

Впослѣдствіи нерѣдко были въ моей жизни моменты очень большого счастья. Но еще ни разу до сихъ поръ не испытывалъ я такого сильнаго наплыва восторга, какъ въ ту минуту, когда мои глаза увидѣли эти правильныя строчки черныхъ буквъ, отчетливо напечатанныхъ на бѣ-

лой глянцевиной бумагой. Припадокъ обуювшей меня радости носилъ даже нѣсколько дикій характеръ, и я не сумѣлъ ее выразить ничѣмъ инымъ, какъ безумными скачками черезъ пять ступенекъ сразу. Прибѣжавъ въ спальню, я продолжалъ бѣсноваться, прыгая черезъ кровати и табуретки. Наконецъ, успокоившись немного, я опустилъ внизъ висячую лампу съ контръ-abajуромъ и развернулъ «Листокъ»... Но строчки прыгали передъ моими глазами, а буквы сливались въ черныя полосы.

Нужно было во что бы то ни стало подѣлиться съ кѣмъ-нибудь моею радостью. Увидавъ кого-то изъ болѣе мнѣ близкихъ товарищей, я бросился къ нему:

— Посмотри... вотъ здѣсь... въ журналѣ... мой рассказъ напечатанъ.

Я задыхался отъ волненія. Что же касается до него, онъ изумился и обрадовался гораздо менѣе, чѣмъ я ожидалъ.

— Ну? Неужели? — спросилъ онъ довольно равнодушнымъ тономъ и протянулъ руку за номеромъ.

Онъ сталъ читать, а я, обнявъ его сзади, заглядывалъ черезъ его плечо въ дорогія строки. Онъ читалъ довольно медленно. Какое-то ревнивое чувство вдругъ овладѣло мною.

— Подожди, я тебѣ дамъ потомъ, я еще самъ не прочелъ, — сказалъ я, вырывая отъ него «Листокъ».

Но едва я отошелъ отъ него, какъ потребность сообщить еще кому-нибудь о моемъ блаженствѣ опять неудержимо заговорила во мнѣ. Я показалъ «Листокъ» по крайней мѣрѣ десяти товарищамъ. Всѣ они старались казаться заинтересованными, но, къ моему великому огорченію, ихъ участіе не удовлетворяло меня.

Наконецъ, вокругъ меня собралась порядочная кучка оповѣщенныхъ. Кто-то попросилъ прочесть вслухъ, и я началъ голосомъ, прерывающимся отъ волненія и недавней бѣготни, съ давно знакомой красивой фразы:

«Было прекрасное майское утро...»

Когда я кончилъ, слушатели выразили снисходительное одобрение.

— Интересно будетъ прочитать критику, — замѣтилъ чей-то увѣренный голосъ.

Тѣмъ временемъ моя аудиторія привлекла новыхъ любопытныхъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, они тоже выразили желаніе послушать, и я во второй разъ съ тѣмъ же удовольствіемъ прочелъ свое произведеніе.

И каждый разъ, когда я снова начиналъ его читать, я находилъ въ немъ все новыя красоты. Но мнѣ и этого было мало. Я заставлялъ читать вслухъ другихъ, а самъ прислушивался съ закрытыми глазами, стараясь вообразить себя постороннимъ человѣкомъ.

На другой день меня подзвалъ къ себѣ Дроздъ — мой ротный командиръ.

— Дайте мнѣ сейчасъ то, что вы тамъ намарали, — приказалъ онъ суровымъ тономъ.

Я притворился непонимающимъ.

— Что такое, г. капитанъ?

— Тамъ вы... чепуху какую-то написали въ газетишкѣ, дайте ее сюда... и безъ разговоровъ...

Нечего было дѣлать: я принесъ ему одинъ номеръ «Листка». Онъ развернулъ его и, ткнувъ пальцемъ въ мои инициалы С. и М., спросилъ:

— Это?

— Это, г. капитанъ, — отвѣтилъ я съ гордымъ достоинствомъ.

— Ступайте въ карцеръ, — произнесъ ротный командиръ, разрывая драгоценный номеръ вдоль страницъ. — И если это повторится въ слѣдующій разъ, вы будете исключены изъ училища.

Я пошелъ въ карцеръ. Поступокъ Дрозда съ номеромъ «Листка» хотя и возмущалъ меня до глубины души, но

я уже зналъ и утѣшалъ себя сознаниемъ, что двигатели просвѣщенія всегда терпѣли и будутъ терпѣть несправедливыя нападки невѣжественной толпы.

Я отсидѣлъ двое сутокъ, но мнѣ не было скучно, потому что со мною былъ оставшійся въ живыхъ номеръ «Листка», и я читалъ свой рассказъ запоемъ. Я даже прочелъ его вслухъ моему тюремному сторожу, сверхсрочному унтеръ-офицеру, который выразилъ свое одобрение восклицаніемъ: «ловко!».

Съ той поры прошло много, очень много лѣтъ. Я уже по опыту знаю, что на литературскомъ пути гораздо болѣе терній, чѣмъ розъ, и, получая номеръ со своимъ произведеніемъ, не радуюсь ему, а спокойно считаю количество строкъ. Но въ моей душѣ иногда шевелится жгучая зависть къ тогдашней наивной радости и свѣтлой вѣрѣ.

МИЛЛІОНЕРЪ.

Разсказъ.

На третій день Рождества, вечеромъ, у холостого журналиста почтовой конторы Ракитина собралось нѣсколько гостей. Это происходило въ крошечномъ пограничномъ мѣстечкѣ Красиловѣ, очень грязномъ и очень скучномъ, населенномъ тысячами тремя евреевъ и крестьянъ-мазуровъ, среди которыхъ выдѣлялась небольшая кучка, составлявшая такъ называемое «общество». Въ «общество» входили почтовые чиновники, лица, завѣдующія пропускомъ товаровъ за границу черезъ «переходный пунктъ», мѣстная полиція, духовенство и учитель со своимъ помощникомъ. Всѣ они въ обыденное время рѣдко посѣщали другъ друга, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, но на Рождество и Пасху непременно обмѣнивались церемонными визитами и устраивали поочередно «балки», на которыхъ танцовали до свѣта подъ гармонію или скрипку и угощались отвратительной мѣстной картофельной водкой и незатѣйливыми издѣліями хозяйской кухни.

Столъ былъ накрытъ въ той изъ двухъ маленькихъ комнатъ раkitинской квартиры, которая носила громкое названіе гостиной, въ отличіе отъ другой, называвшейся спальней. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ начальникъ почтовой конторы Шмидтъ, блѣдный, толстый, отекшій человекъ, весь какъ будто бы налитый водою, вялый и равно-

душный ко всему въ мірѣ, кромѣ штосса и «дьябелка». По бокамъ Шмидта и другъ противъ друга помѣщались: отецъ дьяконъ Василій и хозяинъ дома, маленькій, энергичный брюнетъ съ темно-желтымъ лицомъ и желтыми бѣлками глазъ и съ хитро-подобострастнымъ взглядомъ. Слѣдующія мѣста занимали: помощникъ пристава Павловъ, бывший казачій офицеръ, весельчакъ, запѣвала и скандалистъ, и, напротивъ его, учитель Мусоринъ, мрачный мужчина монашескаго типа, весь обросшій длинными черными волосами и называвшій самъ себя «апостоломъ тихаго пьянства». Наконецъ на самомъ концѣ стола пріютился Аггей Ѳомичъ Малыгинъ, тоже—почтовый чиновникъ, всегда по своей робости и скромности занимавшій послѣднія мѣста.

Аггей Ѳомичъ вообще избѣгалъ, по возможности, ходить въ гости, потому что это налагало на него своего рода обязательство — принимать у себя. Онъ былъ самымъ бѣднымъ чиновникомъ во всей конторѣ, къ тому же еще обязаннымъ накормить и одѣть жену, старухутещу и пятерыхъ дѣтей, на содержаніе которыхъ никогда не хватало двадцатидвухрублеваго ежемѣсячнаго жалованья. Каждый, устроенный имъ по необходимости «балокъ» производилъ въ домашней экономіи страшныя брешы, требовавшія для своего исправленія сверхъестественнаго сокращенія обыденныхъ расходовъ. Приходилось надолго отказываться всей семьѣ отъ мяса въ борщѣ, отъ утренняго чая, отъ лишняго полѣна дрсъ. Начальство, пріѣзжавшее изрѣдка на ревизіи почтовой конторы, всегда недружелюбно косилось на старый мундиръ Аггея Ѳомича, позеленѣвшій, расползшійся по швамъ, заплатанный, съ лоснящимися локтями и воротникомъ. И если оно не смущало Аггея Ѳомича за небрежность и неприличный видъ, то это можно было только объяснить жалостью, которую невольно внушала всякому его длин-

ная, тощая фигура, съ блѣднымъ веснущатымъ лицомъ, украшеннымъ рыжими, очень рѣдкими и короткими усами и бородой, съ ласковой и виноватой улыбкой малокровныхъ губъ и выцвѣтшихъ свѣтлыхъ глазъ.

Аггей Ѳомичъ и теперь пришелъ только вслѣдствіе настоящей необходимости. Его жена, болѣзненная женщина, всегда ходившая съ подвязанными зубами, должна была на-дняхъ родить; кромѣ того, у старшаго сына отвалились подошвы на сапогахъ; и то и другое требовало денегъ, которыхъ въ домѣ не было ни копейки. Положеніе стало до такой степени критическимъ, что Аггей Ѳомичъ, побѣдивъ свою робость, рѣшился, во что бы то ни стало, на вечерѣ у Ракитина взять у кого-нибудь взаймы нѣсколько рублей. И онъ сидѣлъ теперь за столомъ взволнованный, блѣднѣе обыкновеннаго, съ замирающимъ отъ робости сердцемъ, нервно потирая руки и ожидая удобнаго момента, чтобы заговорить о своемъ дѣлѣ. Онъ съ сконфуженной поспѣшностью отказывался отъ каждаго предлагаемаго ему куска, изъ боязни, понятной только бѣднякамъ, ввести въ лишній расходъ хозяина.

Гости пили и закусывали. Между ними давно уже шель длинный, неторопливый и скучный разговоръ о помѣщикѣ, о начальникѣ почтоваго округа, о мѣстномъ архіереѣ, о будущемъ урожаѣ, разговоръ до такой степени часто и однообразно повторявшійся, что каждый напередъ зналъ, какой именно анекдотъ расскажетъ его собесѣдникъ. Разъ три или четыре Аггею Ѳомичу казалось, что удобный моментъ наступилъ. Ему казалось удобнымъ подъ общій разговоръ незамѣтно наклониться къ помощнику пристава или къ учителю и попросить денегъ. И онъ уже перегибался въ ихъ сторону, готовый тихонько притронуться къ ихъ рукаву, чтобы обратить на себя вниманіе и затѣмъ попросить. Но каждый разъ невыразимая робость, почти страхъ, сковывала его движеніе.

Разговоръ понемногу перешелъ на то, какъ теперь стало трудно жить, какъ все дорого, и какъ рѣдко выслуживаются и попадаютъ въ люди мелкіе чиновники. Это направленіе разговора было для всѣхъ очень близкимъ и общимъ, и каждый выразилъ мнѣніе, что «какъ тамъ ни говори, а самое главное въ жизни все-таки деньги и деньги: при нихъ не нужно быть ни умнымъ, ни красивымъ, ни труженикомъ — все равно, люди будутъ всегда преклоняться передъ золотымъ тельцомъ».

— А вѣдь я разъ чуть не сдѣлался богачомъ, — сказалъ задыхающимся голосомъ Шмидтъ. — Былъ я какъ-то на свадьбѣ у помѣщика Порчинскаго, у того самаго, что на Головчинѣ... Собралось тамъ человѣкъ двадцать польскихъ пановъ, и, понятно, послѣ ужина сейчасъ же штоссъ. У меня было въ карманѣ, не помню, двадцать или тридцать пять рублей. Конечно, гдѣ же тутъ садиться, когда они играютъ по тысячѣ рублей. Я стою рядомъ и смотрю. Только вдругъ, какой-то помѣщикъ, съ такими длинными усами, онъ все понтировалъ по четвертной, семпелями, говорить мнѣ: — «Отчего же вы ничего не поставите?» Я ему отвѣчаю, что у меня не такъ много денегъ, чтобы играть. «Пустяки, говорить, ставьте». Ну, я поставилъ десять, — проигралъ, еще десять съ какой-то мелочью — тоже проигралъ. Меня тогда зло взяло. Былъ у меня серебряный екатерининскій рубль, такъ для памяти я его держалъ. «Дай, думаю, поставлю и его». Поставилъ. Представьте себѣ — дали. Я на пе — дали. Еще разъ на пе, и еще, и еще. Минуть въ пять сорвалъ весь банкъ. Банкометь говорить: «Закладывайте теперь вы». Ну, я, конечно, сѣлъ. Мечу. Ну, понимаете, чуть кто крупную карту поставитъ, я сейчасъ лусъ и убью. Набралось у меня тысячъ до пятнадцати. Я уже думаю встать, да все какъ-то жаль: а ну, какъ я свое счастье упущу? Въ это время подходитъ къ столу самъ

Порчинскій, тотъ самый, который женился-то. «А ну-ка, говоритъ мнѣ, вамъ въ любви везеть, такъ въ карты не должно везти. Дайте-ка я заложу». Я говорю ему на это: «Извините, я уже мечу». А онъ говоритъ: «Вы? Очень хорошо. — Ва-банкъ!» Всѣ такъ и рты разинули. Ну, дѣлать нечего, тасую я карты, а онъ даже и снимать не хочетъ, и даже не моргнетъ каналья. И представьте себѣ, на второй картѣ взялъ всѣ деньги, положилъ въ карманъ и отошелъ прочь. «Я, говоритъ, теперь и метать больше не хочу».

Всѣ слушали рассказъ Шмидта съ горящими глазами: точно они сами видѣли эти пятнадцать тысячъ и слышали ихъ запахъ и шелестъ.

— А вотъ тоже есть счастливыцы, которые выигрываютъ на билеты, — сказалъ, вздыхая, отецъ дьяконъ (всѣмъ было извѣстно, что у него есть билетъ внутренняго займа). — На-дняхъ я читалъ, ростовщикъ какой-то двѣсти тысячъ цапнулъ. И хоть бы бѣдному человѣку досталось, а то вѣдь у этого и безъ того денегъ куры не клюютъ. Истинно неисповѣдимы пути Божіи.

— Н-да, — протянулъ задумчиво и басомъ учитель: — бываетъ. А вотъ, говорятъ, что если который билетъ одинъ разъ выигралъ, то ужъ въ другой непременно выиграетъ. Правда это, или нѣтъ?

— Да, говорятъ, — отвѣтилъ помощникъ пристава: — только я не знаю, вѣрно ли... А у насъ вотъ въ З. съ однимъ копистомъ такой былъ случай. Служилъ онъ въ губернскомъ правленіи и кое-какъ сколотилъ себѣ билетикъ. Какъ-то разъ приходитъ онъ въ правленіе, а столоначальникъ его спрашиваетъ: «Какой номеръ вашего билета, Сергѣй Ивановичъ?» — «Какой, говоритъ, не помню уже какой, ну, хоть, положимъ, 1123-й». — «Поздравляю васъ, вы выиграли пятьдесятъ тысячъ». Справились въ газетахъ: точно — 1123-й — пятьдесятъ тысячъ. Ну, тотъ

прямо обезумѣлъ отъ радости! Обѣдъ закатилъ съ шампанскимъ, всѣ его поздравляютъ, рѣчи говорятъ. А на другой день въ той же газетѣ напечатано, что, молъ, по ошибкѣ, вмѣсто 1124-го, напечатанъ 1123-й. Такъ съ этимъ копистомъ нервная горячка сдѣлалась.

И одинъ за другимъ потекли эти избитые, всему міру извѣстные рассказы, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды: о Ротшильдѣ, пришедшемъ въ Парижъ пѣшкомъ и продававшемъ сначала спички на улицахъ, а потомъ имѣвшемъ сто милліоновъ годового дохода, о Вандербильтѣ, о подземныхъ находкахъ, о карточныхъ выигрышахъ, о биржевой спекуляціи, о неожиданныхъ американскихъ милліонерахъ-дядяхъ.

Аггей Ѳомичъ, хотя самъ и не говорилъ ничего, но всей душой принималъ въ этихъ разговорахъ участіе. Несмотря на свою безцвѣтную внѣшность, онъ, какъ это часто бываетъ, обладалъ удивительно пылкимъ воображеніемъ и все, чтò при немъ рассказывалось, представлялъ необычайно ярко. Разговоры о долгахъ, о неожиданныхъ богатствахъ, объ этихъ диковинныхъ, могущественныхъ существахъ, называемыхъ милліонерами и не знающихъ отказа ни въ одной своей прихоти, взволновали его до лихорадочной дрожи, взволновали тѣмъ болѣе, что ему именно въ эти минуты были до зарѣзу необходимы нѣсколько жалкихъ рублей на акушерку и на сапоги мальчику.

— Нѣкоторые тоже находятъ деньги на улицѣ, — выпалилъ вдругъ неожиданно для самого себя Аггей Ѳомичъ.

Всѣ поглядѣли на него съ удивленіемъ, — онъ до сихъ поръ еще ни слова не сказалъ во весь вечеръ. Аггей Ѳомичъ сконфузился и потупилъ глаза въ скатерть.

— Какъ же, находятъ и на улицахъ, только... въ чужихъ карманахъ, — сострилъ помощникъ пристава.

Всѣ засмѣялись, больше надъ опрокинутымъ лицомъ

Аггея Ѳомича, чѣмъ отъ остроты помощника пристава, и тотчасъ же каждый разсказалъ нѣсколько случаевъ крупныхъ, дерзкихъ, оставшихся неразгаданными кражъ. И опять передъ глазами Аггея Ѳомича завертѣлись десятки и сотни тысячъ рублей, громадныя пачки пестрыхъ ассигнацій, волшебныя имена богачей, не знающихъ счета деньгамъ. И онъ слушалъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ голодный глядитъ въ окно гастрономическаго магазина.

Старые, хриплые стѣнные часы пробили часъ. Отецъ дьяконъ поднялся и, завернувъ правый рукавъ рясы, сталъ прощаться, за нимъ встали и другіе, исключая Аггея Ѳомича. Онъ все время, пока Ракитинъ со свѣчкой провожалъ гостей до выходной двери, сидѣлъ неподвижно на томъ же мѣстѣ, въ волненіи катая дрожащею рукой хлѣбныя шарики. «Вотъ сейчасъ Ракитинъ вернется, — думалъ Аггей Ѳомичъ: — и я попрошу. Нужно только быть смѣлѣе... И вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не съѣсть же онъ меня за просьбу?»

Наконецъ Ракитинъ вернулся и сѣлъ рядомъ со своимъ гостемъ, удивляясь тому, что онъ не ушелъ со всѣми, но Аггей Ѳомичъ вмѣсто того, чтобы сразу попросить денегъ, затянулъ длинный и скучный разговоръ о службѣ и о жалованьи. Ракитинъ глядѣлъ на него слипающимися глазами, дѣлая изъ вѣжливости видъ, что слушаетъ, и зѣвая съ судорожно закрытымъ ртомъ. Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ Ракитинъ не выдержалъ и съ громкимъ протяжнымъ зѣвкомъ потянулся.

— Ахъ, какое свинство! — сказалъ онъ соннымъ голосомъ: — завтра мое дежурство...

Аггей Ѳомичъ поспѣшно всталъ и началъ извиняться. Въ снѣгахъ, взявшись уже за ручку двери, онъ вдругъ, преодолевъ нерѣшимость, обернулся къ Ракитину.

— Послушай, — произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ

и не поднимая глазъ: — у меня того... есть къ тебѣ маленькая... то... просьба.

— Чтò такое? — спросилъ Ракитинъ безпокойно.

— Понимаешь... я бы... то... я бы не сталъ тебя безпокоить... Жена, вотъ, должна родить... Ты знаешь, понимаешь... необходимо... А я бы, ей-Богу, отдалъ двадцатаго... рублей...—онъ хотѣлъ сказать: десять, но испугался самъ такой суммы:—рублей хоть пять одолжи...

— Ей-Богу, ни копейки, — отвѣтилъ Ракитинъ, прижимая убѣдительно обѣ руки къ груди: — ну, понимаешь, во всемъ домѣ — ни копейки.

По черезчуръ искреннему тону Ракитина Аггей Ѳомичъ отлично понялъ, что у него есть деньги, и что онъ боится дать ихъ взаймы. Пробормотавъ что-то въ родѣ извиненія, Аггей Ѳомичъ вышелъ на улицу.

Ночь была лунная, тихая и морозная. Широкія, заваленныя снѣгомъ улицы, низенькіе домики съ ихъ бѣлыми снѣжными шапками, деревья, осыпанныя снѣгомъ, точно ватой — все это казалось мертвымъ. Снѣгъ гулко скрипѣлъ подъ ногами.

Аггею Ѳомичу приходилось итти довольно далеко. Мысль о деньгахъ не покидала его. Онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, какъ сейчасъ придетъ въ свою квартиру, низкую, холодную, съ зелеными окнами, стекла которыхъ по діагонали склеены замазкой, съ вѣчнымъ запахомъ нищеты и дѣтскихъ пеленокъ. Чтò онъ скажетъ женѣ, когда она своимъ надорваннымъ, больнымъ голосомъ спроситъ о деньгахъ? Вотъ онъ сейчасъ пилъ водку и пиво, ѣлъ поросенка жаренаго, а вѣдь тамъ легли спать впроголодь, съ одной надеждой на отца, который непременно достанетъ денегъ.

«Господи, Боже мой, — думалъ съ горечью Аггей Ѳомичъ: — отчего другимъ Ты посылаешь и счастье, и довольство, и сытую жизнь? Отчего же Ты меня позабылъ?

Другіе находятъ же, напримѣръ, деньги, которыя имъ, можетъ-быть, и не нужны даже. Что если бы мнѣ хоть разъ, ну, одинъ только разочекъ въ жизни найти... ну, хоть десять, нѣтъ, двадцать рублей! И акушеркѣ будетъ чѣмъ заплатить, и сапоги Васюткѣ, и теплое пальтишко Лелѣ... Сейчасъ, напримѣръ, ну почему бы мнѣ не найти бумажника по дорогѣ? Вѣдь бываютъ же иногда такіе случаи, даже и часто бываютъ; мало ли объ этомъ пишутъ и говорятъ?..»

И, по свойству своего мечтательнаго ума, Аггей Ѳомичъ началъ съ наслажденіемъ представлять себѣ, какъ онъ находитъ на улицѣ толстый кожаный бумажникъ, какъ онъ раскрываетъ его и находитъ тамъ цѣлую пачку сторублевыхъ бумажекъ и выигрышныхъ билетовъ, какъ онъ перебирается въ большую, теплую и свѣтлую квартиру, заводитъ мебель, шьетъ семьѣ теплыя красивыя платья, и... мало ли чего хорошаго можно сдѣлать на большія деньги?..

И мало-по-малу, — можетъ-быть, подѣ влияніемъ нѣсколькихъ рюмокъ выпитой водки, можетъ-быть, вслѣдствіе самовнушенія, — въ душѣ Аггея Ѳомича начала возрастать чудовищно-нелѣпая, но неотразимая увѣренность, что онъ сегодня, даже именно сейчасъ, долженъ найти на улицѣ чудесный бумажникъ. Почему это должно было случиться — онъ не зналъ, да и не думалъ объ этомъ. Онъ просто былъ увѣренъ и шель, опустивъ голову и внимательно глядя себѣ подъ ноги.

— Вотъ сейчасъ... сейчасъ, — шепталъ онъ точно въ бреду: — другіе же находятъ... еще нѣсколько шаговъ... сейчасъ... сейчасъ...

И вдругъ — это вовсе не было иллюзіей въ разгоряченномъ воображеніи — онъ ясно увидѣлъ на снѣгу дороги черный небольшой предметъ правильной четырехугольной формы. Задыхаясь отъ безумнаго восторга, съ

волосами, стоявшими дыбомъ, Аггей Ѳомичъ оглянулся, какъ воръ, по сторонамъ и кинулся на лежащій предметъ...

Въ рукахъ его оказался толстый кожаный бумажникъ... Сначала удивительное совпаденіе грезъ съ дѣйствительностью ошеломило на нѣсколько секундъ Аггея Ѳомича, но, убѣдившись, что въ рукахъ его настоящій, не фантастическій бумажникъ, онъ судорожно притиснулъ его къ груди и стремительно побѣжалъ домой...

Ему пришлось бѣжать съ полверсты. Онъ чувствовалъ, какъ, отъ непривычки къ быстрому движенію у него колело подъ ложечкой, какъ въ горлѣ расширялся какой-то сухой и колющій клубокъ, какъ кровь напряженно билась въ его головѣ. Но остановиться онъ не могъ, ему казалось, что, въ случаѣ минутнаго промедленія, кто-нибудь нагонитъ его и отыметъ у него найденное сокровище. Во время бѣга у него упала съ головы шапка. Онъ хотѣлъ-было нагнуться поднять ее, но тотчасъ же махнулъ рукой и помчался дальше «Тысячу шапокъ заведемъ!» — прошепталъ онъ въ восторгѣ...

На его бѣшенный стукъ въ дверь отворила проснувшаяся и испуганная жена, со свѣчой въ рукахъ. Дѣти также проснулись и съ изумленіемъ и съ ужасомъ смотрѣли на отца изъ своихъ постелей. Аггей Ѳомичъ тяжело опустился въ кресло, блѣдный, весь въ поту, съ блуждающими и блестящими глазами...

— Анечка! Дѣти! — прохрипѣлъ онъ, потрясая бумажникомъ: — вотъ здѣсь... въ бумажникѣ... деньги... Сто тысячъ... нанимай квартиру. Аня... шампанскаго... четыреста тысячъ... понимаете? Урра-а!
.

Въ настоящее время Аггей Ѳомичъ такъ богатъ, что передъ его милліонами всѣ сокровища и Голконды и Калифорніи — ничто. Онъ держитъ на конюшнѣ шесть-

десять тысяч лошадей и три миллиона пятьсот тысяч каретъ. Онъ директоръ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ мірѣ и даже новой, вновь проложенной съ земли на Юпитеръ. Онъ необыкновенно щедръ и каждому бѣдняку-просителю охотно даритъ по миллиону и по два. Онъ добръ, тихъ, ласковъ и только одного не переноситъ — это если кто-нибудь осмѣливается дотронуться до его драгоценнаго кожанаго бумажника, заключающаго засаленную трехрублевую бумажку, багажную квитанцію и газетное объявленіе. Тогда онъ впадаетъ въ странное бѣшенство и швыряетъ въ окружающихъ всѣмъ, что ему попадется подъ руку. Жена и дѣти очень любятъ его и оказываютъ ему самое нѣжное вниманіе. Онъ платитъ имъ тѣмъ же...

И. наконецъ, почему мы знаемъ? — можетъ-быть, безумцы иногда безмѣрно счастливѣе насъ, здоровыхъ людей?

ДѢТСКІЙ САДЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Илья Самойловичъ Бурминъ служилъ старшимъ писцомъ въ сиротскомъ судѣ. Когда онъ овдовѣлъ, ему было около пятидесяти лѣтъ, а его дочкѣ — семь. Сашенька была дѣвочкой некрасивой, худенькой и малокровной; она плохо росла и такъ мало ѣла, что за обѣдомъ каждый разъ приходилось ее стращать волкомъ, трубочистомъ и городовымъ. Среди шума и кипучаго движенія большого города она напоминала тѣ чахлыя травинки, которыя вырастаютъ — Богъ вѣсть, какимъ образомъ — въ расщелинахъ старыхъ каменныхъ построекъ.

Однажды она заболѣла. Вся ея болѣзнь заключалась въ томъ, что она по цѣлымъ днямъ безмолвно сидѣла въ темномъ уголку, равнодушная ко всему на свѣтѣ, тихая и печальная. Когда Бурминъ ее спрашивалъ: — «Что съ тобой, Сашенька?» — она отвѣчала жалобнымъ голосомъ: — «Ничего, папа, мнѣ просто скучно»...

Наконецъ Бурминъ рѣшился позвать доктора, жившаго напротивъ. Докторъ спустился въ подвалъ, гдѣ Бурминъ занималъ правый задній уголокъ, и долго искалъ мѣста для своей енотовой шубы. Но такъ какъ все мѣста были сыры и грязны, то онъ остался въ шубѣ. Кругомъ его, но на почтительномъ разстояніи, столпились бабы — обита-

тельницы того же подвала—и, подперши подбородки ладонями, глядѣли на доктора жалостными глазами и вздыхали, слыша слова «апатія», «анемія» и «рахитическое сложеніе».

— Ей нужно хорошее питаніе, — сказалъ строгимъ тономъ докторъ: — крѣпкій бульонъ, старый портвейнъ, свѣжія яйца и фрукты.

— Да, да... такъ, такъ, такъ, — твердилъ Илья Самойловичъ, привыкшій еще у себя въ сиротскомъ судѣ къ подобострастному согласію со всякимъ начальствомъ.

Въ то же время онъ сокрушенно глядѣлъ вверхъ, на зеленя стекла окна и на пыльныя герани, медленно умиравшія въ промозглой атмосферѣ подвала.

— Всего важнѣе свѣжій воздухъ... Я бы особенно рекомендовалъ вашей дочери южный берегъ Крыма, и морскія купанья...

— Да, да, да... Такъ, такъ...

— И виноградное лѣченіе...

— Такъ-съ, такъ-съ... Виноградное...

— А главное, повторяю, свѣжій воздухъ и зелень, зелень, зелень... Затѣмъ, извините... Чрезвычайно занятъ... Что это? Нѣтъ, нѣтъ... не беру, съ бѣдныхъ не беру... Всегда бесплатно... Бѣдныхъ всегда бесплатно... До свиданія-съ.

Если бы у Ильи Самойловича потребовали для благополучія его дочери отдать на отсѣченіе руку (но только — лѣвую, правой онъ долженъ былъ писать), онъ ни на секунду не задумался бы. Но старый портвейнъ и—18 рублей и 33¹/₃ коп. жалованья...

Дѣвочка хирѣла.

— Ну, скажи мнѣ, Сашурочка, скажи, моя кисинька, чего бы ты хотѣла? — спрашивалъ Илья Самойловичъ, съ тоской глядя въ большіе, серьезные глаза дочери.

— Ничего, папа...

— Хочешь куклу, дѣточка? Большую куклу, которая закрываетъ глаза?

— Нѣтъ, папа. Ску-учно.

— Хочешь конфетку, съ картинкой? Яблочко? Башмачки желтые?

— Скучно!

Но однажды у нея явилось маленькое желаніе. Это случилось весной, когда пыльные герани ожили за своимъ зеленымъ стекломъ, покрытымъ радужными разводами.

— Папа... въ садъ хочу... Возьми въ садъ... Тамъ... листики зелененькіе... травка... какъ у крестной въ садикѣ... Поѣдемъ къ крестной, папочка...

Она только разъ и была въ саду, года два тому назадъ, когда провела два дня на дачѣ у крестной матери, жены писмоводителя мирового судьи... Она, конечно, не могла помнить, какъ сенсационно швыряла «писмоводителька» чуть ли не въ лицо своимъ кумовьямъ стаканами со спитымъ чаемъ и какъ умышленно громко, тономъ сценическаго *à part*, ворчала она за перегородкой о всякой шушерѣ, перекаточной голи, которая и т. д...

— Хочу къ крестной въ садъ, папочка...

— Хорошо, хорошо, дѣточка, не плачь, кисюринька моя, вотъ будетъ хорошая погодка, и въ садикъ тогда пойдешь...

Наступила наконецъ хорошая погодка, и Бурминъ отправился съ дочкой въ общественный садъ. Сашенька точно ожила. Она, конечно, не посмѣла принять участія въ дѣланіи изъ песка котлетъ и вкусныхъ пирожныхъ, но глядѣла на другихъ дѣтей съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Сидя неподвижно на высокой садовой скамеечкѣ, она казалась такой блѣдной и болѣзненной среди этихъ краснощекихъ, мясистыхъ дѣтей, что одна строгая и полная дама, проходя мимо нея, произнесла, обращаясь, по видимому, къ старой, тѣнистой липѣ:

— Удивляюсь, чего это полиція смотрить?... Пускаютъ въ садъ больныхъ дѣтей... Какое безобразіе! Еще другихъ перезарезать...

Замѣчаніе строгой дамы не удержало бы, безъ сомнѣнія, Илью Самойловича отъ удовольствія видѣть лишній разъ радость дочери, но, къ сожалѣнію, городской садъ находился очень далеко отъ Разбойной улицы. Дѣвочка не могла пройти пѣшкомъ и ста саженой, а конка туда и обратно обходилась обоимъ сорокъ четыре копейки, т.-е. гораздо болѣе половины дневного жалованья Ильи Самойловича. Приходилось ѣздить только по воскресеньямъ.

А дѣвочка все хирѣла. Изъ ума Бурмина между тѣмъ не выходили слова енотоваго доктора о воздухѣ и зелени.

«Ахъ, если бы намъ воздуху, воздуху, воздуху!» — сотни и тысячи разъ твердилъ про себя Илья Самойловичъ.

Эта мысль обратилась у него чуть ли не въ пунктъ помѣшательства. Почти напротивъ его подвала простирался огромный пустырь городской земли, гдѣ попеременно то въ пыли, то въ грязи купались обывательскія свиньи. Мимо этого пустыря Илья Самойловичъ никогда не могъ пройти безъ глубокаго вздоха.

— Ну что стѣдуетъ здѣсь развести хоть самый маленькій скверикъ? — шепталъ онъ, покачивая головой. — Дѣтишкамъ-то, дѣтишкамъ-то какъ хорошо будетъ, господа!

Съ планомъ превращенія этого пустыря онъ, какъ истый фанатикъ идеи, носился всюду. Его на службѣ даже прозвали «пустыремъ». Однажды кто-то посоветовалъ Ильѣ Самойловичу:

— А вы бы написали проектецъ и подали бы въ городскую думу...

— Ну? — обрадовался и испугался Илья Самойловичъ. — Въ думу, вы говорите?

— Въ думу. Самое простое дѣло. Такъ, и такъ, молъ, состоя въ званіи обывателя... въ виду общей пользы, украшенія, такъ сказать, города... ну и все такое.

Проектъ былъ написанъ черезъ мѣсяць, проектъ безграмотный, безсвязный и наивный до трогательности. Но, если бы каждый штрихъ его каллиграфическихъ буквъ сумѣлъ вдругъ заговорить съ той страстной надеждой, съ какой его выводила на министерской бумагѣ рука Ильи Самойловича, тогда, безъ сомнѣнія, и городской голова, и управа, и гласные побросали бы всѣ текущія дѣла, чтобы немедленно осуществить этотъ необычайно важный проектъ.

Секретарь велѣлъ прійти черезъ мѣсяць, потомъ черезъ недѣлю, потомъ опять черезъ недѣлю. Наконецъ онъ ткнулъ бумагой чуть ли не въ самый носъ Бурмина и закричалъ:

— Ну, чего вы лѣзете? Чего? Чего? Чего? Это дѣло не ваше, а городского самоуправления!

Илья Самойловичъ поникъ головой. «Самоуправленія, — скорбно шептали его губы... — Да, вотъ оно, штука-то, самоуправления!»

Потомъ секретарь вдругъ спросилъ строгимъ тономъ, гдѣ служить Илья Самойловичъ. Бурминъ испугался и сталъ просить извиненія. Секретарь извинилъ, и Бурминъ, скомкавъ бумагу, поспѣшно выбѣжалъ изъ думы.

Но неудача не убила его дѣятельности пропагандиста. Только теперь въ его умѣ къ образу Сашеньки, продолжавшей хирѣть безъ солнца и воздуха, присоединились блѣдныя личики многихъ сотенъ другихъ дѣтей, задыхавшихся, подобно его дочери, въ подвалахъ и на чердакахъ. Поэтому онъ настойчиво являлся со своимъ проектомъ и въ полицію, и въ военное вѣдомство, и къ мировымъ судьямъ, и къ частнымъ благотворителямъ. Конечно, отовсюду его прогоняли.

Одинъ изъ его сослуживцевъ, копіистъ Цытроновъ считался очень свѣтскимъ человѣкомъ, потому что по-сѣщаль трактиръ «Югъ» и читаль единственную городскую газету — «Непогрѣшимый». Онъ какъ-то, не то шутя, не то серьезно сказалъ Ильѣ Самойловичу:

— Вотъ, если бы про этотъ пустырь продернуть въ фельетонѣ, тогда было бы дѣло другого рода... Вы не читали никогда фельетоновъ «Скорпіона»?.. Какое перо! Такъ прямо и катаетъ: у Николай Николаича, молъ, гордая походка и лѣвое плечо выше праваго. Ядовитый господинъ!

Скрѣпя сердце, переступилъ Илья Самойловичъ порогъ редакціи (въ думу онъ шелъ гораздо смѣлѣе). Въ большой комнатѣ, пахнувшей резиной и типографской краской, сидѣло за столомъ пять косматыхъ мужчинъ. Всѣ они выстригали изъ огромныхъ кучъ газетъ какіе-то четырехугольные кусочки и зачѣмъ-то наклеивали ихъ на бумагу.

Какъ ни добивался Илья Самойловичъ, чтобы ему показали «Скорпіона», онъ не успѣлъ въ этомъ.

— Скажите сначала, зачѣмъ вамъ его надо,—говорили ему косматые мужчины: — развѣ вы не знаете, что псевдонимъ сотрудника есть редакціонная тайна?

Однако, когда Самойловичъ, рассказалъ имъ свой завѣтный проектъ, косматые мужчины сдѣлались откровенны и обѣщали Бурмину свое покровительство.

А Сашенька уже не вставала съ кровати и лежала въ ней блѣдная, вытянувшаяся, съ носикомъ, заострившимся, какъ у мертвеца.

— Хочу въ садикъ, папочка, въ садикъ, скучно мнѣ, папа, — твердила она тоскливымъ голосомъ.

Можетъ-быть, ея больной организмъ инстинктивно жаждалъ чистаго воздуха, подобно тому, какъ рахитическія дѣти безсознательно ѣдятъ мѣлъ и известь?

Бурминъ старался согрѣть поцѣлуями ея худенькія, холодныя руки и говорилъ ей неожиданныя трогательныя слова, которыя становятся такими смѣшными въ чужой передачѣ.

Весной, когда изсохшія герани потянулись опять къ солнцу, Сашенька умерла. Подвальные бабы обмыли ее и обрядили, и положили сначала на столъ, а потомъ въ гробъ. Илья Самойловичъ точно окаменѣлъ. Онъ не плакалъ, не произносилъ ни слова и не отводилъ глазъ отъ маленькаго блѣднаго личика.

Только въ день похоронъ, когда убогая процессія проходила мимо пустыря, онъ немного оживился. На пустырь копошились съ лопатами десятка два рабочихъ.

— Чтò же это такое? — спросилъ Илья Самойловичъ Яковлевну, свою сосѣдку по подвалу, торговавшую на базарѣ селедками.

— Чи я знаю? — отвѣтила Яковлевна сквозь обильныя слезы... — Кажуть люды, що якыйсь садокъ тутъ поставлять. Дума... чи якъ еі?...

Тогда Илья Самойловичъ вдругъ прерывисто вздохнулъ, перекрестился, и громкія облегчающія рыданія неудержимо вырвались изъ его груди.

— Ну, вотъ и слава Богу, и слава Богу, — сказалъ онъ, обнимая Яковлевну. — Теперь и у нашихъ дѣточекъ свой садикъ будетъ. А то развѣ намъ можно на конкахъ ѣздить, Яковлевна? Вѣдь это не шутка — сорокъ четьре копейки туда и обратно.

ЧАРЫ.

— Неужели вамъ до сихъ поръ не наскучило приставать ко мнѣ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ?.. А еще называете себя моимъ вѣрнымъ другомъ... Развѣ вѣрные друзья бываютъ такъ нескромны, чтобы спрашивать у женщины, кого она въ своей жизни любила? Что вы говорите? Ревность? Ай, ай, ай! Какъ не стыдно! Развѣ вы не помните нашего уговора, что послѣ перваго намека съ вашей стороны на нѣжныя чувства я отзываю пословъ и объявляю между нами войну?

«А впрочемъ... возьмите щипцы и помѣшайте уголья въ каминѣ... Впрочемъ, если ужъ на то пошло, я расскажу вамъ трагикомическую исторію моего перваго увлеченія. Только я заранѣе беру съ васъ слово не смѣяться... Это было бы мнѣ очень грустно.

«Начало исторіи очень романтично. Представьте себѣ великосвѣтскій балъ, салонъ, залитый огнями, ряды декольтированныхъ дамъ вперемежку съ расшитыми мундирами и безупречными фраками мужчинъ. И вотъ на эстрадѣ, сплошь загороженной зеленью, высоко надъ моремъ человѣческихъ головъ появляется «онъ». Черные кудри падаютъ на плечи, черные, бархатные, сверхъестественные глаза смотрятъ впередъ съ холоднымъ величіемъ, рука — длинная, выхоленная, прекрасная рука артиста небрежно обтираетъ платкомъ деку скрипки и потомъ

такъ же небрежно бросаетъ этотъ платокъ на рояль. Тишина... робкіе аккорды прелюдіи... сердце замираетъ въ какомъ-то сладкомъ ужасѣ, когда первые звуки вторгаются въ него съ нѣжной настойчивостью. Нѣтъ больше ни сіяющей залы, ни наставленій «taman», ни чопорныхъ сосѣдей, остаются только звуки и вдохновенные, то страстные, то горячіе мрачнымъ огнемъ, то ликующіе глаза.

«Дальше представьте себѣ наивную, только-что начавшую выѣзжать дѣвушку-институтку, съ головой, набитой романтическимъ вздоромъ, жаждой необычайнаго и возвышеннаго... Однимъ словомъ, завязка для васъ выяснилась. Не правда ли?

«Мой скрипачъ былъ *très gerandu* въ высшемъ свѣтѣ, который такъ жадно бросается на все новое, выдающееся и надѣлавшее шума. Ему давали прозванія «второго Паганини» и «второго Сарасате», его нарасхватъ приглашали на вечера, передъ нимъ заискивали. Дамы находили въ немъ что-то демоническое.

«Сойдя съ эстрады, онъ держался въ обществѣ безукоризненно - импонирующимъ образомъ. Сколько разъ, глядя на его задумчивый и гордый профиль, я съ мучительнымъ любопытствомъ думала о его интимной жизни, о людяхъ, которые его окружаютъ, о его многочисленныхъ побѣдахъ женскихъ сердець. Я уже знала изъ книжекъ, что великіе люди осуждены на вѣчное одиночество въ шумномъ мірѣ. И я мечтала... впрочемъ, мало ли о какихъ глупостяхъ можетъ мечтать взбалмошная дѣвичья голова.

«Однажды я рѣшилась написать ему письмо (конечно, съ вымышленною подписью и съ просьбой отвѣтить въ почтамтъ «до востребованія»), дикое, восторженное письмо. Онъ отвѣтилъ, и между ними завязалась переписка, изъ которой я еще разъ убѣдилась въ справедливости книжнаго афоризма. Мой артистъ глядѣлъ на жизнь съ уста-

лостью и презрѣніемъ, не примиряясь съ людскою пошлостью, мелочностью, завистью и непониманіемъ порывовъ творческой души. При этомъ онъ изливался въ благодарностяхъ чуткому женскому сердцу, оцѣнившему его. Нечего и говорить, что это чуткое женское сердце принадлежало мнѣ.

«Лѣтомъ переписка прекратилась, потому что мы уѣхали на дачу. Матап нарочно выбрала очень отдаленную отъ города мѣстность. Она находила, что послѣ утомительнаго зимняго сезона мнѣ необходимо подкрѣпить свои силы свѣжимъ воздухомъ деревни. Впрочемъ, я думаю, тутъ имѣли значеніе и экономическіе интересы.

«Нашимъ ежедневнымъ гостемъ сдѣлался кавалерійскій генераль съ прекраснымъ будущимъ, представительный и свѣжій сорокалѣтній холостякъ. Онъ былъ очень занимателенъ и любезенъ; и я находила только, что его волосы и брови могли бы менѣе отливать фіолетовой краской.

«Генераль возилъ мнѣ цвѣты и конфеты. Матап не разъ съ очень прозрачною хитростью заводила разговоръ о томъ, какую хорошую онъ представляетъ партію для дѣвушки съ неособенно большимъ приданымъ. Когда же генераль въ разговорѣ называлъ себя съ раскатистымъ смѣхомъ старикомъ, она энергично и досадливо протестовала.

«Но мое сердце было переполнено демоническимъ артистомъ. «Если не онъ, то никто!» — рѣшила я съ той безповоротностью, которая составляетъ преимущество семнадцатилѣтнихъ романтическихъ героинь. И, навѣрно, я осталась бы при своемъ рѣшеніи, если бы не случилось маленькаго непріятнаго обстоятельства.

«Однажды мы возвращались домой, сдѣлавъ прогулку по роцѣ и напившись тамъ молока: я, матап и нашъ генераль. Я отстала. Они не замѣтили этого, потому

что были всецѣло заняты соображеніями: въ какой стспени родства находилась кузина генерала съ зятемъ тамап.

«Когда я проходила мимо маленькой, затонувшей въ густой зелени акацій, дачи, до слуха моего донесся знакомый, сразу взволновавший меня голосъ. Любопытство было такъ сильно, что я (хотя моя совѣсть и возмутилась противъ этого) остановилась и, скрытая кустами зелени, стала прислушиваться и наблюдать.

«Боже мой! Прежде всего я увидѣла «его», моего кумира, мою демоническую натуру, моего гордаго генія, моего «Сарасате и Паганини» вмѣстѣ. Онъ сидѣлъ передъ террасой, около круглаго зеленого стола. На колѣняхъ у него держался ребенокъ мѣсяцевъ 3 — 4-хъ, съ бессмысленнымъ, сморщеннымъ лицомъ и головой, качающейся во всѣ стороны. Противъ него толстая женщина безъ корсета, въ сѣромъ платьѣ, засаленномъ на груди, варила на переносной печкѣ варенье. Четверо другихъ дѣтей—трое мальчиковъ и дѣвочка — толпились около дымящагося таза, время отъ времени украдкой облизывая ложки съ настывавшимъ на нихъ сиропомъ. Картину дополняли еще двѣ женщины, сидѣвшія около того же круглаго зеленого стола: старушка лѣтъ восьмидесяти, вязавшая чулокъ, и горбатая женщина, скорѣе дѣвушка, съ птичьимъ лицомъ, но очень похожая на моего «Паганини», которая, то приближая, то удаляя отъ глазъ младенца блестящій стаканъ, заставляла его вскрикивать, пускать ртомъ пузыри и тянуться впередъ руками. Глядя на эту невинную забаву, и толстая женщина, и старушка съ чулкомъ, и самъ «Паганини» улыбались блаженными улыбками, улыбками счастливаго отца, довольной матери и бабушки, пользующейся въ домѣ заслуженнымъ почетомъ. При этомъ мой демоническій музыкантъ съ любовной заботливостью вытиралъ какой-то грязной тряпкой мокрая губы и носъ своего ребенка.

«Вдругъ, повинувась притягательной силѣ моего пристального взгляда, музыкантъ повернулъ голову. Я видѣла только, какъ его лицо покрылось густой краской, какъ его руки инстинктивно протянулись, чтобы дать дитя горбатой дѣвушкѣ. Чтò было дальше, я не знаю, не помню... я бросилась бѣжать, бѣжать и бѣжать, унося въ сердцѣ нестерпимую боль стыда, жалости и злобы...

«Ну, а развязку вы, конечно, знаете. Черезъ полгода я стала женой представительнаго кавалерійскаго генерала».

ПИРАТКА.

Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ нищаго съ собакой. Болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній: біографическихъ, фамилныхъ и психологическихъ, о немъ никто не имѣлъ, впрочемъ, — никто имъ и не интересовался. Это былъ высокій, худой старикъ съ лохматыми, сѣдыми волосами, съ лицомъ закоренѣлаго и одинокаго пьяницы, трясущійся, одѣтый въ самое рваное лохмотье, насквозь пропитавшійся запахомъ спирта и нищенскихъ подваловъ.

Когда онъ входилъ робкою походкою въ какой-нибудь изъ кабачковъ самаго низшаго разбора, и за нимъ, поджавъ хвостъ и присѣдая отъ робости на ноги, вползала его коричневая, подслѣповатая собака, то завсегдатаи заведенія сразу его узнавали.

— А, это тотъ, что съ собакой!

Старикъ оглядывался кругомъ, выбиралъ какой-нибудь столикъ, за которымъ, по его мнѣнію, сидѣла наиболѣе веселая, пьяная и щедрая компанія, и заискивающимъ голосомъ спрашивалъ:

— Господа почтенные, дозвольте намъ съ собачкой представленіе показать?

Случалось, что на свое робкое предложеніе онъ получалъ въ отвѣтъ только грубое ругательство, но чаще всего перспектива собачьяго представленія плѣняла охме-

лѣвшихъ и потому нуждающихся въ новыхъ впечатлѣніяхъ посѣтителей.

— А ну, валяй! Посмотримъ, что это за представленіе выйдетъ!

Тогда кабачокъ обращался въ импровизированный театръ, гдѣ артистами являлись старикъ и его коричневая собака, а зрителями — посѣтители, половые и даже самъ хозяинъ, толстый и важный, выглядывающій съ презрительнымъ любопытствомъ изъ-за своей стойки.

— Пиратка, иси! — командоваль старикъ. — Иси, подлець ты этакій!

Пиратка подходилъ къ хозяйну неувѣренной походкой, слабо помахивая хвостомъ.

— Кушь здѣсь!

Пиратка съ глубокимъ вздохомъ ложился на полъ и, протянувъ прямо передъ собой лапы, глядѣлъ на старика съ вопросительнымъ видомъ.

Старикъ бралъ небольшой кусочекъ хлѣба, клалъ его собацѣ на носъ и, отойдя на два шага и грозя пальцемъ, произносилъ медленно и внушительно:

— А-азъ, буки, вѣди, глаголь, добро...

Пиратка, удерживая носомъ равновѣсіе, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на хозяина. Старикъ дѣлалъ длинную паузу, во время которой закладывалъ руки назадъ и обводилъ зрителей лукавымъ взглядомъ, и потомъ вдругъ громко и отрывисто вскрикивалъ:

— Ъсть!

Пиратка нервно вздрагивалъ, подбрасывалъ кусокъ хлѣба кверху и, громко чавкнувъ, ловилъ его ртомъ.

Затѣмъ нищій приказывалъ собацѣ сѣсть на стулъ и изысканно-учтивымъ тономъ спрашивалъ ее:

— Можетъ-быть, вы, господинъ Пиратка, папиросочку покурить желаете?

Пиратка молчалъ и, моргая глазами, отводилъ морду

въ сторону. Онъ зналъ, что приближается самый ненавистный для него номеръ программы.

— Такъ желаете папиросочку? Попросите, можетъ, вамъ господа пожертвуютъ? Просите же, просите, не бойтесь. Да проси же, собачій сынъ! Ну-у?

Пиратка отрывисто и принужденно лаялъ, что должно было выражать его просьбу. «Господа» великодушно жертвовали папиросу.

— Служи! — приказывалъ старикъ.

Пиратка садился на задъ, поднявъ переднія ноги на воздухъ. Папироска втыкалась ему въ зубы и зажигалась. Если же дымъ попадалъ собакѣ въ носъ, и она, къ великому удовольствію зрителей, чихала, старикъ предупредительно спрашивалъ:

— Можетъ-быть, вамъ табачокъ не по вкусу? Вы къ дюбеку больше привыкли? Ничего, покурите, покурите!

Затѣмъ Пиратка ползаль, скакаль черезъ стулья, приносилъ брошенныя вещи, изображалъ лакея, ходилъ на заднихъ лапахъ. Самый блестящій номеръ, носившій отгѣнокъ сатиры, выполнялся неизмѣнно въ концѣ представленія и всегда вызывалъ шумный восторгъ публики.

— Умри! — приказывалъ старикъ Пираткѣ.

И Пиратка ложился на бокъ, безсильно протянувъ лапы и голову.

— Ну, вотъ, умникъ, Пиратушка, молодчина! — одобряль старикъ. — Ну, довольно, вставай, пойдѣмъ. Вставай же, говорятъ тебѣ!

Но Пиратъ не двигался, тяжело дышалъ и моргалъ глазами. Старикъ начиналь приходить въ отчаяніе.

— Пиратушка, миленькій, да будетъ притворяться! Ну, пошутиль — и будетъ. Вставай! Вставай же, голубчикъ!

Пиратъ не шевелился. Тогда старикъ отъ мѣръ кротости переходилъ къ запугиванію.

— Слышь, Пиратка, вставай! Солдатъ идетъ...

Пиратъ на это предостереженіе не обращалъ никакого вниманія.

— Вставай, Пиратка, — дворникъ идетъ!

Пиратъ продолжалъ лежать.

Нищій пробовалъ послѣ солдата и дворника пугать Пиратку и собачьей будкой, и пьянымъ купцомъ, и хозяиномъ заведенія, и многими другими лицами и учрежденіями, имѣющими власть. Но угрозы оказывались безуспѣшными.

Пиратъ былъ мертвъ.

Тогда внезапно старика осѣняла блестящая мысль.

Онъ наклонялся къ самому уху собаки и говорилъ испуганнымъ шопотомъ:

— Городовой идетъ!

Это слово магически дѣйствовало на Пирата. Онъ вскакивалъ, какъ встрепанный, и начиналъ съ громкимъ лаемъ носиться по комнатѣ. Посѣтители кабачка, такъ или иначе довольно часто сталкивавшіеся съ полиціей и имѣвшіе съ нею болѣе или менѣе печальныя недоразумѣнія, видѣли въ послѣднемъ номерѣ Пираткина искусства ядовитый намекъ на нѣкоторыя темныя стороны современной общественной жизни и самымъ шумнымъ образомъ выражали свое одобреніе. Пользуясь этой удобной минутой, старикъ всовывалъ въ зубы Пираткѣ козырекъ своего рваного картуза, и Пиратка, держа высоко голову, обходилъ поочередно всѣ столы. Зрители бросали въ картузъ мѣдную мелочь, а старику подносили стаканъ водки. Впрочемъ, попадалась иногда и такая компанія, которая, съ удовольствіемъ посмотрѣвъ на представленіе, не только прогоняла старика, но еще и угрожала дальнѣйшими враждебными дѣйствіями.

— Ступай, ступай, не проѣдайся. Ишь, тоже выдумалъ съ собакой по трактирамъ шляться. Вотъ скажу хозяину, такъ онъ тебя и съ твоей собакой выкидетъ за двери.

Въ этихъ случаяхъ старикъ молча надѣвалъ картузь и выходилъ изъ трактира, сопровождаемый Пираткой, робко жавшимся къ его ногамъ. Онъ шелъ въ другой трактиръ искать счастья.

Выпадали очень часто тяжелые, ненастные дни для нищаго и его собаки. Посѣтители всѣ, точно сговорившись, были грубы и скучны, и старикъ съ Пираткой возвращались голодные, дрожащіе отъ холода, домой. Это были ужасные дни. Въ углу сырого подвала, гдѣ старикъ платилъ полтинникъ въ мѣсяцъ за ночлегъ, жались они другъ къ другу, чтобы хоть немного согрѣться. Голодь съ каждой минутой становился мучительнѣй. Еще Пиратка былъ счастливѣй своего хозяина. Ему иногда удавалось найти гдѣ-нибудь на заднемъ дворѣ, возлѣ помойной ямы, старую кость, давно уже обглоданную и съ пренебреженіемъ брошенную другими собаками. Озираясь пугливо по сторонамъ, сгорбившись, поджавъ хвостъ между ногами, онъ жадно хваталъ зубами находку, забирался въ какой-нибудь темный, недоступный конецъ двора и тамъ долго грызъ и лизалъ ее, стараясь обмануть свой аппетитъ. Старикъ приходилось гораздо хуже. Онъ не могъ даже въ эти тяжелыя минуты одолжиться копейкой или кускомъ хлѣба у своихъ сосѣдей по подвалу. Его не любили и чуждались, можетъ-быть, за его молчаливость, можетъ, за непріятное сожителство съ собакой, права которой на ночлегъ старику приходилось ежедневно отстаивать ожесточенной руганью и даже иногда кулаками.

Но ужаснѣе страданій голода были страданія нравственныя. Въ такіе неудачные дни старикъ былъ трезвъ, и вся его нищенская, полная униженій и позора жизнь возставала передъ нимъ особенно ярко и неумолимо. Вспоминалась и прежняя жизнь, когда онъ былъ еще не кабацкимъ шутомъ и нищимъ, не обитателемъ гнилыхъ под-

валовъ — этихъ вертеповъ бѣдности и порока, а честнымъ труженикомъ и счастливымъ семьяниномъ. Случалось, цѣлую зимнюю ночь, длинную и холодную, лежалъ старый нищій безъ сна, съ тяжелыми мыслями въ головѣ, но страданій своихъ никогда и никому онъ не повѣрялъ, да его и слушать бы не стали. Во всемъ мѣрѣ было только одно существо, привязанное къ нему, это — Пиратка, котораго онъ нашелъ еще щенкомъ, замерзающимъ на улицѣ, и изъ жалости отогрѣлъ и выкормилъ.

Зато въ удачные дни оба они были сыты, а старикъ вдобавокъ пьянъ и, противъ обыкновенія, разговорчивъ... Но, такъ какъ въ этомъ настроеніи онъ не находилъ другого слушателя кромѣ Пиратки, то къ нему обыкновенно и обращался съ длинными разсужденіями и разказами.

— Ты только посмотри, Пиратка, что я за человѣкъ есть, — говорилъ старикъ, лежа на своей плоской соломенной подстилкѣ рядомъ съ собакой и глядя ее. — Пьянствуемъ мы съ тобою, народъ по кабакамъ смѣшимъ, нищенствуемъ. Такъ нешто это жизнь человѣческая? Насъ съ тобою и за людей-то никто не считаетъ. Третьяго-дня вотъ, купецъ Поспѣловъ рожу мнѣ горчицей вымазалъ въ трактирѣ. Ему, понятно, — это лестно; потому что оно, дѣйствительно, смѣшно: какъ это у живого человѣка вдругъ вся его рожка горчицей вымазана? А ты думаешь, мнѣ это весело? Отнюдь! Можетъ-быть, у меня отъ этой горчицы вся душа перевернулась! Потому что вѣдь не всегда же мы съ тобой, дурашка, такими гнусными да пьяненькими были. Вѣдь не сразу же мы себя потеряли? Ты вотъ спроси-ка про меня на литейныхъ заводахъ господина Мальцева: былъ ли когда лучший модельщикъ, чѣмъ я? Никогда. Ты думаешь, у насъ жены не было? Дѣтей? Угла своего? Ну, положимъ, жена съ приказчикомъ убѣгла; тутъ и удивительнаго нѣтъ ничего: онъ, приказчикъ, и на гитарѣ, и обращеніе тонкое, и

спиртные напитки въ рукахъ, шоколадъ, лимонады разные. Я и запилъ. А тамъ ужъ, какъ дѣтки мои любезныя подросли, такъ они отъ своего папеньки, срамнаго да пьянаго, отказались. Потому что никакъ невозможно: благородную линію держать. Вотъ мы съ тобой и остались вдвоемъ на бѣломъ свѣтѣ, Пиратка: ты да я, вмѣстѣ и околѣвать будемъ. Дай я тебя, другъ мой, поэтому сейчасъ обниму и поцѣлую.

И онъ тащилъ къ себѣ Пиратку за голову, причѣмъ собака жалобно взвизгивала, обнималъ ее и громко и жарко цѣловалъ ее въ холодный, мокрый носъ. Пиратка старался вырваться, но дѣлалъ это по возможности деликатно, чтобы не обидѣть хозяина.

Однажды — это было зимою, во время трескучихъ рождественскихъ морозовъ — старикъ зашелъ со своею собакою въ трактиръ «Встрѣча друзей». Тамъ какъ разъ оканчивала праздничный загулъ большая купеческая компанія. Старикъ и Пиратка продѣлали всѣ номера своего репертуара, закончивъ ихъ, по обыкновенію, язвительной сатирой на недостатки современнаго общественнаго строя. Зрители шумно выражали свое одобреніе. Одинъ изъ нихъ, бакалейный купецъ Спиридоновъ, какъ потомъ узналъ старикъ, особенно сильно плѣнился Пираткинымъ искусствомъ, и тутъ же ему пришла въ голову пьяная блажь: во что бы то ни стало приобрѣсти ученую собачку. Онъ поилъ старика и все приставалъ къ нему съ просьбой продать Пиратку.

— Послушай, любезный человѣкъ, — говорилъ цыяный купецъ: — ну, на что тебѣ собака? Вѣдь оба вы съ голоду подохнете. Продай ты ее мнѣ, прошу я тебя. Теперь у меня, положимъ, къ амбарамъ три пса представлено; псы настоящіе: мордастые, злые. Однако мнѣ все-таки любопытно, чтобъ у меня еще ученая собачка была. Ну, говори, сколько за нее берешь?

Хотя старика развезло отъ водки, и хотя то обстоятельство, что богатый, гордый купецъ Спиридоновъ упрасиваетъ его, сильно льстиво ему, однако Пиратку продавать онъ не рѣшался.

— Благодарѣтель мой, — говорилъ нищій коснѣющимъ языкомъ: — ну какъ я съ Пираткой разстанусь, когда я его вотъ этакимъ маленькимъ выкормилъ и воспиталъ? Вѣдь это все равно, что друга продать. Нѣтъ, никакъ на это моего согласія не можетъ быть, чтобы Пиратку продавать.

Несогласіе нищаго еще болѣе разохотило купца приобрести собаку.

— Дурень ты этакій, — сказалъ Спиридоновъ: — вѣдь я же тебѣ за нее такія деньги дамъ, какихъ ты и издали не видалъ. Можешь ты это понимать или нѣтъ?

— Нѣтъ, ваше степенство, обидѣть васъ не желаю, а собачка у меня не продажная.

— Хочешь получить два съ полтиной?

— Не могу, ваше степенство!

— Три?

— Не могу.

— Пять?

— Нѣтъ, ваше степенство, лучше и говорить не будемъ.

Но, когда купецъ Спиридоновъ вынулъ изъ толстаго бумажника новенькую десятирублевку, старикъ поколебался. Видъ красной ассигнаціи подѣйствовалъ на него лучше всякихъ доводовъ и упрасиваній. Перспектива сухой, теплой квартиры и горшка горячихъ щей съ мясомъ ежедневно — окончательно рѣшила судьбу Пиратки. Старикъ еще продолжалъ упорствовать, но слабо и нерѣшительно, и наконецъ сдался совсѣмъ, когда купецъ набавилъ еще три рубля.

— Бери... твоя, — сказалъ нищій глухимъ голосомъ,

жадно скомкалъ ассигнаціи и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ трактира.

Прошло пять дней. Старикъ не пилъ, спряталъ свои деньги и сильно тосковалъ по Пираткѣ.

На шестой день собака прибѣжала съ обрывкомъ веревки на шеѣ. Старикъ ей страшно обрадовался, ласкалъ, цѣловалъ ее и пошелъ уже было въ сосѣдную лавочку за хлѣбомъ и мясомъ для собаки, какъ ему на улицѣ навстрѣчу попался одинъ изъ молодцовъ Спиридонова, посланный за Пираткой.

Собаку увели.

Старикъ тяжело и безнадежно запылъ. Опъ потерялъ и сознание, и память, и представленіе о времени и мѣстѣ. Сколько времени это продолжалось,—онъ не зналъ: можетъ-быть, недѣлю, можетъ-быть, двѣ, можетъ-быть, цѣлый мѣсяць. Смутно, точно сквозь сонъ, вспоминалъ онъ потомъ, что опять держалъ въ своихъ объятіяхъ Пиратку, что собаку у него отнимали, что собака рвалась и скулила. Но когда и гдѣ это было, онъ не могъ сообразить. Онъ очнулся въ больницѣ послѣ жестокой бѣлой горячки. Сначала больница ему очень понравилась: чисто такъ, свѣтло, доктора «на вы» говорятъ, кормятъ хорошо. Только мысль о Пираткѣ, первая здоровая мысль, пришедшая ему въ голову послѣ нелѣпой, чудовищной фантазмагоріи запоя, не давала ему покоя. Мало-по-малу страстное желаніе во что бы то ни стало, хоть разъ увидѣть собаку, такъ овладѣло старикомъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ выписки.

Когда онъ вышелъ изъ больницы, былъ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ теплыхъ дней, когда въ полѣ и на улицѣ начинаетъ пахнуть весной. Опьяненный этимъ пахучимъ, радостнымъ воздухомъ, нетвердо ступая ногами, за время болѣзни отвыкшими отъ ходьбы, пошелъ онъ къ дому Спиридонова.

Неувѣренно, робко отворилъ онъ калитку и остановился въ испугѣ. Прямо ему навстрѣчу грозно зарычала большая коричневая собака. Старикъ отступилъ на два шага и вдругъ весь затрясся отъ радости.

— Пиратъ... Пиратушка... Родимый мой, — шепталъ старикъ, протягивая къ собакѣ руки.

Собака продолжала рычать, захлебываясь отъ злости и скаля длинные бѣлые зубы.

«Да, можетъ-быть, это и не Пиратка вовсе? — подумалъ нищій. — Ишь, какой жирный сталъ да гладкій. Да нѣтъ же, — конечно, Пиратъ: и шерсть его коричневая, и подпалина на груди бѣлая, вотъ и ухо лѣвое разорванное».

— Пиратушка, миленькій мой! Чего же ты сердишься-то на меня, глупый?..

Пиратъ вдругъ пересталъ рычать, подошелъ къ старику, осторожно обнюхалъ его одежду и завилалъ хвостомъ. Въ ту же минуту на крыльцѣ показался дворникъ, громадный рыжій дѣтина въ красной канаусовой рубахѣ, въ бѣломъ передникѣ, съ метлой въ рукахъ.

— Тебѣ чего, старикъ, надобно здѣсь? — закричалъ дворникъ. — Иди, иди, откедова пришелъ. Знаемъ мы васъ, сиротъ казанскихъ. Пиратка! Пойди сюда, чортовъ сынъ!

Пиратка сгорбился, поджалъ хвостъ и заскулилъ, переводя глаза то на дворника, то на своего хозяина. Повидимому, онъ былъ въ большемъ затрудненіи, и въ его собачьей душѣ совершалась какая-то тяжелая борьба.

— Пиратка, сюда! — возвысилъ голосъ дворникъ и хлопнулъ себя ладонью по ляжкѣ, призывая собаку.

Пиратка еще разъ взглянулъ жалобными глазами на старика, сгорбился больше прежняго и виноватой походкой поползъ къ дворнику.

Старикъ, шатаясь, вышелъ на улицу

.

Въ часъ ночи на Спиридоновскомъ дворѣ вдругъ раздался Пираткинъ вой, заунывный, настойчивый вой, въ которомъ слышалось осмысленное отчаяніе и горе. Спиридоновъ проснулся отъ этихъ зловѣщихъ звуковъ, и ему стало жутко.

— Ишь ты, несъ проклятый, — проворчалъ онъ, чувствуя, какъ у него по спинѣ и головѣ бѣгаютъ мурашки: — точно смерть чью-нибудь накликаетъ, право.

Послѣ этого Спиридоновъ напрасно старался заснуть. Прошло полчаса, часъ... Пиратъ все не прекращалъ своего ужаснаго воя. Купецъ всталъ съ постели, надѣлъ шлепанцы и, спустившись въ кухню, приказалъ дворнику изслѣдовать причину собачьяго воя, а самую собаку отпустить, чтобы спать не мѣшала.

Дворникъ одѣлся и вышелъ на дворъ. Было темно, дулъ вѣтеръ, а съ неба изъ быстро и низко несущихся тучъ сѣялъ мелкій, теплый, весенній дождь. Пиратъ тотчасъ же узналъ дворника, подошелъ къ нему, лизнулъ его руку и побѣжалъ впередъ, изрѣдка останавливаясь и тихимъ визгомъ зовя за собою дворника.

Дойдя до запертой садовой калитки, Пиратка остановился и опять началъ свой отчаянный вой. Сначала дворникъ, пока его глазъ не привыкъ къ темнотѣ ночи, не могъ ничего разобрать, но потомъ вдругъ онъ испустилъ неистовый вопль, окаменѣвъ на мѣстѣ отъ безумнаго ужаса, сковавшаго его члены.

На ближайшей къ рѣшеткѣ развѣсистой липѣ слабо качался, едва не касаясь ногами земли, страшный, вытянувшійся человѣческій силуэтъ... Это покончилъ все жизненные расчеты бывшій Пираткинъ хозяинъ.

С Н Ы.

I.

Въ раннемъ дѣтствѣ меня посѣщала очень странная греза. Это случалось тогда, когда я подолгу глядѣлъ изъ окна на улицу. Бѣжали люди туда и сюда, встрѣчались, мелькали мимо другъ друга, останавливались, улыбались, размахивали руками; грохотали извозчицьи экипажи, съ понурыми послушными лошадьми, со сгорбленными извозчиками на козлахъ; женщины, мужчины, дѣти, собаки, — все это непрерывно текло и текло цѣлыми часами по улицѣ.

И тогда мнѣ начинало казаться, что люди только притворяются такими озабоченными, торопливыми, равнодушными и чужими — притворяются потому, что не помнятъ, забыли о чемъ-то самомъ главномъ, громадномъ и торжественномъ. И я думалъ: вотъ-вотъ оно наступитъ. Сразу, въ одинъ невообразимо короткій моментъ пронесется по всему міру одна и та же чудная, забытая мысль, — и сразу все остановится. Люди, животныя, дома, камни, облака на небѣ — все, все, — и живое и неживое, съ изумленіемъ встрепетается, замретъ, замолкнетъ и прислушается. И тогда высоко надъ міромъ ясно раздастся труба архангела, призывающая къ страшному суду.

Съ трепетомъ въ дѣтскомъ сердцѣ, со страхомъ и съ глубокой вѣрой ждалъ я чуда. Ждалъ до тѣхъ поръ, пока вдоль по темной улицѣ не протягивались двумя золотыми цѣпями огни фонарей.

II.

Быль у меня также одинъ страшный сонъ, повторявшійся почти каждый мѣсяцъ и мучившій меня.

Въ темной голой комнатѣ томится нѣсколько человѣкъ, раздавленныхъ ужасомъ, дрожащихъ, обезсиленныхъ. Я тоже съ ними. Нѣкоторые изъ насъ сидятъ вдоль стѣнъ, по угламъ, и, обхвативъ руками угловатыя колѣни, медленно качаются взадъ и впередъ. Другіе рвутъ на себѣ волосы. Иные ходятъ взадъ и впередъ, избѣгая другъ друга при встрѣчахъ уклончивыми движеніями, движеніями звѣрей, запертыхъ въ клетку.

Но ни одного слова, ни одного звука не произносятъ наши губы, оледянялыя отъ ужаса. Глаза наши, не отрываясь, устремлены, точно прикованы невидимыми нитями къ тому мѣсту въ стѣнѣ, гдѣ находится дверь. Время отъ времени она отворяется, и тотчасъ же одинъ изъ насъ, безъ зова, покорно, низко опустивъ голову, идетъ и исчезаетъ за дверью. Дверь опять закрывается.

Но на минуту мы все видимъ огромную комнату, залитую багровымъ свѣтомъ, въ которомъ мечутся блѣдныя, измученныя тѣни, слышимъ крики боли и отчаянія и наконецъ видимъ его — Палача! Онъ стоитъ неподвижно, огромный, сильный и серьезный, красное платье тѣсно обтягиваетъ его мускулистое тѣло, его широкое лицо блѣдно. Это — Палачъ, и такъ его зовутъ потому, что у него нѣтъ другого имени.

Закрывается дверь — и снова темница и ужасъ. Я знаю,

что сейчас придетъ и моя очередь. Въ смертельной тоскѣ я хватаюсь руками за голову и шепчу:

— Нѣтъ... не можетъ быть... Это сонъ, это только сонъ. Я сейчасъ проснусь!..

Но я не просыпаюсь и опять думаю, весь холодѣя и дрожа отъ страха:

«Если бы я спалъ, то не думалъ бы о томъ, что сплю. Все это живая, настоящая дѣйствительность: эти отчаянные, безмолвныя фигуры, кровавая комната, Палачъ, ожидающій меня... Смерть!»

Открывается дверь. «Моя очередь», — думаю я и покорно встаю, чувствуя ужасъ каждой частичкой своего тѣла. Широкое, блѣдное лицо Палача поворачивается ко мнѣ. И тогда я просыпаюсь.

III.

Но теперь все чаще и чаще снится мнѣ земля — это огромное живое ядро, которое, вращаясь, летитъ стремительно въ какую-то черную, безконечную, безвѣстную бездну, летитъ, повинуюсь точнымъ и таинственнымъ законамъ. И кругомъ земли — тьма, густая, красная тьма, насыщенная испареніями крови и запахомъ труповъ. Это нависть и сгустился надъ нею страшный, липкій кошмаръ, и она стонетъ и мечется во снѣ и не можетъ проснуться.

Вижу я свою бѣдную, прекрасную, удивительную, непонятную родину. Вижу ее, точно возлюбленную женщину — обезчещенной, изуродованной, окровавленной, поруганной и обманутой. Вижу ее, неизмѣримо громадную, отъ Ледовитаго океана до теплыхъ морей, отъ Запада до сказочнаго Востока, и вся она въ заревѣ пожаровъ, вся залита кровью и усеѣяна трупами, вся содрогается отъ стонувъ и проклятій. Кровавый сонъ ходитъ

надъ нею, и въ этомъ снѣ озвѣрѣлыя шайки съ хохотомъ убиваютъ женщинъ и стариковъ, разбиваютъ головы дѣтей о камни мостовой, и въ этой красной мглѣ руки людей дымятся отъ крови.

Я вижу, какъ повсюду простираются исхудалыя руки, и какъ сухіе, искривленные рты беззвучно вопють:

— Хлѣба!

— Терпите! — отвѣчаютъ имъ одни.

— Молчите! — кричатъ другіе.

Я вижу людей съ тѣлами, изсушенными огнемъ, съ руками, подорванными непосильной работой, людей съ разбитой чахлой грудью.

— Нашъ трудъ — проклятіе, не хотимъ рабства! — слышу я ихъ беззвучные вопли.

— Терпите! — отвѣчаютъ одни.

— Молчите! — кричатъ другіе: — терпите рабство — или смерть вамъ и щенятамъ вашимъ.

И вижу я также сытыхъ, изрыгающихъ обильную пищу, которая не вмѣстилась въ желудкахъ ихъ, и вижу недоувѣрчивыхъ, что прячутъ отъ голоднаго недоѣденную корку хлѣба, и вижу рабовъ, убивающихъ по невѣдѣнію, и вижу трупы мучениковъ попранными и оплеванными.

И тогда-то мнѣ начинаетъ казаться, что скоро проснется окровавленный міръ. Чудится мнѣ, что однажды ночью или днемъ, среди пожаровъ, насилія, крови и стонъ раздастся надъ міромъ чье-то спокойное, мудрое, тяжелое слово — понятное и радостное слово. И всѣ проснутся, вздохнуть глубоко и прозрѣютъ. И сами собою опустятся взведенныя ружья, отъ стыда покраснѣютъ лица сытыхъ, свѣтомъ загорятся лица недоувѣрчивыхъ и слабыхъ, и тамъ, гдѣ была кровь, вырастутъ прекрасныя цвѣты, изъ которыхъ мы сплетемъ вѣнки на могилы мучениковъ. Тогда вчерашній рабъ скажетъ: нѣтъ больше рабства. И господинъ скажетъ: нѣтъ въ мірѣ

господина, кромѣ человѣка! А сіяющая, пробужденная земля скажетъ всѣмъ ласково: дѣти! идите къ сосцамъ моимъ, идите всѣ, равные и свободные. Я изнемогаю отъ обилія молока.

IV.

Я вѣрю: кончается сонъ, и идетъ пробужденіе. Мы просыпаемся при свѣтѣ огненной и кровавой зари. Но это заря не ночи, а утра. Свѣтлѣетъ небо надъ нами, утренній вѣтеръ шумитъ въ деревьяхъ! Бѣгутъ темные ночные призраки. Товарищи! Идетъ день свободы!

Вѣчная слава тѣмъ, кто насъ будитъ отъ кровавыхъ сновъ.

Вѣчная память страдальческимъ тѣнямъ.

ЛОКОНЪ.

Представьте себѣ серьезное, неподвижное лицо въ видѣ вытянутаго книзу четырехугольника. Дополните лицо черной бородой въ формѣ лопаты, лысиной, надъ которой вьется рѣдкій пухъ, и большими синими консервами. Затѣмъ вообразите это лицо приставленнымъ къ маленькой, хилой, облеченной въ длинный сюртукъ фигуркѣ — и передъ вами получится довольно точное изображеніе внѣшности Петра Иліодоровича Нарциссова, одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Приволжскаго Листка».

Ядро редакціи, въ тѣсномъ смыслѣ, составляли мы трое: я, въ качествѣ спеціального «заимствователя», подъ громкимъ названіемъ «обозрѣвателя внутренней жизни», Петръ Иліодоровичъ — единственный въ городѣ репортеръ, а также «нашъ собственный корреспондентъ» изъ всѣхъ мѣстъ земного шара, начиная съ ближайшаго уѣзднаго городка и кончая Калькуттой и Чикаго, и Сашенька Крикуновскій, желчный и великодушный чудакъ, энциклопедистъ, «катавшій» въ Листкѣ ежедневныя передовицы по всѣмъ отраслямъ науки, искусства, философіи и политики. Четвертымъ и — надо сознаться — самымъ ревностнымъ сотрудникомъ «Приволжскаго Листка» были ножницы, громадныя, заржавѣвшія ножницы, которыя вѣчно кто-нибудь «куда-то затаскивалъ», что слу-

жило частымъ поводомъ къ оживленнымъ редакціоннымъ преніямъ.

Въ 6 час. вечера мы собирались въ редакцію въ ожиданіи курьерскаго поѣзда, привозившаго московскую и петербургскую почту. Зимой, по случаю снѣжныхъ заносовъ, это ожиданіе иногда затягивалось на часъ и даже на два. Тогда всѣ мы втроемъ садились вокругъ пылающаго камина. Къ нашей компаніи присоединялся Цезарь, старый, подслѣповатый черный сетеръ, принадлежавшій редактору. Онъ подходилъ къ намъ своей подагрической походкой на негибнущихся ногахъ, тыкалъ cadaго изъ насъ въ руку своимъ холоднымъ и мокрымъ носомъ и затѣмъ со старческими вздохами укладывался поближе къ огню.

Вотъ въ эти-то вечерніе часы Петръ Иліодоровичъ и являлся жертвою нашего скучающаго остроумія. То мы выдумывали, что редакторъ распорядился выдать намъ всѣмъ по сто рублей авансомъ, то увѣряли Петра Иліодоровича, что утромъ пріѣзжалъ въ редакцію и спрашивалъ его какой-то сердитый генералъ, то сочиняли цѣлыя фантастическія исторіи по поводу его любвеобильнаго сердца.

Кто увидалъ бы, какъ Петръ Иліодоровичъ пробирается по улицѣ бочкомъ и сгорбившись, осторожно и спотыкающей походкой, похожей на походку слѣпого, тотъ невольно улыбнулся бы, услышавъ, что нашъ почтенный сотрудникъ являлся героемъ постоянныхъ и многочисленныхъ романовъ. Но это было такъ. Самъ Петръ Иліодоровичъ со значительными движеніями бровей рассказывалъ намъ иногда про свои побѣды. Въ этихъ таинственныхъ рассказахъ фигурировали то Бадень-Бадень и богатая иностранная графиня, то ревнивый мужъ и отчаянный прыжокъ Петра Иліодоровича въ окно третьяго этажа, то какая-то дочь родителей-милліонеровъ, поку-

шавшаяся на самоубійство вслѣдствіе безнадежной любви.

Отличительною чертой въ характерѣ Петра Иліодоровича было то, что онъ не замѣчалъ, когда надъ нимъ смѣются, и всегда на наши коварно-осторожные вопросы отвѣчалъ съ самымъ искреннимъ простосердечіемъ. Однажды, отъ-нечего-дѣлать, мы рѣшили прослѣдить, кто такая на самомъ дѣлѣ таинственная и прекрасная Степанида, о которой Петръ Иліодоровичъ съ многозначительной мимикой и краснорѣчивыми фигурами умолчанія говорилъ намъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Съ этой цѣлью мы внезапно, безъ приглашенія, нагрянули въ квартиру нашего товарища. Петръ Иліодоровичъ ужасно намъ обрадовался, растерянно засуетился по комнатѣ, не зная, гдѣ насъ посадить, и закричалъ въ отворенную дверь: «Степанида! Степанида! Самоваръ скорѣе!» Мы съ нетерпѣніемъ устремили глаза на двери и такъ и покатались со смѣху, когда въ комнату вошла громадная баба, лѣтъ 36, рябая, курносая, похожая на переодѣтаго солдата. Петръ Иліодоровичъ догадался о причинѣ нашего смѣха, но слишкомъ поздно...

Послѣднею зимою въ нашъ городъ пріѣхала бродячая цирковая труппа, состоявшая всего, кажется, изъ шести человекъ. Въ серединѣ зимы къ ней присоединилась, въ качествѣ гастролерши, миссъ Мей—дѣвица американскаго или англійскаго происхожденія, практиковавшая на аренѣ цирка опыты гипнотическаго внушенія, отгадыванія мыслей и чудеса необычайнаго и внезапнаго увеличенія въ вѣсѣ тѣла. Надо отдать ей справедливость, она была прехорошенькая—сильная, краснощекая и смѣшливая брюнетка съ живыми глазами, темнымъ пушкомъ на верхней губѣ и великолѣпными зубами.

Дня два или три спустя послѣ ея перваго дебюта, Петръ Иліодоровичъ, придя въ редакцію, казался осо-

бенно проникнутымъ серьезностью и загадочностью. Мы ждали, что́ будетъ. Петръ Иліодоровичъ молчалъ съ четверть часа, усердно переписывая какую-то замѣтку. Потомъ онъ внезапно приподнялъ голову, посмотрѣлъ на насъ поверхъ очковъ и медленно произнесъ:

— Того... въ циркѣ вчера былъ...

Мы молчали.

— Какая хорошенькая!.. Англичанка-то... Меня ей вчера представили...

— Какъ же вы съ нею, Петръ Иліодоровичъ, разговаривали? — спросилъ я. — Вѣдь вы, кажется, по-французски-то...

— Ну вотъ, — обидѣлся Петръ Иліодоровичъ: — настолько-то я понимаю, чтобы того... Салонный-то разговоръ... Пригласила бывать у нея отъ четырехъ до шести...

— Значить, съ побѣдою, Петръ Иліодоровичъ? — вставилъ невиннымъ тономъ Сашенька.

— Ну вотъ... вы сейчасъ и съ побѣдою, — законфузился, однако, не безъ удовольствія, Нарциссовъ. — Какъ вы, ей-Богу, господа, нескромны относительно женщинъ!..

Съ этихъ поръ для нашего почтеннаго коллеги начался цѣлый рядъ мытарствъ. Онъ лѣзъ изъ кожи вонъ, раздавая билеты на бенефисъ черноглазой миссъ, ежедневно приносилъ въ редакцію пламенные и длинные замѣтки объ ея удивительныхъ номерахъ, замѣтки, отъ которыхъ редакторъ, благодаря ихъ рекламному характеру, оставлялъ не болѣе трехъ строчекъ, торчалъ вѣчно за кулисами цирка и вообще былъ въ это время какъ будто бы нѣсколько ненормальнымъ.

Впрочемъ, повидимому, онъ совершенно не пользовался успѣхомъ у прекрасной миссъ. По крайней мѣрѣ, выходя однажды изъ цирка и случайно подслушавъ раз-

говоръ Петра Иліодоровича съ миссъ Мей, которую онъ провожалъ до коляски, я почти въ этомъ убѣдился.

— Мадемуазель, — говорилъ Петръ Иліодоровичъ какимъ-то необыкновенно нѣжнымъ сюсюкающимъ голоскомъ, забѣгая то съ лѣвой, то съ правой стороны: — мадемуазель, же сюи ожурдюи аншанте паръ ву. Вузеть экстраординеръ. Комъ юпъ деессъ!.. Ту ля публикъ осси, комъ муа...

Въ это время къ миссъ Мей подлетѣлъ высокій офицеръ въ николаевской шинели, и миссъ поспѣшно успѣлась вмѣстѣ съ нимъ въ коляску, забывъ даже проститься со своимъ горячимъ поклонникомъ. А Петръ Иліодоровичъ долго еще стоялъ безъ шапки, глядя вслѣдъ своей удаляющейся «деессъ».

Когда въ редакціи заходила при немъ рѣчь о миссъ Мей, онъ многозначительно молчалъ. Однако скептическая улыбка на его губахъ и усиленное подергиваніе бровей очень ясно говорили намъ: «Эхъ, господа, никто изъ васъ ничего вѣрнаго не знаетъ. Вотъ я, дѣйствительно, могъ бы рассказать кое-что, если бы только былъ менѣе скромнѣ».

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда англичанки. Въ газетѣ уже появились одно за другимъ объявленія о ея предпоследнемъ, последнемъ и еще два раза последнемъ выходѣ. Петръ Иліодоровичъ по этому поводу носился какъ будто въ какомъ-то туманѣ: онъ проектировалъ грандіозные проводы, бѣгалъ всюду съ билетами на прощальное представленіе, собиралъ по подпискѣ деньги на цѣнный подарокъ уѣзжающей дивѣ. Нашъ редакторъ только покачивалъ молча головой и хладнокровно вымарывалъ его панегирики.

Въ редакціи Петра Иліодоровича почти не было видно, зато, придя туда однажды, я засталъ Сашеньку Крикуновскаго за страннымъ занятіемъ, не подходящимъ къ

его солиднымъ лѣтамъ, къ его почетному положенію въ газетѣ. Онъ сидѣлъ на стулѣ передъ каминомъ, широко разставивъ ноги, и аккуратно стригъ ножницами пушистый хвостъ Цезаря. Старикъ, повидимому, вовсе не противился этой операціи и только, изогнувшись кольцомъ, съ нѣкоторымъ изумленіемъ обнюхивалъ руки импровизированнаго цирюльника.

— Что это вы дѣлаете, Сашенька? — спросилъ я не безъ нѣкоторой тревоги.

— Подождите, потомъ узнаете, — отвѣчалъ онъ серьезно.

Окончивъ стрижку, онъ досталъ изъ кармана атласную розовую ленточку и тщательно обвернулъ ею порядочный пучокъ собачьихъ волосъ. На всѣ мои разспросы онъ только принималъ таинственный видъ и говорилъ, что я потомъ все узнаю. Такъ я отъ него и не могъ добиться никакого опредѣленнаго разъясненія его странному и легкомысленному поступку. Впрочемъ, дня черезъ два я и самъ о немъ позабылъ.

Между тѣмъ съ отъѣзда миссъ Мей прошло уже около двухъ недѣль. Петръ Иліодоровичъ сталъ понемногу приходить въ себя отъ своего любовнаго угара. Лицо его потеряло прежнее комически-торжественное выраженіе, и самъ онъ опять втянулся въ свои ежедневныя газетныя сплетни. О прекрасной англичанкѣ Петръ Иліодоровичъ не упоминалъ ни словомъ и даже отмалчивался, когда о ней заходила рѣчь. Кажется, онъ окончательно убѣдился, что все время состоялъ въ ея свитѣ самымъ ничтожнымъ статистомъ.

Но вскорѣ произошло неожиданное событіе, опять выдвинувшее на сцену отсутствующую миссъ. На имя Петра Иліодоровича прислали однажды съ почты повѣстку на какую-то цѣнную посылку. На другой же день разсылный принесъ въ редакцію эту посылку, обернутую гру-

бымъ холстомъ и запечатанную по швамъ краснымъ сургучомъ. Петръ Иліодоровичъ вооружился перочиннымъ ножомъ, а мы, т.-е. я, Крикуновскій, конторская дѣвица и даже самъ случайно вышедшій изъ своего кабинета редакторъ, столпились вокругъ него. Петръ Иліодоровичъ бережно распоролъ холстъ и снялъ его; подъ нимъ оказался маленькій деревянный ящикъ, запакованный въ газетную бумагу. Въ ящикѣ, наполненномъ ватой, лежала изящная бомбоньерка, запертая на крошечный замочекъ, и при ней на тоненькой цѣпочкѣ почти микроскопическій ключикъ. Петръ Иліодоровичъ дрожащими руками отперъ бомбоньерку. Наше любопытство возрастало съ каждымъ его движеніемъ. Въ бомбоньеркѣ лежало «что-то», тщательно обернутое зеленой папиросной бумагой и обвязанное тонкимъ шнуркомъ. Подъ этой бумагой оказалась другая — краснаго цвѣта, подъ ней синяя, затѣмъ бѣлая и наконецъ — розовая.

Когда и розовая бумага была снята, нашимъ глазамъ предсталъ небольшой сафьянный коричневый футляръ, въ родѣ тѣхъ, въ которые ювелиры укладываютъ серьги. Петръ Иліодоровичъ открылъ футляръ. Въ немъ, свернутая въ кольцо, обвивалась вокругъ бархатнаго круглаго возвышенія прядь черныхъ, какъ смоль, волосъ, завязанная посрединѣ розовой атласной лентой.

— Здѣсь и записочка есть, — воскликнула конторская барышня. — Посмотрите-ка, въ крышкѣ!

Дѣйствительно, въ крышкѣ футляра была вложена согнутая пополамъ и надушенная розовая карточка съ печатнымъ изображеніемъ незабудокъ и двухъ цѣлующихся голубей. Внизу карточки стояла короткая надпись: «To my darling and sweetheart i hope you will never forget me May».

«Дорогой мой, я надѣюсь, что вы меня никогда не за-

будете», — перевелъ вслухъ редакторъ, знакомый съ англійскимъ языкомъ.

Петръ Иліодоровичъ окинулъ насъ поверхъ очковъ гордымъ и сіяющимъ отъ счастья взглядомъ, потомъ прижалъ съ театральнымъ жестомъ къ сердцу полученный сувениръ, затѣмъ поднесъ его къ губамъ и сталъ осыпать горячими поцѣлуями.

Я взглянулъ мелькомъ на Крикуновскаго, чтобы обмѣняться съ нимъ улыбками, и... сразу понялъ все. Крикуновскій, весь багровый, трясся отъ беззвучнаго смѣха... Мгновенно и мной овладѣлъ приступъ безощаднаго, неудержимаго хохота. Петръ Иліодоровичъ, еще прижимая волосы къ губамъ, съ изумленіемъ смотрѣлъ на насъ, а мы, бессильные противъ судорожнаго смѣха, падали на стулья, вставали, хватали себя за головы, сгибались въ три погибели, вытирали на глазахъ слезы и все хохотали, хохотали и хохотали. Редакторъ и конторская барышня, еще не зная, въ чемъ дѣло, невольно присоединились къ намъ, и только одинъ Петръ Иліодоровичъ глядѣлъ на насъ серьезный, недоумѣвающий, почти испуганный.

Мы хохотали очень долго и потомъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мгновенно перестали. Крикуновскій, мучимый новой жаждой этого истерического хохота, воскликнулъ:

— Да вы знаете, что это за локонъ? Вѣдь это я у Цезаря изъ хвоста настригъ!

Однако на этотъ разъ никто изъ присутствующихъ даже не улыбнулся. Всѣхъ насъ поразило искривленное страданіемъ лицо Петра Иліодоровича съ мгновенно поблѣвшими и задрожавшими губами. Нѣсколько секундъ длилось напряженное молчаніе; всѣ чувствовали себя очень неловко. Наконецъ Петръ Иліодоровичъ медленно выронилъ изъ рукъ злополучный локонъ и, не говоря ни

слова, сгорбившись болѣе обыкновеннаго, вышелъ изъ комнаты.

Ни на другой ни на третій день Петръ Иліодоровичъ въ редакцію не являлся. Оказалось, что онъ тотчасъ же послѣ исторіи съ локономъ выѣхалъ изъ города. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ не встрѣчался, но одинъ мой знакомый передавалъ мнѣ, что при одномъ упоминаніи имени Крикуновскаго или моего онъ приходилъ въ изступленіе, называя насъ «газетными скоморохами», «бездарными кропателями» и «литературными сплетницами».

ПОГИБШАЯ СИЛА.

Яркія краски весенняго заката уже начали понемногу закрадываться сквозь огромныя византійскія окна пустаго собора, оживляя позолоту причудливыхъ орнаментовъ и согрѣвая розовый мраморъ иконостаса, когда Савиновъ съ трудомъ оторвался отъ работы. Спустившись съ высокихъ подмостковъ, художникъ отошелъ шаговъ на тридцать отъ своей картины и приковался къ ней внимательнымъ, напряженнымъ взглядомъ своихъ маленькихъ, острыхъ, чуть-чуть прищуренныхъ глазъ. Прямо передъ нимъ во всю высоту запрестольной стѣны рельефно выдѣлялось на золотомъ фонѣ почти оконченное изображеніе Богоматери съ Младенцемъ на рукахъ. Все дышало наивной и глубокой вѣрой въ этой картинѣ: и золотое небо — торжественное, полное чудесъ и тайнъ библейское небо, и синія, тонкія, утреннія облака, служащія престоломъ группѣ, и трогательное сходство въ лицахъ матери и ребенка, и милыя, изумленные личики кудрявыхъ ангеловъ. И тѣмъ могущественнѣй, тѣмъ неотразимѣй должно было очаровывать и умилять зрителя божественно-прекрасное лицо Богоматери — кроткое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгое, съ этими, какъ будто проникающими въ глубь времени очами, полными безмолвной, покорной скорби.

Въ соборѣ было тихо. Только гдѣ-то высоко, подѣ самымъ куполомъ щебетали въ перебой неугомонные воробы. Лучи солнца наискось тянулись изъ оконъ золотыми пыльными полосами. Савиновъ все стоялъ и глядѣлъ на картину. Теперь онъ со своими длинными, небрежно откинутыми назадъ волосами, съ блѣдными, плотно сжатыми губами на худомъ аскетическомъ лицѣ, какъ нельзя больше походилъ на одного изъ тѣхъ средневѣковыхъ монаховъ-художниковъ, которые создавали бессмертныя произведенія въ типинѣ своихъ скромныхъ келій, вдохновляясь только горячей вѣрой въ Бога и безхитростной любовью къ искусству и не оставляя потомству даже инициаловъ своихъ именъ... Священный восторгъ и радостная гордость удовлетвореннаго творчества наполнили душу Савинова. Мечты объ этой русской Богоматери онъ лелѣялъ давно, чуть ли не съ самаго дѣтства, и вотъ она возвышается передъ нимъ во всей своей строгой и чистой красотѣ, и все убранство огромнаго храма, вся его царственная роскошь какъ будто бы служатъ для нея сплошной великолѣпной рамкой. Здѣсь, въ этой гордости не было мѣста мелочному профессиональному тщеславію, потому что Савиновъ относился очень холодно къ своей извѣстности, давно перешагнувшей за предѣлы Россіи. Здѣсь артистъ благоговѣлъ передъ своимъ произведеніемъ, почти не вѣря тому, что онъ самъ, своими руками создалъ его.

Между тѣмъ восьмичасовая непрерывная работа на подмосткахъ давала себя знать: руки у художника ныли, ноги и спину ломило отъ долгаго и неудобнаго сидѣнья. Савиновъ вышелъ на широкое гранитное крыльцо собора и жадно, всей грудью вдохнулъ свѣжѣющій весенній воздухъ. Какъ все звонко, радостно, ароматно и красиво было вокругъ! Около собора разноцвѣтными красками пестрѣлъ коверъ подстриженной декоративной зелени;

дальше, черезъ дорогу тянулись въ два ряда высокіе, стройныя пирамидальныя тополя бульвара, обнесеннаго легкой, сквозной рѣшеткой; еще дальше виднѣлись густыя шапки деревьевъ общественнаго сада. Среди дня прошелъ крупный дождикъ, и теперь обмытые листья тополей и каштановъ блестѣли точно по-праздничному. Откуда-то несло благоуханіе мокрой, освѣженной дождемъ сирени. Небо стало къ вечеру гуще и синѣе, а тонкія, бѣлыя, лѣнныя облака порозовѣли съ одного бока. Въ воздухѣ зигзагами низко носились, чуть не задѣвая лица, рѣзвыя, проворныя ласточки, и какъ-то странно гармонировалъ съ ихъ веселымъ стремительнымъ визгомъ протяжный и грустный звонъ отдаленнаго колокола.

Савиновъ тихо пошелъ вдоль бульвара, расправляя уставшую грудь медленными, глубокими вздохами и съ наслажденіемъ любуясь видомъ красиваго южнаго города, томно отдающагося наступающему весеннему вечеру. Уроженецъ дальняго сѣвера, выросшій въ привольно-безконечныхъ сосновыхъ лѣсахъ, онъ все-таки страстно любилъ своеобразную красоту большихъ городовъ. Онъ любилъ кровавый и безвѣтреный закатъ солнца послѣ студенаго зимняго дня, когда зданія фантастически тонуть въ легкой сизой дымкѣ, пронзительно визжать полозья, и дымъ изъ трубъ идетъ, не колеблясь, прямо вверхъ густымъ бѣлымъ столбомъ; любилъ большія улицы въ жаркіе лѣтніе праздничные дни, съ нарядной толпой, съ яркой пестротой женскихъ туалетовъ, съ моремъ раскрытыхъ цвѣтныхъ зонтиковъ, насквозь пронизанныхъ солнечнымъ свѣтомъ и тепломъ; любилъ лѣтнія лунныя ночи: рѣзкія синія тѣни отъ домовъ, лежащія зубчатой половою на мостовой, отраженіе мѣсяца въ черныхъ стеклахъ оконъ, осеребренныя крыши, черныя силуэты прохожихъ; любилъ раннимъ лѣтнимъ утромъ забраться на рынокъ и любоваться на груды сочной мокрой зелени съ ея острыми,

пронзительными и пріятными запахами, на свѣжія лица торговокъ, на мелочную и живую базарную суету; любилъ среди кипучаго городского водоворота неожиданно отыскать тихій архаическій переулочекъ, уединенную старинную церковь, поросшую влажнымъ мхомъ, или натолкнуться на яркую, полную движенія, народную сцену.

— Пардонъ, мусью! — раздался вдругъ надъ ухомъ Савинова хриплый мужской голосъ, и въ лицо художнику пахнулъ такой букетъ перегорѣлаго вина, что онъ невольно остановился и отшатнулся.

Передъ нимъ стоялъ мужчина въ рваномъ холщевомъ, лѣтнемъ пиджакѣ, въ разорванныхъ на колѣняхъ панталонахъ и въ опоркахъ на босу ногу, еще не старый, но уже согнутый той обычной согбенностью бродягъ и нищихъ, которая пріобрѣтается отъ привычки постоянно ежиться на холодѣ, тѣсно прижимая руки къ бокамъ и груди. Лицо у него было испитое, пухлое и розовое, шире книзу, съ набрякшими вѣками надъ вылинявшими, мокрыми глазами, съ потресканными и раздутыми губами, съ нечистой, свалывшейся въ одну сторону черной бородой. Этотъ человѣкъ держалъ въ рукахъ рваную шапку. Черные, спутанные волосы беспорядочно падали ему на лобъ.

— Пардонъ, мусью, — продолжалъ онъ трагической интонаціей и возвышеннымъ языкомъ «интеллигентнаго» нищаго: — обращаюсь къ вамъ не какъ презрѣнный бродяга, а какъ нѣкогда благородный и порядочный человѣкъ. Не откажите во имя человѣколюбія удѣлить нѣсколько сантимовъ на обѣдъ бывшему стипендіату императорской академіи художествъ. Повѣрьте честному слову, мусью, — продолжалъ оборванецъ, слѣдя жадными глазами за тѣмъ, какъ Савиновъ достаетъ изъ кармана кошелекъ: — что только злая иронія судьбы заставляетъ меня протягивать руку за помощью. Бывшая надежда арти-

стического міра и... уличный нищій — согласитесь, контрасть, поистинѣ, ужасный...

Чуть замѣтная добродушная усмѣшка тронула безкровныя губы Савинова.

— Такъ вы были въ академіи? Въ которомъ же году?

Оборванецъ вдругъ принялъ комически-гордую позу.

— Въ 187*-мъ, милостивый государь, окончилъ оную, — воскликнулъ онъ съ паѳосомъ и съ силою ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — А въ 187*-мъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Италію-съ.

Савиновъ пристальнѣе взглянулъ въ лицо нищаго и протянулъ ему нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ.

— Охотно вѣрю вамъ, что вы были въ академіи, — сказалъ онъ со свойственной ему мягкой улыбкой. — Только видите ли... вамъ не совѣмъ бы удобно было говорить мнѣ объ этомъ, потому что я самъ... окончилъ академію годомъ позже васъ, но... долженъ признаться, что не видѣлъ васъ ни разу.

Глаза оборванца вдругъ забѣгали по сторонамъ, пухлое лицо изъ розоваго сдѣлалось краснымъ и сразу все покрылось мелкими каплями пота.

— Вы мнѣ не вѣрите? — прошепталъ онъ, низко опуская голову. — Моя фамилія Ильинъ. Никифоръ Ильинъ.

— Ильинъ! — воскликнулъ Савиновъ такъ громко, что проходившая въ это время какая-то дама вздрогнула и обернулась. — Батюшки, да вѣдь я васъ теперь совѣмъ узналъ. Чтò же это съ вами, голубчикъ?

Только теперъ Савиновъ далъ себѣ отчетъ въ томъ, что нѣсколько минутъ тому назадъ ему на мгновеніе мелькнуло въ лицѣ оборванца что-то знакомое. И тотчасъ же, съ присущей художникамъ яркостью зрительной памяти, передъ нимъ всплылъ тотъ моментъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Ильина. Академическая курилка, слоистыя облака сизаго табачнаго дыма, въ которомъ дви-

жутя неясные силуэты, сплошной говоръ, смѣхъ... Кто-то торопливо толкаетъ Савинова подъ локоть и шепчетъ: «Смотри, смотри... вонъ у подоконника стоитъ Ильинъ: черный, съ длинными волосами... Теперь гляди въ нашу сторону». Савиновъ быстро оборачивается и видитъ худощавую, гибкую фигуру, небрежно облокотившуюся на подоконникъ, блѣдное лицо, живописную гриву длинныхъ волосъ, чуть-чуть пробивающіеся усы и бородку и пару чудныхъ темныхъ глазъ. Ильинъ слушаетъ какого-то коротенькаго краснощекаго толстяка, и эти великолѣпные, выпуклые, блестящіе глаза искрятся умомъ, вниманіемъ и тонкой насмѣшкой... О, какъ все это было давно... И все-таки стоящій передъ Савиновымъ бродяга — несомнѣнно Ильинъ, тотъ самый легендарный Ильинъ, имя котораго долго не сходило съ языка у всѣхъ профессоровъ и студентовъ. Есть въ каждомъ человѣческомъ лицѣ какія-то неуловимыя, загадочныя черточки, которыя не измѣняются въ немъ отъ дѣтскаго возраста до старости, точно такъ же, какъ есть такія же нотки въ тембрѣ каждаго голоса, по которымъ черезъ десять, двадцать лѣтъ признаешь человѣка, какъ бы онъ ни огрубѣлъ, ни опустился, ни зачерствѣлъ и ни палъ...

— Такъ вы Ильинъ? — растерянно и жалостливо бормоталъ Савиновъ. — Господи, какъ же это неожиданно... Вѣдь я васъ помню, прекрасно помню.

— Чтò же дѣлать... обстоятельства... покатился подъ гору, — отрывисто и угрюмо отвѣчалъ оборванецъ, отворачивая въ бокъ свое расплывшееся лицо. — Встрѣтишь кого изъ старыхъ товарищей... перебѣгаешь на другую сторону... стыдно... образъ человѣческой потерялъ... Дозвольте, господинъ, — въ голосѣ Ильина сразу зазвучала искательная, рабская интонація забитаго человѣка: — дозвольте узнать вашу фамилію?

Савиновъ назвалъ себя. Ильинъ вдругъ весь встрепенулся, и глаза его широко раскрылись.

— Савиновъ?.. Тотъ самый, что въ соборѣ?.. Знаменитый?..

— Ну, ужъ и знаменитый. Это вы слишкомъ сильно, голубчикъ.

— Но это вы? вы?

— Ну я, если хотите...

— Родной мой, видѣлъ. Своими глазами видѣлъ,—воскликнулъ Ильинъ, и что-то похожее на умиленіе затеплилось въ его опухшихъ глазахъ. — Господи, красота-то какая! Ручку мнѣ пожалуйста, ручку... не откажите.

Савиновъ дружески-открытымъ жестомъ протянулъ руку и не успѣлъ отнять ее, какъ почувствовалъ на ней холодное и мокрое прикосновеніе губъ Ильина.

— Фу! Какъ вамъ не стыдно!—сказалъ онъ укоризненно и краснѣя. — Развѣ можно такія вещи дѣлать?..

Ильинъ приложилъ обѣ руки къ груди крестомъ и изо всей силы сжалъ ихъ.

— Господинъ Савиновъ! Не вамъ руку цѣлую, — выкрикнулъ онъ восторженно.—Русскому гению руку цѣлую... Я—мертвый человѣкъ—новую зарю привѣтствую въ васъ.

Савиновъ въ замѣшательствѣ оглянулся по сторонамъ. Вокругъ нихъ уже начала собираться глазѣющая публика: мальчишка въ бѣломъ передникѣ, съ рогожнымъ кулькомъ подъ мышкой, двѣ дѣвицы въ платочкахъ, щелкающія подсолнушки, какой-то подержанный господинъ въ цилиндрѣ, торговка съ двумя корзинами, надѣтыми на коромысло. Стоять здѣсь дольше было неловко. Но въ то же время нельзя было оставить Ильина, бросить его на произволь судьбы, отдѣлавшись отъ него нѣсколькими копейками. Этого не позволяла Савинову его деликатная, бесконечно-мягкая натура.

— Знаете что, Ильинъ, — вдругъ нашелся онъ. — Идемте-ка ко мнѣ въ гостиницу. Я теперь одинъ-одинешенекъ, и вечеръ у меня свободный. О старинѣ потолкуемъ. Идемте...

— Одѣтъ-то ужъ я больно того... — замылся Ильинъ.

— Э, пустяки какіе. Да наконецъ у меня есть, кромѣ общаго хода, свой отдѣльный ходъ, и ключъ постоянно въ карманѣ. Закусимъ чѣмъ Богъ послалъ, поболтаемъ. Можетъ-быть, и придумаемъ что-нибудь сообща. Идемъ. До меня отсюда всего два шага.

— Видѣлъ я вашу картину. Созерцалъ, наслаждался и плакалъ, — беспорядочно и восторженно бормоталъ Ильинъ, идя рядомъ съ Савиновымъ и поминутно сбѣгая съ тротуара на мостовую, чтобы дать дорогу встрѣчному прохожему. — Потрясла она меня до самаго нутра. До остолбенѣнія. И вѣдь какъ это случилось странно. Иду я мимо собора. Глядь, подѣзжаютъ четыре коляски, все собственныя, и останавливаются у входа. Вылѣзаютъ какія-то дамы, должно-быть, аристократки, и съ ними генералъ и два штатскихъ. Пошли они въ соборъ. Ну, сторожа, понятно, за ними слѣдомъ кинулись. А я тѣмъ временемъ — шмыгъ и проскочилъ во внутрь. Что грѣхъ таить, пьяненькій я въ ту пору былъ, а потому и храбрый, а на счастье и полиціи кругомъ не случилось. Да-съ. Вошелъ я въ соборъ, да такъ, знаете, къ полу и приросъ. Въ дрожь меня кинуло. Стоитъ Она на высотѣ, точно парить въ воздухѣ, непорочная, чистая, прекрасная, и глаза большіе такіе, ясные, кроткіе, прямо на меня въ упоръ смотрятъ, но не гнѣвно... Нѣтъ! Смотрятъ печально такъ, жалостно. О, Господи! А я то нетрезвый, гаденькій, грязный, въ отрешьяхъ, только изъ вертепа вырвался... Жутко мнѣ сдѣлалось, а глазъ отвести не могу...

И вдругъ меня точно толкнуло что-то. «Боже мой, — думаю я: — да вѣдь это моя мечта, вѣдь этотъ самый идеаль я носилъ въ душѣ, когда она еще была чиста, вѣдь и я могъ бы создать что-нибудь похожее на этотъ божественный образъ». Страшный это былъ моментъ, г. Савиновъ. Страшный потому, что я вдругъ, сразу, необычайно ясно понялъ, ощутилъ и измѣрилъ ту глубину, въ которую я полетѣлъ вверхъ тормашками... Заплакалъ я... Ну, конечно, подошелъ сторожъ. «Тебѣ чего здѣсь нужно, босякъ, пьяная морда?» Мигомъ выволокъ меня изъ собора и съ лѣстницы. А я... что же мнѣ еще оставалось? Нарѣзался я въ этотъ день, какъ скотина, и все ревѣлъ. Потомъ подняли меня безъ памяти... ночевалъ я въ участкѣ. Эхъ! и говорить-то гадко!

Савиновъ слушалъ, не перебивая, эту горькую, отрывистую рѣчь, и все больше и больше стѣснялось его сердце болѣзненнымъ состраданіемъ къ этому несчастному человѣку. Черезъ какой длинный рядъ униженій и нравственныхъ пытокъ долженъ былъ онъ пройти, прежде чѣмъ очутиться на улицѣ въ своемъ холщевомъ пиджачкѣ и разодранныхъ панталонахъ? А вѣдь въ немъ, безъ сомнѣнія, погибъ огромный, самобытный талантъ. Савинову вдругъ вспомнился отзывъ объ Ильинѣ, еще въ тогдашнее академическое время, одного стараго, пунктуальнаго, заматерѣлаго въ классическихъ традиціяхъ профессора: «Изъ этого Ильина талантище такъ и претъ. Ни съ какимъ масштабомъ къ нему не подойдешь», — говорилъ обыкновенно профессоръ. И это мнѣніе безмолвно раздѣляла вся — обыкновенно такъ жадно ревнивая къ успѣху — злоязычная среда товарищей-художниковъ. Въ то время, когда другіе робко шли за великими мастерами, въ Ильинѣ уже намѣчался крупными чертами оригинальный, свѣжій талантъ, вырабатывающій свои убѣжденія, свои приемы, свой рисунокъ и свое пониманіе природы.

Онъ какъ будто бы на цѣлую голову стоялъ выше своихъ сверстниковъ. Къ нему прислушивались, ему подражали, его удивительныя работы привлекали всеобщее вниманіе. Около него уже образовался небольшой кружокъ новаторовъ, презиравшихъ всякіе «измы», направленія и школы и требовавшихъ отъ искусства безграничной широты замысла и смѣлости исполненія. Однако въ вожаки партіи Ильинъ никогда не лѣзъ; онъ былъ слишкомъ скромнень, мягокъ и застѣнчивъ для этого. Жизнь онъ велъ суровую, почти спартанскую и отдавался работѣ съ какимъ-то священнымъ упоеніемъ. Правда, были и въ то время въ академіи бездарныя работяги, которые отсутствіе таланта замѣняли раболѣпствомъ передъ профессорами и упорной, нечеловѣческой усидчивостью. Они возбуждали въ товарищахъ жалость и презрѣніе. Но къ Ильину, къ его аскетическому образу жизни, къ его изумительному трудолюбію, къ его отчужденности отъ безалаберной художнической богемы—всѣ относились съ внимательнымъ почтеніемъ. Чувствовалось, что онъ не хочетъ разбрасывать даромъ своихъ огромныхъ силъ, а посвящаетъ ихъ исключительно на служеніе искусству.

Савиновъ помнилъ, какимъ шумомъ была встрѣчена на конкурсной выставкѣ картина Ильина «Праздникъ у Степана Разина». Весь художественный Петербургъ сбѣгался смотрѣть на нее. Газетныя критики называли ее эпохой въ исторіи русской живописи. Ильина отправили на казенный счетъ въ Римъ. Потомъ онъ какъ въ воду канулъ, требуемой работы въ академію не представлялъ и не давалъ по этому поводу никакихъ объясненій. Никто не могъ сказать утвердительно, возвратился ли онъ обратно въ Россію, или остался за границей; даже не знали, живъ ли онъ. О немъ, правда, изрѣдка вспоминали въ своихъ тѣсныхъ кружкахъ старые художники. Бывало, когда уже достаточно позлословили на счетъ от-

сутствующихъ, кто-нибудь вздохнетъ о томъ, что съ каждымъ годомъ переводятся старые таланты, а новыхъ что-то не видно. «А прежде-то, господа, помните?» И тутъ непремѣнно выступалъ на сцену Ильинъ, личность и талантъ котораго сквозь призму времени приняли размѣры прямо-таки легендарные. Одно время пронесся-было слухъ, что кто-то изъ художниковъ видѣлъ Ильина въ одесской гавани, таскающимъ кули, но слухъ этотъ скоро замеръ, и на него большого вниманія не обратили.

Лакей во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ вошелъ въ номеръ съ приборами въ обѣихъ рукахъ и ногой прихлопулъ за собой дверь. Онъ былъ настолько хорошо выдрессированъ, что не позволилъ себѣ грубой выходки (къ тому же Савиновъ хорошо давалъ на чай), но по тому, какъ онъ умышленно-небрежно ставилъ на столъ тарелки, по тому, какъ смотрѣлъ искоса на Ильина, не поворачивая къ нему головы, по холодному достоинству, съ какимъ онъ выслушивалъ заказъ, видно было, что онъ возмущенъ и за себя и за репутацію заведенія до глубины души. Ильинъ сидѣлъ на кончикѣ кресла, стараясь далеко запрятать подъ него свои ноги, и прикрывалъ ладонями прорванные колѣни. Онъ растерянно улыбался, поминутно краснѣлъ и вытиралъ рукавомъ вспотѣвшее лицо.

Когда лакей вышелъ, Савиновъ подвинулъ къ Ильину водку и сказалъ ласково:

— Пейте, голубчикъ, не стѣсняйтесь меня. Я знаю, что это вамъ теперь необходимо.

Горлышко графина звенѣло о стекло рюмки, когда Ильинъ наливалъ водку. Опрокинувъ дрожащей рукой водку въ ротъ, онъ долго ея не проглатывалъ, сморщивъ лицо въ брезгливую гримасу; потомъ сразу проглотилъ съ какимъ-то особенно громкимъ звукомъ, сморщился еще сильнѣе и часто-часто задышалъ черезъ полусжатые губы,

точно отдуваясь отъ чего-то горячаго. Теперь, при свѣтѣ огня, Савиновъ хорошо разсмотрѣлъ его лицо. Оно страшно отекло отъ скуль до подбородка; щеки и угреватый носъ были покрыты мелкой сѣтью красныхъ извилинокъ и маленькихъ, вздутыхъ, синихъ жилокъ. Пиджакъ былъ у ворота заколотъ булавкой, и бѣлья подъ нимъ не замѣчалось. Отъ всѣхъ этихъ лохмотьевъ шелъ какой-то грязный, маслянистый запахъ, похожій на запахъ замазки, съ примѣсью сквернаго табака.

— Простите... я съ похмелья, — потянулся Ильинъ за другой рюмкой.

— Пожалуйста, пожалуйста, голубчикъ. Я вѣдь нарочно для васъ...

По мѣрѣ того, какъ Ильинъ пилъ рюмку за рюмкой, лицо его, къ удивленію Савинова, мало-по-малу принимало болѣе нормальный видъ, руки перестали трястись, голосъ прояснился, глаза стали живѣе и точно расширились. Ълъ онъ жадно и неряшливо, запихивая въ ротъ большіе куски и чавкая, какъ ѣдятъ наголодавшіеся и отвыкшіе отъ приличнаго стола люди. Чтобы не смущать его, Савиновъ нарочно усѣлся такъ, что между нимъ и Ильинымъ приходилась высокая лампа съ длиннымъ, висячимъ, краснымъ абажуромъ.

— Хотите еще? — спросилъ онъ, когда Ильинъ окончилъ ѣсть и обтеръ губы наружной стороной рукава.

— Нѣтъ, мерси. Благодарствуйте. Сытъ. А вотъ если папиросочку...

Онъ закурилъ, глубоко и поспѣшно затянулся нѣсколько разъ подъ-рядъ и вдругъ размѣялся продолжительнымъ тихимъ смѣхомъ.

— Чему это вы? — спросилъ Савиновъ.

— Да вотъ гляжу я на васъ, Иванъ Григорьевичъ (Ильинъ и въ самомъ дѣлѣ выглянулъ изъ-за абажура), и вижу, что вамъ хочется спросить меня: «Какъ дошла

ты до жизни такой?» Только деликатность не позволяет... Правда вѣдь? А? Ха-ха-ха...

— Повѣрьте, что я не хочу быть нескромнымъ,—вѣжливо возразилъ Савиновъ.

— Ну, что тамъ за нескромность... со мной-то? Да, кромѣ того, мнѣ и самому хочется рассказать. Почему знать, можетъ-быть, вы, когда все узнаете, не презрѣніе ко мнѣ почувствуете, какъ къ попрошайкѣ уличному, да пожалѣете... Ту конетръ... какъ это дальше? Ну, да чортъ съ нимъ, все равно... Слушайте мою исповѣдь, господинъ Савиновъ.

Ильинъ искалъ глазами пепельницу и, не найдя ея, потихоньку, чтобы не видѣлъ Савиновъ, потушилъ папиросу объ ножку стула и спряталъ окурокъ изъ вѣжливости въ карманъ.

— Какъ это пишутъ смѣшно въ романахъ. «Въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Полковникъ закурилъ свою трубку, провелъ рукой по длиннымъ сѣдымъ усамъ и, глядя на огонь камина, началъ»... Такъ вѣдь? Ха-ха-ха.

Онъ отрывисто разсмѣялся, потомъ помолчалъ нѣсколько секундъ, и, когда опять началъ говорить, въ его голосѣ совсѣмъ неожиданно послышались горькія, грустныя, искреннія ноты.

— Замотала меня женщина, Иванъ Григорьевичъ. Женщина — и моя собственная глупость. Вы, можетъ, слышали, каковъ я въ академіи былъ? Одно слово — анатореть. Только въ искусство да въ трудъ и вѣрилъ. Этого сочинителя, что сказалъ, будто геній можетъ озарять голову безумца, гуляки празднаго, я бы тогда, кажется, на части-разорвалъ... Какъ лошадь работалъ...

— У васъ былъ замѣчательный талантъ, Ильинъ, — мягко вставилъ Савиновъ.

— Былъ! Вѣрно! — Ильинъ горячо ударилъ себя въ грудь кулакомъ. — И я знаю, что былъ. Я въ себя всѣхъ

больше вѣрилъ. Въ звѣзду свою вѣрилъ, чортъ поберетъ! Совершенства добивался. Всего себя этому проклятому искусству закабалилъ. Кошачьей колбасой питался, идиотъ, на чердакахъ мерзъ. Другіе умнѣй были: тотъ— иллюстраціи, тотъ — виньеточки, тотъ — карикатурки... У нихъ веселье, попойки, на острова поѣхали, женщины, хохоть, а я сижу, завернувшись поверхъ пальто въ одѣяло, и теорію перспективы изучаю. Трогательно!.. Виньеточки-то за позоръ считалъ. Какъ же, помилуйте, униженіе искусства, профанація!..

Ильинъ опять размѣялся, но смѣхъ перешелъ въ спазматическій кашель, который длился минутъ пять. Отдышавшись, онъ продолжалъ:

— Отправили меня въ Римъ. Вѣдь вы тамъ, конечно, были, Иванъ Григорьевичъ? Господи, красота-то, красота какая! Воздухъ прозрачный, небо синее-синее, краски на всемъ такія сочныя, горы, платаны, развалины... хорошо! На чтò ужъ я всегда былъ лютъ на работу, а тутъ прямо осатанѣлъ. Бѣгаю цѣлый день по галлереймъ и по дворцамъ, копирую стариковъ, набрасываю этюды, пишу съ натуры. Удивительно, какъ на это одного человѣка хватало. При этомъ, замѣтьте, паёкъ самый скудный—кусокъ хлѣба съ сыромъ овечьимъ и стаканъ доброй старой воды, вотъ и все.

«Потомъ однако уgomонился, въ русло вошелъ, сталъ подыскивать сюжетъ для картины. И нашелъ. Знаете, въ этомъ родѣ, который нынче называютъ символическимъ (мнѣ вѣдь тоже время отъ времени, нѣтъ-нѣтъ, да попадетъ въ руки клочокъ газеты). Вообразите себѣ ниву, созрѣвшую, спѣлую ниву, но всю истоптанную во вчерашнемъ сраженіи. Брезжитъ раннее утро, на востокѣ янтарная полоса, луна поблѣднѣла... А на нивѣ лужи крови, обломки оружія, трупы человѣчьи и лошадиныя, вдали мерцаютъ огни лагеря... И вотъ среди

этой крови и этого ужаса медленно плыветъ туманная фигура Христа, съ опущенной внизъ головой и онечаленнымъ ликомъ... Недурно вѣдь? А?

— Хорошо. Очень хорошо, — искренно воскликнулъ Савиновъ.

— Началъ я работать. А у меня въ то время была общая студія съ однимъ тоже русскимъ, Курбатовымъ. Онъ былъ пейзажистъ, — милый человекъ и необыкновенно талантливый. Царство ему небесное (Ильинъ перекрестился): въ первый же мѣсяцъ, какъ пріѣхалъ въ Россію, умеръ отъ скоротечной чахотки... Счастливецъ!.. Ну-съ, завязались у насъ кое-какія знакомства съ тамошнимъ народишкомъ, стали нами какъ будто интересоваться, оцѣнили насъ. Въ студіи всегда, бывало, разные людишки болтаются. Сперва больше свой братъ художникъ, а потомъ повалила и публика: знатные иностранцы и всякіе путешественники. Даже одинъ герцогъ какой-то посѣтилъ, ей-Богу, не вру, Иванъ Григорьевичъ.

«И вотъ однажды получаю я черезъ комиссіонера двѣ визитныхъ карточки. Какой-то князь Дузь-Хадимовскій, генераль анъ ретре, съ женой Натальей Оаддеевной очень обо мнѣ слышаны, горятъ желаніемъ видѣть мою замѣчательную картину и потому покорнѣйше просятъ, не найду ли я возможнымъ быть дома отъ 12 до 2 часовъ. Я предупредительно соглашаюсь. Въ назначенное время являються. Генераль ничего себѣ — солидный генераль, баситъ, растягиваетъ слова и отторбучиваетъ нижнюю губу. Усы нафиксатуарены, яркій галстукъ, однако видно, что ножки сильно пошаливаютъ. Онъ меня, конечно, «обласкалъ» и обѣщалъ покровительство. На нее я сначала не обратилъ вниманія, потому что меня все заговаривалъ генераль. Вижу только — худая, гибкая, съ великолѣпными рыжими волосами. Покамѣсть я передъ

его превосходительствомъ расшаркивался, она все мои альбомы съ эскизами разсматривала. Нехорошая это привычка, нескромная — все равно, что въ чужую записную книжку заглядывать — ну, да что же подѣлаешь — терпи! Потомъ вдругъ подзываетъ меня къ себѣ: «Мсье Ильинъ, вы, должно-быть, никогда не были влюблены?» Я оторопѣлъ. — «Почему вы такъ думаете, мадамъ?» — «Въ вашемъ альбомѣ я не нашла слѣдовъ любви». Я недоумѣваю еще больше. — «Виноватъ, какіе же это слѣды?» — «Да мало ли какіе: на каждой страницѣ одинъ и тотъ же профиль, одни и тѣ же инициалы, строчки, написанныя женской рукой... Ну? Правда или нѣтъ?»

«И поглядѣла на меня. Знаете, Иванъ Григорьевичъ, — странная вещь: я лицо ея совершенно — ну, совсѣмъ-таки забылъ, и никакъ не могу его себѣ представить, даже не знаю, была ли она дурна или хороша собою, а этотъ взглядъ вотъ какъ теперь вижу. Безстыжій, понимаете ли, открыто-безстыжій, и хищный, и насмѣшливый, и манящій, до безумія маящій. И вся она, какъ вино, бросилась мнѣ въ голову со своимъ змѣинымъ тѣломъ, съ рыжими волосами, съ какимъ-то прянымъ запахомъ духовъ. И почувствовалъ я, что съ этого момента «кончено мое земное странствіе»...

«А она все смотритъ и глазами играетъ. «Я, говоритъ, сама немного рисую. Вы мнѣ позволите иногда запросто заходить къ вамъ посмотреть и поучиться? Папочка, ты позволишь?» Это она къ генералу. Папочка позволяетъ съ добродушной снисходительностью взрослому къ капризу ребенка. — «Ну, такъ я завтра зайду въ это же время. Жаль, что вашего товарища въ эти часы не бываетъ, я бы съ нимъ охотно познакомилась». Вѣдь какова дерзость-то, Иванъ Григорьевичъ! Я ей объ товарищѣ рѣшительно ни словечка не сказалъ, а она

вдругъ — «жаль, что въ эти часы не бываетъ». Да еще подчеркиваетъ такъ, что и глухой понялъ бы и догадался на другой день убрать товарища куда-нибудь по-дальше.

«И пошло писать! Подхватило меня, какъ соломинку ураганомъ, и понесло. Другой бы на моемъ мѣстѣ остановился, а меня мое анахоретство сгубило. Нѣтъ у такихъ, какъ я, ни конца ни краю! Все въ этомъ проклятомъ водоворотѣ пропало: и силы непочатыя, и честь, и здоровье, и талантъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ я передъ ней пресмыкался гадомъ ползучимъ, за одну улыбку готовъ былъ итти на безчестье, на преступленіе. И до того этой слѣпой любовью я ей опротивѣлъ, что она ужъ и стыдиться со мной перестала, всю свою циничную душонку передо мной на изнанку выворачивала. Знаете ли, дорогой Иванъ Григорьевичъ, я человѣкъ тертый, всякаго народу на своемъ вѣку видалъ, во всѣхъ степеняхъ паденія — и воришекъ, и бродягъ, и осторожныхъ, и каторжныхъ. Но, клянусь вамъ, никогда и нигдѣ я не встрѣчалъ такой черствой, такой глубоко-безнравственной натуры!..

«Она гнала меня прочь — я возвращался, униженный, раболѣпный. Одинъ разъ она мнѣ крикнула въ бѣшенствѣ: «Убирайся вонъ! Ты нищій! Ты мнѣ ни зачѣмъ не нуженъ!» Я ушелъ, продалъ свою картину за три тысячи (давно къ ней подвѣзжалъ одинъ американецъ), возвратился и швырнулъ ей въ лицо свертокъ съ золотомъ. За это я былъ любимъ цѣлую недѣлю. Съ тѣхъ поръ началась сумасшедшая погоня за деньгами, грошовые заказы, иллюстраціи, самодурство меценатовъ, — все, что хотите!

«Какъ я ревновалъ ее, какъ мучился — ужасно, ужасно! (Ильинъ вдругъ закрылъ лицо руками и съ минуту сидѣлъ молча, раскачиваясь тѣломъ взадъ и впередъ). Я

все терпѣль... Сначала напскій гвардеецъ, потомъ идиотъ-теноръ, потомъ какой-то красавецъ итальянскій еврей изъ комми-вояжеровъ... Я долженъ былъ имъ улыбаться и оказывать имъ такія услуги, которыя обыкновенно возлагаются на слугъ.

«Горько мнѣ было, тяжело... А компанія всегда подъ бокомъ... Напьешься— оно сначала какъ будто и весело, забудешься на минутку, споришь о чемъ-то, шумишь, обнимаешься съ собутыльникомъ. Потомъ слезы. Прижмешься къ чьей-то засаленной груди и рыдаешь, и раскрываешь сердце какому-нибудь сапожнику. Это дѣло я очень скоро постигъ.

«Что дальше пошло, я и сказать не умѣю. Все въ пьяномъ угарѣ было. Ѣздилъ я за ней слѣдомъ и въ Ниццу, и въ Вѣну, и въ Швейцарію, и въ Парижъ. Меня ужъ больше не принимали, такъ я подъ окошками цѣлыя ночи простаивалъ. Въ Петербургъ наконецъ пріѣхали. Какъ-то не утерпѣлъ я, пьяный къ нимъ въ домъ ворвался. Вывели съ участіемъ полиціи, а потомъ— генералъ былъ все-таки со связями— и вовсе выселили административнымъ порядкомъ...

«Вотъ я и мыкаюсь съ тѣхъ поръ, Иванъ Григорьевичъ. До вывѣсокъ спустился, до малярныхъ работъ. Да вѣдь сами посудите, гдѣ же пьянаго будутъ держать? Барки пробовалъ грузить— силишки не хватаетъ. Какъ-то разъ на одной постоялкѣ кто-то мнѣ и говоритъ: «Даты бы, братецъ, хоть стрѣлять выучился». — «Какъ это стрѣлять?»— «А такъ, очень просто: милостивый господинъ, не откажите помочь бывшему студенту, или тамъ хоть артисту, или художнику, разбитому параличомъ и обремененному многочисленнымъ семействомъ...» Трудно было сначала, совѣстно... Ну, а потомъ... Ко всему на свѣтѣ привыкнешь... Да и что мнѣ, Иванъ Григорьевичъ...—въ голосѣ Ильина послышались глухія рыда-

нiя:—что мнѣ въ томъ, если бы вдругъ какимъ-нибудь чудомъ мое положенiе измѣнилось, если бы я даже получилъ возможность писать, какъ писалъ двадцать лѣтъ тому назадъ! Зачѣмъ мнѣ все это, если она для меня навсегда потеряна? Понимаете ли, навсегда, навсегда, навсегда...»

Онъ опять закрылъ лицо руками и, весь сотрясаясь, раскачивался назадъ и впередъ. Савиновъ спрятался за лампу и украдкой вытиралъ глаза платкомъ. Вдругъ Ильинъ стремительно сорвался съ мѣста и протянулъ Савинову руку.

— Прощайте, — злобно и отрывисто произнесъ онъ. — Извините, что разстроилъ. Прощайте.

Савиновъ всталъ и обѣими руками крѣпко взялъ Ильина за плечи.

— Слушайте, голубчикъ, — заговорилъ онъ нѣжно. — Дайте мнѣ слово, что вы завтра утромъ зайдете ко мнѣ. Я теперь не даю вамъ денегъ только потому, что вы слишкомъ возбуждены. Но вѣдь вамъ не трудно будетъ отъ меня принять маленькую помощь, ну, хоть на одежду, на квартиру?

— Нѣтъ. Отъ васъ легко, Иванъ Григорьевичъ, — пробормоталъ Ильинъ, не подымая глазъ.

— Такъ придете завтра?

— Да.

— Ну, Господь васъ храни. — Савиновъ крѣпко пожалъ Ильину руку. — До свиданiя. Милый вы, добрый, несчастный вы человекъ.

Онъ заперъ за Ильинымъ дверь, снялъ пиджакъ и жилетъ и уже сѣлъ на кровать, чтобы снять сапоги, какъ съ улицы кто-то сильно постучалъ въ оконное стекло. Савиновъ подбѣжалъ къ окну и, увидѣвъ Ильина, открылъ форточку.

— Что вамъ, Ильинъ? — спросилъ онъ тревожно.

На Ильинѣ лица не было. Страшно-блѣдный, съ пе-

рекошненнымъ лицомъ и воспаленными глазами, онъ весь съ ногъ до головы трясся, точно въ ознобѣ.

— Не надо... квартиры...—услышалъ Савиновъ хриплый, прерывающійся голосъ. — Къ чорту... благодаренія... Трешницу... только трешницу... Не могу, душа горитъ... истерзался весь... Забыть не могу!..

Савиновъ вздохнулъ и молча сталъ отыскивать бумажникъ.

ПО ЗАКАЗУ.

РѢСКАЗЪ.

Илья Платоновичъ Арѣьевъ, фельетонистъ распростра-
ненной газеты, ходитъ по своему кабинету, — отъ угла
кожанаго дивана до этажерки съ бюстомъ суроваго Шо-
пенгауэра, задѣваетъ руками и ногами за спинки стульевъ
и сердится. Съ нимъ случилось то, что называется у
игроковъ мѣткимъ словечкомъ: «заколодило». Уже больше
часа ломаетъ онъ голову и не можетъ выжать изъ нея
ни одной живой строчки, а на приготовленной для писа-
нія бумагѣ красуются: солдатъ, стоящій около полосатой
будки, лошадиная морда въ профиль съ удивленнымъ че-
ловѣческимъ глазомъ и нѣсколько кошекъ, нарисованныхъ
съ одного почерка.

Арѣьевъ — старый газетный волкъ. Не только юные
поэты и почтенныя сочинительницы дамскихъ повѣстей,
но и «наши молодые, подающіе надежды беллетристы» не
безъ волненія пробѣгаютъ четверговые номера «Русской
Почты», въ которыхъ Илья Платоновичъ, подъ псевдо-
нимомъ «графа Альмавивы», производитъ еженедѣльное
избіеніе литературныхъ младенцевъ. Но эти кровавыя рас-
правы не составляютъ его спеціальности. Онъ одинаково
легко пишетъ о золотой валютѣ и о символистахъ, о
торговлѣ съ Китаемъ и о земскихъ начальникахъ, о но-
вой драмѣ, о марксистахъ, о биржѣ, о тюрьмахъ, объ
артезианскихъ колодцахъ, — словомъ, обо всемъ, что онъ

слышать въ воздухѣ своимъ тонкимъ, профессиональнымъ чутьемъ. Онъ раньше всѣхъ схватываетъ на лету, ловить за хвостъ ту тему, которая еще не сдѣлалась сегодня, но сдѣлается завтра всеобщей злобой дня, и тотчасъ же передъ его умомъ, изощреннымъ въ сарказмѣ и гиперболѣ, вырастаютъ съ привычной рѣзкостью смѣшныя, темныя и уродливыя стороны явленія.

До сихъ поръ Илья Платоновичъ не зналъ никакихъ техническихъ трудностей своего ремесла. Ему достаточно бывало только заинтересоваться и овладѣть идеей. Онъ садился къ столу увѣренный, что слова придутъ сами собой, и они, на самомъ дѣлѣ, приходили къ нему, живыя, интересныя, хлесткія и остроумныя, выливаясь безъ единой помарки четкими, красивыми строчками на бумагу. Онъ даже никогда не перечитывалъ своихъ фельетоновъ, прежде чѣмъ отослать ихъ съ типографскимъ мальчикомъ въ редакцію.

И вотъ сегодня случилось что-то непонятное. Одинъ видный литературный кружокъ предпринялъ въ пользу дѣтской санаторіи изданіе литературнаго альманаха. Пригласили участвовать и Арефьева, причемъ съ надлежащей, очень лестной почтительностью дали ему понять, что отъ него ждуть «чего-нибудь такого, знаете ли, потешнаго, что хорошенько расшевелило бы читателя»... Арефьевъ охотно далъ согласіе, потомъ, по обыкновенію, забылъ о немъ, и наконецъ вчера, когда ему деликатно напомнили, что изъ-за его разсказа задержали печатаніе книги на два дня, онъ сдѣлалъ и послѣдній промахъ, обѣщавъ самымъ положительнымъ образомъ прислать рукопись никакъ не позже сегодняшняго вечера.

Вернувшись въ 7 часовъ вечера домой, онъ, какъ и всегда, аккуратно зажегъ лампу съ подвижнымъ металлическимъ рефлекторомъ, поставилъ ее по лѣвую руку отъ себя, положилъ передъ собою наискось дѣсть линованной

бумаги, даже обмакнулъ перо въ чернильницу—и вдругъ съ удивленіемъ почувствовалъ, что ему не о чемъ писать. Дѣло другого рода, если бы предстояло написать ядовитый зажигательный фельетонъ. Тѣмъ болѣе, что и темы подвертываются самыя ходкія. Вотъ, напримѣръ, лежитъ передъ Арефьевымъ послѣдняя книжка «литературнаго приложения», гдѣ «нашъ молодой, талантливый поэтъ» съ апломбомъ выдаетъ за свое произведеніе стихи Тютчева, извѣстные публикѣ еще по хрестоматіямъ. Не менѣе заманчивъ отчетъ о благотворительномъ спектаклѣ, устроенномъ въ пользу сиротъ севастопольскихъ инвалидовъ, причемъ чистый сборъ выразился въ суммѣ 3 р. 7 к., а на извозчиковъ для гг. любителей и на угощеніе ихъ «чаемъ» потрачено болѣе 300 рублей. Но, къ сожалѣнію, въ обѣихъ темахъ нѣтъ ничего такого, что могло бы расшевелить читателя и раскрыть его карманъ въ пользу слабогрудыхъ ребятишекъ.

А между тѣмъ Илья Платоновичъ чувствуетъ, что въ его душѣ зашевелился червячокъ профессиональнаго самолюбія. Какъ? Неужели онъ, Арефьевъ, не въ состояніи написать простаго пасхальнаго разсказа, въ то время, когда самый захудалый репортеръ, завѣдующій обыкновенно бѣшеными собаками и буйными извозчиками, уже навѣрно успѣлъ стащить въ редакцію, пользуясь привилегіями, существующими для праздничныхъ произведеній, какого-нибудь внезапно раскаявшагося ростовщика, или старуху, «мирно засыпающую вѣчнымъ сномъ подъ радостный звонъ колоколовъ». Неужели, привыкнувъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ вызывать въ читателѣ насмѣшливыя и злобныя настроенія, онъ потерялъ навсегда способность затрагивать въ его сердцѣ чувства милосердія, нѣжности и тихой радости? Неужели его талантъ специализировался, утратилъ самое драгоцѣнное качество—разносторонность?

Арефьевъ продолжаетъ свою нервную бѣготню отъ угла дивана до бюста великаго свѣтника, а насмѣшливый умъ, какъ будто нарочно, дразнить его, подсказывая ему шаблонныя фразы изъ «дамскихъ повѣстей», надъ которыми онъ такъ «охотно и безпощадно глумился въ четверговыхъ фельетонахъ». «Онъ подошелъ къ окну, прижался пылающимъ лицомъ къ холодному стеклу, по которому, точно слезы, струились дождевыя капли». — «Князь метался взадъ и впередъ по своему роскошно убранному кабинету, что всегда служило у него признакомъ дурного настроенія». — «Быть тихій, майскій вечеръ. Солнце садилось, озаряя своимъ пурпуровымъ свѣтомъ окрестность»...

— Хорошо было бы написать рассказъ сплошь изъ такихъ милыхъ фразочекъ, — соблазняетъ Илью Платоновича старая привычка смотрѣть на все съ юмористической стороны. — Да. Такъ бы и начать: «На башнѣ св. Стефана глухо пробило полночь. Изъ-за угла невзрачной лачуги показался незнакомецъ высокаго роста. Лицо его было закутано широкимъ плащомъ. Шляпа съ перомъ и длинная шпага на боку доказывала его благородное происхожденіе».

Но Арефьевъ гонить отъ себя эту предательскую мысль и опять принимается метаться взадъ и впередъ по своему роскошно убранному кабинету.

— Подожди. Разберемся въ этой задачѣ постепенно, — говоритъ онъ самъ съ собою. — Во-первыхъ, для того, чтобы взволновать и умилиить читателя, надо самому надъ чѣмъ-нибудь взволноваться и умилиться. Нужно пролить ту самую слезу, которую въ дамскихъ повѣстяхъ проливаютъ, сваливая ее на слишкомъ крѣпкій табакъ, старые полковники по окончаніи чувствительнаго рассказа. «Въ комнатѣ воцарилась гробовая тишина. Старый полковникъ окончилъ рассказъ и почему-то слишкомъ долго выколачивалъ орѣшкетку камня свою трубку, отвернувшись отъ слушате-

лей. Наконецъ онъ выпрямился и, отирая глаза, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Чортъ побери! Какой однако у васъ крѣпкій табакъ, ротмистръ!» — «А что же случилось съ несчастной Заирой?» — рѣшилась спросить, послѣ долгаго молчанія, дама съ палевой розой въ волосахъ. — «Она умерла!» — глухо отвѣтилъ старый полковникъ.

— Чортъ! Какая чепуха лѣзетъ въ голову! — бранится вслухъ Арефьевъ и сердито толкаетъ ногой подведенный стулъ. — Вѣдь этакъ выходитъ, что я похожъ на того анекдотическаго попугая, который не умѣлъ ничего говорить, кромѣ скверныхъ словъ. Нѣтъ, будемъ послѣдовательны и разберемъ спокойно, на какіе сюжеты самый большой праздничный спросъ. Ну-съ, раньше всего, конечно, легкомысленная жена, возвращающаяся къ покинутому мужу съ первымъ ударомъ колокола. «Револьверъ выпалъ изъ его рукъ и съ грохотомъ покатился по полу. Онъ широко размахнулъ свои объятія, она упала къ нему на грудь, и ихъ уста слились въ долгомъ, долгомъ поцѣлуѣ...» Однимъ словомъ, долой легкомысленную даму!..

«Затѣмъ слѣдуетъ солдатъ, стоящій въ пасхальную ночь на часахъ. «Какая-то черная тѣнь промелькнула на бѣломъ фонѣ тюремной стѣны, ярко освѣщенной луной. Часовой быстро, привычной рукой взвелъ курокъ и прицѣлился. Но въ эту минуту въ воздухѣ торжественно-гулко разлился первый звукъ благовѣста, и ружье медленно опустилось внизъ... Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ взволнованной груди» и т. д. и т. д. Хорошая исторія: старая, вѣрная, испытанная... Мимо!..

«Что же еще?.. Недурно тоже заморозить на улицѣ нищую дѣвочку, глядящую въ ярко освѣщенные окна богатаго дома. «Снѣгъ медленно падалъ мягкими пушистыми хлопьями, засыпая неподвижную фигуру ребенка, на лицѣ котораго застыла блаженная улыбка». Впрочемъ, это изъ рождественскихъ темъ — и потому въ сторону».

Илья Платоновичъ подходитъ къ окну и равнодушно смотритъ на улицу. Вечеръ тихій, ясный и теплый; все въ немъ кажется смягченнымъ, размѣреннымъ—и задумчивое небо, и чистый полукругъ ущербленнаго мѣсяца, и тонкія вѣтки акацій, и контуры громадныхъ темныхъ зданій. Въ чуткомъ и лѣнивомъ воздухѣ глоса прохожихъ и женскій смѣхъ отдаются съ пріятной звучностью, даже колеса экипажей стучатъ какъ-то особенно, по-весеннему мягко.

Напротивъ, черезъ улицу, передъ окнами большой кондитерской столпилась кучка оборванныхъ мальчишекъ. Они никакъ не могутъ отвести глазъ отъ выставленныхъ за большими стеклами: исполинскихъ бабъ, размалевачныхъ куличей, сахарныхъ барашковъ и висящихъ на ниточкахъ пестрыхъ яицъ. Эти мальчишки почему-то раздражаютъ Илью Платоновича.

«Ишь какъ прилипли къ стеклу носами. Вѣдь вонъ того, что съ колодками подъ мышкой, навѣрно, хозяинъ послалъ къ заказчику-офицеру. А онъ передъ каждымъ окномъ зѣваетъ. Ну и опоздаетъ и получить трепку ради праздника, а потомъ въ газетѣ замѣтка о звѣрскомъ обращеніи. Такъ тебѣ и надо, канальскій мальчишка!.. Гм... А впрочемъ, и еще хорошенькая темочка. «Блѣдный, изнуренный мальчикъ любитъся на куличи, выставленные въ роскошной кондитерской. Неожиданно появляется на сцену таинственный господинъ съ золотыми очками и непременно въ богатой лисьей шубѣ (вообще удивительную энергію проявляетъ на Святкахъ этотъ господинъ!). Завязывается разговоръ. Оказывается, что «тятка» у мальчика умеръ, столѣтній «дѣдка», согнутый въ дугу, не слѣзаетъ съ печи, «мамка» лежитъ больная, сестренка... ну, и т. д. «Веди меня туда!»—рѣшительно говоритъ господинъ въ золотыхъ часахъ, и черезъ полчаса у мамки появляется хорошее вино и лѣкарство, прописанное лучшимъ докторомъ, дѣдку на-

кормили манной кашей и купили ему теплый набрюшникъ, изнуренный мальчикъ, «радоестно блестя глазами», прыгаетъ вокругъ стола, на которомъ красуется недорогая пасха, скромный куличъ и десятокъ красныхъ яицъ, а господинъ въ лисьей шубѣ незамѣтно скрылся, не сказавъ даже своего имени, но оставивъ на столѣ кошелекъ, наполненный золотомъ».

Часы за стѣной глухимъ, пѣвучимъ, медленнымъ баритономъ бьютъ девять. Арефьевымъ вдругъ овладѣваетъ странная, незнакомая ему до сихъ поръ душевная усталость и непобѣдимое отвращеніе ко всѣмъ этимъ изнуреннымъ мальчикамъ, покинутымъ мужьямъ и таинственнымъ незнакомцамъ. Онъ лѣниво валится на широкій кожаный диванъ и закрываетъ глаза.

Если бы кто-нибудь поглядѣлъ теперь на Илью Платоновича, то навѣрно почувствовалъ бы жалость къ этому злоязычному фельетонисту, къ этому «господину насмѣшнику». Лицо его посѣрѣло и точно состарѣлось сразу лѣтъ на десять, на лбу рѣзче обозначились тревожные зигзаги морщинъ, закрытые глаза глубоко ушли въ черныя тѣни орбитъ, а складки вокругъ губъ, опустившіеся внизъ, придали рту горькое и брезгливое выраженіе.

Но Илья Платоновичъ не спитъ. На него нашло неподвижное состояніе полудремоты, полубодрствованія и грезы, неожиданно и бессознательно цѣпляющихся другъ за друга. Время исчезло. Стѣны кабинета ушли въ далекую мглу, растаяли, и Арефьевъ живетъ пестрой, измѣнчивой, фантастической жизнью, почти такой же яркой, какъ и сама дѣйствительность.

Видитъ онъ себя худымъ, взѣрошеннымъ, плутоватымъ мальчуганомъ, сыномъ соборнаго дьячка въ глухомъ заброшенномъ городишкѣ. Идетъ свѣтлая заутреня... Правый клиросъ биткомъ-набитъ любителями, изъ которыхъ на скорую руку составилъ церковный хоръ пріѣхавшій на

пасхальные каникулы семинаристъ, протопоповъ сынъ. Вотъ они всѣ, какъ живые, стоятъ передъ Арефьевымъ. Первый теноръ, младшій чиновникъ почтовой конторы, въ новенькомъ мундирѣ, за бортъ котораго залуплены бѣлыя перчатки, блеститъ своей напомаженной головой и благоухаетъ цвѣточнымъ одеколономъ. Онъ поетъ немного въ носъ, сильно вибрирующимъ голосомъ, а когда исполняетъ соло, то небрежно обтирается спиной о стѣну, развязно переплетаетъ нога за ногу, закидываетъ голову назадъ и томно закрываетъ глаза. Самъ регентъ, — тонкій, высокій и благообразный, — въ очень длинномъ сюртукѣ, дирижируетъ съ утонченными манерами, вызывающими общее восхищеніе. Держа камертонъ двумя пальцами, а остальные изящно оттопыривъ, онъ на нѣжныхъ мѣстахъ бережно, чуть замѣтно для глаза, пошевеливаетъ картинно изогнутой правой рукой, изрѣдка протягивая впередъ лѣвую руку съ предостерегающимъ и останавливающимъ жестомъ; при этомъ его лицо съ приподнятыми бровями все сильнѣе и сильнѣе принимаетъ удивленное, испуганное и умиленное выраженіе. Но на мѣстахъ, требующихъ форте, онъ широко и плавно размахиваетъ обѣими руками, встряхиваетъ головой, раскачивается туловищемъ и съ угрожающимъ видомъ морщитъ носъ и нахмуриваетъ брови. Купеческій сынъ Ноздруновъ, толстый, красный, съ вылѣзшимъ на шею галстукомъ, впился въ регента выпученными, напряженными глазами и даже весь подался впередъ отъ усиленнаго вниманія. У него нѣтъ ровно никакого слуха, но зато онъ, по выраженію сына протопопа, обладаетъ «феноменальнымъ басомъ», и потому его употребляютъ «на подобіе тарана», въ самыхъ оглушительныхъ мѣстахъ. Когда такое мѣсто подходитъ, регентъ оборачивается къ феноменальному басу, дѣлаетъ ему страшные глаза и отрывисто, точно прокалывая кого-то щлагою, — вытягиваетъ въ его сторону руку съ камерто-

номъ. Тогда Ноздруновъ, весь багровый, съ надутыми жилами на лбу и съ трясущимися губами, испускаетъ ревъ, въ которомъ на мгновеніе утопаетъ весь хоръ.

Ильюшка стоитъ въ первомъ ряду. Онъ не сводитъ счастливыхъ и преданныхъ глазъ съ лица регента, и ему почти нѣтъ времени обернуться на толпу, наполняющую церковь, которая сверху представляется ему какъ безчисленное множество головъ, огней, однообразныхъ, радостныхъ, свѣтлыхъ лицъ.

Обѣдня кончилась. Причтъ и за нимъ хоръ выходятъ изъ церкви святить пасхи и куличи, разложенные рядами въ церковной оградѣ. Весело и неожиданно встрѣчаетъ всѣхъ выходящихъ изъ церкви сіяющее, ослѣпительное, весеннее утро. Голубое небо, молодая травка, благоухающія почки деревьевъ, возбужденный крикъ воробьевъ на погостѣ, — все это снова приподымаетъ въ усталомъ Ильюшкѣ ослабѣвшее-было отъ усталости чувство праздника. Онъ громко пѣлъ вмѣстѣ съ хоромъ, съ трудомъ улавливая чужіе голоса сквозь ликующій звонъ колоколовъ, и въ то же время ощущаетъ на себѣ взглядъ народной толпы и потому сохраняетъ на лицѣ озабоченное, даже нѣсколько хмурое выраженіе человѣка, исполняющаго трудное, важное и серьезное дѣло.

А на другой день надо непременно сбѣгать на колокольню и позвонить. Это, по старому давнишнему обычаю, дозволяется каждому въ первые три дня, и безъ этого Пасха не въ Пасху. Лѣстницы, идущія въ ярусахъ колокольни, темны, покрыты пылью и такъ круты, что у Ильюшки дрожатъ ноги, когда онъ наконецъ взбирается наверхъ. Уцѣпившись похолодѣвшими пальцами за перила, онъ заглядываетъ внизъ. Ухъ, какъ страшно, какъ весело и какъ необыкновенно! Домъ кажутся маленькими и совсѣмъ новыми, никогда невиданными. Подъ ногами въ воздухѣ быстро носятся, рѣзко и радостно вскрикивая, стрижи,

кверху кружатся, блестя крыльями, испуганные голуби. Вся колокольня дрожить отъ неумолчнаго звука, кричишь и самъ не слышишь своего голоса. И эти ощущенія такъ странно и прекрасно смѣшиваются, что самъ не разберешь, кто здѣсь звонитъ, кто сіяетъ и кто смѣется: голубое небо, колокола или опьяненная восторгомъ дѣтская душа.

Лежащій на диванѣ человѣкъ съ блѣднымъ старообразнымъ лицомъ слабо улыбается. Теперь онъ уже не Илья Платоновичъ Арефьевъ, гроза юныхъ стихотворцевъ, талантливый насмѣшникъ, презрительно и напряженно жгущій свою жизнь въ котлѣ общественныхъ интересовъ и нездоровыхъ страстей больного города. Онъ — дьячковскій сынъ Ильюшка, веселый, беззаботный, вертлявый уличный мальчишка, жадно глотающій всѣ впечатлѣнія своего могучаго полуживотнаго бытія. И Арефьевъ на нѣсколько минутъ испытываетъ внутри себя чувство такой свѣжести, чистоты и ясности, какъ будто чья-то невидимая рука нѣжно и заботливо стерла съ его души всю накопившуюся на ней копоть ненависти, зависти, раздраженнаго самолюбія, пресыщенія и скуки. И кажется ему вмѣстѣ съ Ильюшкой, что съ каждымъ вздохомъ въ грудь къ нему вторгается весь праздничный міръ красокъ, звуковъ и запаховъ, всегда новыхъ, всегда очаровательныхъ и бесконечно разнообразныхъ.

Но проплываютъ мимо эти чудные, солнечные дни. Тянутся другія картины, и, чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ сѣрѣе и печальнѣе, — длинная исторія незаглушенныхъ обидъ, жестокой борьбы за успѣхъ и медленнаго нравственнаго окостянѣнія. Неумолимая память вызываетъ наконецъ и тотъ далекій пасхальный вечеръ, вспоминать о которомъ такъ боится всегда Арефьевъ.

О, какъ отчетливо все это помнится. Сначала контора редакціи, гдѣ Илья Платоновичъ получаетъ гонораръ за

свой первый большой рассказъ. Редакторъ, старый, суровый и чуткій газетныхъ дѣлъ мастеръ, понялъ, должно-быть, что въ лицѣ новаго сотрудника входитъ въ газету большая, оригинальная и свѣжая сила. Онъ только-что обласкалъ Арефьева въ своемъ кабинетѣ, долго жалъ ему руку и наконецъ — неслыханная до сихъ поръ въ преданіяхъ редакціи любезность! — сказалъ дружески-фамиллярнымъ тономъ:

— Рассказъ вашъ пойдетъ завтра. Но если вамъ нужны деньги, пожалуйста, безъ стѣсненія. Если угодно, мы вамъ можемъ выдать гонораръ по корректурному листу.

Еще бы не угодно! Арефьевъ и самъ только-что соби-рался попросить «рубля три авансомъ». Тамъ, въ громад-номъ домѣ, набитомъ разной бѣднотой, чуть ли не на чердакѣ его ждутъ теперь съ замираніемъ сердца жен-щина и ребенокъ. Тамъ сидятъ въ темнотѣ, положи-тельно не на что купить керосину, тамъ продали сегодня утромъ единственный сѣрый теплый платокъ, чтобы сварить обѣдъ, тамъ квартирные хозяева, дворники, нищета и озло-бленіе. Прыгающей рукой расписывается Арефьевъ на тл-лонѣ, въ то время, какъ кассиръ, коротенькій, толстый, самоувѣренный и вѣчно недовольный старикъ съ лицомъ обиженнаго попугая, придвигаетъ къ нему пачку бума-жекъ, придавленныхъ сверху кучкой серебра.

Да, это была тяжелая пора въ жизни Ильи Платоновича, неудачная, голодная, вся сплошь состоящая изъ бѣшеннаго хватанья случайныхъ кусковъ въ родѣ уроковъ, переписки, вечернихъ занятій. Но отчего же они съ женой несли тогда такъ бодро свое каторжное бремя, безъ ропота, безъ отвратительной горечи взаимныхъ упрековъ, часто даже съ гордой, молодой, вызывающей насмѣшкой надъ судь-бой? Отчего же потомъ, когда эта судьба наконецъ ми-лостиво улыбнулась имъ, и Арефьевъ такими большими шагами пошелъ по пути извѣстности и обезпеченной, даже

комфортабельной жизни, — отчего распался и разсыпался ихъ душевный міръ, превратясь въ пустое загрязненное мѣсто? Не оттого ли, что со смертью ребенка исчезла та крѣпкая, хотя и болѣзненная связь, которая единила ихъ сердца?

Странный и печальный былъ этотъ ребенокъ. На немъ какъ будто бы цѣликомъ отразились вся нищета и убожество, среди которыхъ онъ былъ зачатъ. Начиная съ года, онъ пересталъ расти. Росла только его голова, огромная, пухлая, точно налитая какой-то блѣдной, нездоровой жидкостью; но тѣло оставалось такимъ же жалкимъ и слабымъ, а тоненькія, какъ сухія вѣточки, руки и ноги бессильно висѣли, не развиваясь и не становясь крѣпче. Хороши у него были только глаза, большіе, кроткіе и печальные, такого удивительнаго цвѣта, котораго, по выраженію Гейне, не бываетъ ни у людей ни у звѣрей, а лишь изрѣдка у цвѣтовъ. Осужденный на вѣчную неподвижность, онъ съ неестественнымъ терпѣніемъ переносилъ свои постоянныя болѣзни. Любимыми разговорами этого всегда серьезнаго, вѣчно задумчиваго мальчика были разговоры о Богѣ, объ ангелахъ, о мертвецахъ, о похоронахъ и о кладбищахъ. Онъ точно зналъ, что скоро умретъ, и никогда не улыбался.

Ахъ, какъ мучительно-подробно вспоминается Ильѣ Платоновичу этотъ пасхальный вечеръ, когда онъ вошелъ въ комнату, до того нагруженный кулками и бумажными картузами, что принужденъ былъ локтемъ открывать дверь. А сзади него дворникъ, уже задобренный и потому снисходительный, благосклонный и улыбающійся, несъ свертки, которыхъ не могъ захватить съ пролетки самъ Арефьевъ.

Какая радость была въ этотъ святой вечеръ въ маленькой каморкѣ на четвертомъ этажѣ. Разрѣзали три свѣчки на половины и зажгли всѣ шесть кусковъ—безумная рос-

кошь. На бензинкѣ (о ней раньше и мечтать не смѣли) жарились готовые отбивныя котлеты и варился настоящій «кофе мокка». На столѣ стоялъ большой куличъ и большая пасха для взрослыхъ и малюсенькіе для мальчика. Ильѣ Платоновичу не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ ходилъ передъ Гришей на четверенькахъ, представляя медвѣдя, прыгалъ лягушкой и, въ роли злой собаки, съ рычаніемъ дѣлалъ видъ, что кусаетъ теплую грудку ребенка. Онъ точно опьянѣлъ отъ непривычныхъ ощущеній сытости, тепла и довольства, а главное — отъ перваго литературнаго успѣха, всю ядовитую сладость котораго даже и представить себѣ не можетъ человѣкъ, не испытавшій его.

Даже и Гриша улыбнулся первый разъ въ своей маленькой жизни. Онъ протянулъ ручки къ картонному херувимчику, водруженному на куличѣ и парившему на одной ногѣ, и съ лицомъ, сдѣлавшимся неожиданно прекраснымъ отъ свѣтлой улыбки, прошепталъ:

— Ангелокъ! Ангелокъ!

Боже мой, гдѣ они теперь? Жену Арефьевъ видѣлъ три года тому назадъ въ Ниццѣ съ какимъ-то подагрическимъ старцемъ необыкновенно благороднаго и изношеннаго вида. А Гришу взяли къ себѣ ангелы, которымъ онъ такъ радостно улыбался...

Илья Платоновичъ, точно его подбросили, вскочилъ съ дивана. Лицо его было мокро отъ слезъ, но онъ ихъ не стыдился, потому что онѣ дали ему на нѣсколько минутъ чувство давно не испытанной, глубокой человеческой скорби, очищающей и смягчающей сердце... Пройдясь по комнатѣ, онъ заглянулъ въ окно. Попрежнему у оконъ кондитерской толпились оборванные ребятишки, топя озябшими ногами. И ему вспомнилась та злоба, съ которой онъ только-что иронизировалъ надъ «исхудалыми мальчиками» и «таинственными господами въ золотыхъ очкахъ». Но теперь уже не раздраженіе, глядя

на нихъ, почувствовалъ Арефьевъ, а тихую, нѣжную, родственную жалость.

«Всѣ мы, — подумалось ему: — такъ или иначе — бѣдныя, исхудалыя, брошенныя дѣти, и какъ ужасна должна быть жизнь, если совѣмъ потерятъ вѣру въ таинственныхъ добрыхъ незнакомцевъ!»

И встали въ его воображеніи всѣ эти безпомощныя дѣтскія фигуры, мерзнуція на чердакахъ, дрожація въ промозглыхъ подвалахъ, бѣгуція на улицахъ съ назойливымъ «Христа ради» за прохожими, эти чистыя души, которымъ озлобленные жизнью взрослые прививаютъ свои пороки, мерзость и вѣчную ложь; дѣвочки, едва научившіяся говорить и уже составляющія предметъ гнусной торговли, малолѣтніе преступники, воришки и пьяницы; наконецъ несчастные уроды, — горбатые, рахитическіе, идіоты, эпилептики, разбитые и исковерканные съ колыбели наследственными болѣзнями. И тогда въ умѣ Ильи Платоновича вдругъ явственно прозвучало величественное изреченіе Саккья-Муни, воплотившее въ себѣ человѣческую мудрость всѣхъ вѣковъ и народовъ:

«Кто осушилъ слезы на лицѣ ребенка и вызвалъ улыбку на его уста, тотъ въ сердцѣ милостиваго Будды достойнѣе человѣка, построившаго самый величественный храмъ».

Илья Платоновичъ уже второй часъ сидитъ не отходя отъ стола, и изъ-подъ его пера съ привычной быстротой бѣгутъ четкія строки. Онъ еще и самъ не знаетъ, чѣмъ окончить эту статью, озаглавленную «Улыбка ребенка», но онъ чувствуетъ, какъ сладко и жутко шевелятся у него корни волосъ на головѣ, и какъ по его спинѣ пробѣгаетъ давно позабытый ознобъ вдохновенія. И все время стоитъ предъ его глазами уродливая голова, озаренная неожиданно радостной улыбкой.

ЛЕГЕНДА.

Высокій, худой и длинноволосый человекъ, въ лицѣ котораго странно соединялась блѣдность голодной и нечистой жизни со строгой глубиной плачущаго вдохновенія, заигралъ на скрипкѣ. Это былъ торжественный, сказочный мотивъ — то жалобно-прекрасный въ верхнихъ нотахъ, то звучащій мрачной скорбью въ басахъ. И было въ немъ что-то средневѣковое, безнадежное, изысканно-слащавое, жестокое, длительное и страшное.

Меценатъ, хозяинъ дома, въ красномъ халатѣ, съ блуждающими, безумными, огромными, свѣтлыми глазами, всталъ и, притворяясь озареннымъ восторгомъ творчества, началъ импровизировать. И при этомъ разсчитанно-невѣрными, широкими, капризными движеніями рукавовъ онъ опрокидывалъ на мокрую скатерть бокалы и рюмки.

— Это было давно... — говорилъ онъ, закрывая глаза, трясая головой и поднимая подбородокъ вверхъ, и у него выходило: «этта быляя дэвно...», хотя онъ былъ русскій, изъ хорошей дворянской фамиліи, изъ правовѣдовъ.

— Это было давно!.. О, какъ давно это было! Много вѣковъ прошло... О, какъ много вѣковъ... И объ этомъ вабыли. Это было страшно давно...

Тогда вдругъ всталъ человекъ, до сихъ поръ молчавшій, почти никому не знакомый; кто-то привелъ его и

даже не позаботился назвать его фамилію. Онъ былъ плохо одѣтъ, широкоплечъ, малъ ростомъ, вульгаренъ, со смѣшной конторской прической ежикомъ.

— Позвольте мнѣ, — сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

И меценатъ, паясничая, пятясь назадъ, согнувшись въ поясницѣ, размахивая руками отъ груди къ землѣ и назадъ, отвѣтилъ клоунски-вѣжливымъ тономъ:

— О, пожж-ж-жалуйста...

— Начните сначала, — строго сказалъ вульгарный чело-вѣкъ скрипачу.

Только однимъ взглядомъ обмѣнялись они со скрипачомъ, и незнакомецъ началъ вмѣстѣ съ первыми звуками скрипки.

Это было давно. Много съ тѣхъ поръ погибло старыхъ родовъ и много разрушилось замковъ.

Тогда старый замокъ стоялъ еще на скалѣ среди озера. И знали все вокругъ, что озеро это бездонно, замокъ неприступенъ, а длинный желѣзный мостъ на огромныхъ блокахъ подымается на ночь.

Король изрѣдка писалъ письма владѣльцу замка, называлъ его кузеномъ и предлагалъ ему титулы и почести. Но гордый князь, вмѣсто благодарности, вѣшалъ королевскихъ пословъ на зубцахъ своихъ башенъ. Онъ никого не боялся. Замокъ его былъ неприступенъ, и припасовъ въ немъ всегда могло бы хватить на десять лѣтъ.

Князь былъ знатенъ, силенъ и безумно смѣлъ, хотя и было ему шестьдесятъ лѣтъ. Съ веселымъ орлинымъ крикомъ, страшный въ кровавомъ свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, мчался онъ впереди своихъ воиновъ ночью черезъ мостъ, и внизу плескались волны, и стукъ лошадиныхъ копытъ раздавался какъ плескъ. Тогда пы-

лали деревни, плакали женщины, и богатые обозы купцовъ брались какъ добыча.

Никто не знаетъ, зачѣмъ онъ женился. Развѣ мало ему было красивыхъ дочерей его вассаловъ? Развѣ не выдали бы за него любую дочь изъ богатаго древняго рода? Онъ праздновалъ дикую, кровавую свадьбу, пилъ вино, бросалъ челяди горстями брильянты и огромными, страшными, безцвѣтными глазами глядѣлъ на молодую жену. Она была дочерью скромнаго художника.

Прошелъ длинный годъ, и еще одинъ, и еще одинъ. Блѣднѣла молодая жена, страшнѣе и безсоннѣе становились глаза князя. Пылали по ночамъ деревни. И у жепцинъ, осужденныхъ на смерть, одичалые псы выгрызали внутренности.

Тысячи глазъ стерегли прекрасную женщину. Но была одна пара глазъ, которая глядѣла на нее съ нѣжной страстью и говорила ей: «Вотъ моя жизнь. Возьми, если нужно. Я люблю тебя!..»

Однажды, — такъ говорить темное преданіе, — князь возвратился съ охоты и засталъ молодого пажа, стоявшаго на колѣняхъ передъ его женой. Онъ велѣлъ вывести пажа на дворъ и въ упоръ выстрѣлилъ ему въ правый глазъ изъ арбалета.

Но жены онъ не тронулъ. Онъ собралъ свою буйную, послушную шайку, одарилъ ее золотомъ, какъ царь, и сказалъ:

— Вы всѣ свободны. Уѣзжайте.

И когда послѣдній изъ нихъ переѣхалъ на тотъ берегъ, князь своими руками поднялъ на визжащихъ блокахъ кверху желѣзный мостъ, оборвалъ цѣпь, обломалъ блокъ и заперъ тяжелыя ворота замка.

А когда послѣдніе изъ его шайки обернулись назадъ на замокъ, они увидѣли, какъ въ башнѣ, въ самомъ верхнемъ окнѣ, показался князь и какъ онъ бросилъ въ без-

донное озеро огромный желѣзный ключъ отъ воротъ зѣмка.

И проходили годы за годами. Одинокю стоялъ среди озера старый, грозный зѣмокъ. Никто не узналъ его тайны. Теперь тамъ однѣ развалины, мохъ и мусоръ, зеленя ящерицы, дикія благоуханныя каприфоліи... Чтò было съ этими людьми? Много ли длились ихъ мученія? Кто мучился больше?

Никто, никто не узналъ этой тайны. Тихо плещутся волны о каменные своды... Слышится въ этомъ плескѣ давній, страшный топотъ лошадиныхъ копытъ. Никто не узнаетъ тайны.

Тихо, тихо плещутся волны...

Оба умолкли вмѣстѣ — и скрипачъ и импровизаторъ. И среди всеобщей чуткой тишины меценатъ сказалъ, презрительно фыркнувъ:

— Все? Н-да-а. Немного, но жалостно.

САМОУБИЙСТВО.

Самоубійство, милостивые государи... это, видите ли, какъ кто смотритъ. Очень можетъ быть, что бывають такіе случаи, когда необходимо избавить міръ отъ своего гнуснаго сущестсванія. И тогда человѣкъ уходитъ спокойно, вѣжливо, никого не обременяя своими похоронами. Но бываетъ и такъ, что человѣкъ кокетничаетъ передъ смертью. Подноситъ револьверъ къ виску, къ сердцу и въ то же время глядится въ зеркало, полузакрывая глаза. И воображаетъ: какое потрясающее впечатлѣніе произведетъ онъ, когда будетъ мертвымъ!..

И бывають также случаи, что люди не разбираются между любовью и смертью и, какъ панурговы бараны, пошли скакать черезъ бортъ.

Меня часто удивляло: почему они (самоубійцы) прибѣгаютъ къ такому гнусному средству самоубійства, какъ отравленіе сѣрной кислотой, нашатыремъ, уксусной эссенціей, окисью углерода и карболкой?! Захватило горло... нечѣмъ дышать... и человѣкъ корчится шестьдесятъ часовъ подъ-рядъ, ловя воздухъ, какъ рыба, выброшенная на берегъ... Вѣшаться тоже ужасно. Петля... мыло... необходимость вышвырнуть изъ-подъ себя скамейку... пѣ-

сколько секунд изображать собою качающийся маятникъ, — конечно, я не вѣрю, что это сладкая смерть!..

Итакъ, я рѣшился прибѣгнуть къ пистолету... Правда: я не зналъ разницы между пистолетомъ и револьверомъ. Хитрыми путями, у аптекарскаго помощника Шперовича я добылъ на время револьверъ для партійныхъ цѣлей...

Тутъ я забылъ сказать, что причиною моего самоубійства было то обстоятельство, что Юленька, обѣщавъ мнѣ въ Сокольникахъ, на кругу, третью кадрили по назначенію, — вдругъ измѣнила мнѣ и танцевала эту кадрили съ акцизнымъ надзирателемъ Покорни!..

Все было готово для моей смерти... Нѣсколько разъ я заряжалъ и разряжалъ револьверъ, щелкая куркомъ... Все было въ порядкѣ: смерть приближалась ко мнѣ медленными, холодными шагами...

О, если бы вы знали, какъ мнѣ было жалко себя!.. Подумайте: молодая жизнь, красота... огонь... вдохновеніе — идутъ въ ту страну, откуда нѣтъ возврата!..

Всунувъ сальные патроны въ барабанъ этого оружія и убѣдившись въ томъ, что они не выстрѣлятъ, я сѣлъ противъ памятника Пушкина на Тверскомъ бульварѣ и сталъ обдумывать мое великое рѣшеніе...

«Пушкинъ тоже умеръ отъ пули!..» — вспомнилъ я, и мнѣ сдѣлалось легче... Мимо ходили крашенныя женщины... Зачѣмъ?.. И онѣ умрутъ когда-нибудь... но я — раньше!.. Поплакалъ. Подождавъ еще немножко, сталъ мечтать... Мечталъ о томъ, что какая-нибудь старушка, или добродѣтельный банкиръ, подойдутъ и вдругъ спросятъ:

— О чемъ вы грустите, молодой человѣкъ?..

Но, какъ всегда бываетъ въ жизни, когда тебѣ не нужны старушки и банкиры, они лѣзутъ къ тебѣ какъ мошкара, а когда нужно, — ихъ нѣтъ!.. Эта аксіома какъ пельзя лучше на мнѣ оправдалась.

Нужно ли прибавлять къ тому, что я рассказалъ, что

миѣ было въ это время восемнадцать лѣтъ?.. Великолѣпный возрастъ, когда презираешь родителей и уважаешь сверстника, у котораго уже пробиваются усы!..

Въ то время я увлекался морскимъ спортомъ, хотя никогда не видалъ моря. Я сообразилъ, что алтарь Страстного монастыря долженъ выходить на востокъ. Стало-быть — Тверская, идущая къ Триумфальнымъ воротамъ, ведетъ на сѣверъ... Я взялъ румбъ NO и, конечно, въ концѣ концовъ по этому румбу и ошвартовался въ какомъ-то грязномъ кабацкѣ, гдѣ былъ длинный коридоръ и налѣво — номера, въ родѣ стойль... Подошелъ служащій. Бѣлая рубашка, бѣлые штаны, розовый поясокъ на животѣ, и за пояскомъ кошелекъ и гребешокъ...

— Чѣмъ прикажете служить, ваше сіятельство?

Нечего говорить о томъ, что я хотѣлъ написать предсмертную записку, и поэтому сказалъ небрежно:

— Дайте перо, чернила, бумагу!..

— Что-нибудь закусить?.. — ласково спросилъ онъ, раскрывая преискурантъ:—или изъ напитковъ что прикажете?..

— Да, и изъ напитковъ... что-нибудь!..

— Коньячку-съ?.. — спросилъ онъ еще болѣе лукавымъ тономъ.

— Ну, да... хоть коньячку!..

— Четвертиночку?.. полбутылочки?.. бутылочку?.. — выпалилъ онъ московской скороговоркой...

Миѣ было все равно: вѣдь я былъ самоубійца, и поэтому отвѣтилъ свысока:

— Ахъ, бутылка... полбутылки!.. Давайте скорѣй и... и уходите!..

Но вдругъ этотъ бѣлобрысый, весь въ веснушкахъ, расторопный ярославецъ нагнулъ ко миѣ и серьезно спросилъ:

— А пистолеть?.. Собственный?.. Или отъ хозяина прикажете?..

Мерзавецъ!.. Какимъ образомъ онъ проникъ въ мои мысли, — я до сихъ поръ не понимаю!.. Я знаю только, что его звали Аонасій, и каждое утро и вечеръ, вспоминая въ молитвахъ моихъ живыхъ и усопшихъ друзей, — я шепчу, правда, въ концѣ, имя... раба Аонасія!..

Во мнѣ теперь шесть пудовъ пятнадцать фунтовъ. У меня трое дѣтей — великолѣпные ребятишки: два мальчика и одна дѣвочка (ей-Богу: хоть я и отецъ, но не покривлю душой!). Жена на-дняхъ родить, и я вѣрю, что благополучно, а мнѣ къ Пасхѣ обѣщаютъ мѣсто начальника почтово-телеграфной конторы.

Да здравствуетъ жизнь!..

ПАСХАЛЬНЫЯ ЯЙЦА.

И правда: что подѣлаешь, когда не везетъ? Приходится смириться, закрыть глаза, не дышать, спрятаться куда-нибудь въ уголь, накрыться съ головой одѣяломъ и терпѣливо ждать смерти, въ надеждѣ, что при будущемъ земномъ воплощеніи судьба, вмѣсто спины, повернется къ тебѣ лицомъ.

Мнѣ, милый мой, никогда и ни въ чемъ не везло. Есть люди, которые ставятъ пятнадцать разъ подъ рядъ на зего и, вопреки теоріи вѣроятностей, каждый разъ выигрываютъ. Есть удивительные счастливицы на уличные находки, на лотереи-аллегри и на выигрышные билеты. Существуют удачники, благополучно избѣгающіе пожаровъ, крушеній на желѣзныхъ дорогахъ, заразныхъ болѣзней, начальственнаго гнѣва, бѣшенныхъ собакъ и карманныхъ жуликовъ. Но есть и несчастные, жалкіе, позорные, смѣшные и презрѣнные пасынки жизни, которыхъ судьба съ утра до вечера, изъ года въ годъ, стучаешь и стучаешь по головѣ, какъ деревянныхъ турокъ въ музеѣ восковыхъ фигуръ. Изъ этихъ паріевъ я — померъ первый; въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Припомните изъ своего прошлаго, или по чужимъ рассказамъ, или просто вообразите себѣ любой случай, любое

положеніе, и я навѣрно приведу вамъ аналогичное обстоятельство изъ своей злосчастной жизни, при которомъ я неизмѣнно летѣлъ вверхъ тормашками, падалъ и еле-еле вставалъ съ шишкой на лбу.

Да вотъ вамъ живой примѣръ. Завтра у насъ Свѣтлое Воскресенье, и я по всѣмъ этимъ вашимъ кулечкамъ, сверточкамъ и картоночкамъ вижу, что вы несете домой праздничные подарочки: разныя тамъ яички со змѣями, составныя яички съ колечками, барашками, цвѣточками. Вижу, какъ вы цѣлый день бѣгали по магазинамъ въ толпѣ, въ давкѣ, забывъ даже объ ѣдѣ, и теперь счастливый, усталый и голодный зашли сюда, въ кабачокъ, перекусить на скорую руку. Ну, вотъ я вамъ и расскажу, какъ черезъ одно пасхальное яичко я лишился наслѣдства, родни и поддержки, и все это въ самыхъ отроческихъ годахъ. Былъ я тогда длиннымъ и нескладнымъ шестнадцатилѣтнимъ балбесомъ, котораго туряли изъ всѣхъ гимназій и изъ всѣхъ училищъ, къ большому огорченію нашей бѣдной и многочисленной семьи. Единственной нашей поддержкой былъ старикъ-дядя — человекъ холостой и богатый, черствый и самолюбивый, вспыльчивый и капризный. Несмотря на свои 70 лѣтъ, онъ былъ черенъ волосомъ, какъ навозный жукъ, и имѣлъ желтое, сжатое въ комокъ морщинъ лицо. Онъ былъ беззубый и всегда двигалъ нижней челюстью влѣво и вправо, точно задумчиво что-то пережевывалъ.

На Пасху мы неизмѣнно подносили ему подарки: стишки, написанные каллиграфически на веленовой бумажкѣ и перевязанные голубой ленточкой, вязаныя салфеточки — издѣлія моихъ сестеръ, крашенныя дѣла яйца и т. д. Дядя принималъ насъ и наши подарочки, давалъ намъ цѣловать свою коричневую маленькую ручку, похожую на мощи, одарялъ насъ маленькими золотыми монетами и отпускалъ до Рождества или до своихъ именинъ. И это

повторялось изъ года въ годъ, трижды въ годъ, почти безъ измѣненія: на Рождество, на Пасху и на его именины.

Но мнѣ посчастливилось удивить нашего дядю совсѣмъ неожиданнымъ подаркомъ.

Въ концѣ Великаго поста я проходилъ по улицѣ и въ окнѣ цвѣточного магазина увидалъ большое, съ человеческую голову величиною, яйцо. На немъ, на его бѣлой, гладкой, блестящей поверхности зелеными буквами изъ проросшаго крессъ-салата было написано: «Я былъ лысымъ».

Это плѣнило меня. Но, какъ я ни былъ глупъ и до вѣрчивъ, я все-таки нашелъ надпись немного неподходящей къ праздничному дню. Надо было войти въ магазинъ прицѣниться и условиться.

Цѣна яйцу была шестьдесятъ копеекъ. Стоило только написать водою на немъ любяя буквы и посыпать еѣ-менами крессъ-салата, какъ въ продолженіе недѣли на немъ зеленымъ цвѣтомъ выростали сладкія пасхальныя слова.

— Я бы, — сказалъ я робко: — мнѣ бы не хотѣлось... я былъ лысымъ...

— О, это пустяки... Вотъ вамъ — яйцо, которое уже посѣяно. Черезъ недѣлю ростки взойдутъ, и оно будетъ собою представлять очаровательное простое зеленое яйцо. Намъ все равно: съ надписью или безъ.

Я согласился. И понесъ яйцо домой. Въ дверяхъ нѣмецъ сказалъ мнѣ, что яйцо нужно держать непременно въ темнотѣ.

Въ воскресенье я съ робостью впервые поглядѣлъ на мой пасхальный подарокъ, спрятанный мною въ темномъ чуланѣ. Это было очаровательное, бархатное зеленое яйцо. Я положилъ его въ картонку отъ шляпы и понесъ.

Было все по порядку: стишки, вязанье, раскрашенные барашки, цѣлованье руки и такъ далѣе. Наконецъ я

раскрылъ картонку и вытащилъ мое яйцо. Вообразите себѣ, что на немъ, на зеленомъ полѣ, четкими, желто-золотыми буквами было написано: «Я былъ лысымъ!».

Богъ знаетъ, почему это получилось. Недосмотръ артельщика, ошибка садовода или моя торопливость? Вѣрнѣе всего, — моя вѣчная неудача.

Дядя вдругъ изъ свѣтло-кирпичнаго сдѣлался темно-кирпичнымъ, потомъ пунцовымъ, потомъ пурпуровымъ, затѣмъ сизымъ. И вдругъ, сдернувъ съ себя черно-синій парикъ, бросилъ его на землю и закричалъ:

— Мерзавецъ, проклинаю тебя и лишаю наслѣдства отнынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь! Вонъ!.. Идіотская на-смѣшка! Интриганы! Вонъ!..

Но я стоялъ неподвижно и въ дрожащихъ рукахъ держалъ зеленое яйцо съ яркой солнечной надписью: «Я былъ лысымъ», а напротивъ меня качалась голова съ черепомъ, голымъ и блестящимъ, какъ бильярдный шаръ.

Какъ меня вывели на улицу, я не помню.

ТРАВКА.

Ахъ, это старая исторія и, надо сказать, довольно скучная исторія.

Конечно, читателямъ незамѣтно. Читатель спокойно, какъ верблюдъ, перевариваетъ въ желудкѣ пасхальный окорокъ или рождественскаго гуся и, для перехода отъ бодрствованія къ сладкому сну, читаетъ съ верху до низу свою привычную газету до тѣхъ поръ, пока дрѣма не заведетъ ему глазъ. Ему легко.

Ничто не тревожитъ его воображенія, ничто не смущаетъ его совѣсти, никто не залѣзаетъ подъ благовиднымъ предлогомъ ему въ карманъ.

Въ газетѣ прокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ, сапожный подмастерье нашель, благодаря родимому пятнышку, своихъ родителей, мальчикъ, замерзавшій на улицѣ, отогрѣтъ попечительными руками, блудная жена вернулась домой (она исхудала и въ черномъ платьѣ) прямо въ объятія мужа (пасхальный колоколь—бумь!..), который проливаетъ слезы.

Но вы, читатели, подумали ли вы хотя разъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя испытываетъ человѣкъ, пишущій эти прекрасные добродѣтельные рассказы!..

Вѣдь, во-первыхъ, всѣ темы уже исчерпаны, пародіи на темы надоѣли, пародіи на пародіи отсылаютъ въ «Момусъ»... Подумайте: что тутъ изобрѣтешь?..

У меня есть другъ-беллетристъ, изъ среднихъ, кото-

рый не гонится ни за успѣхомъ, ни за модой, ни за деньгами...

И вотъ какъ-то на Страстной недѣлѣ, не помню: — въ среду, четвергъ или пятницу, вечеромъ, попили мы съ нимъ чайку, поговорили о томъ, о семъ, коснулись содержания сегодняшнихъ газетъ, но я уже видѣлъ, что мой пріятель чѣмъ-то удрученъ или взволнованъ.

Очень осторожно, стараясь не задѣтъ его авторскаго самолюбія, я довелъ его до того, что онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Понимаете? Можно съ ума сойти! Пріѣзжаетъ ко мнѣ редакторъ. Подумайте, самъ редакторъ! И что всего хуже — мой настоящій, хорошій другъ...

— Ради Бога, пасхальный разсказъ!

Я ему оказываю самое широкое гостепрѣимство, справляюсь о здоровьѣ его дѣтей, предсказываю его газетѣ громадную будущность, — стараюсь занять его вниманіе пустяками; понятно, цѣль моя была отвлечь его отъ настойчивыхъ просьбъ о пасхальномъ разсказѣ.

Но неизбежное — неизбежно: онъ возвращается къ тому, за чѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Ради Бога, разсказъ!

Я кротко и убѣдительно верчу пуговицу его пиджака и самымъ нѣжнымъ голосомъ говорю ему:

— Дорогой мой... милый!.. Ты самъ писатель и не хуже меня знаешь, что всѣ пасхальныя темы уже использованы.

— Хоть что-нибудь... — тянетъ онъ уныло.

— Ей-Богу, ничего!..

— Ну, хоть что-нибудь!.. Хоть на старенькую темку строкъ триста-четыреста!..

Нѣтъ, отъ него не отвязаться. Обмакиваю перо въ чернильницу и говорю сквозь сжатые зубы:

— Давай temu!

— Тему? Но это для тебя пустяки!..

— Давай хоть заглавіе!.. Помоги же, чортъ тебя по-
бери!..

— Ну, заглавіе—это пустякъ!.. Напримѣръ: «Она вер-
нулась».

— Къ чорту!..

— «Яйцо сосватало».

— Къ чорту!..

— «Весеннія иллюзіи».

— Къ чорту!..

— «Скворцы прилетѣли».

— Мимо!..

— «Когда раскрываются почки».

— Къ чорту!.. Милый мой, развѣ самъ не видишь,
что все это—опаскуженные темы. И потомъ: что это за
безвкусіе дѣлать заглавіе разсказа изъ существительнаго
и глагола? «О чемъ пѣла ласточка»... «Когда мы мерт-
вые проснемся»... А въ особенности для ходкой газеты.
Дай мнѣ простое и выразительное заглавіе изъ одного
существительнаго!..

— Изъ существительнаго?..

— Да, изъ существительнаго.

— Напримѣръ... «Чернильница»?!

— Стара штука! Исполъзовалъ Пушкинъ: «Къ моей
чернильницѣ».

— Ну, хорошо. «Лампа».

— Другъ мой, — говорю я кротко:—только очень бли-
зорукіе люди выбираютъ для примѣровъ и сравненій
предметы, стоящіе возлѣ нихъ!..

Это задѣваетъ его за живое, и онъ сыплеть, какъ изъ
мѣшка:

— «Будка», «Кипарисъ», «Пале-Рояль», «Ландышъ»,
«Чортъ въ ступѣ». Не нравится? Ну, наконецъ «Травка»?..

— Ага, «Травка»?.. Стопъ!.. Это уже нѣчто весеннее и на Пасху хорошо. Давай-ка подумаемъ серьезно о травкѣ!..

И мы думаемъ.

— Конечно, это очень пріятно, такая зелененькая, нѣжная травка... точно гимназистка приготовительнаго класса! Надо любить все: звѣрей, птицъ, растенія, въ этомъ— красота жизни! Но чортъ побери: какой сюжетъ я отсюда выдавлю?! Вѣдь всякій рассказъ долженъ быть начать, продолженъ и законченъ, а я просто говорю: травка зеленая! Вѣдь читатель пошлетъ опроверженіе въ редакцію!

У пріятелиа лицо вытягивается. Я говорю ему самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Подожди... не отчаивайся! Травокъ много, возьмемъ «Крессъ-салатъ»...

— «Крессъ-салатъ»? — повторяетъ онъ уныло, какъ деревянный попугай.

— Да, «Крессъ-салатъ»! — кричу я, уже охваченный творчествомъ, тѣмъ вдохновеніемъ, о которомъ такъ много говорятъ провинціальныя читатели. — Представь себѣ безногаго бѣдняка, который вдругъ снялъ потный валенокъ, унавозилъ его, посыпалъ землицей и бросилъ зерна... И вотъ къ Пасхѣ у него всходитъ прекрасная зеленая травка, которую онъ можетъ срѣзать и, приготовивъ подъ соусомъ, скушать послѣ пасхальной заутрени! Развѣ это не трогательно?

— Ты смѣешься надо мною! Это подло! Какъ я явлюсь къ издателю безъ твоего рассказа?

— Ну, хорошо... давай дальше! Собаки лѣчатся травками...

— Извини, пожалуйста, это уже относится къ области ветеринаріи!

— Представь себѣ вкусную душистую травку, кото-

рую ѣхать на Кавказъ въ духанахъ. Отсюда легко перейти къ Зелимъ-хану! Понимаешь? Ёсть онъ барашка съ травкой... вспоминаеть свой мирный аулъ, слезы текутъ по его щекамъ, изборожденнымъ старыми боевыми ранами... И вдругъ онъ говоритъ плѣнному полицейскому офицеру, отпуская его на волю: «Иды... кушай травкамъ... будетъ тебѣ пасхамъ!» Чего ты еще хочешь, чортъ тебя побралъ бы?! Ну, вотъ: «Олень копытомъ разбиваетъ ледъ, пока не найдетъ прошлогодней травы... бѣдные олешки!» Ну, какъ я выпутаюсь, чортъ побери, изъ этого Нарымскаго края! Нужно будетъ ввести политическаго ссыльнаго, но вѣдь цензура...

— Цензура!.. — промолвилъ редакторъ печально.

Потомъ онъ немножко помолчалъ, вздохнулъ, взялъ шляпу и сталъ уходить.

Но вдругъ онъ остановился и обернулся ко мнѣ.

— Заважничалъ... модернистъ!.. — бурчалъ онъ, открывая дверь. — По-моему, это съ твоей стороны свинство! Ты несомнѣнно издѣваешься надъ искусствомъ. Травка... травка... травка... травка!... А по-моему надо подходить къ вопросу проще...

Я догналъ его уже въ передней, когда онъ, разсерженный, совывалъ свои ноги въ калоши и надѣвалъ шляпу.

— Надо писать серьезно... — говорилъ онъ. — Конечно, я не обладаю даромъ, какъ ты, и наитіемъ... Но, если бы я писалъ, я написалъ бы просто. Помнишь, какъ мы съ тобой — тебѣ было одиннадцать лѣтъ, а мнѣ десять — какъ мы ѣли съ тобой просвирки и какіе-то маленькіе пухырушки на огородѣ дѣтской больницы?

— Конечно, помню! Дикое растеніе!

— А помнишь молочай?

— Ахъ, ну, конечно, помню! Такой сочный стебель съ бѣлымъ молокомъ.

— А свербигусъ? Или свербига, какъ мы ее называли?

— Дикая рѣдка?

— Да, дикая рѣдка!.. Но какъ она была вкусна, съ солью и хлѣбомъ!

— А помнишь : желтые цвѣты акаціи, которыми мы набивали полныя съ верхомъ фуражки и ѣли, какъ лошади овесъ изъ торбы?

— А конскій щавель?

Мы оба замолчали.

И вдругъ предъ нами ярко и живо пронеслись наша опозоренная казеннымъ учебнымъ заведеніемъ нѣжность... пансіонъ... фребелевская система... придирки классныхъ наставниковъ... взаимное шпіонство... поруганное дѣтство...

— А помнишь, — сказалъ онъ и вдругъ заплакалъ: — а помнишь зеленый, рыхлый заборъ? Если по нему провести ногтями, слѣды остаются... Возлѣ него растутъ лопухи и глухая крапива... Тамъ всегда тѣнь и сырость. И по лопухамъ ползаютъ какіе-то необыкновенно золотые или, вѣрнѣе сказать, бронзовые жуки. И красныя, съ черными пятнами коровки, которыя сплелись цѣлыми гирляндами.

— А помнишь еще : вдругъ скользнетъ лучъ, заиграетъ роса на листьяхъ?.. Какъ густо пахнетъ зеленью! Не отойдешь отъ этого московскаго забора! Точно брильянты, горять капли росы... Длинный, тонкій, бѣлый червякъ, выворачивая землю, выползаетъ наружу... Конечно, онъ прекрасенъ, потому что мы насаживали его на согнутую булавку и бросали въ уличную лужу, вѣря, что поймаетъ рыбу! Ну, скажи : развѣ можно это написать? Тогда мы глядѣли ясными, простыми глазами, и міръ довѣрчиво открывался для насъ : звѣри, птицы, цвѣты... И если мы что-нибудь любимъ и чувствуемъ, то это только жалкое отраженіе дѣтскихъ впечатлѣній.

— Такъ, стало-быть, разсказа не будетъ? — спросилъ редакторъ.

— Нѣтъ, я постараюсь что-нибудь слѣпить. А впрочемъ... Ну развѣ все то, о чемъ мы говорили, — не разсказъ? Такой въ концѣ концовъ наивный, простой и ласковый?..

Редакторъ обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Какой ты... — сказалъ онъ, но не докончилъ, глаза его увлажнились, и онъ, быстро повернувшись, ушелъ, сопровождаемый веселымъ лаемъ Сарашки и Бернара, моихъ милыхъ друзей — сень-бернарскихъ песиковъ, — которымъ теперь обоимъ по пяти мѣсяцевъ...

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГЛУХАРЬ.

— Хочу я васъ спросить, Александра Иванычъ, зачѣмъ это ты патроновъ набиваешь? Неужто за охотой пойдете? — спросилъ меня лѣсникъ Михайла, у котораго въ лѣсной сторожкѣ я прожилъ цѣлую зиму и весь Великій постъ.

— Конечно. Если вечеръ будетъ тихій и теплый, нынче же ночью и пойду.

— За глухаремъ?

— За глухаремъ.

— Буде? — съ недовѣріемъ замѣтилъ Михайла.

— Почему? Нельзя, что ли?

— А то? — рѣшительно возразилъ лѣсникъ. — Малому ребенку извѣстно, что нельзя. Какой день-то завтра?

Мы съ Михайлой очень тѣсно сжились и подружались за эту зиму. Я ему говорилъ: вы, а онъ мнѣ: то вы, то ты, судя по тому, какъ складывалась рѣчь. На охотѣ онъ бываетъ иногда нетерпѣливъ и суровъ со мною, но въ домѣ и на привалахъ занималъ подчиненное положеніе. Мы вмѣстѣ съ нимъ выслѣживали медвѣжьи берлоги, по слѣдамъ, а если медвѣдь рано залегъ, то по тѣмъ царапинамъ на деревьяхъ, которыя звѣрь дѣлаетъ, какъ отмѣтки, отправляясь на зимнюю спячку. Мы били зайцевъ, стрѣляли тетеревовъ съ подъѣзда, нагона и изъ шалашиковъ на чучела, обкладывались англійскимъ шпагатомъ съ цвѣтными тряпочками на простран-

ствѣ двухъ-трехъ десятинъ. Зимою, въ студеные кроваво-красные вечера Михайла иногда по моей просьбѣ подывалъ волковъ. Встанетъ гдѣ-нибудь на краю лѣсной прогалины, приставитъ ладони рупоромъ ко рту, подыметъ вверхъ голову. И вдругъ заляется тягучимъ, плачущимъ волчьимъ воемъ — сначала высоко-высоко, а потомъ все ниже, все плачевнѣе, кончитъ густымъ, скорбнымъ, умоляющимъ басомъ, помолчитъ секунды съ двѣ и еще унылѣе добавитъ: «у ауфъ!». Точно и вправду вздохнулъ бѣдный волкъ о своей голодной, холодной и бѣглой судьбѣ. И вотъ проходило нѣсколько мгновений, и Богъ знаетъ изъ какой дали—слѣва, справа, спереди и сзади, одинъ за другимъ заунывные волчьи голоса подхватываютъ его стонущую, лѣсную, звѣриную пѣсню.

— День-то какой, я тебя спрашиваю?—повторилъ Михайла.

— День? Благовѣщенье.

— То-то и оно-то. Въ такой день ходить за охотой не модель. Три дня есть такихъ въ году, когда ни звѣря ни птицы трогать нельзя: въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ Благовѣщенье и въ Страстную пятницу. Первое — что грѣхъ. А главное, съ человѣкомъ такое можетъ въ лѣсу случиться, что хуже самой смерти. И это истинная правда.

— Что же можетъ случиться?

— А вотъ ты и послушай. Былъ здѣсь у насъ въ Куршинскомъ лѣсничествѣ одинъ помощникъ лѣсничаго. Это еще до меня случилось, мнѣ старые лѣсники говорили. Былъ онъ человѣкъ очень молодой, ученый и къ нашему брату совсѣмъ простой. И жилъ онъ, вотъ скажемъ, какъ и ты, по мѣсяцу и по два у лѣсниковъ на кордонахъ, и все охотился. Но былъ только какой-то сурьезный и отчаянный и, надо сказать, винцомъ сильно занимался...

«Вотъ онъ какъ-то разъ ночью и пошелъ подь Благовѣщенье въ лѣсъ по глухарей. Выбрался на знакомое мѣсто и сталъ. Стоить и слушаетъ. Ночь выдалась темная, безъ вѣтра, тихо въ лѣсу было, какъ въ погребѣ. Ждалъ, ждалъ... Вотъ, думаетъ, журавли сначала затрубятъ, потомъ желна закричитъ, заяцъ загнуситъ, а тамъ и глухарь пѣсню затянетъ. И только подумалъ, какъ сверху глухарь заигралъ: «чу—чу, чу—чу, чу—чу, чу—чу...»—и зашипѣлъ, заскрежеталъ. Удивился Владимиръ Ивановичъ,—его Владимиръ Ивановичъ звали:—никогда еще не бывало, чтобы глухарь такъ рано просыпался. Однако оправился, размялся, дождался второй пѣсни и—разъ, разъ, разъ сиганулъ впередъ по болоту... Остановился, слушаетъ. Чтò за чудо? Играетъ да играетъ глухарь безъ останову, пѣсню за пѣсней, и громко такъ, на весь лѣсъ слышно. А еще ни одна птица не ворохнулась.

«Очень онъ этому удивился, Владимиръ Ивановичъ. Однако все шагаетъ впередъ. Какъ пѣтухъ второе колѣно заведетъ,—зашипитъ, стало-быть,—такъ помощникъ лѣсничаго и сиганетъ. Пробѣжалъ этакъ съ версту, чуетъ—совсѣмъ близко глухарь, а не видать. Подался еще впередъ, подался въ сторону малость—наконецъ слышитъ глухаря надъ самой своей головой, на большущей соснѣ, на голой. Ну, думаетъ, не гдѣ онъ, какъ здѣсь. Сталъ подь пѣсню вокругъ сосны бѣгать, задравши голову. Нѣтъ, не видно, а тутъ онъ. И слышитъ даже, какъ глухарь съ дерева внизъ пакостить. Всегда онъ пакостить во время тока—такое ужъ у него тогда въ кровяхъ волненіе бываетъ. Кружилъ охотничекъ такимъ манеромъ вокругъ дерева достаточно долго. Расвѣтать стало. А глухаря все не видать. Разсердился тогда Владимиръ Ивановичъ и говоритъ про себя: «Чтò за катавасія такая! Какой-то зачарованный глухарь мнѣ попался». И только

онъ это подумалъ, какъ слышитъ съ дерева голосъ: «Я зачарованный, а ты убійца и будь проклятъ».

«Испугался Владимиръ Иванычъ, поднялъ голову и видитъ—на вѣткѣ, на самомъ верху сидитъ глухарище. Ты самъ знаешь вѣдь, баринъ, какимъ глухарь себя маленькимъ показываетъ, когда онъ на деревѣ?»

— Не больше голубя, — сказалъ я.

— Вотъ, вотъ, съ голубя, не больше. А тутъ увидѣлъ охотничекъ глухаря ростомъ съ теленка. Вытянулъ глухарь впередъ шею, словно змѣя шипитъ и выговариваетъ человѣчьимъ голосомъ: «Будь ты проклятъ! Будь ты проклятъ!». Такъ до трехъ разъ. И глаза у него какъ двѣ свѣчки горять, и прямо онъ этимъ огнемъ на охотника уставился.

«Такой страхъ напалъ на Владимира Иваныча, что просто ужасъ. Сердце у него оторвалось въ грудяхъ, и пустился онъ бѣжать. И бѣжалъ, и бѣжалъ, и никакъ не могъ остановиться. И знаешь, милый баринъ—тутъ онъ отъ страха и ума рѣшился. Никакъ не могъ изъ лѣсу выбраться. Лѣсеничій ужъ наряжалъ за нимъ облаву изъ нашего стана лѣсниковъ и объѣздчиковъ, однако ничего не вышло. Слышали только, какъ по лѣсу бѣгаетъ, валежникъ трещитъ, да чучукаетъ чуднымъ голосомъ, а самого такъ и не видать.

«Видѣли его только разъ дѣвки, когда подъ Троицу березки рубили. Выскочилъ онъ на нихъ голый, мохнатый, страшный такой, зареготалъ, заржалъ и драмъ въ лѣсъ. А потомъ на Покрова нашли его въ лѣсу, въ рѣчкѣ Холменкѣ. Мужичокъ изъ Елони нашель, который лыки дралъ. Да и не его увидѣлъ, а увидѣлъ, что однѣ ноги голыя изъ рѣчки торчали. Заявилъ онъ уряднику, а тотъ становому. Ну, наѣхало начальство, стали тянуть бѣднягу изъ рѣчки, а онъ не подается. Чтò же оказалось? Руки у него завязли между корягами, а въ

рукъ, въ кулакъ ракъ большущій зажать. Значить, онъ, стало-быть, раковъ шарилъ въ рѣчкѣ-то, для пропитанія себѣ, значить. Ну и нырнулъ съ головой: нащупалъ норку-то, залѣзъ туда рукой и ухопилъ рака-то. А тутъ ему воздуха не хватило. Онъ рукой туда-сюда, глянь — нѣтъ, не выходитъ—ракъ-то ему промежь пальцевъ вцѣпился и не пушшати. Такъ и захлебнулся».

Михайла помолчалъ и прибавилъ назидательно:

— Вотъ какъ было дѣло-то, милый. А что вы за охотой пынче собираетесь, такъ ты это, Иванычъ, брось. Не дѣло.

— Пойдите же, Михайла, — опомнился наконецъ я. — Какъ же это такъ? Вѣдь вы же сами говорите, что онъ все время по лѣсу бѣгалъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Откуда же о глухарѣ-то извѣстно, какъ онъ его проклиналъ?

Но Михайла точно и не слышалъ моего вопроса. Всталъ, потянулся и пошелъ къ дверямъ, говоря на ходу:

— Пойтите мерина напоить, что ли!

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

Пахнетъ весной. Даже въ большомъ каменномъ городѣ слышится этотъ трепетный, волнующій запахъ тающаго снѣга, красныхъ древесныхъ почекъ и размякающей земли. По уличнымъ стокамъ вдоль тротуаровъ бѣгутъ коричневые стремительные ручьи, неся съ собою пухъ и щепки и отражая въ себѣ по-весеннему прозрачно-голубое небо. И гдѣ-то во дворахъ старинныхъ деревянныхъ домовъ безъ умолку поютъ очнувшіеся отъ зимы пѣтухи.

Околоточный надзиратель Ветчина пришелъ домой позднимъ вечеромъ. Всю ночь онъ провелъ въ участкѣ на ночномъ дежурствѣ, принимая пьяныхъ окровавленныхъ гулякъ, проституттокъ и воришекъ, выслушивалъ ихъ лживыя, бессмысленныя, путанныя, подлыя показанія, перемѣшанныя со слезами, божбой, криками, земными поклонами и руганью, писалъ протоколы, приказывалъ обыскивать, и нерѣдко, озлобленный этимъ непрерывнымъ пьянымъ бредомъ, удрученный бессонницей, раздраженный тѣснымъ воротникомъ мундира, онъ самъ выкрикивалъ страшнымъ голосомъ дикія угрозы и колотилъ кулакомъ по столу.

А днемъ онъ долженъ былъ еще обходить не въ очередь, въ видѣ наказанія, наложеннаго полицеймейстеромъ, свои посты и торчать въ лакированныхъ сапогахъ и бѣлыхъ перчаткахъ посерединѣ самага люднаго перекрестка.

Спать ему приходилось только урывками, минутками, не раздѣваясь, корчась на жесткомъ и узкомъ клеенчатомъ диванѣ или сидя за столомъ, опустивъ голову на сложенные руки.

Даже и теперь, хотя онъ, придя домой, переодѣлся и умылся, отъ него пахнетъ улицей, навозомъ и тѣмъ отвратительнымъ запахомъ ретираднаго мѣста, карболки и сквернаго табаку, которымъ пропитаны всѣ помѣщенія участка.

Онъ сидитъ одинъ въ маленькой столовой и вяло ѣсть невкусный разогрѣтый обѣдъ. Жены нѣтъ дома. Она отправилась сегодня къ женѣ помощника пристава, чтобы вмѣстѣ съ нею итти въ оперетку на бесплатныя мѣста. Сынъ-гимназистъ за стѣною зубритъ вслухъ французскія слова. Мысли околоточнаго текутъ скучно и тяжело. Собачья служба. Ночи безъ сна. Омерзительныя сцены въ участкѣ. Наряды на дежурство не въ очередь. Нервы, какъ разбитое фортепiano. Вѣчные приступы безпричинной злобы, отъ которой точно захлебываешься, трясешься всѣмъ тѣломъ и такъ блѣднѣешь, что чувствуешь, какъ холодѣетъ лицо и мгновенно высыхаютъ губы. Общество сторонится. Приходится вести знакомство только между своими, а тамъ вѣчный разговоръ о службѣ, о нарядахъ, о грабежахъ, о сыскной полиціи, а въ промежуткахъ — винтъ и выпивка. Жалованье — гроши. Поневолѣ берешь праздничныя или вымогаешь провизіей. Другимъ легче. У другихъ все-таки хоть въ семьѣ наладилось что-то въ родѣ уюта и спокойнаго отдыха. У Ветчины и этого нѣтъ... Жена дома ходитъ неряхой, распустехой, но для гостей и для театра шьетъ дорогія платья, поглощающія все жало-

ванье. Ни семья, ни кухня, ни служба мужа, ни ученье сына ея не интересуютъ. Придешь со службы усталый, весь разломанный, точно коночная лошадь, а жены нѣтъ дома, или она въ старомъ капотѣ валяется часами на диванѣ съ переводнымъ романомъ въ рукахъ и съ коробкой шоколада рядомъ, на стулѣ. Была она когда-то институткой, тоненькой, наивной дѣвочкой, вѣрившей, что французскія булки растутъ на деревьяхъ, и что у каждого человѣка стоятъ сзади два ангела, справа бѣлый, а слѣва черный. Теперь она растолстѣла и огрубѣла, хотя все еще красива грузной и яркой красотой тридцатипятилѣтней женщины; она перестала вѣрить въ булки и въ двухъ ангеловъ, но каждый день кричитъ мужу, что онъ испортилъ ея жизнь и теперь пусть достаетъ деньги гдѣ захочетъ и какъ захочетъ.

Испортилъ жизнь! Это еще вопросъ, кто кому испортилъ. Благодаря ея глупой, корыстной и скандальной связи съ инженеромъ, строившимъ полковныя казармы—Ветчину, по приговору общества офицеровъ, попросили уйти изъ пѣхотнаго полка, въ которомъ онъ служилъ. Куда было итти, кромѣ полиціи, если у человѣка нѣтъ ни вліятельной родни ни денегъ? И мужа она давно не любитъ. Если онъ порою разнѣжничается или попробуетъ пожаловаться на терни полицейской службы, она, не отрываясь отъ книжки, тянетъ брезгливо: «Ахъ, да оставьте вы меня, ради Бога, въ покоѣ. Минуты отъ васъ нѣтъ свободной». И, подъ предлогомъ какихъ-то вѣчныхъ женскихъ болѣзней, утомленія или того, что отъ мужа всегда пахнетъ участкомъ и конюшней, она уже давно изгнала Ветчину изъ спальни въ кабинетъ, гдѣ ему стелютъ на оттоманкѣ.

И всегда у нея увлеченія. О жизни въ полку — нечего говорить. Потомъ студентъ, Колинъ репетиторъ. Онъ, Ветчина, только хлопалъ тогда глазами, ревнуя, мучась

и самъ стараясь не вѣрять своимъ подозрѣніямъ. Теперь-то онъ хорошо знаетъ о прошломъ, потому что ту же самую игру томными глазами, тѣ же длинныя рукопожатія, тѣ же самыя первыя, вибрирующія интонаціи въ голосѣ — онъ наблюдаетъ сейчасъ между Вѣрой и помощникомъ пристава барономъ фонъ-Эссе.

Что подѣлаешь? Надо терпѣть. Фонъ-Эссе перешелъ въ полицію изъ гвардіи, теперешняя должность только для вида, черезъ годъ онъ будетъ приставомъ, а года черезъ два полицеймейстеромъ въ большомъ торговомъ университетскомъ городѣ, а тамъ, почему знать, и градоначальникомъ. Связи у него громадныя, и, конечно, онъ потянетъ за собою Ветчину. Ну что же, и будемъ терпѣть, ослѣпнемъ, оглохнемъ на время. И все это ради него, ради милаго Коленьки. Куда же пойдешь изъ полиціи? И пусть ему, Ветчинѣ, служить тяжело, оскорбительно и противно, пусть отъ ревности и злобы у него ходятъ въ глазахъ радужные круги и скрипятъ зубы. Все перетершимъ. Но зато Коля вырастетъ настоящимъ человѣкомъ, а Ветчина пробьетъ ему своимъ тѣломъ и своей душой широкую дорогу въ жизнь. Коля трудолюбивъ, замкнутъ, серьезенъ, гордъ и знаетъ цѣну деньгамъ. Безъ денегъ развѣ человѣкъ — человѣкъ? Коля будетъ докторомъ съ громадной практикой или знаменитымъ адвокатомъ, изъ тѣхъ, что загребаютъ стотысячныя куши и ѣздятъ въ собственныхъ экипажахъ. Никого нѣтъ у Ветчины, кромѣ обожаемаго Коли, — никого: ни жены, ни родни, ни дружбы, ни увлеченій, ни мелкихъ страстишекъ, и ради Коли онъ пойдетъ на все: нужно будетъ убить — убьетъ, прикажутъ истязать кого-нибудь — будетъ истязать, съ усердіемъ пойдетъ на подлость и на предательство, проглотитъ молча жгучее оскорбленіе... Онъ и Коля. Больше никого нѣтъ на свѣтѣ. Ко всему остальному живущему сердцу Ветчины ожесточилось и окаменѣло.

— Коля, иди чай пить! — кричитъ околоточный надзиратель.

Коля, волоча ноги, приходитъ съ учебникомъ. Отецъ и сынъ очень похожи другъ на друга. Оба они длинноногіе, длинноносые и угрюмые, у обоихъ худыя, бѣлыя лица въ веснушкахъ и свѣтлые, жидкіе, мягкіе волосы. Между ними — глубокая, нѣжная, но въ то же время серьезная и молчаливая привязанность.

Коля пьетъ чай и съ сухаремъ во рту рассказываетъ объ урокахъ и гимназіи. Говоритъ дѣловито и толково, какъ взрослый, голосъ у него по-мальчишески басистый съ неожиданными пѣтухами. Вечина слушаетъ и изъ хлѣбныхъ крошекъ вырисовываетъ на скатерти звѣздочки и орнаменты. Въ комнатѣ жарко отъ лампы и самовара. Въ открытую форточку тянетъ вкрадчивый, пьяный весенній воздухъ. Сердце надзирателя мякнетъ и улыбается.

— Ничего, ничего, Коляшка, потерпи, — говоритъ онъ, глядя на сына запавшими, усталыми глазами и улыбаясь печально-нѣжной улыбкой. — Потерпи немножко. Вотъ выдержишь экзамены и будешь вольный казакъ. А я къ тому времени получу двухмѣсячный отпускъ, и мы съ тобой вдвоемъ дернемъ куда-нибудь на лоно природы. Возьмемъ ружья, кодакъ, удочки и айда по способу пѣшаго хожденія.

— Не отпускай тебя, папа, — слабо возражаетъ мальчикъ.

— Ну, какъ же такъ не отпускай? Четыре года я не пользовался отпускомъ. Да мнѣ ужъ и помощникъ пристава даль слово...

— Денегъ нѣтъ свободныхъ...

— Деньги — это пустое, мой милый.

— Положимъ, у меня отъ уроковъ накопилось тридцать четыре рубля, — начинаетъ сдаваться Коля.

— Вотъ видишь! Считай еще мои наградныя на Пасху.

— Мама отниметъ...

— Ничего. Половину мы съ тобой отстоимъ. Да ты не бойся, достанемъ какъ-нибудь. Наконецъ не все же насъ судьба будетъ по теменн кокать. Можетъ-быть, въ маѣ нашъ билетъ и выиграетъ какимъ-нибудь чудомъ. Другіе же выигрываютъ? Наконецъ отчего бы мнѣ и не получить командировку въ Финляндію для изученія полицейскаго дѣла? Въ этомъ году будутъ посылать туда, и мнѣ баронъ фонъ-Эссе почти обѣщалъ это дѣло устроить.

— Ахъ, папа, въ Финляндію бы!—воскликаетъ мальчикъ, и его зеленые, маленькіе, всегда хмурые глаза расширяются и сіяютъ. — Я читалъ на-дняхъ описаніе. Какъ чудесно! Шлюзы, водопады, озера...

— А лѣса-то, лѣса какіе тамъ... Поохотимся, братъ Коля, лососину половимъ. Ты вотъ что, милый, поди-ка, принеси карту Россіи, карандашъ и бумагу. А я достану путеводитель!

И черезъ нѣсколько минутъ они сидятъ подъ лампой, колѣнами на стульяхъ, низко и тѣсно склонившись надъ картой. Весенній вѣтеръ, этотъ вѣчный другъ и соблазнитель бродягъ, цыганъ, странниковъ и путешественниковъ, врывается въ открытую форточку и своимъ свѣжимъ, прянымъ, глубокимъ дыханіемъ кружить имъ головы. Все забыто: бѣдность, униженія, тягость службы, недоброжелательство Колиныхъ товарищей, изводящихъ его службою отца и смѣшною фамиліей... Теперь обѣ души — изъѣденная жизнью, испакощенная, попранная душа полицейскаго и скрытная, уже озлобленная, засыхающая душа мальчика — раскрылись и цвѣтутъ. Путешествіе по картѣ, разукрашенное бѣдной фантазіей, такъ живо и увлекательно!

— Изъ Выборга по Сайменскому каналу, по шлюзамъ, — говоритъ Ветчина, отмѣчая путь краснымъ карандашомъ. — Потомъ Сайменское озеро. Вокругъ—погляди на

карту—все зеленое — это лѣса, лѣса. Сантъ-Михель, Куо-пио.. Оттуда по желѣзной дорогѣ до Каяны, а оттуда опять озерами и рѣкой до Улеборга. Оттуда въ Торнео пароходомъ... Граница Швеціи. Огромный портъ.. Океанскіе корабли... Дешевизна поразительная, потому что нѣтъ пошлины... Накупимъ всякой всячины... А потомъ — знаешь куда?

— Куда?—спрашивалъ Коля охрипшимъ отъ волненія голосомъ.

— Изъ Торнео мы съ тобой повернемъ на востокъ и, вотъ, видишь, Кемь? Такъ мы съ тобой до Кеми пѣшкомъ. Черезъ горы, мимо озера... Какъ его?.. не разберешь... Озеро Мансельское, между Топозеро и озеро Кунто прямо къ Бѣлому морю, къ Онежской губѣ. А оттуда въ Соловецкій монастырь, поклонимся святымъ угодникамъ Зосимъ и Савватию, затѣмъ Архангельскъ и — домой.

— Пѣшкомъ до Кеми? — переспрашиваетъ Коля и глотаетъ отъ восторга слюну. — Черезъ лѣсъ, черезъ болото? Съ ружьями?

— А что же, мы съ тобою развѣ не мужчины? Конечно, пѣшкомъ. Питаться будемъ дичью, рыбой... Тамъ, я тебѣ скажу, дичи — видимо-невидимо. Такъ и кипить!.. Хлѣбъ вотъ только... Но, знаешь, эти чухны, хоть они и сволочь и бунтуютъ тамъ чего-то постоянно, но они замѣчательно гостепріимны. Хлѣбомъ мы будемъ запасаться отъ жилья до жилья. А ночевать въ лѣсу! Подожди-ка, возьми бумагу. Сейчасъ мы съ тобой все это рассчитаемъ. Начнемъ съ чего? Начнемъ съ двухъ буроковъ — тебѣ и мнѣ. Мнѣ большую, тебѣ поменьше. Пиши. Все запишемъ. Самое необходимое и кому что нести.

Онъ диктуетъ, а мальчикъ записываетъ на аккуратно разграфленномъ листикѣ.

Предметы.	Вѣсъ.	
	Палѣ.	Млѣ.
Бурки	6 ф.	4 ф.
Непромокайки.	4 »	3 »
Бѣлье	3 »	2 »
Котелокъ варить пищу	2 »	— »
Патронташъ	2 »	1 ¹ / ₂ »
Патроновъ съ дробью и пулями	6 »	4 »
Ранцы	2 »	1 ¹ / ₂ »
Топоръ рубить сучья для костра	2 »	— »
Табакъ, спички	2 »	— »
Чай	— »	1 »
Сахаръ	2 »	— »
Мелочи, комнасъ, часы, соль и пр.	— »	1 »
Ружья	7 »	6 »
Итого	37 ф.	24 ф.

Во время составленія списка оба великодушничаютъ и любовно перекоряются. Коля хочетъ нести поклажу по ровну. Но отецъ настаиваетъ на томъ, что ему, какъ болѣе сильному и привычному, слѣдуетъ взять грузъ нѣсколько потяжелѣе. Списокъ много разъ провѣряютъ. Наконецъ кажется, что взято все необходимое. Коля рассчитываетъ циркулемъ по масштабной линейкѣ разстояніе. Отъ Торнео до озера Кунто около 350 верстъ. Считая въ день по 17 верстъ, —сущій пустякъ для привычнаго пѣшехода, — они въ двадцать дней пройдутъ это разстояніе. Озеро Кунто, длиною 120 верстъ. Его надо проплыть на парусной лодкѣ. Если считать по 10 верстъ въ часъ, то за одинъ длинный лѣтній день можно пройти все озеро въ длину. А тамъ рукой подать до рѣки Кеми...

— Только вотъ комаровъ тамъ очень много. . Бѣда, —озабоченно киваетъ головой надзиратель.

Но Коля не даромъ читалъ описаніе Финляндіи.

— Мѣстные жители, — замѣчаетъ онъ важно: — имѣють обыкновеніе защищаться отъ комариныхъ укусовъ тѣмъ, что замазываютъ глиной шею и лицо, оставляя незакрытыми только глаза и дыханіе.

— И гвоздичное масло хорошо помогаетъ, — вспоминаетъ отецъ.

— Да, и масло. А на почлегахъ мы будемъ разводить костры и жечь хвою. Душистый дымъ. Они не любятъ этого.

И обоимъ рисуется бѣлая, тихая ночь въ лѣсу. Надъ головами межъ кустовъ пахучаго можжевельника протянуты, на случай дождя, резиновые плащи, на землѣ разостланы бурки съ изголовьями изъ молодыхъ вѣтвей. Горитъ яркій костеръ, и въ котелкѣ, подвѣшенномъ на треножникѣ, булькаетъ вода, въ которой варится дикая утка или глухарь. Грезятся раннія туманные и розовыя утра на берегу никому неизвѣстной лѣсной рѣчки, плескъ большой рыбы въ озерѣ, туго натянутая лѣса удочки...

Бьетъ одиннадцать. У отца и Коли тяжелѣють и слипаются глаза, и они съ трудомъ отрываются отъ волшебнаго путешествія къ сѣвернымъ лѣсамъ. Обоихъ, несмотря на возбужденіе, томить невольная зѣвота. Прощаются они смягченные, ласковые, съ теплыми, довѣрчивыми глазами.

Поздно ночью возвращается домой Вѣра Ивановна. На цыпочкахъ проходитъ она черезъ комнату мужа и съ отвращеніемъ слышитъ его бредъ: «Вотъ такъ рыба! Десять фунтовъ!»

Отъ m-me Ветчины пахнетъ духами *Coeur de Jeanette* и шампанскимъ. Фонъ-Эссе провожалъ ее домой изъ театра. По дорогѣ они заѣхали на полчаса въ кабинетъ ресторана «Версаль» и очень весело провели время. Полураздѣтая, стоя передъ зеркаломъ, она прижимаетъ руки

къ груди, дѣлаетъ сама себѣ страстные глаза и шепчетъ : «М-мил-лый».

Коля во снѣ плаваетъ по озерамъ и пробирается сквозь лѣсныя чащи. Подымается изъ берлоги потревоженный медвѣдь. Красная пасть раскрыта, сверкнотъ страшные зубы, маленькіе глаза злобно блестятъ. Ба-ахъ!—гремитъ по лѣсу выстрѣлъ. Это Коля стрѣлялъ, и медвѣдь всей своей громадной массой падаетъ къ его ногамъ.

Крѣпко спать путешественники. Завтра ждуть ихъ всегдашніе будни: Ветчину — служба, привычное озлобленіе, ругань и брань, ежеминутное ожиданіе отъ сослуживцевъ какого-нибудь пакостнаго подвоха и — что всего хуже — преувеличенно-ласковое обращеніе и дружески-покровительственный тонъ фонъ-Эссе, а Колю — утомительная зубрежка и презрительное отчужденіе товарищескаго кружка. И только вечеромъ они съ отцомъ опять отправятся въ очаровательное странствованіе по картѣ, куда-нибудь на Кавказъ, или на Уралъ за золотомъ, или въ Сибирь за пушнымъ звѣремъ, или въ Тибетъ вмѣстѣ съ географической экспедиціей. Эти фантастическія путешествія составляютъ единственную, большую и чистую радость въ ихъ усталой, скучной, вымороченной жизни.

НА РАЗЪѢЗДѢ.

Въ вагонъ вошелъ кондукторъ, зажегъ въ фонаряхъ свѣчи и задернулъ ихъ полотняными занавѣсками. Сѣтки съ наваленными на нихъ чемоданами, узлами и шляпами, фигуры пассажировъ, которые или спали, или равномѣрно и безучастно вздрагивали, сидя на своихъ мѣстахъ, печь, стѣнки дивановъ, складки висящихъ одеждъ — все это потонуло въ длинныхъ, тяжелыхъ тѣняхъ и какъ-то странно и громоздко перепуталось.

Шаховъ нагнулся впередъ, чтобы увидѣть лицо своей сосѣдки, и тихо спросилъ:

— Чтò? Очень устали, Любовь Ивановна?

Она поняла его желаніе. Повинуясь бессознательному и тонкому инстинкту кокетства, она отдѣлила тѣло отъ спинки дивана и улыбнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ хорошо.

Лежащая противъ разговаривающихъ и покрытая сѣрымъ шотландскимъ пледомъ фигура грузно перевернулась съ боку на спину.

— Не понимаю, Люба, чтò здѣсь хорошаго?—пробурчалъ изъ-подъ пледа осиншій отъ дороги мужской голосъ.

Ни Любовь Ивановна ни Шаховъ не отвѣчали, но нѣжная улыбка, безпричинная и волнующая улыбка

первыхъ памековъ сближенія, мгновенно сбѣжала съ ихъ лицъ.

Шаховъ ѣхалъ изъ Петербурга въ Константинополь и затѣмъ въ Египетъ. Эта поѣздка была его давнишней, завѣтной мечтой, но до сихъ поръ ея исполненію мѣшали то недостатокъ времени, то недостатокъ средствъ. Теперь, продавъ небольшое имѣніе, онъ собрался въ дорогу, счастливый и безпечный, съ однимъ легкимъ чемоданомъ въ рукахъ.

И вотъ уже двое сутокъ, начиная отъ самаго Петербурга, странная прихоть судьбы сдѣлала его неразлучнымъ спутникомъ и собесѣдникомъ очаровательной женщины, которая съ каждымъ часомъ нравилась ему все больше и больше. Что-то непонятное, привлекательное и совсѣмъ не похожее на прозу обыденной жизни казалось Шахову въ этомъ быстромъ и довѣрчивомъ знакомствѣ. Ему нравилось подолгу глядѣть на ея тоненькую, изящную фигурку, на ея разбившіеся пепельные волосы, на нѣжные глаза, окруженные тѣнью усталости. Ему нравилось сквозь ритмическій грохотъ вагоновъ слушать ея мягкій голосъ, когда имъ обоимъ, благодаря шуму, приходилось близко наклоняться другъ къ другу.

Когда наступали сумерки, непонятное и привлекательное становилось совсѣмъ сказочнымъ... Милое лицо начинало то уходить вдаль, то приближаться; каждую минуту оно принимало все новыя и новыя, но знакомыя и прекрасныя черты... И, подъ размѣренные звуки летящаго поѣзда, Шахову все напѣвались звучные стихи: «Свѣтъ ночной, ночныя тѣни... тѣни безъ конца... рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица».

Иногда онъ нарочно ронялъ платокъ или спичечницу на полъ, чтобы украдкой заглянуть ближе въ ея лицо, и каждый разъ глаза его встрѣчали ея ласково остановившуюся на немъ улыбку...

Потомъ наступала ночь... Не было слышно ничего, кромѣ грохотанія поѣзда и дыханія спящихъ. Онъ уступалъ ей тогда свое мѣсто, но она отказывалась. И они садились рядомъ другъ съ другомъ, совсѣмъ близко, и разговаривали до тѣхъ поръ, пока у нея не падалъ отъ усталости голосъ. Тогда онъ съ дружески-шутливой настойчивостью уговаривалъ ее ложиться. О чемъ они разговаривали — пожалуй, оба на другой день не дали бы себѣ отчета. Такъ разговариваютъ два близкихъ друга послѣ долгой разлуки, или братъ съ сестрою... Одинъ только скажетъ два слова, чтобы выразить длинную и сложную мысль, а другой уже понялъ. И первый даже и не трудится продолжать и разжевывать дальше, — онъ уже по одной улыбкѣ видитъ, что его поняли, — а впереди есть еще столько важнаго и интереснаго, что, кажется, и времени не хватитъ все передать. Оживленный и радостный разговоръ скользитъ, извивается, капризно перебрасывается съ предмета на предметъ и все-таки не утомляетъ собесѣдниковъ.

Шахову приходилось не разъ въ жизни сталкиваться съ женщинами умными и красивыми, красивыми и глупыми, умными и некрасивыми и наконецъ съ женщинами и глупыми и некрасивыми. Но никогда еще онъ не встрѣчалъ женщины, которая такъ бы съ полуслова понимала его и такъ бы живо и умно интересовалась всѣмъ тѣмъ, чѣмъ и онъ интересовался, какъ Любовь Ивановна, которую онъ зналъ всего вторыя сутки. Только все, что у него было заносчиво, рѣзко и горячо — у нея облекалось въ какую-то неуловимо-милую и нѣжную до-вѣрчивость, соединенную съ изящной простотой. И лицомъ ея, немного блѣднымъ и утомленнымъ, онъ не уставалъ любоваться во все время дороги.

Шаховъ съ непривычки не умѣлъ спать въ вагонѣ. Нѣсколько разъ ночью проходилъ онъ мимо того дивана,

на которомъ спала Любовь Ивановна. И каждыи разъ— впрочемъ, можетъ-быть, онъ и ошибался — ему казалось, что она слѣдитъ за нимъ своими ласкающими глазами.

Утромъ они встрѣчались. Слѣды сна, которые такъ непріятно измѣняютъ самыя хорошенькія лица, совсѣмъ не портили ся лица. Къ ней все шло — и развѣсившіяся волосы, и разстегнувшаяся пуговица воротника лифа, позволявшая видѣть прекрасныя очертанія шеи, и томный, ослабѣвшій взглядъ. Въ продолженіе дня ему правилось оказывать ей разныя мелкія услуги при пересадкахъ и во время обѣдовъ и ужиновъ на станціяхъ. Еще больше ему нравилось то, что она принимала его услуги безъ ломанья и безъ приторнаго избытка благодарностей. Она видѣла, что такая внимательность съ его стороны къ ней доставляетъ ему удовольствіе, — и это было ей пріятно.

Зато всю прелесть этого быстрого сближенія портиль господинъ Яворскій — мужъ Любви Ивановны. Трудно было придумать болѣе типичную бюрократическую физиономію: выбритый жирный подбородокъ, окаймленный круглыми баками, желтый цвѣтъ лица, снабженнаго всякими опухолями, складками и обвислостями, стеклянноподвижные глаза... Господинъ Яворскій не умѣлъ и не могъ ни о чемъ говорить, кромѣ своей персоны. И темъ у него было только двѣ: петербургскія сплетни въ сферѣ чиновничьяго міра и собственные ревматизмы и геморои, которые онъ ѣхалъ теперь купать въ одесскихъ лиманахъ. Болѣзни служили особенно излюбленнымъ предметомъ разговора. О нихъ онъ говорилъ съ видимою любовью, громко, подробно и невыносимо-скучно, говорилъ со всякимъ желающимъ и нежелающимъ слушать, говорилъ такъ, какъ умѣютъ говорить только самыя черствые себялюбцы.

Съ женой онъ обращался то язвительно-нѣжно. на вы,

то умышленно-деспотично. Она, по лѣтамъ, годилась ему въ дочери, и Шахову казалось, что мужъ на нее смотритъ, какъ на благопріобрѣтенную собственность. Онъ заставлялъ ее покрывать ему ноги пледомъ, брюзжалъ на нее съ утра до вечера, карикатурно и отвратительно-злбно передразнивалъ почти каждую изъ ея робкихъ, обращенныхъ къ нему фразъ. Встрѣчая въ этихъ случаяхъ взглядъ молодого художника, Яворскій глядѣлъ на него такъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «да, да, вотъ и погляди, какъ у меня жена выдрессирована; и всегда будетъ такъ, потому что она моя собственная жена».

— Я васъ вторично спрашиваю, Любовь Ивановна: угодно ли вамъ будетъ почтить меня своимъ милостивымъ отвѣтомъ? — спросилъ язвительно Яворскій и приподнялся на локтѣ. — Чтò вы, именно, находите хорошимъ?

Она отвернулась къ окну и молчала.

— Ну-съ?—продолжалъ Яворскій, выдержавъ паузу.— Или вы находите, что другимъ ваши замѣчанія могутъ быть интереснѣе, чѣмъ вашему мужу? Чтò-съ?

— Любовь Ивановна сказала мнѣ, что ей удобно сидѣть, — вмѣшался Шаховъ.

— Хе-хе-хе... очень вамъ благодаренъ за разъясненіе-съ, — обратился Яворскій къ художнику. — Но мнѣ все-таки желательнѣе было бы лично выслушать отвѣтъ изъ устъ супруги-съ.

Любовь Ивановна нетерпѣливо и нервно хрустнула сложенными вмѣстѣ пальцами.

— Я не знаю, Александръ Андреевичъ, почему это васъ такъ заняло, — сказала она сдержаннымъ тономъ. — Monsieur Шаховъ спросилъ меня, удобно ли мнѣ, и я отвѣчала, что мнѣ хорошо. Вотъ и все.

Яворскій приподнялся совсѣмъ и сѣлъ на диванъ.

— Нѣтъ, не все-съ. Во-первыхъ, Люба, я просилъ тебя не называть меня никогда Александромъ Андреевичемъ. Это — вульгарно. Такъ зовутъ только кучкиих своихъ мужей. Я думаю, тебѣ не трудно называть меня Саншей, или просто Александромъ. Я думаю, что господину художнику отнюдь не покажется страннымъ то обстоятельство, что жена называетъ своего мужа уменьшительнымъ именемъ. Не правда ли, господинъ художникъ? А во-вторыхъ, супружество, налагая извѣстныя обязанности на мужа и жену, требуетъ съ обѣихъ сторонъ взаимной внимательности. И потому...

И онъ долго и растянуто говорилъ объ обязанностяхъ хорошей жены. Любовь Ивановна сидѣла, низко опустивъ голову. Шаховъ молчалъ. Наконецъ Яворекій утомился, прилегъ и продолжалъ лежа свои разглагольствованія. Потомъ онъ совсѣмъ замолчалъ, и векорѣ послышалось изъ-подъ пледа его всхрапываніе.

Послѣ долгаго молчанія Шаховъ первый началъ разговоръ.

— Любовь Ивановна, — сказалъ онъ, соразмѣряя свой голосъ такъ, чтобы онъ не былъ за стучкомъ колесъ слышенъ: — мы съ вами такъ о многомъ говорили... Почему же... Я боюсь, впрочемъ, показаться нескромнымъ и, можетъ-быть, даже назойливымъ...

Она сразу схватила то, что онъ хотѣлъ сказать.

— О, нѣтъ, нѣтъ, — живо возразила она. — Это ничего, что наше знакомство слишкомъ коротко... Знаете... знаете...—Она запнулась и искала слова:—Хоть это и странно, можетъ-быть, да вѣдь и все у насъ съ вами какъ-то странно складывается... Но мнѣ кажется, что я вамъ все бы, все могла рассказать, что у меня на душѣ и что со мной было. Такъ бы прямо, безъ утайки, какъ своему...—Она остановилась и, сконфузившись своего мгновеннаго порыва, не договорила слова «брату».

Шахова эта вспышка довѣрчивости и тронула и ужасно обрадовала.

— Вотъ, вотъ, я объ этомъ и хотѣлъ сказать, — торопливымъ шопотомъ заговорилъ онъ. — Ахъ, какъ хорошо, что вы такъ сразу меня поняли. Расскажите мнѣ о себѣ побольше... только, чтобы вамъ самой это не было больно... Вѣдь какъ много мы съ вами переговорили, а я до сихъ поръ ничего о вашей жизни не знаю... Только не стыдитесь... И завтра не стыдитесь... Можетъ-быть, мы и развѣдемся черезъ четверть часа и не встрѣтимся никогда больше, но все-таки это будетъ хорошо.

— Да, да... Это — хорошо... И — правда? — какъ-то смѣло... ново... однимъ словомъ, хорошо! Да?

— Оригинально?

— Ахъ, нѣтъ. Не то, не то! Оригинально — это въ романахъ, это придуманное... А здѣсь что-то свѣжее... Ничего такого больше не повторится, я знаю... И всегда будешь вспоминать. Правда?

— Да. А вамъ никогда не приходила въ голову мысль, что самыя щекотливыя вещи легче всего повѣрять...

— Тому, съ кѣмъ только-что встрѣтишься?

— Да, да... Потому что съ близкимъ знакомымъ уже есть свои прежнія отношенія. Такъ по нимъ все и будетъ мѣряться... Но мы съ вами отклоняемся. Пожалуйста, и не дойдемъ до того, о чемъ стали говорить. Рассказывайте же о себѣ.

— Хорошо... Но я затрудняюсь только начать... И кромѣ того я боюсь, чтобы не вышло по-книжному.

— Ничего, ничего. Рассказывайте, какъ знаете. Ну, начинайте хоть съ дѣтства. Гдѣ учились? Какъ учились? Какія были подружки? Какіе планы строили? Какъ шалили?

Въ это время поѣздъ съ оглушительнымъ грохотомъ

промчался по мосту. Мимо оконъ быстро замелькали бѣлыя желѣзныя полосы мостового переплета. Когда грохотъ смѣнился прежнимъ однообразнымъ шумомъ, Яворскій вдругъ сразу пересталъ храпѣть, перевернулся, поправилъ подъ головой подушку, и что-то произнесъ. Шахову послышалось не то: «чортъ побери», не то: «спать только мѣшаютъ!». Любовь Ивановна и Шаховъ замолчали и съ возбужденно-нетерпѣливымъ ожиданіемъ глядѣли на спину Яворскаго. Въ этомъ молчаніи оба чувствовали что-то неловкое и въ то же время сближающее.

— Ну, говорите, говорите, — шепнулъ наконецъ Шаховъ, убѣдившись, что Яворскій опять заснулъ.

Она рассказывала сначала неувѣренно, запинаясь и прибѣгая къ искусственнымъ оборотамъ. Шаховъ долженъ былъ ей помогать наводящими вопросами. Но постепенно она увлеклась своими воспоминаніями. Она сама не замѣчала, какъ ея душа, до сихъ поръ лишенная ласки и вниманія, точно комнатный цвѣтокъ — солнца, радостно распускалась теперь навстрѣчу теплымъ лучамъ его участія къ ней. Языкъ у нея былъ своеобразно-мѣткій, порой съ наивными институтскими оборотами.

Любовь Ивановна не помнила ни отца ни матери. Трюродной теткѣ какъ-то удалось помѣстить ее въ институтъ. Время ученія было для нея единственнымъ свѣтлымъ временемъ въ жизни. Несчастье ждало ее въ послѣднемъ классѣ. Та же тетка, совсѣмъ забывшая Любу въ институтѣ, однажды взяла ее въ отпускъ и познакомила съ надворнымъ совѣтникомъ Александромъ Андреевичемъ Яворскимъ. Съ тѣхъ поръ надворный совѣтникъ аккуратно каждое воскресенье подъ именемъ дяди появлялся въ пріемной залѣ института съ пирожками отъ Филипова и конфетами отъ Транже. Любовь Ивановна, безопасно смѣясь вмѣстѣ съ подругами надъ

дядей, такъ же безопасно поѣдала дянины конфеты, не придавая имъ особенно глубокаго смысла.

Бѣдная институтка, конечно, не могла и подозрѣвать, что Александръ Андреевичъ давно уже взвѣсилъ и рассчиталъ свои на нее виды. Въ минуту откровенности, сладострастно подмигивая глазкомъ, онъ уже не разъ говорилъ друзьямъ о невѣстѣ: «Дураки только, — говорилъ онъ: — женятся рано и чортъ знаетъ на комъ. Вотъ я, напримѣръ. Женюсь, слава Богу, въ чинахъ и при капиталѣ-съ. Да и невѣста-то у меня будетъ прямо изъ гнѣздышка... еще тепленькая-съ... Изъ такой — что хочешь, то и лѣпишь. Все равно, какъ воскъ».

— Да и наивная я ужъ очень была въ то время, — рассказывала Любовь Ивановна. — Когда онъ былъ женихомъ, мнѣ, пожалуй, и нравилось. Букеты... брошки... брильянты... приданое... тонкое бѣлье... Только когда къ вѣнцу повезли, я тутъ все и поняла. Плакала я, упрашивала тетку разстроить бракъ, руки у нея цѣловала... не помогло... А Александръ Андреевичъ нашелъ даже, что слезы ко мнѣ идутъ. Съ тѣхъ поръ я такъ и живу, какъ видите, четыре года...

— Дѣтей у васъ, конечно, нѣтъ? — спросилъ Шаховъ.

— Нѣтъ. Ахъ, если бы были! Все-таки я знала бы, для чего вся эта беземыслица творится. Къ нимъ бы привязалась. А теперь у меня, кромѣ книгъ, и утѣшенія никакого нѣтъ...

Она среди разговора не замѣтила, какъ поѣздъ замедлялъ ходъ. Сквозь запотѣвшія стекла показалась ярко освѣщенная станція. Поѣздъ сталъ.

Разбуженный тишиною Яворскій проснулся и быстро сѣлъ на диванъ. Онъ долго протиралъ глаза и скребъ затылокъ и наконецъ недовольно уставился на жену.

— Ложись спать, Люба, — сказалъ онъ отрывисто и

хрипло. — Чортъ знаетъ, что такое! И о чемъ это, я не понимаю, цѣлую ночь разговаривать? Все равно путнаго ничего нѣтъ. — Яворскій опять почесался и покосился на Шахова. — Ложись вотъ на мое мѣсто, а я сидѣть буду.

Онъ приподнялся.

— Нѣтъ, нѣтъ, Саша, я все равно не могу заснуть. Лежи, пожалуйста, — возразила Любовь Ивановна.

Яворскій вдругъ грубо схватилъ ее за руку.

— А я тебѣ говорю — ложись, и, стало-быть, ты должна лечь! — закричалъ онъ озлобленно и выкатывая глаза. — Я не позволю, чортъ возьми, чтобы моя жена третью ночь по какимъ-то уголкамъ шепталась... Здѣсь не номера, чортъ возьми! Ложись же... Этого себѣ порядочный человѣкъ не позволить, чтобы развращать замужнюю женщину. Ложись!

Онъ съ силой дернулъ кверху руку Любви Ивановны и толкнулъ при этомъ локтемъ Шахова. Художникъ вспыхнулъ и вскочилъ съ мѣста.

— Послушайте! — воскликнулъ онъ гнѣвно: — я не знаю, что вы называете порядочностью, но, по-моему, насиліе надъ...

Но ему не дала договорить Любовь Ивановна. Испуганная, дрожащая, она бессознательно положила ему руку на плечо и умоляюще шептала:

— Ради Бога! Ради Бога...

Шаховъ стиснулъ зубы и молча вышелъ на платформу. Ночь была теплая и мягко-влажная. Вѣтеръ дулъ прямо въ лицо. Пахло сажей. Видно было, какъ изъ трубы паровоза, точно гигантскіе клубы ваты, валилъ дымъ и неподвижно застывалъ въ воздухѣ. Ближе къ паровозу эти клубы, вспыхивая, окрашивались яркимъ пурпуромъ и чѣмъ дальше, тѣмъ мерцали все болѣе и болѣе слабыми тонами.

Шаховъ задумался. Его попеременно волновали: то жалость и нѣжность къ Любови Ивановнѣ, то гнѣвъ противъ ея мужа. Ему было невыразимо грустно при мысли, что черезъ два-три часа онъ долженъ ѣхать въ сторону, и уже никогда больше не возобновится встрѣча съ этой очаровательной женщиной... Что съ ней будетъ? Чѣмъ она удовлетворится? Найдется ли у нея какой-нибудь исходъ? Покорится ли она своей участи полу-рабы, полу-наложницы, или, — объ этомъ Шаховъ боялся и думать, — или она дойдетъ наконецъ до униженія адюльтера подъ самымъ носомъ ревниваго мужа?

Шаховъ и не замѣтилъ, какъ простоялъ около полу-часа на платформѣ. Опять замелькали огни большой станціи. Поѣздъ застучалъ на стыкахъ поворотовъ и остановился. «Станція Бирзула. Поѣздъ стоитъ часъ и десять минутъ», — прокричалъ кондукторъ, проходя вдоль вагоновъ. Шаховъ машинально засмотрѣлся на вокзальную суету и вздрогнулъ, когда услышалъ сзади себя произнесеннымъ свое имя.

— Леонидъ Павловичъ!

Онъ обернулся. Это была Любовь Ивановна.

Инстинктивно онъ протянулъ ей руки. Она отдала ему свои и отвѣчала на его пожатіе долгимъ пожатіемъ, глядя молча ему въ глаза.

— Леонидъ Павловичъ, — быстро и взволнованно заговорила она. — Только десять минутъ свободныхъ. Мнѣ бы хотѣлось... Только, ради Бога, не откажите... Мнѣ давно... никогда не было такъ хорошо, какъ съ вами... Можетъ-быть, мы больше не увидимся... Такъ я хотѣла васъ просить взять на память... Это мое самое любимое кольцо... и главное — собственное... Пожалуйста!..

И она, торопясь и конфузясь, сняла съ пальца маленькое колечко съ чернымъ жемчугомъ, осыпаннымъ бриллиантами.

— Дорогая моя Любовь Ивановна, какъ все въ васъ хорошо!—воскликнулъ Шаховъ. Онъ былъ растроганъ и чувствовалъ, что слезы щиплютъ ему глаза. — Дорогая моя, зачѣмъ мы съ вами такъ случайно встрѣтились? Боже мой! Какъ судьба иногда зло распоряжается! Я не клянусь; вѣдь вы знаете, что мы никогда другъ другу не солгали бы. Но я ни разу, ни разу еще въ моей жизни не встрѣчалъ такого чуднаго существа, какъ вы. И главное, мы съ вами какъ будто нарочно другъ для друга созданы... Простите, я, можетъ-быть, говорю глупости, но я такъ взволнованъ, — такъ счастливъ и... такъ несчастливъ въ то же время. Бываетъ, что два человѣка, какъ двѣ половины одной вазы... Вѣдь сколько половинокъ этихъ на свѣтѣ, а только двѣ сойдутся. Благодарю васъ за кольцо. Я, конечно, его беру; хотя и такъ я всегда бы васъ помнилъ... Только, Боже мой, зачѣмъ не раньше мы съ вами встрѣтились!

И онъ держалъ въ своихъ рукахъ и нѣжно сжималъ ея руки.

— Да, — сказала она, улыбаясь глазами, полными слезъ: — судьба иногда нарочно смѣется. Смотрите: стоятъ два поѣзда. Встрѣтились они и разойдутся, а изъ оконъ два человѣка другъ на друга смотрятъ и глазами провожаютъ, пока не скроются изъ виду. А можетъ-быть... эти два человѣка... такое бы счастье дали другъ другу... такое счастье...

Она замолчала, потому что боялась разрыдаться.

— Второй звонокъ! Бирзула-Жмеринка! Поѣздъ стоитъ на второмъ пути-и! — закричалъ въ залѣ I класса протяжный голосъ.

Внезапно дерзкая мысль осѣнила Шахова.

— Любовь Ивановна! Люба! — сказалъ онъ, задыхаясь. — Садимся сейчасъ на этотъ поѣздъ и обратно. Ради Бога, милая. Вѣдь цѣлая жизнь счастья. Люба!

Нѣсколько секундъ она молчала, низко опустивъ голову. Но вдругъ подняла на него глаза и отвѣтила:

— Я согласна.

Въ одно мгновеніе Шаховъ уже былъ на полотнѣ и на рукахъ бережно переносилъ Любовь Ивановну на платформу другого поѣзда.

Раздался третій звонокъ.

— Кондукторъ! — торопливо крикнулъ Шаховъ, сбѣгая по ступенькамъ съ платформы: — вотъ въ этомъ вагонѣ съ той стороны сидитъ господинъ... Полный, въ бакенбардахъ, въ фуражкѣ съ бархатнымъ чернымъ околышемъ. Скажите ему, что барыня съѣла и уѣхала благополучно съ художникомъ. Возьмите себѣ на чай.

Свистокъ на станціи. Свистокъ на паровозѣ. Поѣздъ тронулся.

На платформѣ никого не было, кромѣ Шахова и Любви Ивановны.

— Люба, навсегда? На всю жизнь? — спросилъ Шаховъ, обвивая рукой ее талию.

Она не сказала ни слова и спрятала свое лицо у него на груди.

ВЪ КРЫМУ.

(Меджидь).

I.

На краю пригородной деревни Аутки, тамъ, гдѣ свѣтлый горный ручеекъ, заключенный въ свинцовую трубку, льется цѣлый день серебряной переливчатой дугой и сладко плещется въ каменномъ столѣтнемъ водоемѣ, подѣ прохладной тѣнью столѣтняго орѣха, тамъ молодой ялтинскій проводникъ Меджидь моетъ по утрамъ трехъ лошадей: двухъ собственныхъ сѣрыхъ жеребцовъ — Красавчика и Букета, и стараго вороного коня, взятаго имъ на прокатъ, на сезонное время, изъ горъ.

Наканунѣ Меджидь съ другимъ проводникомъ Асаномъ провожалъ большую кавалькаду на хребетъ Яйлы. Вернулся онъ домой далеко за полночь, и когда вываживалъ мокрыхъ, холодныхъ отъ пота лошадей по тихой и звучной улицѣ, голубой въ мѣсячномъ свѣтѣ, то шатался отъ сна и усталости. Не раздѣваясь, легъ онъ на коврѣ въ кунацкой и, какъ ему показалось, только на секунду закрылъ глаза, а когда открылъ ихъ, то былъ уже синій и золотой день, сверкавшій зелеными улыбками.

Татарская дѣвушка мыла бѣлье въ прозрачной лужѣ, въ которую по наружнымъ стѣнкамъ стекала вода изъ переполненнаго бассейна. Положивъ на дощечку разно-

цвѣтныя тряпки, она съ безсознательной граціей переступала по нимъ босыми маленькими ступнями, и въ тактъ съ движеніями ея гибкаго тонкаго тѣла покачивались у нея на спинѣ двѣ жесткія черныя косы, падавшія внизъ изъ-подъ круглой бархатной шапочки, расшитой золотыми блестками. Тѣневые пятна и солнечные кружки тихо скользили взадъ и впередъ, вкось, по ея блѣдно-смуглому лицу съ прекрасными дѣтскими глазами, а длинное темное платье, слегка зажатое между колѣнями, лучилось кверху красивыми складками. Обмѣнявшись съ Меджидомъ быстрымъ «селямомъ», она тотчасъ же уступила ему и его лошади мѣсто у фонтана: мужской трудъ — священное дѣло.

Свѣтло-сѣрый, почти бѣлый, пожилой Красавчикъ съ особеннымъ удовольствіемъ спокойно мочилъ въ прохладной водѣ лужицы свои высокія, стаканчиками, копыта, натруженные вчера мелкимъ камнемъ горячаго шоссе. Нагнувъ внизъ шею и вытянувъ впередъ нѣжную бѣлую голову съ черными, ласково-суженными глазами, онъ тянулся голымъ розовымъ храпомъ къ водѣ и коротко взмахивалъ хвостомъ каждый разъ, когда Меджидъ оплескивалъ его изъ ведра; сѣрый, видный, въ темныхъ яблокахъ на крупѣ, пятилѣтній Букетъ игралъ на мѣстѣ, разбрызгивая вокругъ себя воду, отчего Меджидъ притворно грубо бранился и рукавомъ куртки вытиралъ брызги со своего лица. На вороного коня Меджидъ мало тратилъ заботъ: это была настоящая неприхотливая горная лошадка съ желѣзными погами, привыкшая съ грузомъ угля или дровъ по обѣимъ сторонамъ сѣдла спускаться съ Яйлы и подыматься вверхъ по тропинкамъ, почти недоступнымъ для средней руки пѣшеходовъ. Меджидъ только облилъ его два-три раза водою и звонко шлепнулъ по узкому, высокому, костистому, заблестѣвшему заду. И вороной велѣдъ за двумя другими лошадками, не

торопясь, солидной рысцой потрясая въ темную, холодную конюшню, плоская крыша которой была почти вровень съ поверхностью земли, и спускаться куда приходилось по довольно крутой наклонной плоскости.

У вороного коня вовсе не было имени. Да и Красавчика съ Букетомъ Меджидъ назвалъ такъ пышно и невыразительно лишь въ угоду курортнымъ дамамъ, которыя неизбѣжно, прежде чѣмъ сѣсть на жеребца, выносили ему, чтобы его задобрить, кусочекъ хлѣба или сахару, трепали его боязливо по шеѣ, цѣловали между ноздрей, точно этотъ поцѣлуй могъ ему доставить какое-нибудь удовольствіе, и спрашивали нѣжно: — «Меджидъ, а какъ его зовутъ?»

Стройная, тонкая дѣвушка, изящно поддерживая рукой на головѣ дощечку съ бѣльемъ, слѣдила за проводникомъ изъ-за забора своими пугливыми восточными глазами. Она была уже съ трехъ лѣтъ его невѣстой, и родители ихъ дожидались, пока онъ не скопитъ достаточно денегъ для свадьбы. Но Меджидъ не торопился. Веселая, хвастливая, легкая жизнь проводника казалась ему сладкимъ праздникомъ, которому не будетъ конца.

Онъ самъ засыпалъ лошадямъ овса — вороному поменьше, — велѣлъ матери починить ремень отъ уздечки и ушелъ поспѣшно, чтобы захватить линейку, которая черезъ каждыя четверть часа ходила изъ Аутки внизъ на набережную.

Она только-что отошла, но Меджидъ легко догналъ ее и впрыгнулъ на ходу. Привычно веселило его утреннее чувство легкости, ловкости и молодости собственного тѣла. Усѣвшись, онъ побѣдоносно осмотрѣлся налѣво и направо на сосѣдей и, запрокинувъ голову, обернулся назадъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ старый татаринъ въ чадмѣ съ кофейнаго цвѣта лицомъ, высокимъ выпуклымъ лбомъ и сѣдой бородою. Меджидъ быстро заговорилъ съ нимъ

по-татарски, скаля радостно бѣлые крѣпкіе зубы и сіяя черными счастливыми глазами

II.

На набережной, около часовни, было у проводниковъ нѣчто въ родѣ биржи. Тамъ они расхаживали по утрамъ вдоль каменнаго парапета, облакачивались на его перила въ красивыхъ, рассчитанно-небрежныхъ позахъ, или сидѣли на скамейкахъ, развалившись, выставивъ картинно впередъ свои мускулистыя ноги съ упругими выпуклыми ляжками. Болѣе пожилые и бѣдные изъ нихъ были одѣты въ традиціонный татарскій костюмъ, состоящій изъ широкой рубашки — бѣлой съ чуть желтоватымъ оттѣнкомъ заправленной въ широкія шаровары, перетянутыя гораздо выше талии серебрянымъ ремнемъ. У молодыхъ же въ этомъ году господствовала новая мода, введенная впервые Меметомъ, первымъ красавцемъ сезона, — синяя тѣсная, короткая куртка изъ діагональнаго сукна, такія же рейтузы въ обтяжку и тонкіе лакированные сапоги. Такая одежда не скрывала ни одной линіи тѣла, а, наоборотъ, подчеркивала высоту груди, гибкость спины, тонкость талии и стройность длинныхъ ногъ. Но, независимо отъ лѣтъ и богатства, каждый проводникъ носилъ на головѣ круглую, невысокую барашковую шапочку, а въ рукѣ символъ проводническаго званія — хлысть.

Это была настоящая живая выставка мужской красоты и молодости: прекрасныя фігуры, матовая смуглость кожи, безукоризненно правильныя очертанія бровей, носовъ и губъ, холеные черные усы и вьющіеся изъ-подъ сбитыхъ на бокъ шапокъ, черные изсиня волосы, чудесные зубы, миндалевидные, темные, горячіе южные глаза и гордыя прямыя шеи. Южный берегъ Крыма выслалъ сюда самые лучшіе племенные образцы своей человѣче-

ской породы, происшедшей отъ необычайно счастливаго смѣшенія кровей: гемуэзской, греческой и татарской.

Каждый день, проходя по набережной, толстыя, пестро одѣтыя московскія купчихи-кутилки и наглыя петербургскія кокотки въ рыжихъ искусственныхъ локонахъ, со щеками, свинцовыми отъ пудры, разглядывали проводниковъ сквозь лорнеты на длинныхъ ручкахъ, не торопясь, дѣловито и безстыдно, какъ разглядываютъ опытные обжоры вкусный товаръ, разложенный за стекломъ гастрономическаго магазина.

И молодые красавцы настойчиво выдерживали ихъ взглядъ, выпрямляя спины, дѣлая внезапно серьезные, неподвижные глаза, мутные и обезсмысленные, точно отъ страстнаго желанія. Иные насвистывали въ эту минуту сквозь зубы съ какимъ-то многозначительнымъ выраженіемъ и щурили глаза, и покачивали головой, и выстукивали хлыстомъ тактъ мотива по лакированному голенищу. Другіе, идя близко за плечомъ дамы, предлагали лошадей для экскурсій, но предлагали такъ таинственно, вполголоса, съ зазывающей интонаціей, точно дѣло шло о какомъ-то запретномъ, соблазнительномъ, но неприличномъ предпріятіи.

Кумиромъ, недосыгаемымъ образцомъ былъ для Меджида проводникъ Меметь, и ему Меджидъ невольно старался подражать во всѣхъ внѣшнихъ мелочахъ, въ одеждѣ, походкѣ и манерахъ. Все, что касалось Мемета, было полно для Меджида героическимъ восхищеніемъ: и то, что онъ считался чрезвычайно образованнымъ, почти ученымъ человекомъ, такъ какъ окончилъ четыре класса симферопольской гимназіи, и то, что онъ носилъ отличное крахмаленное бѣлье и множество брелочковъ и перстней, и то, что за нимъ уже бѣжала слава, въ видѣ исторіи и легенды. Изъ-за Мемета подрались около морскаго музея двѣ дамы — одна харьковская, другая москвичка, и

обѣ купчихи; третью даму, жену извѣстнаго коллекціонера картинъ, Меметь самъ, разыгрывая однажды сцену ревности и увлекшись, какъ хорошій артистъ игрой, избилъ хлыстомъ въ то время, когда она ѣхала въ шарабанѣ съ другимъ проводникомъ; съ четвертой онъ взялъ двѣ тысячи на излѣченіе какой-то тайной болѣзни, а пятая купила его сестрѣ, выходявшей замужъ, землю съ домомъ, а кстати и Мемету подарила пару чудесныхъ лошадей золотой масти «Изабелла» и щегольской соломенной фаэтонъ съ ацетиленовыми фонарями.

Меметь былъ глубоко начитанный человѣкъ. Однажды онъ даже прочиталъ цѣликомъ, съ начала до конца—и это была истинная правда — «Героя нашего времени». Этотъ романъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ нерѣдко, прислонившись къ фонарному столбу на набережной, скрещивалъ на груди руки, морщилъ лобъ въ суровыя вертикальныя складки, наискось закусывалъ нижнюю губу и загадочно устремлялъ глаза вдаль. Въ эту минуту онъ ни о чемъ не думалъ; думалъ о томъ, что вотъ извозчикъ проѣхалъ, а вотъ дама прошла въ галантерейный магазинъ, вѣтка мимозы качается отъ вѣтра, но самъ передъ собою онъ дѣлалъ видъ, что его душа погружена въ такую мрачную, беспросвѣтную бездну. Съ женщинами наединѣ онъ бывалъ нестерпимо грубъ, съ мужчинами услужливо и даже подобострастно вѣжливъ, но когда говорилъ одновременно съ женщиной и женщиной, то глядѣлъ не на мужчину, а на его даму. Курортныя модницы вышивали ему туфли и шелковыя подтяжки и были въ восторгѣ отъ сумасброднаго ревнивца Мемета, отъ бѣшенаго, вспыльчиваго Мемета, отъ красавца Мемета съ его разбитымъ и непонятнымъ, но возвышеннымъ сердцемъ. Такимъ онѣ его захотѣли сдѣлать, и такимъ Меметомъ онъ, въ концѣ концовъ, сталъ считать самого себя.

Бѣдный Меджидъ и самъ чувствовалъ, что ему далеко до его великолѣпнаго образца. Какъ онъ ни серьезничалъ, какъ ни принималъ пластическія, разчитанно-красивыя позы, какъ ни старался сдѣлать свое лицо значительнымъ и загадочнымъ — веселая щенячья молодость брала верхъ. Ему любо было повозиться съ другимъ проводникомъ на тротуарѣ набережной, подъ жаркимъ сорокаградуснымъ солнцемъ, побѣжать за прохожимъ, кривляясь и передразнивая его походку, поплевать безцѣльно въ море, перегнувшись черезъ перила, ограждающія набережную. Но, увидѣвъ въ эти шаловливыя секунды Мемета, онъ тотчасъ же начиналъ самъ передъ собою важничать и внутренно разыгрывалъ Мемета, что ему легко давалось при подвижномъ, живомъ южномъ воображеніи. Онъ безкорыстно восхищался Меметомъ и беззлобно завидовалъ ему совершенно такъ же, какъ это дѣлають гимназисты V класса по отношенію къ семикласснику, который уже и курить, и покучиваетъ, и глядитъ на горничныхъ свысока. Правда, и у Меджида въ прошломъ году былъ одинъ очень серьезный романъ, окончившійся даже увозомъ Меджида въ Петербургъ, что, конечно, свидѣтельствовало о способности его внушать глупымъ сѣверянкамъ пылкую любовь и что вообще хорошо поставило Меджида въ средѣ проводниковъ. Но тайная подкладка этого похищенія была доподлинно извѣстна только одному Меджиду, да и то самъ передъ собою онъ старался рисовать это приключеніе гораздо красивѣе и необыкновеннѣе, чѣмъ оно происходило въ дѣйствительности.

III.

Просто-напросто въ Ялту пріѣхала жена богатаго протоіерея петербургской епархіи, толстая сорокалѣтняя женщина, съ лицомъ, бѣлымъ отъ природы и отъ пудры, какъ бѣлка, съ двумя сладкими черными изюминками

вмѣсто глазъ и съ маленькимъ, вздернутымъ ртомъ, ярко окрашеннымъ въ пунцовый цвѣтъ. Богъ вѣсть, какимъ тяжелымъ путемъ долготѣняго клянчанья, тайныхъ сбереженій въ чулокъ изъ домашней экономіи, притворныхъ обмороковъ и слезливыхъ припадковъ, капризныхъ отказовъ отцу протопопу въ раздѣленіи супружескаго ложа, бѣготни по спеціальнымъ докторамъ, этимъ всегдашнимъ пособникамъ и соумышленникамъ сорокалѣтнихъ женщинъ, какимъ длиннымъ, плетенымъ путемъ женской хитрости и настойчивости досталась ей эта поѣздка. Еще съ января рассчитывали деньги, включая сюда и возможный приходъ за весь Великій постъ, мѣняли фунты и пуды церковныхъ мѣдяковъ на новенькіе государственные билеты, разглядывали по буднимъ вечерамъ всей семьей желѣзнодорожный путеводитель, потомъ передъ отъѣздомъ служили молебенъ о «въ путь шествующихъ», вязали узелки съ провизіей и со всякой домашней требухой, на вокзалѣ плакали и махали платками, и отецъ протопопъ, забывъ все свое внѣшнее благолѣпіе, бѣжалъ по перрону рядомъ съ идущимъ вагономъ, — всхлиывая носомъ, развѣвая по вѣтру волосы, рукава и края рясы, придерживая одной рукой наперсный крестъ и крича: «въ случаѣ чего, телеграфируй».

Попадья на первыхъ порахъ соблюдала въ Крыму строгую, благоразумную экономію, поселилась гдѣ-то на горѣ, на краю города, въ меблированныхъ комнатахъ, похожихъ на тѣ клѣтушки, въ которыхъ шарманщики носятъ морскихъ свинокъ, перезнакомилась со множествомъ престарѣлыхъ классныхъ дамъ, учительницъ и больныхъ студентовъ, увѣрявшихъ, что въ Крыму можно жить ни капельки не дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, тряслась вмѣстѣ съ ними въ дилижансахъ, гдѣ они сидѣли другъ на другѣ, ѣдучи въ горы и къ водопаду, покупала на набережной кизилевыя тросточки, сердоликовыя печатки и раковинки

съ надписью «Ялта» въ подарокъ всѣмъ своимъ знакомымъ, карабкалась, обливаясь потомъ, по какимъ-то дурацкимъ камнямъ и тропинкамъ, которые, оказывается, необходимо посѣтить каждому путешественнику, мазала краской свое имя на разныхъ скалахъ, пила отвратительную густую бузу, ѣла холодный жесткій шашлыкъ, и — главное — все это у нея выходило очень дешево. Море въ Ялтѣ пахло дохлой рыбой и іодомъ и было похоже на грязную лоханку съ глинистой водой, улицы воняли конскимъ навозомъ, отъ дешевыхъ обѣдовъ языкъ и небо покрывались слоемъ бараньяго сала, стройные красавцы кипарисы всегда были точно сѣдые отъ мелкой пыли, въ номерахъ пахло копотью керосинокъ и грязнымъ бѣльемъ, но попадья на открыткахъ, которыя она посылала по три и по четыре штуки въ день всѣмъ своимъ знакомымъ подругамъ по епархіальному училищу, которыхъ она еще помнила, восторженно писала, что она наслаждается чуднымъ морскимъ воздухомъ и бальзамическимъ благоуханіемъ горныхъ лѣсовъ. И писала совершенно искренно.

Какая-то бойкая вдова-полковница однажды подбила ее проѣхатья верхомъ, совсѣмъ недалеко, въ Ореанду, къ развалинамъ дворца. По романамъ, которые она читала въ уличныхъ петербургскихъ газетахъ, по сплетнямъ ялтинскихъ салопницъ и наконецъ по тѣмъ открытымъ, многозначительнымъ взглядамъ, которыми на набережной черноусые проводники упирались въ ея пышный трясущійся бюстъ, она знала, что поѣздка съ проводникомъ заключаетъ въ себѣ нѣчто неприличное, рискованное... и заманчивое. Но полковница была такая «безусловно корректная женщина», а поѣздка оказалась такой совсѣмъ дешевой — по рублю съ лошади и рубль проводнику, что странно было бы отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Была маленькая боязнь за искусство держаться на сѣдлѣ, но протоіерейша храбро вспомнила, что когда-то въ дѣвичество, на каникулахъ, она ѣздила на настоящемъ дамскомъ сѣдлѣ въ сопровожденіи двухъ лоботрясовъ, отчаянныхъ гимназистовъ, сыновей мѣстнаго помѣщика. Было также затрудненіе на счетъ амазонки. Напрокатъ Марія Николаевна не хотѣла брать: «Мало ли какая надѣвала ее до меня!». Но полковница быстро нашлась: стоило только прикупить материн, немножко надставить низъ юбки, вшить внутрь нѣсколько камешковъ-гладышей, и все готово: и незамѣтно, что подшито, и ногъ не будетъ видно, и не развѣвается, и прилично, и гораздо лучше, чѣмъ всякая настоящая амазонка.

Марія Николаевна, конечно, была убѣждена, что уже съ ней-то во всякомъ случаѣ проводникъ ничего себѣ не позволить! И они поѣхали втроемъ: она, полковница и Меджидъ.

Но Меджидъ сразу же, какъ только выѣхали изъ города на ливадійское шоссе, сталъ позволять себѣ многое; показывая, какъ надо держать мундштучные и уздечные поводья, онъ то и дѣло накладывалъ свои маленькія, горячія, жесткія руки сверхъ пухлыхъ, бѣлыхъ, дрожавшихъ пальцевъ попадьи, поддерживалъ ея обильную, массивную талию при крутыхъ спускахъ и сверкалъ ей прямо въ глаза своими глупыми, красивыми, сіяющими глазами, и отъ всего отъ него крѣпко пахло, точно отъ молодого центavra, запахомъ здороваго лошадинаго и мужского пота.

Древній запутанный паркъ былъ темень, сыръ и молчаливъ, и нельзя было разглядѣть вершинъ его столѣтнихъ деревьевъ, сплетшихся въ черной сплошной потолокъ. Лунныя пятна изрѣдка лежали на травѣ и на заросшихъ дорожкахъ. Иногда сквозь просвѣты густыхъ вѣтвей сверкало море, струившее далеко впереди свой золотой и серебряный атласъ. Гдѣ-то журчали невиди-

мые ручейки, бѣжавшіе съ горъ. Было невиданно сказочно-преlestно и немного жутко отъ тишины и мрака и немного грустно и томно, какъ отъ всякой большой красоты. Осмотрѣли искусственное озеро, въ черной водѣ котораго, точно въ черномъ воздухѣ, беззвучно и плавно, какъ заводной, плавалъ бѣлый лебедь. Осмотрѣли мраморныя развалины, поросшія плющомъ, кустами каприфоли, благоухавшей дико и страстно. Проводникъ показывалъ мѣста, помогалъ итти, поддерживалъ подъ локоть, раздвигалъ услужливо вѣтви. Но, когда зашли въ крытую виноградную аллею, такую темную, что нельзя было разглядѣть собственной руки, полковница внезапно исчезла. Напрасно Марія Николаевна кричала ей — спутница не отзывалась. Въ темнотѣ приходилось итти ощупью, и руки протопопицы то и дѣло нечаяно натыкались на горячія руки проводника, и она даже на разстояніи чувствовала живую, точно дышащую теплоту его тѣла. Пряно благоухали каприфоли, какъ обезумѣвшія отъ ночной страсти кричали цикады, въ груди ныло сладкое, истомное раздраженіе.

Потомъ они вышли изъ непроницаемо-темной аллеи наружу, туда, гдѣ было освѣтлѣе. Полковница тотчасъ же присоединилась къ нимъ и пошла рядомъ, прижимаясь локтемъ къ локтю Маріи Николаевны, и жадно старалась сквозь темноту увидѣть выраженіе ея глазъ. Полковница находилась уже въ томъ возрастѣ между зрѣлыми годами и старостью, въ которомъ бывшія грѣшницы, со вздохомъ отказавшись отъ личныхъ интрижекъ, становятся въ чужихъ любовныхъ дѣлахъ: или безпощадными сыщиками и судьями, или безкорыстными пособницами и укрывательницами. Полковница принадлежала ко вторымъ...

Я М А.

Повѣсть.

I.

Давнымъ-давно, задолго до желѣзныхъ дорогъ, на самой дальней окраинѣ большого южнаго города жили изъ рода въ родъ ямщики — казенные и вольные. Оттого и вся эта мѣстность называлась Ямской слободой, или просто Ямской, Ямками, или, еще короче, Ямой. Впослѣдствіи, когда паровая тяга убила конный извозъ, — лихое ямщицье племя понемногу растеряло свои буйныя замашки и молодецкіе обычаи, перешло къ другимъ занятіямъ, распалось и разбрелось. Но за Ямой на много лѣтъ — даже до сего времени — осталась темная слава, какъ о мѣстѣ развеселомъ, пьяномъ, драчливомъ и въ ночную пору небезопасномъ.

Какъ-то само собою случилось, что на развалинахъ тѣхъ старинныхъ, насѣженныхъ гнѣздъ, гдѣ раньше румяныя разбитныя солдатки и чернобровыя, сдобныя ямскія вдовы тайно торговали водкой и свободной любовью, постепенно стали вырастать открытые публичные дома, разрѣшенные начальствомъ, руководимые официальнымъ надзоромъ и подчиненные нарочитымъ суровымъ правиламъ. Къ концу ХІХ столѣтія обѣ улицы Ямы — Большая Ям-

ская и Малая Ямская — оказались занятыми сплошь, и по ту и по другую сторону, исключительно домами терпимости. Частныхъ домовъ осталось не больше пяти-шести, но и въ нихъ помѣщаются трактиры, портерныя и мелочныя лавки, обслуживающіе надобности ямской проституціи.

Образъ жизни, нравы и обычаи почти одинаковы во всѣхъ тридцати слишкомъ заведеніяхъ, разница только въ платѣ, взимаемой за кратковременную любовь, а слѣдовательно и въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ мелочахъ: въ подборѣ болѣе или менѣе красивыхъ женщинъ, въ сравнительной нарядности костюмовъ, въ пышности помѣщеній и роскоши обстановки.

Самое шикарное заведеніе — Треппеля, при вѣздѣ на Большую Ямскую, первый домъ налѣво. Это старая фирма. Теперешній владѣлецъ ея носитъ совсѣмъ другую фамилію и состоитъ гласнымъ городской думы и даже членомъ управы. Домъ двухъэтажный, зеленый съ бѣлымъ, выстроенъ въ ложно-русскомъ, ерническомъ, ропетовскомъ стилѣ, съ коньками, рѣзными наличниками, пѣтухами и деревянными полотенцами, окаймленными деревянными же кружевами; коверъ съ бѣлой дорожкой на лѣстницѣ; въ передней чучело медвѣдя, держащее въ протянутыхъ лапахъ деревянное блюдо для визитныхъ карточекъ; въ танцевальной залѣ паркетъ, на окнахъ малиновыя шелковыя тяжелыя занавѣси и тюль, вдоль стѣнъ бѣлыя съ золотомъ стулья и зеркала въ золоченыхъ рамахъ; есть два кабинета съ коврами, диванами и мягкими атласными пуфами; въ спальняхъ голубые и розовые фонари, канаусовыя одѣяла и чистыя подушки; обитательницы одѣты въ открытыя бальныя платья, опушенныя мѣхомъ, или въ дорогіе маскарадныя костюмы гусаровъ, пажей, рыбацекъ, гимназистокъ, и большинство изъ нихъ — остзейскія нѣмки, крупныя, бѣлотѣлыя, груда-

стыя красныя женщины. У Треппеля берутъ за визитъ три рубля, а за всю ночь десять.

Три двухрублевыхъ заведенія — Софьи Васильевны, «Старо-Кіевскій» и Анны Марковны — нѣсколько поплоче, побѣднѣе. Остальные дома по Большой Ямской — рублевые, они еще хуже обставлены. А на Малой Ямской, которую посѣщаютъ солдаты, мелкіе воришки, ремесленники и вообще народъ сѣрый, и гдѣ берутъ за время пятьдесятъ копеекъ и меньше, совсѣмъ ужъ грязно и скудно: полъ въ залѣ кривой, облупленный и занозистый, окна завѣшаны красными кумачевыми кусками; спальни, точно стойла, раздѣлены тонкими перегородками, не достигающими до потолка, а на кроватяхъ, сверхъ сбитыхъ сѣнниковъ, валяются скомканныя кое-какъ, рваныя, темныя отъ времени, пятнистыя простыни и дырявыя байковыя одѣяла; воздухъ кислый и чадный, съ примѣсью алкогольныхъ паровъ и запаха человѣческихъ изверженій; женщины, одѣтыя въ цвѣтное ситцевое тряпье или въ матросскіе костюмы, по большей части хрипы или гнусавы, съ полупрвалившимися носами, съ лицами, хранящими слѣды вчерашнихъ побоевъ и царапинъ и наивно раскрашенными, при помощи послюенной красной коробочки отъ папиросъ.

Круглый годъ, всякій вечеръ, — за исключеніемъ трехъ послѣднихъ дней Страстной недѣли и кануна Благовѣщенія, когда птица гнѣзда не вьетъ и стриженная дѣвка косы не заплетаетъ, — едва только на дворѣ стемнѣетъ, зажигаются передъ каждымъ домомъ, надъ шатровыми рѣзными подѣздами, висячіе красные фонари. На улицѣ точно праздникъ: всѣ окна ярко освѣщены, веселая музыка скрипокъ и роялей доносится сквозь стекла, непрерывно подѣзжаютъ и уѣзжаютъ извозчики. Во всѣхъ домахъ входныя двери открыты настежь, и сквозь нихъ видны съ улицы: крутая лѣстница и узкій коридоръ.

доть вверху, и бѣлое сверканье многограннаго рефлектора лампы, и зеленяя стѣны сѣней, расписанныя швейцарскими пейзажами. До самаго утра сотни и тысячи мужчинъ поднимаются и спускаются по этимъ лѣстницамъ. Здѣсь бывають все: полуразрушенные, слюнявые старцы, ищущіе искусственныхъ возбужденій, и мальчики — кадеты и гимназисты — почти дѣти; бородатые отцы семействъ, почтенные столпы общества въ золотыхъ очкахъ, и молодожены, и влюбленные женихи, и почтенные профессора съ громкими именами, и воры, и убійцы, и либеральные адвокаты, и строгіе блюстители нравственности — педагоги, и передовые писатели — авторы горячихъ, страстныхъ статей о женскомъ равноправіи, и сыщики, и шпионы, и бѣглые каторжники, и офицеры, и студенты, и социаль-демократы, и анархисты, и наемные патріоты; застѣнчивые и наглые, больные и здоровые, познающіе впервые женщину и старые развратники, истрепанные всеми видами порока, ясноглазые красавцы и уроды, злобно нескверканные природой, глухонѣмые, слѣпые, безносые, съ дряблыми, отвислыми тѣлами, съ зловоннымъ дыханіемъ, плѣшвые, трясущіеся, покрытые паразитами — брюхатя, геморoidalныя обезьяны. Приходятъ свободно и просто, какъ въ ресторанъ или на вокзалъ, сидятъ, курятъ, пьютъ, судорожно притворяются веселыми, танцуютъ, выдѣлывая гнусныя тѣлодвиженія. Иногда внимательно и долго, иногда съ грубой поспѣшностью выбираютъ любую женщину и знаютъ напередъ, что никогда не встрѣтятъ отказа. Нетерпѣливо платятъ впередъ деньги и на публичной кровати, еще не остывшей отъ тѣла предшественника, совершаютъ безцѣльно самое великое и прекрасное изъ міровыхъ таинствъ — таинство зарожденія новой жизни. И женщины съ равнодушной готовностью, съ однообразными словами, съ заученными профессиональными движеніями удовлетворяють, какъ машины, ихъ же-

ланіямъ, чтобы тотчасъ же послѣ нихъ, въ ту же ночь, съ тѣми же словами, улыбками и жестами принять третьяго, четвертаго, десятаго мужчину, нерѣдко уже ждущаго своей очереди въ общей залѣ.

Такъ проходитъ вся ночь. Къ разсвѣту Яма понемногу затихаетъ, и свѣтлое утро застаетъ ее безлюдной, просторной, погруженной въ сонъ, съ накрѣпко закрытыми дверями, съ глухими ставнями на окнахъ. А передъ вечеромъ женщины проснутся и будутъ готовиться къ слѣдующей ночи.

И такъ безъ конца, день за днемъ, мѣсяцы и годы, живутъ онѣ въ своихъ публичныхъ гаремахъ странной, неправдоподобной, ночной жизнью, выброшенныя обществомъ, проклятыя семьей, жертвы общественнаго темперамента, клоаки для избытка городского сладострастія, оберегательницы семейной чести — четыреста глухыхъ, лѣнивыхъ, истеричныхъ, бесплодныхъ женщинъ.

II.

Два часа дня. Въ второстепенномъ, двухрублевомъ заведеніи Анны Марковны все погружено въ сонъ. Большая квадратная зала съ зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, съ двумя десятками плюшевыхъ стульевъ, чинно разставленныхъ вдоль стѣнъ, съ олеографическими картинами Маковского «Боярскій пиръ» и «Кунанье», съ хрустальной люстрой посрединѣ — тоже спитъ и въ тишинѣ и полумракѣ кажется непривычно задумчивой, строгой, странно-печальной. Вчера здѣсь, какъ и каждый вечеръ, горѣли огни, звенѣла разудалая музыка, колебался синій табачный дымъ, носились, вихря бедрами и высоко вскидывая ногами вверхъ, пары мужчинъ и женщинъ. И вся улица сіяла снаружи красными фонарями надъ подѣздами и свѣтомъ изъ оконъ и кипѣла до утра людьми и экипажами.

Теперь улица пуста. Она торжественно и радостно горит въ блескѣ лѣтняго солнца. Но въ залѣ спущены всѣ гардины, и оттого въ ней темно, прохладно и такъ особенно нелюдимо, какъ бываетъ среди дня въ пустыхъ театрахъ, манежахъ и помѣщеніяхъ суда.

Тускло поблескиваетъ фортепіано своимъ чернымъ, изогнутымъ, глянцовитымъ бокомъ, слабо свѣтятся желтыя, старыя, изъѣденныя временемъ, разбитыя, щербатыя клавиши. Застоявшійся неподвижный воздухъ еще хранитъ вчерашній запахъ: пахнетъ духами, табакомъ, кислой сыростью большой нежилой комнаты, потому нездороваго и нечистаго женскаго тѣла, пудрой, борно-тимоловымъ мыломъ и пылью отъ желтой мастики, которой былъ вчера натертъ паркетъ. И со страннымъ очарованіемъ примѣшивается къ этимъ запахамъ запахъ увядающей болотной травы. Сегодня Троица. По давнему обычаю, горничныя заведенія раннимъ утромъ, пока ихъ барышни еще спятъ, купили на базарѣ цѣлый возъ осоки и разбросали ея длинную, хрустящую подъ ногами, толстую траву повсюду: въ коридорахъ, въ кабинетахъ, въ залѣ. Онѣ же зажгли лампы передъ всѣми образами. Дѣвицы, по традиціи, не смѣютъ этого дѣлать своими оскверненными за ночь руками.

А дворникъ украсилъ рѣзной, въ русскомъ стилѣ, подъѣздъ двумя срубленными березками. Также и во всѣхъ домахъ около крылецъ, перилъ и дверей красуются спаружки бѣлые тонкіе стволыки съ жидкой, умирающей зеленью.

Тихо, пусто и сонно во всемъ домѣ. Слышно, какъ на кухнѣ рубятъ къ обѣду котлеты. Одна изъ дѣвицъ, Любка, босая, въ сорочкѣ, съ голыми руками, некрасивая, въ веснушкахъ, но крѣпкая и свѣжая тѣломъ, вышла во внутренній дворъ. У нея вчера вечеромъ было только шесть временныхъ гостей, но на ночь съ ней

никто не остался, и оттого она прекрасно выпалась одна, совсѣмъ одна, на широкой постели. Она рано встала, въ десять часовъ, и съ удовольствіемъ помогла кухаркѣ вымыть въ кухнѣ полъ и столы. Теперь она кормитъ жилами и обрѣзками мяса цѣпную собаку Амура. Большой рыжій песъ съ длинной блестящей шерстью и черной мордой то скачетъ на дѣвущку передними лапами, туго натягивая цѣпь и хрипя отъ удушья, то, весь волнуясь спиной и хвостомъ, пригибаетъ голову къ землѣ, морщитъ носъ, улыбается, скулитъ и чихаетъ отъ возбужденія. А она, дразня его мясомъ, кричитъ на него съ притворной строгостью:

— Ну, ты, болванъ! Я т-тебѣ дамъ! Какъ смѣешь?

Но она отъ души рада волненію и ласкѣ Амура, и своей минутной власти надъ собакой, и тому, что выпалась и провела ночь безъ мужчины, и Троицъ, по смутнымъ воспоминаніямъ дѣтства, и сверкающему солнечному дню, который ей такъ рѣдко приходится видѣть.

Всѣ ночные гости уже разѣхались. Наступаетъ самыи дѣловой, тихій, буднишній часъ.

Въ комнатѣ хозяйки пьютъ кофе. Компанія изъ пяти человекъ. Сама хозяйка, на чье имя записанъ домъ — Анна Марковна. Ей лѣтъ подъ шестьдесятъ. Она очень мала ростомъ, но кругло-толста: ее можно себѣ представить, вообразивъ снизу вверхъ три мягкихъ студенистыхъ шара — большой, средній и маленькій, втиснутыхъ другъ въ друга безъ промежутковъ, это — ея юбка, торсъ и голова. Странно: глаза у нея блекло-голубые, дѣвичьи, даже дѣтскіе, но ротъ старческій, съ отвисшею безсильно, мокрой нижней малиновой губой. Ея мужъ — Псаи Саввичъ — тоже маленькій, сѣденькій, тихонькій. молчаливый старичокъ. Онъ у жены подъ башмакомъ; былъ швейцаромъ въ этомъ же домѣ еще въ ту пору, когда Анна Марковна служила здѣсь экономкой. Онъ

самоучкой, чтобы быть чѣмъ-нибудь полезнымъ, выучилась играть на скрипкѣ и теперь по вечерамъ играетъ танцы, а также траурный маршъ для загулявшихъ приказчиковъ, жаждущихъ пьяныхъ слезъ.

Затѣмъ двѣ экономки — старшая и младшая. Старшая — Эмма Эдуардовна. Она — высокая, полная шатенка, лѣтъ сорока шести, съ жирнымъ зобомъ изъ трехъ подбородковъ. Глаза у нея окружены черными геморoidalными кругами. Лицо расширяется грушей, отъ лба внизъ, къ щекамъ, и землястаго цвѣта; глаза маленькіе, черные; горбатый носъ, строго подобранныя губы; выраженіе лица спокойно-властное. Ни для кого въ домѣ не тайна, что черезъ годъ, черезъ два Анна Марковна, удалясь на покой, продастъ ей заведеніе со всеѣми правами и обстановкой, причѣмъ часть получить наличными, а часть — въ разсрочку по векселю. Поэтому дѣвицы чтуть ее наравнѣ съ хозяйкой и побаиваются. Провинившихся она собственноручно бьетъ, бьетъ жестоко, холодно и расчетливо, не мѣняя спокойнаго выраженія лица. Среди дѣвицъ у нея всегда есть фаворитка, которую она терзаетъ своей требовательной любовью и фантастической ревностью. И это гораздо тяжелѣе, чѣмъ побои.

Другую — зовутъ Зося. Она только-что выбилась изъ рядовыхъ барышень. Дѣвицы покамѣстъ еще называютъ ее безлично, льстиво и фамильярно «экономочкой». Она худоцава, вертлява, чуть косенькая, съ розовымъ цвѣтомъ лица и прической барашкомъ; обожаетъ актеровъ, — преимущественно толстыхъ комиковъ. Къ Эммѣ Эдуардовнѣ она относится съ подобострастіемъ.

Наконецъ пятое лицо — мѣстный околоточный надзиратель Кербешъ. Это атлетическій человекъ; онъ лысовать, у него рыжая борода вѣромъ, ярко-синіе сонные глаза и тонкій, слегка хриплый, пріятный голосъ. Всеѣмъ извѣстно, что онъ раньше служилъ по сыскной части и

былъ грозою жуликовъ, благодаря своей страшной физической силѣ и жестокости при допросахъ.

У него на совѣсти нѣсколько темныхъ дѣлъ. Весь городъ знаетъ, что два года тому назадъ онъ женился на богатой семидесятилѣтней старухѣ, а въ прошломъ году задушилъ ее; однако ему какъ-то удалось замять это дѣло. Да и остальные четверо тоже видѣли кое-что въ своей пестрой жизни. Но, подобно тому, какъ старинные бретеры не чувствовали никакихъ угрызений совѣсти при воспоминаніи о своихъ жертвахъ, такъ и эти люди глядятъ на темное и кровавое въ своемъ прошломъ, какъ на неизбѣжныя маленькія непріятности профессій.

Пьютъ кофе съ жирными топлеными сливками — околочный съ бенедиктиномъ. Но онъ, собственно, не пьетъ, а только дѣлаетъ видъ, что дѣлаетъ одолженіе.

— Такъ какъ же, Тома Томичъ? — спрашиваетъ искалочно хозяйка. — Это же дѣло выѣденнаго яйца не стѣдить... Вѣдь вамъ только слово сказать...

Кербешъ медленно втягиваетъ въ себя полрюмки ликера, слегка разминаетъ языкомъ по нѣбу маслянистую, острую, крѣпкую жидкость, проглатываетъ ее, запираетъ, не торопясь, кофеемъ и потомъ проводитъ безыменнымъ пальцемъ лѣвой руки по усамъ вправо и влево.

— Подумайте сами, мадамъ Шойбесъ, — говоритъ онъ, глядя на столъ, разводя руками и щурясь: — подумайте, какому риску я здѣсь подвергаюсь! Дѣвушка была обманчивымъ образомъ вовлечена въ это... въ какъ его... ну, словомъ, въ домъ терпимости, выражаясь высокимъ слогомъ. Теперь родители разыскиваютъ ее черезъ полицію. Хорошо-съ. Она попадаетъ изъ одного мѣста въ другое, изъ пятого въ десятое... Наконецъ слѣдъ находится у васъ, и главное — подумайте! — въ моемъ околоткѣ! Что я могу подѣлать?

— Господинъ Кербешъ, но вѣдь она же совершеннолѣтняя, — говоритъ хозяйка.

— Онѣ совершеннолѣтнія, — подтверждаетъ Исай Савичъ. — Онѣ дали расписку, что по доброй волѣ...

Эмма Эдуардовна произноситъ басомъ, съ холодной увѣренностью:

— Ей-Богу, она здѣсь какъ за родную дочь.

— Да вѣдь я не объ этомъ и говорю, — досадливо морщится околоточный. — Вы вникните въ мое положеніе... Вѣдь это служба. Господи, и безъ того неприятностей не оберешься!

Хозяйка вдругъ встаетъ, шаркаетъ туфлями къ дверямъ и говоритъ, мигая околоточному лѣнивымъ, невыразительнымъ, блекло-голубымъ глазомъ:

— Господинъ Кербешъ, я попрошу васъ поглядѣть на наши передѣлки. Мы хотимъ немножко расширить помещеніе.

— А-а! Съ удовольствіемъ...

Черезъ десять минутъ оба возвращаются, не глядя другъ на друга. Рука Кербеша хруститъ въ карманѣ новенькой сторублевкой. Разговоръ о созращенной дѣвушкѣ болѣе не возобновляется. Околоточный, поспѣшно допивая бенедиктинъ, жалуется на нынѣшнее паденіе нравовъ:

— Вотъ у меня сынъ гимназистъ—Павель. Приходитъ, подлець, и заявляетъ: «Папа, меня ученики ругаютъ, что ты полицейскій, и что служишь на Ямской, и что берешь взятки съ публичныхъ домовъ». Ну, скажите, ради Бога, мадамъ Шойбесъ, это же не нахальство?

— Ай-ай-ай!.. И какія тутъ взятки?.. Вотъ и у меня тоже...

— Я ему говорю: «Иди, негодяй, и заяви директору, чтобы этого больше не было, иначе папа на насъ на вѣхъ донесетъ начальнику края». Что же вы думаете?

Приходить и говорить: «Я тебѣ больше не сынъ, — ищи себѣ другого сына». Аргументъ! Ну, и всыпаль же я ему по первое число! Ого-го! Теперь со мной разговаривать не хочеть. Ну, я ему еще покажу!

— Ахъ, и не рассказывайте, — вздыхаетъ Анна Марковна, отвѣсивъ свою нижнюю малиновую губу и затуманивъ свои блеклые глаза. — Мы нашу Берточку — она въ гимназiи Флейшера — мы нарочно держимъ ее въ городѣ, въ почтенномъ семействѣ. Вы понимаете, все-таки нелозко. И вдругъ она изъ гимназiи приноситъ такія слова и выраженiя, что я прямо ажъ вся покраснѣла.

— Ей-Богу, Анючка вся покраснѣла, — подтверждаетъ Песаи Саввичъ.

— Покраснѣешь! — горячо соглашается околоточный. — Да, да, да, я васъ волюнѣ понимаю. Но, Боже мой, куда мы идемъ! Куда мы только идемъ? Я васъ спрашиваю, чего хотять добиться эти революціонеры и разные тамъ студенты, или... какъ ихъ тамъ? И пусть пеняють на самихъ себя. Повсемѣстно развратъ, нравственность падаетъ, нѣтъ уваженiя къ родителямъ. Разстрѣливать ихъ надо.

— А вотъ у насъ былъ третьяго-дня случай, — вмѣшивается суетливо Зося. — Пришелъ одинъ гость, толстый человѣкъ...

— Не кѣнцай, — строго обрываетъ ее, на жаргонѣ публичныхъ домовъ, Эмма Эдуардовна, которая слушала околоточнаго, набожно кивая склоненной набокъ головой. — Вы бы лудше пошли распорядились завтракомъ для барышень.

— И ни на одного человѣка нельзя положиться, — продолжаетъ ворчливо хозяйка. — Чтò ни прислуга — то стерва, обманщица. А дѣвицы только и думаютъ, что о своихъ любовникахъ. Чтòбы только имъ свое удовольствiе имѣть. А о своихъ обязанностяхъ и не думаютъ.

Неловкое молчаніе. Въ дверь стучать. Тонкій женскій голосъ говоритъ по ту сторону дверей:

— Экономочка! Примите деньги и пожалуйста мнѣ марочки. Петя ушелъ.

Околоточный встаетъ и оправляетъ шашку.

— Однако пора и на службу. Всего лучшаго, Анна Марковна. Всего хорошаго, Исай Саввичъ.

— Можетъ, еще рюмочку на дорожку? — тычется надъ столомъ подслѣповатый Исай Саввичъ.

— Благодарю-сь. Не могу. Укомплектованъ. Имѣю честь!..

— Спасибо вамъ за компанію. Заходите.

— Ваши гости-сь. До свиданья.

Но въ дверяхъ онъ останавливается на минуту и говоритъ многозначительно:

— А все-таки мой совѣтъ вамъ: вы эту дѣвицу лучше сплавьте куда-нибудь заблаговременно. Конечно, ваше дѣло, но какъ хорошій знакомый — предупреждаю-сь.

Онъ уходитъ. Когда его шаги затихаютъ на лѣстницѣ и хлопаютъ за нимъ парадная дверь, Эмма Эдуардовна фыркаетъ носомъ и говоритъ презрительно:

— Фараонъ! Хочетъ и здѣсь и тамъ взять деньги...

Понемногу всѣ расплзаются изъ комнаты. Въ домѣ темно. Сладко пахнетъ полуувядшей осокой. Тишина.

III.

До обѣда, который подается въ шесть часовъ вечера, время тянется безконечно долго и нестерпимо однообразно. Да и вообще этотъ дневной промежутокъ — самый тяжелый и самый пустой въ жизни дома. Онъ отдаленно похожъ по настроеніямъ на тѣ вялые, пустые часы, которые переживаются въ большіе праздники въ институтахъ и въ другихъ закрытыхъ женскихъ заведеніяхъ, когда по-

други развѣхались, когда много свободы и много бездѣлья, и цѣлый день царить свѣтлая, сладкая скука. Въ однѣхъ нижнихъ юбкахъ и въ бѣлыхъ сорочкахъ, съ голыми руками, иногда босикомъ, женщины безцѣльно слоняются изъ комнаты въ комнату, всѣ невытыя, непричесанныя, лѣниво тычутъ указательнымъ пальцемъ въ клавиши стараго фортепiano, лѣниво раскладываютъ гаданье на картахъ, лѣниво перебраниваются и съ томительнымъ раздраженіемъ ожидаютъ вечера.

Любка послѣ завтрака снесла Амуру остатки хлѣба и обрѣзки ветчины, но собака скоро надоѣла ей. вмѣстѣ съ Нюрой она купила барбарисовыхъ конфетъ и подсолнуховъ, и обѣ стоятъ теперь за заборомъ, отдѣляющимъ домъ отъ улицы, грызутъ сѣмечки, скорлупа отъ которыхъ остается у нихъ на подбородкахъ и на груди, и равнодушно судачатъ обо всѣхъ, кто проходитъ по улицѣ: о фонарщикѣ, наливающимъ керосинъ въ уличные фонари, о городовомъ съ разносной книгой подъ-мышкой, объ экономкѣ изъ чужого заведенія, перебѣгающей черезъ дорогу въ мелочную лавочку...

Нюра — маленькая, лупоглазая, синеглазая дѣвушка; у нея бѣлые, льняные волосы, синія жилки на вискахъ. Въ лицѣ у нея есть что-то тупое и невинное, напоминающее бѣлаго пасхальнаго сахарнаго ягпеночка. Она жива, суетлива, любопытна, во все лѣзетъ, со всѣми согласна, первая знаетъ всѣ новости, и если говоритъ, то говоритъ такъ много и такъ быстро, что у нея летятъ брызги изо рта и на красныхъ губахъ вскипаютъ пузыри, какъ у дѣтей.

Напротивъ, изъ пивной, на минуту выскакиваетъ курчавый, испитой бѣлмыстый парень, услужающій, и бѣжитъ въ сосѣдній трактиръ.

— Прохоръ Ивановичъ, а Прохоръ Ивановичъ, — кричитъ Нюра: — не хотите ли, подсолнухами угощу?

— Заходите къ намъ въ гости, — подхватываетъ Люба. Нюра фыркаетъ и добавляетъ сквозь давящій ее смѣхъ: — На теплыя ноги!

Но парадная дверь открывается, въ ней показывается грозная и строгая фигура старшей экономки.

— Пфуй! Что это за безобразіе? — кричитъ она начальственно. — Сколько разъ вамъ повторять, что нельзя высказывать на улицу днемъ и еще — пфуй! — въ одномъ бѣльѣ. Не понимаю, какъ это у васъ нѣтъ никакой совѣсти. Порядочныя дѣвушки, которыя сами себя уважаютъ, не должны вести себя такъ публично. Кажется, слава Богу, вы не въ солдатскомъ заведеніи, а въ порядочномъ домѣ. Не на Малой Ямской.

Дѣвицы возвращаются въ домъ, забираются на кухню и долго сидятъ тамъ на табуретахъ, созерцая сердитую кухарку Прасковью, болтая ногами и молча грызя сѣмечки.

Въ комнатѣ у Маленькой Маньки, которую еще называютъ Манькой-Скандалисткой и Манькой Бѣленькой, собралось цѣлое общество. Сидя на краю кровати, она и другая дѣвица, Зоя, высокая, красивая дѣвушка, съ круглыми бровями, съ сѣрыми глазами навкаты, съ самымъ типичнымъ, бѣлымъ, добрымъ лицомъ русской проститутки, играютъ въ карты, въ «шестьдесятъ шесть». Ближайшая подруга Маньки Маленькой, Женя, лежитъ за ихъ спинами на кровати навзничъ, читаетъ растрепанную книжку «Ожерелье королевы», сочиненіе г. Дюма, и курить. Во всемъ заведеніи она единственная любительница чтенія и читаетъ запоемъ и безъ разбора. Но, противъ ожиданія, усиленное чтеніе романовъ съ приключеніями вовсе не сдѣлало ее сентиментальной и не раскислило ея воображенія. Болѣе всего ей нравится въ романахъ длинная, хитро задуманная и ловко распутанная интрига, великолѣпные поединки, передъ которыми виконтъ развязы-

ваетъ банты у своихъ башмаковъ въ знакъ того, что онъ не намѣренъ отступить ни на шагъ отъ своей позиціи, и послѣ которыхъ маркизь, проткнувши насквозь графа, извиняется, что сдѣлалъ отверстіе въ его прекрасномъ новомъ камзолѣ; кошельки, наполненные золотомъ, небрежно разбрасываемые налѣво и направо главными героями, любовныя приключенія и остроуы Генриха IV, — словомъ, весь этотъ пряный, въ золотѣ и кружевахъ, героизмъ прошедшихъ столѣтій французской исторіи. Въ обыденной жизни она, наоборотъ, трезва умомъ, насмѣшлива, практична и цинично-зла. По отношенію къ другимъ дѣвицамъ заведенія она занимаетъ такое же мѣсто, какое въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ первому силачу, второгоднику, первой красавицѣ въ классѣ — тиранствующей и обожаемой. Она высокая, худая брюнетка, съ прекрасными карими, горящими глазами, маленькимъ гордымъ ртомъ, усиками на верхней губѣ и со смуглымъ, нездоровымъ румянцемъ на щекахъ.

Не выпуская изо рта папироски и щурясь отъ дыма, она то и дѣло переворачиваетъ страницы намусленнымъ пальцемъ. Ноги у ней до колѣнъ голыя, огромныя ступни самой вульгарной формы: ниже большихъ пальцевъ рѣзко вдаются внутрь острые, некрасивые, неправильные желваки.

Здѣсь же, положивъ ногу на ногу, немного согнувшись, съ шитьемъ въ рукахъ, сидитъ Тамара, тихая, уютная, хорошенькая дѣвушка, слегка рыжеватая, съ тѣмъ темнымъ и блестящимъ отгѣнкомъ волосъ, который бываетъ у лисы зимою на хребтѣ. Настоящее ея имя Гликерія, или Лукерія по-простонародному. Но это уже давнишній обычай домовъ терпимости замѣнять грубыя имена Матренъ, Агаѳей, Сиклитиній звучными, преимущественно экзотическими именами. Тамара когда-то была монахиней или, можетъ-быть, только послушницей въ монастырѣ, и до

сихъ поръ въ лицѣ ея сохранилась блѣдная спухлость и пугливое, скромное и лукавое выраженіе, которое свойственно молодымъ монахинямъ. Она держится въ домѣ особнякомъ, ни съ кѣмъ не дружить, никого не посвящаетъ въ свою прошлую жизнь. Но, должно-быть, у нея, кромѣ монашества, было еще много приключеній: что-то таинственное, молчаливое и преступное есть въ ея неторопливомъ разговорѣ, въ уклончивомъ взглядѣ ея густо-и темно-золотыхъ глазъ изъ-подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ, въ ея манерахъ, усмѣшкахъ и интонаціяхъ скромной, но развратной святоши. Однажды вышелъ такой случай, что двѣицы чуть не съ благоговѣйнымъ ужасомъ услышали, что Тамара умѣетъ бѣгло говорить по-французски и по-нѣмецки. Въ ней есть какая-то внутренняя сдержанная сила. Несмотря на ея внѣшнюю кротость и сговорчивость, всѣ въ заведеніи относятся къ ней съ почтеніемъ и осторожностью: и хозяйка, и подруги, и обѣ экономки, и даже швейцарь, этотъ истинный султанъ дома терпимости, всеобщая гроза и герой.

— Прикрыла, — говоритъ Зоя и поворачиваетъ козырь, лежавшій подъ колодой, рубашкой кверху. — Выхожу съ сорока, хожу съ туза пикъ, пожалуйста, Манечка, десяточку. Кончила. Пятьдесятъ семь, одиннадцать, шестьдесятъ восемь. Сколько у тебя?

— Тридцать, — говоритъ Манька обиженнымъ голосомъ, надувая губы: — ну да, тебѣ хорошо, ты все ходы помнишь. Сдавай... Ну, какъ что же дальше, Тамарочка? — обращается она къ подругѣ. — Ты говори, я слушаю.

Зоя стасовываетъ старья, черныя, замаслившіяся карты и даетъ Манѣ снять, потомъ сдаетъ, поплевавъ предварительно на пальцы.

Тамара въ это время рассказываетъ Манѣ тихимъ голосомъ, не отрываясь отъ шитья:

— Выпивали мы гладью, золотомъ, на престольники, воздуха, архіерейскія облаченія... травками, цвѣтами, крестиками. Зимой сидишь, бывало, у окна, окошки маленькія съ рѣшетками, свѣту немного, маслицемъ пахнетъ, ладаномъ, кипарисомъ, разговаривать нельзя было: матушка была строгая. Кто-нибудь отъ скуки затынетъ великопостный ирмосъ: «Вонми небо и возглаголю и воспою...» Хорошо пѣли, прекрасно, и такая тихая жизнь, и запахъ такой прекрасный, снѣжокъ за окномъ, ну вотъ точно во снѣ...

Женя опускаетъ истрепанный романъ себѣ на животъ, бросаетъ папиросу черезъ Зою голову и говоритъ насмѣшливо:

— Знаемъ мы вашу тихую жизнь. Младенцевъ въ нужники выбрасывали. Лукавый-то все около вашихъ святыхъ мѣстъ бродить.

— Сорокъ объявляю. Сорокъ шесть у меня было. Кончила! — возбужденно восклицаетъ Манька Маленькая и плещетъ ладонями. — Открываю три.

Тамара, улыбаясь на слова Жени, отвѣчаетъ съ едва замѣтной улыбкой, которая почти не растягиваетъ губы, а дѣлаетъ въ ихъ концахъ маленькія, лукавыя, двусмысленныя углубленія, совсѣмъ какъ у Монны Лизы на портретѣ Леонардо да-Винчи.

— Плетутъ много про монахинь-то мірскіе... Что же, если и бывалъ грѣхъ...

— Не согрѣшишь — не покаешься, — вставляетъ серьезно Зоя и мочить палецъ во рту.

— Сидишь, вышиваешь, золото въ глазахъ рябитъ, а отъ утренняго стоянія такъ вотъ спину и ломитъ, и ноги ломитъ. А вечеромъ опять служба. Постучишься къ матушкѣ въ келію: «Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи, помилуй насъ». А матушка изъ келіи такъ баскомъ отвѣтитъ: «Ам-минь».

Женя смотритъ на нее нѣсколько времени пристально, покачиваетъ головой и говоритъ многозначительно:

— Странная ты дѣвушка, Тамара. Вотъ гляжу я на тебя и удивляюсь. Ну, я понимаю, что эти дуры, въ родѣ Соньки, любовь крутятъ. На то онѣ и дуры. А вѣдь ты, кажется, во всѣхъ золахъ печена, во всѣхъ щелокахъ стирана, а тоже позволяешь себѣ этакія глупости. Зачѣмъ ты эту рубашку вышиваешь?

Тамара, не торопясь, перекалываетъ поудобнѣе ткань на своемъ колѣнѣ булавкой, заглаживаетъ наперсткомъ шовъ и говоритъ, не поднимая сощуренныхъ глазъ, чуть склонивъ голову набокъ:

— Надо что-нибудь дѣлать. Скучно такъ. Въ карты я не играю и не люблю.

Женя продолжаетъ качать головой.

— Нѣтъ, странная ты дѣвушка, право, странная. Отъ гостей ты всегда имѣешь больше, чѣмъ мы всѣ. Дура, чѣмъ копить деньги, на что ты ихъ тратишь? Духи покупаешь по семи рублей за склянку. Кому это нужно? Вотъ теперь набрала на пятнадцать рублей шелку. Это вѣдь ты Сенькѣ своему?

— Конечно, Сенечкѣ.

— Тоже нашла сѣкровище. Воръ несчастный. Приѣдетъ въ заведеніе точно полководецъ какой. Какъ еще онъ не бьетъ тебя. Воры, они это любятъ. И обираетъ, небось?

— Больше, чѣмъ я захочу, я не дамъ, — кротко отвѣчаетъ Тамара и перекусываетъ нитку.

— Вотъ этому-то я и удивляюсь. Съ твоимъ умомъ, съ твоей красотой я бы себѣ такого гостя захороводила, что на содержаніе бы взялъ. И лошади свои были бы и брильянты.

— Чтò кому нравится, Женечка. Вотъ и ты тоже хорошенькая и милая дѣвушка, и характеръ у тебя та-

кой независимый и смѣлый, а вотъ застряли мы съ тобой у Анны Марковны

Женя вспыхиваетъ и отвѣчаетъ съ непритворной горечью:

— Да! Еще бы! Тебѣ везетъ!.. У тебя всѣ самые лучшіе гости. Ты съ ними дѣлаешь, что хочешь, а у меня все — либо старики, либо грудные младенцы. Не везетъ мнѣ. Одни сопливые, другіе желторотые. Вотъ больше всего я мальчишекъ не люблю. Придетъ, гадёнышъ, трусить, торопится, дрожить, а сдѣлалъ свое дѣло, не знаетъ, куда глаза дѣвать отъ стыда. Корчитъ его отъ омерзѣнія. Такъ и дала бы по мордѣ. Прежде чѣмъ рубль дать, онъ его въ карманѣ въ кулакѣ держитъ, горячій весь рубль-то, даже потный. Молокосось! Ему мать на французскую булку съ колбасой даетъ гривенникъ, а онъ на дѣвку съэкономилъ. Былъ у меня на-дняхъ одинъ кадетикъ. Такъ я нарочно, на зло ему говорю: на тебѣ, миленькій, на тебѣ карамелекъ на дорогу, пойдешь обратно въ корпусъ — пососешь. Такъ онъ сперва обидѣлся, а потомъ взялъ. Я потомъ нарочно подглядѣла съ крыльца: какъ вышелъ, оглянулся, и сейчасъ карамельку въ ротъ. Поросенокъ!

— Ну, со стариками еще хуже, — говоритъ нѣжнымъ голосомъ Манька Маленькая и лукаво заглядываетъ на Зою: — какъ ты думаешь, Зоенька?

Зоя, которая уже кончила играть и только-что хотѣла зѣвнуть, теперь никакъ не можетъ раззѣваться. Ей хочется не то сердиться, не то смѣяться. У ней есть постоянный гость, какой-то высокопоставленный старичокъ съ извращенными эротическими привычками. Надъ его визитами къ ней потѣшается все заведеніе.

Зоѣ удается наконецъ раззѣваться.

— Ну васъ къ чертовой матери, — говоритъ она сильнымъ, послѣ зѣвка, голосомъ: — будь онъ проклятъ, старая анаѰема!

— А всё-таки хуже всѣхъ, — продолжаетъ разсуждать Женя: — хуже твоего директора, Зоенька, хуже моего кадета, хуже всѣхъ — ваши любовники. Ну что тутъ радостнаго: придетъ пьяный, ломается, издѣвается, что-то такое хочеть изъ себя изобразить, но только ничего у него не выходитъ. Скажите, пожалуйста: мальчишечка. Хамъ-хамомъ, грязный, избитый, вонючій, все тѣло въ шрамахъ, только одна ему хвала: шелковая рубашка, которую ему Тамарка вышьетъ. Ругается, драться лѣзеть. Тьфу! Нѣтъ, — вдругъ воскликнула она веселымъ, задорнымъ голосомъ: — кого люблю вѣрно и нелицемѣрно, во вѣки вѣковъ, такъ это мою Манечку, Маньку Бѣленькую, Маньку Маленькую, мою Маньку-Скандалисточку.

И неожиданно, обнявъ за плечи и грудь Маню, она притянула ее къ себѣ, повалила на кровать и стала долго и сильно цѣловать ея волосы, глаза, губы. Манька съ трудомъ вырвалась отъ нея съ растрепанными свѣтлыми, тонкими, пушистыми волосами, вся розовая отъ сопротивления и съ опущенными, влажными отъ радостнаго стыда и невольнаго смѣха, глазами.

— Оставь, Женечка, оставь. Ну, что ты, право... Пусти!

Маня Маленькая — самая кроткая и тихая дѣвушка во всемъ заведеніи. Она добра, уступчива, никогда не можетъ никому отказать въ просьбѣ, и невольно всѣ относятся къ ней съ большой нѣжностью. Она краснѣетъ по всякому пустяку и въ это время становится особенно привлекательна, какъ умѣютъ быть привлекательны очень нѣжныя блондинки съ чувствительной кожей. Но достаточно ей выпить три-четыре рюмки ликера бенедиктина, который она очень любитъ, какъ она становится неузнаваемой и выдѣлываетъ такіе скандалы, что всегда требуется вмѣшательство экономокъ, швейцара, иногда даже полиціи. Ей ничего не стѣдуетъ ударить гостя по лицу или бросить ему въ глаза стаканъ, наполненный виномъ,

опрокинуть лампу, обругать хозяйку. Женя относится къ ней съ какимъ-то страннымъ, нѣжнымъ покровительствомъ и грубымъ обожаніемъ.

— Барышни, обѣдать! Обѣдать, барышни! — кричитъ, пробѣгая вдоль коридора, экономка Зося. На бѣгу она открываетъ дверь въ Манину комнату и кидаетъ торопливо:

— Обѣдать, обѣдать, барышни!

Идутъ опять на кухню, всѣ также въ нижнемъ бѣльѣ, всѣ немывшіяся, въ туфляхъ и босикомъ. Подаютъ вкусный борщъ со свиной кожицей и съ помидорами, котлеты и пирожное: трубочки со сливочнымъ кремомъ. Но ни у кого нѣтъ аппетита, благодаря сидячей жизни и неправильному сну, а также потому, что большинство дѣвицъ, какъ институтки въ праздникъ, уже успѣли днемъ послать въ лавочку за халвой, орѣхами, рахатъ-лукумомъ, солеными огурцами и тянучками и этимъ испортили себѣ аппетитъ. Одна только Нина, маленькая, курносая, гнусаваая деревенская дѣвушка, всего лишь два мѣсяца назадъ обольщенная какимъ-то коммивояжеромъ и имъ же проданная въ публичный домъ, ѣстъ за четверыхъ. У нея все еще не пропалъ чрезмѣрный, запасливый аппетитъ простолюдинок.

Женя, которая лишь безглаголиво поковыряла котлетку и съѣла половину трубочки, говоритъ ей тономъ лицемѣрнаго участія:

— Ты бы, Оеклуша, скушала бы и мою котлетку. Кушай, милая, кушай, не стѣсняйся, тебѣ надо поправляться. А знаете, барышни, что я вамъ скажу, — обращается она къ подругамъ: — вѣдь у нашей Оеклуши солитеръ, а когда у человѣка солитеръ, то онъ всегда ѣстъ за двоихъ: половину за себя, половину за глисту

Нина сердито сопить и отвѣчаетъ неожиданнымъ для ея роста басомъ и въ носъ:

— Никакихъ у меня нѣтъ глистовъ. Это у васъ есть глисты, оттого вы такая худая.

И она невозмутимо продолжаетъ ѣсть, и послѣ обѣда чувствуетъ себя сонной, какъ удавь, громко рыгаетъ, пьетъ воду, икаетъ и украдкой, если никто не видитъ, крестить себѣ ротъ, по старой привычкѣ.

Но вотъ уже въ коридорахъ и комнатахъ слышится звонкій голосъ Зоси:

— Одѣваться, барышни, одѣваться. Нечего разсиживаться... На работу...

Черезъ нѣсколько минутъ во всѣхъ комнатахъ заведенія пахнетъ паленымъ волосомъ, борно-тимоловымъ мыломъ, дешевымъ одеколономъ. Дѣвицы одѣваются къ вечеру.

IV.

Настали позднія сумерки, а за ними теплая, темная ночь, но еще долго, до самой полуночи, тлѣла густая малиновая заря. Швейцаръ заведенія Симеонъ зажегъ всѣ лампы по стѣнамъ залы и люстру, а также красный фонарь надъ крыльцомъ. Симеонъ былъ сухопарый, сутуловатый, молчаливый и суровый человѣкъ, съ прямыми широкими плечами, брונетъ, шадровитый, съ пестрыми отъ оспы бровями и усами и съ черными, матовыми, наглыми глазами. Днемъ онъ бывалъ свободенъ и спалъ, а ночью сидѣлъ безотлучно въ передней подъ рефлекторомъ, чтобы раздѣвать и одѣвать гостей и быть готовымъ на случай всякаго безпорядка.

Пришелъ таперъ, — высокій, бѣлобрысый, деликатный молодой человѣкъ съ бѣлымъ на правомъ глазу. Пока не было гостей, онъ съ Исаемъ Саввичемъ потихоньку разучивали «*pas d'Espagne*» — танецъ, начинавшій входить въ то время въ моду. За каждый танецъ, заказанный

гостями, они получали: тридцать копеекъ за легкій танецъ и по полтиннику за кадрили. Но одну половину изъ этой цѣны брала себѣ хозяйка, Анна Марковна, другую же музыканты дѣлили поровну. Такимъ образомъ таперъ получалъ только четверть изъ общаго заработка, что, конечно, было несправедливо, потому что Исай Саввичъ игралъ самоучкой и отличался деревяннымъ слухомъ. Таперу приходилось постоянно его натаскивать на новые мотивы, поправлять и заглушать его ошибки громкими аккордами. Дѣвицы съ нѣкоторой гордостью рассказывали гостямъ о таперѣ, что онъ былъ въ консерваторіи и шелъ все время первымъ ученикомъ, но такъ какъ онъ еврей и къ тому же заболѣлъ глазами, то ему не удалось окончить курса. Всѣ онѣ относились къ нему очень бережно и внимательно, съ какой-то участливой, немножко приторной жалостливостью, что весьма вяжется съ внутренними, закулисными нравами домовъ терпимости, гдѣ подъ внѣшней грубостью и щегольствомъ похабными словами живетъ такая же слащавая, истеричная сентиментальность, какъ и въ женскихъ пансіонахъ и, говорятъ, въ каторжныхъ тюрьмахъ.

Всѣ уже были одѣты и готовы къ приему гостей въ домъ Анны Марковны и томились бездѣльемъ и ожиданіемъ. Несмотря на то, что большинство женщинъ испытывало къ мужчинамъ, за исключеніемъ своихъ любовниковъ, полное, даже нѣсколько брезгливое равнодушіе, въ ихъ душахъ передъ каждымъ вечеромъ все-таки ожидали и шевелились смутныя надежды: неизвѣстно, кто ихъ выберетъ, не случится ли чего-нибудь необыкновеннаго, смѣшнаго или увлекательнаго, не удивитъ ли гость своей щедростью, не будетъ ли какого-нибудь чуда, которое перевернетъ всю жизнь? Въ этихъ предчувствіяхъ и надеждахъ было нѣчто похожее на тѣ волненія, которыя испытываетъ привычный игрокъ, пересчитывающій

передъ отправленіемъ въ клубъ свои наличныя деньги. Кромѣ того, несмотря на свою безполость, онѣ все-таки не утеряти самага главнаго, инстинктивнаго стремленія женщинъ — нравиться.

И, правда, иногда приходили въ домъ совеѣмъ диковинныя лица, и происходили сумбурныя, пестрыя событія. Являлась вдругъ полиція вмѣстѣ съ переодѣтыми сыщиками и арестовывала какихъ-нибудь приличныхъ на видъ, безукоризненныхъ джентльменовъ и уводила ихъ, толкая въ шею. Порою завязывались драки между пьяною скандальной компаніей и швейцарами изъ всеѣхъ заведеній, сбѣгавшимися на выручку товарищу-швейцару, — драка, во время которой разбивались стекла въ окнахъ и фортепьянныя деки, когда выламывались, какъ оружіе, пожки у плюшевыхъ стульевъ, кровь заливала паркетъ въ залѣ и ступеньки лѣстницы, и люди съ проткнутыми боками и проломленными головами валялись въ грязь у подъѣзда, къ звѣрскому, жадному восторгу Женьки, которая съ горящими глазами, со счастливымъ смѣхомъ лѣзла въ самую гущу свалки, хлопала себя по бедрамъ, бранилась и науськивала въ то время, какъ ея подружки визжали отъ страха и прятались подъ кровати.

Случалось, пріѣзжалъ со стаей прихлебателей какой-нибудь артельщикъ или кассиръ, давно уже зарвавшійся въ многотысячной растратѣ, въ карточной игрѣ и безобразныхъ кутежахъ и теперь дошвыривающій, передъ самоубійствомъ или скамьей подсудимыхъ, въ угарномъ, пьяномъ, нелѣпомъ бреду, послѣднія деньги. Тогда запирались наглухо двери и окна дома, и двое сутокъ кряду шла кошмарная, скучная, дикая, съ выкриками и слезами, съ надругательствомъ надъ женскимъ тѣломъ, русская оргія, устраивались райскія ночи, во время которыхъ уродливо кривлялись подъ музыку нагишомъ пьяные, кривойбгіе, волосатые, брюхатые мужчины и женщины

съ дряблыми, желтыми, обвисшими, жидкими тѣлами, пили и жрали, какъ свиньи, въ кроватяхъ и на полу, среди душной, проспиртованной атмосферы, загаженной человѣческимъ дыханіемъ и испареніями нечистой кожи.

Изрѣдка появлялся въ заведеніи цирковый атлетъ, производившій въ невысокихъ помѣщеніяхъ странно-громоздкое впечатлѣніе, въ родѣ лошади, введенной въ комнату, китаецъ въ синей кофтѣ, бѣлыхъ чулкахъ и съ косою, негръ изъ кафе-шантана въ смокингѣ и клѣтчатыхъ панталонахъ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ и въ крахмаленномъ бѣльѣ, которое, къ удивленію дѣвицъ, не только не пачкалось отъ черной кожи, но казалось еще болѣе ослѣпительно-блестящимъ.

Эти рѣдкіе люди будоражили пресыщенное воображеніе проститутокъ, возбуждали ихъ истощенную чувственность и профессиональное любопытство, и всѣ онѣ, почти влюбленныя, ходили за ними слѣдомъ, ревнуя и огрызаясь другъ на друга.

Былъ случай, что Симеонъ впустилъ въ залу какого-то пожилого человѣка, одѣтаго по-мѣщански. Ничего не было въ немъ особеннаго: строгое, худое лицо съ выдающимися, какъ желваки, костистыми, злыми скулами, низкій лобъ, борода клиномъ, густыя брови, одинъ глазъ замѣтно выше другого. Войдя, онъ поднесъ ко лбу сложенные для креста пальцы, но, пошаривъ глазами по угламъ и не найдя образа, нисколько не смутился, опустилъ руку, плюнулъ и тотчасъ же съ дѣловымъ видомъ подошелъ къ самой толстой во всемъ заведеніи дѣвицѣ — Каткѣ.

— Пойдемъ! — скомандовалъ онъ коротко и мотнулъ рѣшительно головой на дверь.

Но во время его отсутствія всезнающій Симеонъ съ таинственнымъ и даже нѣсколько гордымъ видомъ успѣлъ сообщить своей тогдашней любовницѣ Нюрѣ, а она шо-

потомъ, съ ужасомъ въ округлившіхся глазахъ, рассказала подругамъ по секрету о томъ, что фамилія мѣщанина — Дядченко, и что онъ прошлой осенью вызвался, за отсутствіемъ палача, совершить казнь надъ одиннадцатью бунтовщиками и собственноручно повѣсилъ ихъ въ два утра. И — какъ это ни чудовищно — не было въ этотъ часъ ни одной дѣвицы во всемъ заведеніи, которая не почувствовала бы зависти къ толстой Каткѣ и не испытала бы жуткаго, терпкаго, головокружительнаго любопытства. Когда Дядченко черезъ полчаса уходилъ со своимъ степеннымъ и суровымъ видомъ, всѣ женщины безмолвно, разинувъ рты, провожали его до выходной двери и потомъ слѣдили за нимъ изъ оконъ, какъ онъ шелъ по улицѣ. Потомъ кинулись въ комнату одѣвавшейся Катки и засыпали ее разспросами. Глядѣли съ новымъ чувствомъ, почти съ изумленіемъ, на ея голыя, красныя, толстыя руки, на смятую еще постель, на бумажный старый, засаленный рубль, который Катка показала имъ, вынувъ его изъ чулка. Катка ничего не могла рассказать: «мужчина какъ мужчина, какъ всѣ мужчины», говорила она со спокойнымъ недоумѣніемъ, но когда узнала, кто былъ ея гостемъ, то вдругъ расплакалась, сама не зная почему.

Этотъ человѣкъ, отверженный изъ отверженныхъ, такъ низко упавшій, какъ только можетъ представить себѣ человѣческая фантазія, этотъ добровольный палачъ, обошелся съ ней безъ грубости, но съ такимъ отсутствіемъ хоть бы намека на ласку, съ такимъ пренебреженіемъ и деревяннымъ равнодушіемъ, какъ обращаются не съ человѣкомъ, даже не съ собакой или лошадью, и даже не съ зонтикомъ, пальто или шляпой, а какъ съ какимъ-то грязнымъ предметомъ, въ которомъ является минутная неизбѣжная потребность, но который, по минованіи надобности, становится чуждымъ, бесполезнымъ и против-

нымъ. Всего ужаса этой мысли толстая Катька не могла объять своимъ мозгомъ откормленной индюшки и потому плакала — какъ и ей самой казалось — безпричинно и безтолково.

Бывали и другія происшествія, взбалтывавшія мутную, грязную жизнь этихъ бѣдныхъ, больныхъ, глупыхъ, несчастныхъ женщинъ. Бывали случаи дикой, необузданной ревности съ пальбой изъ револьвера и отравленіемъ; иногда, очень рѣдко, расцвѣтала на этомъ навозѣ нѣжная, пламенная и чистая любовь; иногда женщины даже покидали при помощи любимаго человѣка заведеніе, но почти всегда возвращались обратно. Два или три раза случалось, что женщина изъ публичнаго дома вдругъ оказывалась беременной — и это всегда бывало, по вѣщности, смѣшно и позорно, но въ глубинѣ событія — трогательно.

И, какъ бы то ни было, каждый вечеръ приносилъ съ собою такое раздражающее, напряженное, пряное ожиданіе приключеній, что всякая другая жизнь, послѣ дома терпимости, казалась этимъ лѣнливымъ, безвольнымъ женщинамъ прѣсной и скучной.

V.

Огня раскрыты настежь въ душистую темноту вечера, и тюлевая занавѣски слабо колышутся взадъ и впередъ отъ незамѣтнаго движенія воздуха. Пахнетъ росистой травой изъ чахлаго маленькаго палисадника передъ домомъ, чуть-чуть сиреню и вянущимъ березовымъ листомъ отъ троицкихъ деревцовъ у подъѣзда. Люба, въ синей бархатной кофтѣ съ низко вырѣзанной грудью, и Нюра, одѣтая, какъ «бэбэ», въ розовый широкій сакъ до колѣнъ, съ распущенными свѣтлыми волосами и съ кудряшками на лбу, лежатъ обнявшись на подоконникѣ и поютъ поти-

хоньку очень известную между проститутками злободневную пѣсню про больницу. Нюра тоненько, въ носъ, выводитъ первый голосъ, Люба вторитъ ей глуховатымъ альтомъ:

Понедѣльникъ наступаетъ,
Мнѣ на выписку итти.
Докторъ Красовъ не пускаетъ...

Во всѣхъ домахъ отворенныя окна ярко освѣщены, а передъ подъѣздами горятъ всячїе фонари. Обѣимъ дѣвушкамъ отчетливо видна внутренность залы въ заведенїи Софьи Васильевны, что напротивъ: жетлый блестящїй паркетъ, темно-вишневая драпри на дверяхъ, перехваченныя шнурами, конецъ чернаго рояля, трюмо въ золоченой рамѣ и то мелькающія въ окнахъ, то скрывающіяся женскія фигуры въ пышныхъ платьяхъ и ихъ отраженія въ зеркалахъ. Рѣзное крыльцо Треппеля, направо, ярко озарено голубоватымъ электрическимъ свѣтомъ изъ большого матоваго шара.

Вечеръ тихъ и тепелъ. Гдѣ-то далеко-далеко, за линїей желѣзной дороги, за какими-то черными крышами и тонкими черными стволами деревьевъ, низко надъ темной землей, въ которой глазъ не видитъ, а точно чувствуетъ могучїй зеленый весеннїй тонъ, рдѣетъ алымъ золотомъ, прорѣзавшись сквозь сизую мглу, узкая, длинная полоска поздней зари. И въ этомъ неясномъ дальнемъ свѣтѣ, въ ласковомъ воздухѣ, въ запахахъ наступающей ночи была какая-то тайная, сладкая, сознательная печаль, которая бываетъ такъ нѣжна въ вечера между весной и лѣтомъ. Плылъ неясный шумъ города, слышался скучающїй, гнусавый напѣвъ гармонїй, мычанїе коровъ, сухо шаркали чьи-то подошвы, и звонко стучала окованная палочка о плиты тротуара; лѣниво и неправильно погромыхивали колеса извозчичьей пролетки, катившейся

шагомъ по Ямѣ, и всѣ эти звуки сплетались красиво и мягко въ задумчивой дремотѣ вечера. И свистки паровозовъ на линіи желѣзной дороги, обозначенной въ темнотѣ зелеными и красными огоньками, раздавались съ тихой, пѣвучей осторожностью.

Вотъ сидѣлочка прихо-одить,
Булку съ сахаромъ несесть...
Булку съ сахаромъ несесть...
Всѣмъ по-ровну раздасть.

— Прохоръ Иванычъ! — вдругъ окликаетъ Нюра кудряваго слугу изъ пивной, который легкимъ чернымъ силуэтомъ перебѣгаетъ черезъ дорогу. — А Прохоръ Иванычъ!

— Ну васъ! — сипло огрызается тотъ. — Чего еще?

— Вамъ велѣлъ кланяться одинъ вашъ товарищъ. Я его сегодня видѣла.

— Какой-такой товарищъ?

— Такой хорошенькій! Брюнетикъ симпатичный... Нѣтъ, а вы спросите лучше, гдѣ я его видѣла?

— Ну, гдѣ? — Прохоръ Ивановичъ приостановился на минуту.

— А вотъ гдѣ: у насъ на гвоздѣ, на пятой полкѣ, гдѣ дохлые волки.

— Атъ! Дура еловая.

Нюра хохочетъ визгливо на всю Яму и валится на подоконникъ, брыкая ногами въ высокихъ черныхъ чулкахъ. Потомъ, переставъ смѣяться, она сразу дѣлаетъ круглые удивленные глаза и говоритъ шопотомъ:

— А знаешь, дѣвушка, вѣдь онъ въ позапрошломъ годѣ женщину одну зарѣзалъ, Прохоръ-то. Ей-Богу.

— Ну? До смерти?

— Нѣтъ, не до смерти. Выкачалась, — говоритъ Нюра точно съ сожалѣніемъ. — Однако два мѣсяца пролежала въ Александровской. Доктора говорили, что если бы на вотъ-вотъ столечко повыше, — то кончено бы. Амба!

— За что же онъ ее?

— А я знаю? Можетъ-быть, деньги отъ него скрывала или измѣнила. Любовникъ онъ у ей былъ — котъ.

— Ну и что же ему за это?

— А ничего. Никакихъ уликовъ не было. Была тутъ общая склока. Человѣкъ сто дралось. Она тоже въ полицію заявила, что никакихъ подозрѣній не имѣетъ. Но Прохоръ самъ потомъ хвалился: я, говорить, въ тотъ разъ Дуньку не зарѣзалъ, такъ въ другой разъ дорѣжу. Она, говорить, отъ моихъ рукъ не уйдетъ. Будетъ ей амба!

Люба вздрагиваетъ всей спиной.

— Отчаянные они, эти коты! — произносить она тихо, съ ужасомъ въ голосѣ.

— Страсть до чего! Я, ты знаешь, съ нашимъ Симеономъ крутила любовь цѣлый годъ. Такой иродъ, подлець! Живого мѣста на мнѣ не было, вся въ синякахъ ходила. И не то, чтобы за что-нибудь, а просто такъ, пойдетъ утромъ со мной въ комнату, запрется и давай меня терзать. Руки выкручиваетъ, за груди щиплетъ, душить начнетъ за горло. А то цѣлуетъ-цѣлуетъ, да какъ куснетъ за губы, такъ кровь ажъ и брызнетъ... я заплачу, а ему только этого и нужно. Такъ звѣремъ на меня и кинется, ажъ задрожитъ. И всѣ деньги отъ меня отбиралъ, ну вотъ всѣ до копеечки. Не на что было десятка папиросъ купить. Онъ вѣдь скупой, Симеонъ-то, все на книжку да на книжку относить... Говорить, что, какъ соберетъ тысячу рублей — въ монастырь уйдетъ.

— Ну?

— Ей-Богу. Ты посмотри у него въ комнаткѣ: круглыя сутки, днемъ и ночью, лампадка горитъ передъ образами. Онъ очень до Бога усердный... Только я думаю, что онъ оттого такой, что тяжелые грѣхи на немъ. Убийца онъ.

— Да что ты?

— Ахъ, да ну его, бросимъ о немъ, Любочка. Ну, давай дальше:

Пойду въ халтеку, куплю я ха-ду,
Сама себя я хатравлю,—

заводить Нюра тоненькимъ голоскомъ.

Женя ходитъ взадъ и впередъ по залѣ, подбоченившись, раскачиваясь на ходу и заглядывая на себя во всѣ зеркала. На ней надѣто короткое атласное оранжевое платье съ прямыми глубокими складками на юбкѣ, которая мѣрно колеблется влево и вправо отъ движенія ея бедеръ. Маленькая Манька, страстная любительница карточной игры, готовая играть съ утра до утра не переставая, дуется въ «шестьдесятъ шесть» съ Пашей, причемъ обѣ женщины, для удобства сдачи, оставили между собою пустой стулъ, а взятки собираютъ себѣ въ юбки, распяленные между колѣнями. На Манькѣ коричневое, очень скромное платье, съ чернымъ передникомъ и плюенымъ чернымъ нагрудникомъ; этотъ костюмъ очень идетъ къ ея нѣжной бѣлокурой головкѣ и маленькому росту, молодитъ ее и дѣлаетъ похожей на гимназистку предпоследняго класса.

Ея партнерша Паша — очень странная и несчастная дѣвушка. Ей давно бы нужно быть не въ домѣ терпимости, а въ психіатрической лечебницѣ изъ-за мучительнаго нервнаго недуга, заставляющаго ее изступленно, съ болѣзненной жадностью отдаваться каждому мужчинѣ, даже самому противному, который бы ее ни выбралъ. Подруги издѣваются надъ нею и нѣсколько презираютъ ее за этотъ порокъ, точно какъ за какую-то измѣну корпоративной враждѣ къ мужчинамъ. Нюра очень похоже передразниваетъ ея вздохи, стоны, выкрики и страстные слова, отъ которыхъ она никогда не можетъ удержаться въ минуты экстаза и которыя бывають слышны черезъ

двѣ или три перегородки въ сосѣднихъ комнатахъ. Про Пашу ходитъ слухъ, что она вовсе не по нуждѣ и не соблазномъ или обманомъ попала въ публичный домъ, а поступила въ него сама, добровольно, слѣдуя своему ужасному, ненасытному инстинкту. Но хозяйка дома и обѣ экономки всячески балуютъ Пашу и поощряютъ ея безумную слабость, потому что, благодаря ей, Паша идетъ нарѣхвать и зарабатываетъ вчетверо, впятеро больше любой изъ остальныхъ дѣвушекъ, — зарабатываетъ такъ много, что въ бойкіе праздничные дни ее вовсе не выводятъ къ гостямъ «посѣрѣе» или отказываютъ имъ подъ предлогомъ Пашиной болѣзни, потому что постоянные хорошие гости обижаются, если имъ говорить, что ихъ знакомая дѣвушка занята съ другимъ. А такихъ постоянныхъ гостей у Паши пропасть; многіе совершенно искренно, хотя и по-скотски, влюблены въ нее, и даже не такъ давно двое почти одновременно звали ее на содержаніе: грузинъ-приказчикъ изъ магазина кахетинскихъ винъ и какой-то желѣзнодорожный агентъ, очень гордый и очень бѣдный дворянинъ высокаго роста съ махровыми манжетами, съ лѣвымъ глазомъ, прикрытымъ чернымъ кружкомъ на резинкѣ. Паша, пассивная во всемъ, кромѣ своего безличнаго сладострастія, конечно, пошла бы за всякимъ, кто позвалъ бы ее, но администрація дома зорко оберегаетъ въ ней свои интересы. Близкое безуміе уже сквозитъ въ ея миловидномъ лицѣ, въ ея полузакрытыхъ глазахъ, всегда улыбающихся какой-то хмельной, блаженной, кроткой, застѣнчивой и непристойной улыбкой, въ ея томныхъ, размягченныхъ, мокрыхъ губахъ, которыми она постоянно облизываетъ, въ ея короткомъ, тихомъ смѣхѣ — смѣхѣ идиотки. И вмѣстѣ съ тѣмъ она — эта истинная жертва общественнаго темперамента — въ обиходной жизни очень добродушна, уступчива, совершенная безсребреница и очень стыдится своей чрезмѣрной

страстности. Къ подругамъ она нѣжна, очень любитъ цѣловаться и обниматься съ ними и спать въ одной постели, но ею всѣ какъ будто бы немного брезгуютъ.

— Манечка, душечка, миленькая, — говоритъ умильно Паша, дотрогиваясь до Маниной руки: — погадай мнѣ, золотая моя дѣточка.

— Ну-у, — надуваетъ Маня губы, точно ребенокъ. — Поигра-аемъ еще.

— Манечка, хорошенькая, пригоженькая, золотце мое, родная, дорогая...

Маня уступаетъ и раскладываетъ колоду у себя на колѣняхъ. Червонный домъ выходитъ, небольшой денежный интересъ и свиданіе въ пиковомъ домѣ при большой компаніи съ трефовымъ королемъ.

Паша всплескиваетъ радостно руками:

— Ахъ, это мой Леванчикъ! Ну да, онъ обѣщаль сегодня прийти. Конечно, Леванчикъ.

— Это твой грузинъ?

— Да, да, мой грузинчикъ. Охъ, какой онъ пріятный. Такъ бы никогда его отъ себя не отпустила. Знаешь, онъ мнѣ въ послѣдній разъ что сказалъ? «Если ты будешь еще жить въ публичномъ домѣ, то я сдѣлаю и тебѣ смерть и себѣ сдѣлаю смерть». И такъ глазами на меня сверкнулъ.

Женя, которая остановилась вблизи, прислушивается къ ея словамъ и спрашиваетъ высокомерно:

— Это кто это такъ сказалъ?

— А мой грузинчикъ Леванъ. И тебѣ смерть и мнѣ смерть.

— Дура. Ничего онъ не грузинчикъ, а просто армяшка. Сумасшедшая ты дура.

— Анъ нѣтъ, грузинъ. И довольно странно съ твоей стороны...

— Говорю тебѣ — армяшка. Мнѣ лучше знать. Дура!

— Чего же ты ругаешься, Женья? Я же тебя первая не ругала.

— Еще бы ты первая стала ругаться. Дура! Не все тебѣ равно, кто онъ такой. Влюблена ты въ него, что ли?

— Ну и влюблена!

— Ну и дура. А въ этого, съ кокардой, въ кривого, тоже влюблена?

— Такъ что же? Я его очень уважаю. Онъ очень солидный.

— И въ* Кольку-бухгалтера? И въ подрядчика? И въ Антошку-картошку? И въ актера толстаго? У-у, безстыдница! — вдругъ вскрикиваетъ Женья. — Не могу видѣть тебя безъ омерзѣнія. Сука ты! Будь я на твоёмъ мѣстѣ такая разнесчастная, я бы лучше руки на себя наложила, удавила бы на шнуркѣ отъ корсета. Гадина ты!

Паша молча опускаетъ рѣсницы на глаза, налившіеся слезами. Маня пробуетъ заступиться за нее.

— Что ужъ это ты такъ, Женечка... Зачѣмъ ты на нее такъ...

— Эхъ, всѣ вы хороши! — рѣзко обрываетъ ее Женья. — Никакого самолюбія!.. Приходитъ хамъ, покупаетъ тебя какъ кусокъ говядины, нанимаетъ какъ извозчика, по таксѣ, для любви на часъ, а ты и раскисла: «Ахъ, любовничекъ! Ахъ, неземная страсть!» Тьфу!

Она гнѣвно поворачивается къ нимъ спиною и продолжаетъ свою прогулку по діагонали залы, покачивая бедрами и щурясь на себя въ каждое зеркало.

Въ это время Исаакъ Давидовичъ, таперъ, все еще бьется съ неподатливымъ скрипачомъ.

— Не такъ, не такъ, Исай Саввичъ. Вы бросьте скрипку на минуточку. Прислушайтесь немножко ко мнѣ. Вотъ мотивъ.

Онъ играетъ однимъ пальцемъ и напѣваетъ тѣмъ ужас-

вымъ козлинымъ голосомъ, какимъ обладаютъ всѣ капель-
мейстеры, въ которые онъ когда-то готовился:

— Эсь-тамъ, эсь-тамъ, эсь-тіамъ-тіамъ. Ну теперь по-
вторяйте за мною первое колѣно за первый разъ... Ну...
ейнъ, цвей...

За ихъ репетиціей внимательно слѣдятъ: сѣроглазая,
круглолицая, круглобровая, безпощадно намазавшаяся де-
шевыми румянами и бѣлилами Зоя, которая облокотилась
на фортепіано, и Вѣра, жиденъкая, съ испитымъ ли-
цомъ, въ костюмѣ жокея: въ круглой шапочкѣ съ пря-
мымъ козырькомъ, въ шелковой полосатой, синей съ бѣ-
лымъ, курточкѣ, въ бѣлыхъ, обтянутыхъ туго рейтузахъ
и въ лакированныхъ сапожкахъ съ желтыми отворотами.
Вѣра и въ самомъ дѣлѣ похожа на жокея, со своимъ
узкимъ лицомъ, на которомъ очень блестящіе голубые
глаза, подѣ спущенной на лобъ легкой гривкой, слиш-
комъ близко посажены къ горбатуму, нервному, очень кра-
сивому носу. Когда наконецъ, послѣ долгихъ усилій,
музыканты слаживаются, низенькая Вѣра подходит къ
рослой Зое той мелкой, связанной походкой, съ отто-
пыреннымъ задомъ и локтями на отлетѣ, какой ходятъ
только женщины въ мужскихъ костюмахъ, и дѣлаетъ ей,
широко разводя внизъ руками, комическій мужской по-
клонъ. И онъ съ большимъ удовольствіемъ начинаютъ
носиться по залѣ.

Прыткая Нюра, всегда первая объявляющая всѣ но-
вости, вдругъ соскакиваетъ съ подоконника и кричитъ,
захлебываясь отъ волненія и торопливости:

— Къ Трепелю... подѣхали... лихачъ... съ электри-
чествомъ... Ой, дѣвоньки... умереть на мѣстѣ... на огло-
бляхъ электричество.

Всѣ дѣвицы, кромѣ гордой Жени, высовываются изъ
оконъ. Около трепелевскаго подѣзда дѣйствительно
стоитъ лихачъ. Его новенькая шегольская пролетка бле-

ститъ свѣжимъ лакомъ; на концахъ оглобелей горятъ желтымъ свѣтомъ два крошечныхъ электрическихъ фонарика; высокая бѣлая лошадь нетерпѣливо мотааетъ красивой головой съ голымъ розовымъ пятномъ на храпѣ, перебираетъ на мѣстѣ ногами и прядетъ тонкими ушами; бородатый, толстый кучеръ сидитъ на козлахъ какъ изваяніе, вытянувъ прямо вдоль колѣнъ руки.

— Вотъ бы прокатиться! — взвизгиваетъ Нюра. — Дяденька-лихачъ, а дяденька-лихачъ, — кричитъ она, перевѣшиваясь черезъ подоконникъ: — прокатай бѣдную дѣвчоночку... Прокатай за любовь!

Но лихачъ смѣется, дѣлаетъ чуть замѣтное движеніе пальцами, и бѣлая лошадь тотчасъ же, точно она только этого и дожидалась, беретъ съ мѣста доброй рысью, красиво заворачиваетъ назадъ и съ мѣрной быстротой уползаетъ въ темноту вмѣстѣ съ пролеткой и широкой спиной кучера.

— Пфу! Безобразіе! — раздается въ комнатѣ негодующій голосъ Эммы Эдуардовны. — Ну гдѣ это видано, чтобы порядочныя барышни позволяли себѣ вылѣзть на окошко и кричать на всю улицу. О, скандалъ! И все Нюра, и всегда эта ужасная Нюра!

Она величественна въ своемъ черномъ платьѣ; съ желтымъ дряблымъ лицомъ, съ темными мѣшками подъ глазами, съ тремя висящими, дрожащими подбородками. Дѣвицы, какъ провинившіяся пансіонерки, чинно разсаживаются по стульямъ вдоль стѣнъ, кромѣ Жени, которая продолжаетъ созерцать себя во всѣхъ зеркалахъ. Еще два извозчика подъѣзжаютъ напротивъ, къ дому Софьи Васильевны. Яма начинаетъ оживляться. Наконецъ еще одна пролетка грохочетъ по мостовой, и шумъ ея сразу обрывается у подъѣзда Анны Марковны.

Швейцаръ Симеонъ помогаетъ кому-то раздѣться въ передней. Женя заглядываетъ туда, держась обѣими ру-

ками за дверные косяки, но тотчас же оборачивается назадъ и на ходу пожимаетъ плечами и отрицательно трясеть головой.

— Не знаю, какой-то совѣтъ незнакомый, — говоритъ она вполголоса. — Никогда у насъ не былъ. Какой-то папашка, толстый, въ золотыхъ очкахъ и въ формѣ.

Эмма Эдуардовна командуешь голосомъ, звучащимъ, какъ призывная кавалерійская труба:

— Барышни, въ залу! Въ залу, барышни!

Одна за другой надменными походками выходятъ въ залу: Тамара съ голыми бѣлыми руками и обнаженной шеей, обвитой ниткой искусственного жемчуга, толстая Катька съ мясистымъ четырехугольнымъ лицомъ и низкимъ лбомъ — она тоже декольтирована, но кожа у нея красная и въ пупырышкахъ; новенькая Нина, курносая и неуклюжая, въ платьѣ цвѣта зеленаго попугая; другая Манька — Манька Большая, или Манька-Крокодилъ, какъ ее называютъ, и — послѣдней — Сонька-Рулъ, еврейка, съ некрасивымъ темнымъ лицомъ и чрезвычайно большимъ носомъ, за который она и получила свою кличку, но съ такими прекрасными большими глазами, одновременно кроткими и печальными, горящими и влажными, какія среди женщинъ всего земного шара бываютъ только у евреекъ.

VI.

Пожилой гость въ формѣ благотворительнаго вѣдомства вошелъ медленными, нерѣшительными шагами, наклоняясь при каждомъ шагѣ немного корпусомъ впередъ и потирая кругообразными движеніями свои ладони, точно умывая ихъ. Такъ какъ всѣ женщины торжественно молчали, точно не замѣчая его, то онъ пересѣкъ залу и опустился на стулъ рядомъ съ Любой, которая, согласно этикету,

только подобрала немного юбку, сохраняя разсѣянный и независимый видъ дѣвицы изъ порядочнаго дома.

— Здравствуйте, барышня, — сказалъ онъ.

— Здравствуйте, — отрывисто отвѣтила Люба.

— Какъ вы поживаете?

— Спасибо, благодарю васъ. Угостите покурить.

— Извините — некуращій.

— Вотъ такъ такъ. Мужчина и вдругъ не курить. Ну такъ угостите лафитомъ съ лимонадомъ. Ужасъ какъ люблю лафитъ съ лимонадомъ.

Онъ промолчалъ.

— У, какой скупой, папашка! Вы гдѣ это служите? Вы — чиновники?

— Нѣтъ, я учитель. Учю нѣмецкому языку.

— А я васъ гдѣ-то видѣла, папочка. Ваша фізіономія мнѣ знакома. Гдѣ я съ вами встрѣчалась?

— Ну ужъ не знаю, право. На улицѣ развѣ.

— Можетъ-быть, и на улицѣ... Вы хотя бы апельсинномъ угостили. Можно спросить апельсинъ?

Онъ опять замолчалъ, озираясь кругомъ. Лицо у него заблестѣло, и прыщи на лбу стали красными. Онъ медленно оцѣнивалъ всѣхъ женщинъ, выбирая себѣ подходящую и въ то же время стѣсняясь своимъ молчаніемъ. Говорить было совсѣмъ не о чемъ, кромѣ того равнодушная назойливость Любы раздражала его. Ему нравилась своимъ большимъ коровьимъ тѣломъ толстая Катя, но, должно-быть, — рѣшалъ онъ въ умѣ, — она очень холодна въ любви, какъ всѣ полныя женщины, и къ тому же некрасива лицомъ. Возбуждала его также и Вѣра своимъ видомъ мальчишки и крѣпкими ляжками, плотно охваченными бѣлымъ трико, и бѣленькая Маня, такъ похожая на невинную гимназистку, и Женя со своимъ энергичнымъ, смуглымъ, красивымъ лицомъ. Одну минуту онъ совсѣмъ ужъ было-остановился на Женѣ, но только дер-

нулся на стулѣ и не рѣшился: по ея развязному, недоступному и небрежному виду и по тому, какъ она искренно не обращала на него никакого вниманія, онъ догадывался, что она — самая избалованная среди всѣхъ дѣвицъ заведенія, привыкшая, чтобы на нее посятители шире тратились, чѣмъ на другихъ. А педагогъ былъ человѣкъ расчетливый, обремененный большимъ семействомъ и истощенной, исковерканной его мужской требовательностью женой, страдавшей множествомъ женскихъ болѣзней. Преподавая въ женской гимназiи и въ институтѣ, онъ постоянно жилъ въ какомъ-то тайномъ сладострастномъ бреду, и только нѣмецкая выдержка, скупость и трусость помогали ему держать въ уздѣ свою вѣчно возбужденную похоть. Но раза два-три въ годъ онъ съ невѣроятными лишеніями выкраивалъ изъ своего нищенскаго бюджета пять или десять рублей, отказывая себѣ въ любимой вечерней кружкѣ пива и выгадывая на конкахъ, для чего ему приходилось дѣлать громадные концы по городу пѣшкомъ. Эти деньги онъ отдѣлялъ на женщинъ и тратилъ ихъ медленно, со вкусомъ, стараясь какъ можно болѣе продлить и удешевить наслажденіе. И за свои деньги онъ хотѣлъ очень многого, почти невозможнаго: его нѣмецкая сентиментальная душа смутно жаждала невинности, робости, поэзіи въ бѣлокурномъ образѣ Гретхенъ, но, какъ мужчина, онъ мечталъ, хотѣлъ и требовалъ, чтобы его ласки приводили женщину въ восторгъ и трепеть и въ сладкое изнеможеніе.

Впрочемъ, того же самаго добивались всѣ мужчины — даже самые лядашіе, уродливые, скрюченные и безсильные изъ нихъ — и древній опытъ давно уже научилъ женщинъ имитировать голосомъ и движеніями самую пылкую страсть, сохраняя въ бурныя минуты самое полнѣйшее хладнокровіе.

— Хоть по крайности закажите музыкантамъ сыграть

полечку. Пусть барышни потанцуютъ, — попросила ворчливо Люба.

Это было ему съ руки. Подъ музыку, среди толкотни танцевъ, было гораздо удобнѣе рѣшиться встать, увести изъ залы одну изъ дѣвиць, чѣмъ сдѣлать это среди общаго молчанія и чопорной неподвижности.

— А сколько это стѣить? — спросилъ онъ осторожно.

— Кадриль — полтинникъ, а такіе танцы — тридцать копеекъ. Такъ можно?

— Ну что жъ... пожалуйте... Мнѣ не жаль, — согласился онъ, притворяясь щедрымъ. — Кому здѣсь сказать?

— А вонъ музыкантамъ.

— Отчего же... я съ удовольствіемъ... Господинъ музыкантъ, пожалуйте, что-нибудь изъ легкихъ танцевъ, — сказалъ онъ, кладя серебро на фортепіано.

— Что прикажете? — спросилъ Исай Саввичъ, пряча деньги въ карманъ. — Вальсъ, польку, польку-мазурку?

— Ну... что-нибудь такое...

— Вальсъ, вальсъ! — закричала съ своего мѣста Вѣра, большая любительница танцовать.

— Нѣтъ, польку!.. Вальсъ!.. Венгерку!.. Вальсъ! — потребовали другія.

— Пускай играютъ польку, — рѣшила капризнымъ тономъ Люба. — Исай Саввичъ, сыграйте, пожалуйте, полечку. Это мой мужъ, и онъ для меня заказываетъ, — прибавила она, обнимая за шею педагога. — Правда, папочка?

Но онъ высвободился изъ-подъ ея руки, втянувъ въ себя голову какъ черепаха, и она безъ всякой обиды пошла танцовать съ Нюрой. Кружились и еще три пары. Въ танцахъ всѣ дѣвицы старались держать талию какъ можно прямѣе, а голову какъ можно неподвижнѣе, съ полнымъ безучастіемъ на лицахъ, что составляло одно изъ условій хорошаго тона заведенія. Подъ шумокъ учитель подошелъ къ Манькѣ Маленькой.

— Пойдемте? — сказалъ онъ, подставляя руку кала-
чикомъ.

— Поѣдемте, — отвѣтила она, смѣясь.

Она привела его въ свою комнату, убранную со всей
кокетливостью спальни публичнаго дома средней руки:
комодъ, покрытый вязаной скатертью, и на немъ зеркало,
букетъ бумажныхъ цвѣтовъ, нѣсколько пустыхъ бон-
боньерокъ, пудреница, выцвѣтшая фотографическая кар-
точка бѣлобрысаго молодого человѣка съ гордо-изумлен-
нымъ лицомъ, нѣсколько визитныхъ карточекъ; надъ кро-
ватью, покрытой пикейнымъ розовымъ одѣяломъ, вдоль
стѣны прибитъ коверъ съ изображеніемъ турецкаго сул-
тана, нѣжащагося въ своемъ гаремѣ, съ кальяномъ во
рту; на стѣнахъ еще нѣсколько фотографій франтова-
тыхъ мужчинъ лакейскаго и актерскаго типа; розовый
фонарь, свѣшивающійся на цѣпочкахъ съ потолка; круг-
лый столъ подъ ковровой скатертью, три вѣнскихъ стула,
эмалированный тазъ и такой же кувшинъ въ углу на та-
буреткѣ, за кроватью.

— Угости, милочка, лафитомъ съ лимонадомъ, — по-
просила, по заведенному обычаю, Манька Маленькая,
разстегивая корсажъ.

— Потомъ, — сурово отвѣтилъ педагогъ. — Это отъ
тебя самой будетъ зависѣть. И потомъ: какой же здѣсь
у васъ можетъ быть лафитъ? Бурда какая-нибудь.

— У насъ хорошій лафитъ, — обидчиво возразила дѣ-
вушка. — Два рубля бутылка. Но если ты такой скупой,
купи хоть пива. Хорошо?

— Ну, пива, это можно.

— А мнѣ лимонаду и апельсиновъ. Да?

— Лимонаду бутылку да, а апельсиновъ нѣтъ. Потомъ,
можетъ-быть, я тебя даже и шампанскимъ угощу, все
отъ тебя будетъ зависѣть. Если постарайся.

— Такъ я спрошу, папашка, четыре бутылки пива и двѣ

лимонаду? Да? И для меня хоть плиточку шоколаду. Хорошо? Да?

— Двѣ бутылки пива, бутылку лимонаду и больше ничего. Я не люблю, когда со мною торгуются. Если надо, я самъ потребую.

— А можно мнѣ одну подругу пригласить?

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, безъ всякихъ подругъ.

Манька высунулась изъ двери въ коридоръ и крикнула звонко:

— Экономочка! Двѣ бутылки пива и для меня бутылку лимонаду.

Пришелъ Симеонъ съ подносомъ и сталъ съ привычной быстротой откупоривать бутылки. Слѣдомъ за нимъ пришла экономка Зося.

— Ну, вотъ, какъ хорошо устроились. Съ законнымъ бракомъ! — поздравила она.

— Папаша, угости экономочку пивомъ, — попросила Манька. — Кушайте, экономочка.

— Ну, въ такомъ случаѣ, за ваше здоровье, господинъ. Что-то лицо мнѣ ваше точно знакомо?

Нѣмецъ пилъ пиво, обсасывая и облизывая усы, и нетерпѣливо ожидалъ, когда уйдетъ экономка. Но она, поставивъ свой стаканъ и поблагодаривъ, сказала:

— Позвольте, господинъ, получить съ васъ деньги. За пиво, сколько слѣдуетъ, и за время. Это и для васъ лучше и для насъ удобнѣе.

Требованіе денегъ покорило учителя, потому что совершенно разрушало сентиментальную часть его намѣреній. Онъ разсердился:

— Чтò это, въ самомъ дѣлѣ, за хамство! Кажется, я бѣжать не собираюсь отсюда. И потомъ развѣ вы не умѣете разбирать людей? Видите, что къ вамъ пришелъ человекъ порядочный, въ формѣ, а не какой-нибудь босякъ. Чтò за назойливость такая!

Экономка немного сдалась.

— Да вы не обижайтесь, господинъ. Конечно, за визитъ вы сами барышнѣ отдадите. Я думаю, не обидите, она у насъ дѣвочка славная. А ужъ за пиво и лимонадъ потрудитесь заплатить. Мнѣ тоже хозяйкѣ надо отчетъ отдавать. Двѣ бутылки пива по пятидесяти — рубль и лимонадъ тридцать — рубль тридцать.

— Господи, бутылка пива пятьдесятъ копеекъ! — возмущился нѣмецъ. — Да я въ любой портерной достану его за двѣнадцать копеекъ.

— Ну и идите въ портерную, если тамъ дешевле, — обидѣлась Зося. — А если вы пришли въ приличное заведеніе, то это уже казенная цѣна — полтинникъ. Мы ничего лишняго не беремъ. Вотъ такъ-то лучше. Двадцать копеекъ вамъ сдачи?

— Да, непременно сдачи, — твердо подчеркнул учитель. — И прошу васъ, чтобы больше никто не входилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, что вы, — засуетилась около двери Зося. — Располагайтесь, какъ вамъ будетъ угодно, въ полное свое удовольствіе. Приятнаго вамъ аппетита.

Манька заперла за нею дверь на крючокъ и съѣла нѣмцу на одно колѣно, обнявъ его голой рукой.

— Ты давно здѣсь? — спросилъ онъ, прихлебывая пиво.

Онъ чувствовалъ смутно, что то подражаніе любви, которое сейчасъ должно произойти, требуетъ какого-то душевнаго сближенія, болѣе интимнаго знакомства, и поэтому, несмотря на свое нетерпѣніе, началъ обычный разговоръ, который ведется почти всѣми мужчинами наединѣ съ проститутками и который заставляетъ ихъ лгать почти механически, лгать безъ огорченія, увлеченія или злобы, по одному престарелому трафарету.

— Недавно, всего третій мѣсяць.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать, — соврала Маленькая Манька, убавивъ себѣ пять лѣтъ.

— О, такая молоденькая! — удивился нѣмецъ и сталъ, нагнувшись и кряхтя, снимать сапоги. — Какъ же ты сюда попала?

— А меня одинъ офицеръ обвинилъ невинасти тамъ... у себя на родинѣ. А мамана у меня ужасъ какая строгая. Если бы она узнала, она бы меня собственными руками задушила. Ну вотъ я и убѣжала изъ дому и поступила сюда...

— А офицера-то любила, котерый первый?

— Коли не любила бы, то не пошла бы къ нему. Онъ, подлецъ, жениться обѣщаль, а потомъ добился, чего ему нужно, и бросилъ.

— Чтò же, тебѣ стыдно было въ первый разъ?

— Конечно, что стыдно... Ты какъ, напашка, любишь, со свѣтомъ или безъ свѣта? Я фонарь немножко при-тушу. Хорошо?

— А чтò же, ты здѣсь не скучаешь? Какъ тебя зовутъ?

— Маней. Понятно, что скучаю. Какая наша жизнь! Нѣмецъ поцѣловаль ее крѣпко въ губы и опять спросилъ:

— А мужчинъ ты любишь? Бываютъ мужчины, котерые тебѣ пріятны? Доставляютъ удовольствіе?

— Какъ не бывать, — засмѣялась Манька. — Я особенно люблю вотъ такихъ, какъ ты, симпатичныхъ, толстенныхъ.

— Любишь? А? Отчего любишь?

— Да ужъ такъ люблю. Вы тоже симпатичный.

Нѣмецъ соображалъ нѣсколько секундъ, задумчиво отхлебывая пиво. Потомъ сказалъ то, чтò почти каждый мужчина говоритъ проституткѣ въ эти минуты, предшествующія случайному обладанію ея тѣломъ:

— Ты знаешь, Марихенъ, ты мнѣ тоже очень нравишься. Я бы охотно взялъ тебя на содержаніе.

— Вы женаты, — возразила она, притрогиваясь къ его кольцу.

— Да, но, понимаешь, я не живу съ женой, она нездорова, не можетъ исполнять супружескихъ обязанностей.

— Бѣдная! Если бы она узнала, куда ты, папашка, ходишь, она бы, навѣрно, плакала.

— Оставимъ это. Такъ знаешь, Мари, я себѣ все время ищу вотъ такую дѣвочку, какъ ты, такую скромную и хорошенькую. Я человѣкъ состоятельный, я бы тебѣ нашелъ квартиру со столомъ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ. И на булавки сорокъ рублей въ мѣсяць. Ты бы пошла?

— Отчего не пойти, пошла бы.

Онъ поцѣловалъ ее врасосъ, но тайное опасеніе быстро проскользнуло въ его трусливомъ сердцѣ.

— А ты здорова? — спросилъ онъ враждебнымъ, вздрагивающимъ голосомъ.

— Ну да, здорова. У насъ каждую субботу докторскій осмотръ.

Черезъ пять минутъ она ушла отъ него, пряча на ходу въ чулокъ заработанныя деньги, на которыя, какъ на первый починокъ, она предварительно поплевала, по суевѣрному обычаю. Ни о содержаніи ни о симпатичности не было больше рѣчи. Нѣмецъ остался недоволенъ холодною Маньки и велѣлъ позвать къ себѣ экономку.

— Экономочка, васъ мой мужъ къ себѣ требуетъ! — сказала Маня, войдя въ залу и поправляя волосы передъ зеркаломъ.

Зоя ушла, потомъ вернулась и вызвала въ коридоръ Пашу. Потомъ вернулась въ залу уже одна.

— Ты что это, Манька Маленькая, не угодила своему кавалеру? — спросила она со смѣхомъ. — Жалуется на

тебя: «Это, говорить, не женщина, а бревно какое-то деревянное, кусокъ лёду». Я ему Пашку послала.

— Э, противный какой! — сморщилась Манька и отплюнулась. — Лѣзетъ съ разговорами. Спрашиваетъ: ты чувствуешь, когда я тебя цѣлую? Чувствуешь пріятное волненіе? Старый песъ. На содержаніе, говорить, возьму.

— Всѣ они это говорятъ, — замѣтила равнодушно Зоя.

Но Женя, которая съ утра была въ зломъ настроеніи, вдругъ вспыхнула.

— Ахъ, онъ, хамъ этакій, хамло несчастное! — воскликнула она, покраснѣвъ и энергично упершись руками въ бока. — Да я бы взяла его, поганца стараго, за ухо, да подвела бы къ зеркалу и показала бы ему его гнусную морду. Чтò? Хорошъ? А какъ ты еще будешь лучше, когда у тебя слюни изо рта потекутъ, и глаза перекосишь, и начнешь ты захлебываться, и хрипѣть, и сопѣть прямо женщинѣ въ лицо. И ты хочешь за свой проклятый рубль, чтобы я передъ тобой въ лепешку растрепалась и чтобы отъ твоей мерзкой любви у меня глаза на лобъ полѣзли? Да по мордѣ бы его, подлеца, по мордѣ! До крови!

— О, Женя! Перестань же! Пфуй! — остановила ее возмущенная ея грубымъ тономъ, щепетильная Эмма Эдуардовна.

— Не перестану! — рѣзко оборвала она. Но сама замолчала и гнѣвно отошла прочь съ раздувающимися ноздрями и съ огнемъ въ потемнѣвшихъ красивыхъ глазахъ.

VII.

Зала понемногу наполнялась. Пришелъ давно знакомый всей «Ямѣ» Ванька-Встанька — высокій, худой, красноносый сѣдой старикъ, въ формѣ лѣснаго кондуктора, въ высокихъ сапогахъ, съ деревяннымъ аршиномъ, всегда

торчащимъ изъ бокового кармана. Цѣлые дни и вечера проводилъ онъ завсегдатаемъ въ бильярдной при трактирѣ, вѣчно вполпьяна, разсыпая свои шуточки, рѣзкомы и приговорочки, фамильярничая со швейцаромъ, съ экономками и дѣвушками. Въ домахъ къ нему относились всѣ — отъ хозяйки до горничныхъ — съ небрежной, немного презрительной, но безъ злобы, насмѣшкой. Иногда онъ бывалъ и не безъ пользы: передавалъ записочки отъ дѣвицъ ихъ любовникамъ, могъ сбѣгать на рынокъ или въ аптеку. Нерѣдко, благодаря своему развязно привѣщенному языку и давно угасшему самолюбію, втирался въ чужую компанію и увеличивалъ ея расходы, а деньги, взятыя при этомъ взаймы, онъ не уносилъ на сторону, а тутъ же тратилъ на женщинъ — развѣ-развѣ оставлялъ себѣ мелочь на папирасы. И его добродушно, по привычкѣ, терпѣли.

— Вотъ и Ванька-Встанька пришелъ, — доложила Нюра, когда онъ, уже успѣвъ поздороваться дружески за ручку со швейцаромъ Симеономъ, остановился въ дверяхъ залы, длинный, въ форменной фуражкѣ, лихо сбитой набекрень. — Ну-ка, Ванька-Встанька, валяй!

— Имѣю честь представиться, — тотчасъ же закривлялся Ванька-Встанька, по-военному прикладывая руку къ козырьку: — тайный почетный посѣтитель мѣстныхъ благоудныхъ заведеній, князь Бутылкинъ, графъ Наливкинъ, баронъ Тирутинкевичъ-Фьютинковскій... Господину Бетховену! Господину Шопену! — поздоровался онъ съ музыкантами. — Сыграйте мнѣ что-нибудь изъ оперы «Храбрый и славный генераль Анисимовъ, или Суматоха въ коллдорѣ». Политической экономкѣ Зосѣ мое почтеніе. А-га! Только на Пасху цѣлуется? Запишемъ-съ. У-ти моя Тамалочка, мусисюпинькая ти моя!

Такъ, съ шутками и ео щипками, онъ обошелъ всѣхъ дѣвицъ и наконецъ усѣлся рядомъ съ толстой Катей,

которая положила ему на ногу свою толстую ногу, оперлась о свое колено локтемъ, а на ладонь положила подбородокъ и равнодушно и пристально стала смотрѣть, какъ землемѣръ крутилъ себѣ папиросу.

— И какъ тебѣ не надоѣсть, Ванька-Встанька? Всегда ты вертишь свою козью ногу.

Ванька-Встанька сейчасъ же задвигалъ бровями и кожей черепа и заговорилъ стихами:

Папироска, другъ мой тайный,
Какъ тебя мнѣ не любить?
Не по прихоти случайной
Стали всѣ тебя курить.

— Ванька-Встанька, а вѣдь ты скородохнешь, — сказала равнодушно Батька.

— И очень просто.

— Ванька-Встанька, скажи еще что-нибудь посмѣшнѣе; стихами, — просила Вѣрка.

И онъ сейчасъ же, послушно, вставъ въ смѣшную позу началъ декламировать:

Много звѣздъ на небѣ ясномъ,
Но ихъ счесть никакъ нельзя,
Вѣтеръ шепчетъ, будто можно,
А совсѣмъ никакъ нельзя.
Расцвѣтаютъ лопухи,
Поютъ птицы пѣтухи.

Балагурия такимъ образомъ, Ванька-Встанька просиживалъ въ залахъ заведеній цѣлые вечера и ночи. И по какому-то странному душевному сочувствію дѣвницы считали его почти своимъ; иногда оказывали ему маленькія временныя услуги и даже покупали ему на свой счетъ пиво и водку.

Черезъ нѣкоторое время послѣ Ваньки-Встаньки ввалилась большая компанія парикмахеровъ, которые въ этотъ день были свободны отъ работъ. Они были шумны, ве-

селы, но даже и здѣсь, въ публичномъ домѣ, не прекращали своихъ мелочныхъ счетовъ и разговоровъ объ открытыхъ и закрытыхъ бенефисахъ, о хозяевахъ, о женахъ хозяевъ. Все это были люди въ достаточной степени развращенные, лгуны, съ большими надеждами на будущее, въ родѣ, на примѣръ, поступленія на содержаніе къ какой-нибудь графинѣ. Они хотѣли какъ можно шире использовать свой довольно тяжелый заработокъ и потому рѣшили сдѣлать ревизію положительно во всѣхъ домахъ «Ямы», только къ Треппелю не рѣшились зайти, такъ какъ тамъ было слишкомъ для нихъ шикарно. Но у Анны Марковны они сейчасъ же заказали себѣ кадрили и плясали ее, особенно пятую фигуру, гдѣ кавалеры выдѣлываютъ соло, совершенно какъ настоящіе парижане, даже заложивъ большіе пальцы въ проймы жилетовъ. Но остаться съ дѣвцами они не захотѣли, а обѣщали прійти потомъ, когда закончатъ всю ревизію публичныхъ домовъ.

И еще приходили и уходили какіе-то чиновники, курчавые молодые люди въ лакированныхъ сапогахъ, нѣсколько студентовъ, нѣсколько офицеровъ, которые страшно боялись уронить свое достоинство въ глазахъ владѣтельницы и гостей публичнаго дома. Понемногу въ залѣ создавалась такая шумная, чадная обстановка, что никто уже тамъ не чувствовалъ неловкости. Пришелъ постоянный гость, любовникъ Соньки-Руль, который приходилъ почти ежедневно и цѣлыми часами сидѣлъ около своей возлюбленной, глядѣлъ на нее томными восточными глазами, вздыхалъ, млѣлъ и дѣлалъ сѣ сцены за то, что она живетъ въ публичномъ домѣ, что грѣшитъ противъ субботы, что ѣсть трѣфное мясо и что отбилась отъ семьи и великой еврейской церкви.

По обыкновенію, — а это часто случалось, — экономка Зося подходила къ нему подъ шумокъ и говорила, кривя губы:

— Ну, что вы так сидите, господинъ? Задъ себѣ грѣете? Шли бы заниматься съ дѣвочкой.

Оба они, еврей и еврейка, были родомъ изъ Гомеля и, должно-быть, были созданы самимъ Богомъ для нѣжной, страстной, взаимной любви, но многія обстоятельства, какъ, напримѣръ, погромъ, происшедшій въ ихъ городѣ, обѣднѣніе, полная растерянность, испугъ — на время разлучили ихъ. Однако любовь была настолько велика, что аптекарскій ученикъ Нейманъ съ большимъ трудомъ, усиліями и униженіями сумѣлъ найти себѣ мѣсто ученика въ одной изъ мѣстныхъ аптекъ и разыскалъ любимую дѣвушку. Онъ былъ настоящимъ правовѣрнымъ, почти фанатическимъ евреемъ. Онъ зналъ, что Сонька была продана одному изъ скупщиковъ живого товара ея же матерью, зналъ много унижительныхъ, безобразныхъ подробностей о томъ, какъ ее перепродавали изъ рукъ въ руки, и его набожная, брезгливая, истинно-еврейская душа корчилась и содрогалась при этихъ мысляхъ, но тѣмъ не менѣе любовь была выше всего. И каждый вечеръ онъ появлялся въ залѣ Амны Марковны. Если ему удавалось съ громаднымъ лишеніемъ вырѣзать изъ своего нищенскаго дохода какой-нибудь случайный рубль, онъ бралъ Соньку въ ея комнату, но это вовсе не бывало радостью ни для него ни для нея: послѣ мгновеннаго счастья — физическаго обладанія другъ другомъ — они плакали, укоряли другъ друга, ссорились съ характерными еврейскими, театральными жестами, и всегда послѣ этихъ визитовъ Сонька-Рулъ возвращалась въ залу съ набрякшими, покраснѣвшими вѣками глазъ.

Но чаще всего у него не было денегъ, и онъ просиживалъ около своей любовницы цѣлыми вечерами, терпѣливо и ревниво дожидаясь ея, когда Соньку случайно бралъ гость. И когда она возвращалась обратно и садилась съ нимъ рядомъ, то онъ незамѣтно, стараясь не

обращать на себя общаго вниманія и не поворачивая головы въ ея сторону, все время осыпалъ ее упреками. И въ ея прекрасныхъ, влажныхъ, еврейскихъ глазахъ всегда во время этихъ разговоровъ было мученическое, но кроткое выраженіе.

Приѣхала большая компанія нѣмцевъ, служащихъ въ оптическомъ магазинѣ, приѣхала партія приказчиковъ изъ рыбнаго и гастрономическаго магазина Керешковскаго, приѣхали двое очень извѣстныхъ на Ямкахъ молодыхъ людей, — оба лысые, съ рѣдкими, мягкими, нѣжными волосами вокругъ лысинъ — Колька-бухгалтеръ и Мишка-пѣвецъ, такъ называли въ домахъ ихъ обоихъ. Ихъ такъ же, какъ Карла Карловича изъ оптическаго магазина и Володьку изъ рыбнаго, встрѣчали очень радушно, съ восторгами, криками и поцѣлуями, лстя ихъ самолюбію. Шустрая Нюрка выскакивала въ переднюю и, освѣдомившись, кто пришелъ, докладывала возбужденно, по своему обыкновенію:

— Женька, твой мужъ пришелъ!

или:

— Манька Маленькая, твой любовникъ пришелъ!

И Мишка-пѣвецъ, который вовсе не былъ пѣвцомъ, а владѣльцемъ аптекарскаго склада, сейчасъ же, какъ вошелъ, запѣлъ вибрирующимъ, пресѣкающимся, козлинымъ голосомъ:

Чу-у-ують пра-а-а-а-вду!

Ты жъ, заря-я-я-я...

что онъ продѣлывалъ въ каждое свое посѣщеніе Анны Марковны.

Почти непрерывно играли кадрили, вальсы, польку и танцевали. Приѣхалъ и Сенька — любовникъ Тамары, — но, противъ обыкновенія, онъ не важничалъ, «не разорялся», не заказывалъ Исаю Саввичу траурнаго марша и не угощалъ шоколадомъ дѣвицъ... Почему-то онъ былъ

сумраченъ, хромаль па правую ногу и старался какъ можно меньше обращать на себя вниманіе: должно-быть, его профессиональныя дѣла находились въ это время въ плохомъ оборотѣ. Онъ однимъ движеніемъ головы, на ходу, вызвалъ Тамару изъ залы и исчезъ съ ней въ ея комнатѣ. Приѣхалъ также и актеръ Эгмонтъ-Лаврецкій, бритый, высокій, похожій на придворнаго лакея своимъ вульгарнымъ и нагло-презрительнымъ лицомъ.

Приказчики изъ гастрономическаго магазина танцовали со всѣмъ усердіемъ молодости и со всей чинностью, которую рекомендуетъ самоучитель хорошаго тона Германа Гоппе. Въ этомъ смыслѣ и дѣвицы отвѣчали ихъ намѣреніямъ. У тѣхъ и у этихъ считалось особенно приличнымъ и свѣтскимъ танцовать какъ можно неподвижнѣе, держа руки опущенными внизъ, а головы поднятыми вверхъ и склоненными, съ нѣкоторымъ гордымъ и въ то же время утомленнымъ и расслабленнымъ видомъ. Въ антрактахъ, между фигурами, нужно было со скучающимъ и небрежнымъ видомъ обмахиваться платками... Словомъ, всѣ они дѣлали видъ, будто принадлежать къ самому изысканному обществу, и если танцуютъ, то дѣлаютъ это только снисходя до маленькой товарищеской услуги. Но все-таки танцовали такъ усердно, что съ приказчиковъ Керешковскаго потъ катился ручьями.

Случилось уже два-три скандала въ разныхъ домахъ. Какой-то человекъ, весь окровавленный, у котораго лицо, при блѣдномъ свѣтѣ луннаго серпа, казалось отъ крови чернымъ, бѣгалъ по улицѣ, ругался и, нисколько не обращая вниманія на свои раны, искалъ шапку, потерянную въ дракѣ. На Малой Ямской подрались штабные писаря съ матросскою командой. Усталые таперы и музыканты играли какъ въ бреду, сквозь сонъ, по механической привычкѣ. Это было въ исходѣ ночи.

Совершенно неожиданно въ заведеніе Анны Марковны

вошло семеро студентовъ, привать-доцентъ и мѣстный репортеръ.

VIII.

Всѣ они, кромѣ репортера, провели цѣлый день, съ самаго утра, вмѣстѣ, справляя маевку со знакомыми барышнями. Катались на лодкахъ по Днѣпру, варили на той сторонѣ рѣки въ густомъ, горько-пахнущемъ лознякѣ полевою кашу, купались — мужчины и женщины поочередно — въ быстрой теплой водѣ, пили домашнюю запеканку, пѣли звучныя малороссійскія пѣсни и вернулись въ городъ только позднимъ вечеромъ, когда темная, бѣгучая, широкая рѣка такъ жутко и весело плескалась о борта ихъ лодокъ, играя отраженіями звѣздъ, серебряными зыбкими дорожками отъ электрическихъ фонарей и кланяющимися огнями бакановъ. И когда вышли на берегъ, то у каждого горѣли ладони отъ веселья, пріятно ныли мускулы рукъ и ногъ, и во всемъ тѣлѣ была блаженная бодрая усталость.

Потомъ они проводили барышень по домамъ и у калитокъ и подъѣздовъ прощались съ ними долго и сердечно со смѣхомъ и такими размашистыми рукопожатіями, какъ будто бы дѣйствовали рычагомъ насоса.

Весь день прошелъ весело и шумно, даже немного крикливо и чуть-чуть утомительно, но по-юношески цѣломудренно, не пьяно и, что особенно рѣдко случается, безъ малѣйшей тѣни взаимныхъ обидъ, или ревности, или невысказанныхъ огорченій. Конечно, такому благодушному настроенію помогало солнце, свѣжій рѣчной вѣтерокъ, сладкія дыханія травъ и воды, радостное ощущеніе крѣпости и ловкости собственнаго тѣла при купаніи и греблѣ и сдерживающее вліяніе умныхъ, ласковыхъ, чистыхъ и красивыхъ дѣвушекъ изъ знакомыхъ семействъ.

Но, почти помимо ихъ сознанія, ихъ чувственность— не воображеніе, а простая, здоровая, инстинктивная чувственность молодыхъ игривыхъ самцовъ — зажигалась отъ нечаянныхъ встрѣчъ ихъ рукъ съ женскими руками и отъ товарищескихъ услужливыхъ объятій, когда приходилось помогать барышнямъ входить въ лодку или выскакивать на берегъ, отъ нѣжнаго запаха дѣвичьихъ одеждъ, разогрѣтыхъ солнцемъ, отъ женскихъ кокетливо-испуганныхъ криковъ на рѣкѣ, отъ зрѣлища женскихъ фигуръ, небрежно полулежавшихъ съ наивной нескромностью въ зеленой травѣ, вокругъ самовара, отъ всѣхъ этихъ невинныхъ вольностей, которыя такъ обычны и неизбежны на пикникахъ, загородныхъ прогулкахъ и рѣчныхъ катаніяхъ, когда въ челобѣтѣ, въ безконечной глубинѣ его души тайно пробуждается отъ безпечнаго соприкосновенія съ землей, травами, водой и солнцемъ древній, прекрасный, свободный, но обезображенный и напуганный людми звѣрь.

И потому въ два часа ночи, едва только закрылся уютный студенческій ресторанъ «Воробьи» и всѣ восемеро, возбужденные алкоголемъ и обильной пищей, вышли изъ прокуреннаго, чаднаго подземелья наверхъ, на улицу, въ сладостную, тревожную темноту ночи, съ ея манящими огнями на небѣ и на землѣ, съ ея теплымъ хмельнымъ воздухомъ, отъ котораго жадно расширяются ноздри, съ ея ароматами, скользившими изъ невидимыхъ садовъ и цвѣтниковъ, то у каждаго изъ нихъ пылала голова, и сердце тихо и томно таяло отъ неясныхъ желаній. Весело и гордо было ощущать послѣ отдыха новую, свѣжую силу во всѣхъ мышцахъ, глубокое дыханіе легкихъ, красную упругую кровь въ жилахъ, гибкую послушность всѣхъ членовъ. И — безъ словъ, безъ мыслей, безъ сознанія — влекло въ эту ночь бѣжать безъ одеждъ по сонному лѣсу, обнюхивать торопливо слѣды чьихъ-то ногъ въ

росистой травѣ громкимъ кличемъ призывать къ себѣ самку.

Но разстаться было теперь очень трудно. Цѣлый день, проведенный вмѣстѣ, сбиль всѣхъ въ привычное, цѣпкое стадо. Казалось, что если хоть одинъ уйдетъ изъ компаніи, то нарушится какое-то наладившееся равновѣсіе, которое потомъ невозможно будетъ возстановить. И потому они медлили и топтались на тротуарѣ, около выхода изъ трактирнаго подземелья, мѣшая движенію рѣдкихъ прохожихъ. Обсуждали лицемѣрно, куда бы еще поѣхать, чтобъ доконать ночь. Въ садѣ Тиволи оказывалось очень далеко, да къ тому же еще за входные билеты платить, и цѣны въ буфетѣ возмутительныя, и программа давно окончилась. Володя Павловъ предлагалъ ѣхать къ нему: у него есть дома дюжина пива и немного коньяку. Но всѣмъ показалось скучнымъ итти среди ночи на семейную квартиру, входить на цыпочкахъ по лѣстницѣ и говорить все время шопотомъ.

— Вотъ чтò, брательники... Поѣдемъ-ка лучше къ дѣвочкамъ, это будетъ вѣрнѣе, — сказалъ рѣшительно старый студентъ Лихонинъ, высокій, сутуловатый, хмурый и бородатый малый.

По убѣжденіямъ онъ былъ анархистъ-теоретикъ, а по призванію — страстный игрокъ на бильярдѣ, на бѣгахъ и въ карты, — игрокъ съ очень широкимъ, фатальнымъ размахомъ. Только наканунѣ онъ выигралъ въ купеческомъ клубѣ около тысячи рублей въ макао, и эти деньги еще жгли ему руки.

— А чтò жъ? И вѣрно, — поддерживалъ кто-то. — Айда, товарищи?!

— Стòить ли? Вѣдь это на всю ночь заводиловка... — съ фальшивымъ благоразуміемъ и неискренней усталостью отозвался другой.

А третій сказалъ сквозь притворный зѣвокъ :

— Поѣдѣте лучше, господа, по домамъ... а-а-а... спатиньки... Довольно на сегодня.

— Во снѣ шубы не сошьешь, — презрительно замѣтил Лихонинъ. — Герръ профессоръ, вы ѣдете?

Но приватъ-доцентъ Ярченко уперся и казался по-настоящему разсерженнымъ, хотя, быть-можетъ, онъ и самъ не зналъ, чтò пряталось у него въ какомъ-нибудь темномъ закоулкѣ души.

— Оставь меня въ покоѣ, Лихонинъ. По-моему, господа, это прямое и явное свинство — то, чтò вы собираетесь сдѣлать. Кажется, такъ чудесно, мило и просто провели время, — такъ нѣтъ, вамъ непременно надо, какъ пьянымъ скотамъ, полѣзть въ помойную яму. Не поѣду я.

— Однако, если мнѣ не измѣняетъ память, — со спокойной язвительностью сказалъ Лихонинъ: — припоминаю, что не далѣе какъ прошлой осенью мы съ однимъ будущимъ Моммсенемъ лили гдѣ-то крющонъ со льдомъ въ фортепіано, изображали бурятскаго бога, плясали танецъ живота и все такое прочее?..

Лихонинъ говорилъ правду. Въ свои студенческіе годы и позднѣе, будучи оставленнымъ при университетѣ, Ярченко велъ самую шалую и легкомысленную жизнь. Во всѣхъ трактирахъ, кафе-шантанахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ хорошо знали его маленькую, толстую, кругленькую фигурку, его румяныя, отдувшіяся, какъ у раскрашеннаго амура, щеки и блестящіе, влажные, добрые глаза, помнили его торопливый, захлебывающійся говоръ и визгливый смѣхъ.

Товарищи никогда не могли постигнуть, гдѣ онъ находилъ время для занятій наукой, но тѣмъ не менѣе всѣ экзамены и очередныя работы онъ сдавалъ отлично и съ перваго курса былъ на виду у профессоровъ. Теперь Ярченко начиналъ понемногу отходить отъ прежнихъ товарищей и собутыльниковъ. У него только-что завелись

необходимыя связи съ профессорскимъ кругомъ, на будущій годъ ему предлагали чтеніе лекцій по римской исторіи, и нерѣдко въ разговорѣ онъ уже употреблялъ ходкое среди приватъ-доцентовъ выраженіе: «Мы, ученые!». Студенческая фамиллярность, принудительное компанейство, обязательное участіе во всякихъ сходкахъ, протестахъ и демонстраціяхъ становились для него невыгодными, затруднительными и даже просто скучными. Но онъ зналъ цѣну популярности среди молодежи и потому не рѣшался круто разорвать съ прежнимъ кружкомъ. Слова Лихонина однако задѣли его.

— Ахъ, Боже мой, мало ли что мы дѣлали, когда были мальчишками? Воровали сахаръ, пачкали штанишки, отрывали жукамъ крылья, — заговорилъ Ярченко, горячась и захлебываясь. — Но всему есть предѣлъ и мѣра. Я вамъ, господа, не смѣю, конечно, подавать совѣтовъ и учить васъ, но надо быть послѣдовательными. Всѣ мы согласны, что проституція — одно изъ величайшихъ бѣдствій человѣчества, и также согласны, что въ этомъ злѣ виноваты не женщины, а мы, мужчины, потому что спросъ родитъ предложеніе. И, стало-быть, если, выпивъ лишнюю рюмку вина, я все-таки, несмотря на свои убѣжденія, ѣду къ проституткамъ, то я совершаю тройную подлость: передъ несчастной глупой женщиной, которую я подвергаю за свой поганый рубль самой унижительной формѣ рабства, передъ человѣчествомъ, потому что, нанимая на часъ или на два публичную женщину для своей скверной похоти, я этимъ оправдываю и поддерживаю проституцію, — и наконецъ это — подлость передъ своей собственной совѣстью и мыслью. И передъ логикой.

— Фью-ю! — свистнулъ протяжно Лихонинъ и проскандировалъ унылымъ тономъ, кивая въ тактъ опущенной набокъ головой: — Понесъ философъ нашъ обычный вздоръ: веревка — вервие простое.

— Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ паясничать, — сухо отозвался Ярченко. — А по-моему нѣтъ въ печальной русской жизни болѣе печальнаго явленія, чѣмъ эта расхлябанность и растлѣнность мысли. Сегодня мы скажемъ себѣ: э! все равно, поѣду я въ публичный домъ или не поѣду — отъ одного раза дѣло не ухудшится, не улучшится. А черезъ пять лѣтъ мы будемъ говорить: несомнѣнно взятка — страшная гадость, но, знаете, дѣти... семья... И точно такъ же черезъ десять лѣтъ мы, оставшись благополучными русскими либералами, будемъ вздыхать о свободѣ личности и клянутся въ поясъ мерзавцамъ, которыхъ презираемъ, и околачиваться у нихъ въ переднихъ. «Потому что, знаете ли, — скажемъ мы, хихикая: — съ волками жить, по-волчьи выть». Ей-Богу, недаромъ какой-то министръ назвалъ русскихъ студентовъ будущими столоначальниками!

— Или профессорами, — вставилъ Лихонинъ.

— Но самое главное, — продолжалъ Ярченко, пропустивъ мимо ушей эту шпильку: — самое главное то, что я васъ всѣхъ видѣлъ сегодня на рѣкѣ и потомъ тамъ... на томъ берегу... съ этими милыми, славными дѣвушками. Какіе вы всѣ были внимательные, порядочные, услужливые, но едва только вы простились съ ними, васъ уже тянетъ къ публичнымъ женщинамъ. Пускай каждый изъ васъ представитъ себѣ на минутку, что всѣ мы были въ гостяхъ у его сестеръ и прямо отъ нихъ поѣхали въ Яму... Чтò? Приятно такое предположеніе?

— Да, но должны же существовать какіе-нибудь клапаны для общественныхъ страстей, — важно замѣтилъ Борисъ Собашниковъ, высокій, немного надменный и манерный молодой человѣкъ, которому короткій китель, едва прикрывавшій толстый задъ, модныя, кавалерійскаго фасона брюки, пенснэ на широкой черной лентѣ и фуражка прусскаго образца придавали фатоватый видъ. — Неужели

порядочнѣе пользоваться ласками своей горничной или вести за угломъ интригу съ чужой женой? Чтò я могу подѣлать, если мнѣ необходима женщина!

— Эхъ, очень обходима! — досадливо сказалъ Ярченко и слабо махнулъ рукой.

Но тутъ вмѣшался студентъ, котораго въ товарищескомъ кружкѣ звали Рамзесомъ. Это былъ изжелта-смуглый, горбоносый человѣкъ маленькаго роста; бритое лицо его казалось трехугольнымъ, благодаря широкому, начинавшему лысѣть двумя взлызинами лбу, впалымъ щекамъ и острому подбородку. Онъ велъ довольно странный для студента образъ жизни. Въ то время, когда его коллеги занимались попеременно политикой, любовью, театромъ и немножко наукой, Рамзесъ весь ушелъ въ изученіе всевозможныхъ гражданскихъ исковъ и претензій, въ крючкотворныя тонкости имущественныхъ, семейныхъ, земельныхъ и иныхъ дѣловыхъ процессовъ, въ заповинаніе и логическій разборъ кассационныхъ рѣшеній. Совершенно добровольно, ничуть не нуждаясь въ деньгахъ, онъ прослужилъ одинъ годъ клеркомъ у нотариуса, другой — письмоводителемъ у мирового судьи, а весь прошлый годъ, будучи на послѣднемъ курсѣ, велъ въ мѣстной газетѣ хронику городской управы и несъ скромную обязанность помощника секретаря въ управленіи синдиката сахарозаводчиковъ. И когда этотъ самый синдикатъ затѣялъ извѣстный процессъ противъ одного изъ своихъ членовъ, полковника Баскакова, пустившаго въ продажу противъ договора избытокъ сахара, то Рамзесъ въ самомъ началѣ предугадалъ и очень тонко мотивировалъ именно то рѣшеніе, которое вынесъ впоследствии по этому дѣлу сенатъ.

Несмотря на его сравнительную молодость, къ его мнѣніямъ прислушивались — правда, немного свысока — довольно извѣстные юристы. Никто изъ близко знавшихъ

Рамзеса не сомнѣвался, что онъ сдѣлаетъ блестящую карьеру, да и самъ Рамзесъ вовсе не скрывалъ своей увѣренности въ томъ, что къ 35-ти годамъ онъ сколотитъ себѣ миллионъ исключительно одной практикой, какъ адвокатъ-цивилистъ. Его нерѣдко выбирали товарищи въ предсѣдатели сходокъ и въ курсовые старосты, но отъ этой чести Рамзесъ неизмѣнно уклонялся, отговариваясь недостаткомъ времени. Однако онъ не избѣгалъ участія въ товарищескихъ третейскихъ судахъ, и его доводы — всегда неотразимо логичные — обладали удивительнымъ свойствомъ оканчивать дѣла миромъ, къ обоюдному удовольствію судящихся сторонъ. Онъ, такъ же, какъ и Ярченко, зналъ хорошо цѣну популярности среди учащейся молодежи, и если даже поглядывалъ на людей съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, свысока, то никогда, ни однимъ движеніемъ своихъ тонкихъ, умныхъ, энергичныхъ губъ, этого не показывалъ.

— Никто васъ и не тянетъ, Гаврила Петровичъ, непременно совершать грѣхопаденіе, — сказалъ Рамзесъ примирительно. — Къ чему этотъ паѳосъ и эта меланхолія, когда дѣло обстоитъ совсѣмъ просто? Компанія молодыхъ русскихъ джентльменовъ хочетъ скромно и дружно провести остатокъ ночи, повеселиться, попѣть и принять внутрь нѣсколько галлоновъ вина и пива. Но все теперь закрыто, кромѣ этихъ самыхъ домовъ. Ergo!..

— Слѣдовательно поѣдемъ веселиться къ продажнымъ женщинамъ? Къ проституткамъ? Въ публичный домъ? — насмѣшливо и враждебно перебилъ его Ярченко.

— А хотя бы? Одного философа, желая его унижить, посадили за обѣдомъ куда-то около музыкантовъ. А онъ, сядясь, сказалъ: «Вотъ вѣрное средство сдѣлать послѣднее мѣсто первымъ». И наконецъ я повторяю: если ваша совѣсть не позволяетъ вамъ, какъ вы выражаетесь, покупать женщину, то вы можете приѣхать туда и уѣхать,

сохраняя свою невинность во всей ея цвѣтущей неприкосновенности.

— Вы передергиваете, Рамзесь, — возразилъ съ неудовольствіемъ Ярченко. — Вы мнѣ напоминаете тѣхъ мѣщанъ, которые еще затемно собрались глазѣть на смертную казнь и говорятъ: мы здѣсь ни при чемъ, мы противъ смертной казни, это все прокуроръ и палачъ.

— Пышно сказано и отчасти вѣрно, Гаврила Петровичъ. Но именно къ намъ это сравненіе можетъ и не относиться. Нельзя, видите ли, лѣчить какую-нибудь тяжкую болѣзнь заочно, не выдавши самого больного. А вѣдь всѣ мы, которые сейчасъ здѣсь стоимъ на улицѣ и мѣшаемъ прохожимъ, должны будемъ когда-нибудь въ своей дѣятельности столкнуться съ ужаснымъ вопросомъ о проституціи, да еще какой проституціи — русской! Лихонинъ, я, Боря Собашниковъ и Павелъ — какъ юристы, Петровскій и Толпыгинъ — какъ медики. Правда, у Вельмана особенная специальность — математика. Но вѣдь будетъ же онъ педагогомъ, руководителемъ юношества и, чортъ побери, даже отцомъ! А ужъ если пугать буквой, то лучше всего самому на нее прежде посмотрѣть. Наконецъ и вы сами, Гаврила Петровичъ, — знатокъ мертвыхъ языковъ и будущее свѣтило гробкопательства, — развѣ для васъ не важно и не поучительно сравненіе хотя бы современныхъ публичныхъ домовъ съ какими-нибудь помпейскими лупанарами или съ институтомъ священной проституціи въ Фивахъ и въ Ниневіи?..

— Bravo, Рамзесь, великолѣпно! — взревѣлъ Лихонинъ. — И чтò тутъ долго толковать, ребята? Берите профессора подъ жабы и сажайте на извозчика!

Студенты, смѣясь и толкаясь, обступили Ярченко, схватили его подъ руки, обхватили за талію. Всѣхъ ихъ одинаково тянуло къ женщинамъ, но ни у кого, кромѣ Лихонина, не хватало смѣлости взять на себя починокъ. Но

теперь все это сложное, неприятное и лицемерное дѣло счастливо свелось къ простой, легкой шуткѣ надъ старшимъ товарищемъ. Ярченко и упирался, и сердился, и смѣялся, стараясь вырваться. Но въ это время къ возившимся студентамъ подошелъ рослый черноусый городской, который уже давно глядѣлъ на нихъ зорко и неприязненно.

— Господа студенты, прошу не скопляться. Невозможно! Проходите, куда шли.

Они двинулись гурьбою впередъ. Ярченко начиналъ по-прежнему смягчаться.

— Господа, я, пожалуй, готовъ съ вами поѣхать... Не подумайте однако, что меня убѣдили софизмы египетскаго фараона Рамзеса... Нѣтъ, просто мнѣ жаль разбивать компанію... Но я ставлю одно условіе: мы тамъ выпьемъ, повремъ, посмѣемся и все прочее... но чтобы ничего больше, никакой грязи... Стыдно и обидно думать, что мы, цвѣтъ и краса русской интеллигенціи, раскиснемъ и пустимъ слюни отъ вида первой попавшейся юбки.

— Клянусь!—сказалъ Лихонинъ, поднимая вверхъ руку.

— Я за себя ручаюсь, — сказалъ Рамзесъ.

— И я! И я! Ей-Богу, господа, дадимте слово... Ярченко правъ! — подхватили другіе.

Они разсѣлись по двое и по трое на извозчиковъ, которые уже давно, зубоскаля и переругиваясь, вереницей слѣдовали за ними, и поѣхали. Лихонинъ для вѣрности самъ сѣлъ рядомъ съ приватъ-доцентомъ, обнявъ его за талію, а на колѣни къ себѣ и сосѣду посадилъ маленькаго Толпыгина, розоваго миловиднаго мальчика, у котораго, несмотря на его 23 года, еще бѣлѣлъ на щекахъ дѣтскій — мягкій и свѣтлый — пухъ.

— Станція у Дорошенки! — крикнулъ Лихонинъ вслѣдъ стѣзжавшимъ извозчикамъ.—У Дорошенки остановка,— повторилъ онъ, обернувшись назадъ.

У ресторана Дорошенки всѣ остановились, вошли въ общую залу и столпились около стойки. Всѣ были сыты, и никому не хотѣлось ни пить ни закусывать. Но у каждаго оставался еще въ душѣ темный слѣдъ сознанія, что вотъ сейчасъ они собираются сдѣлать нѣчто ненужно-позорное, собираются принять участіе въ какомъ-то судорожномъ, искусственномъ и вовсе не веселомъ весельѣ. И у каждаго было стремленіе довести себя черезъ опьянѣніе до того туманнаго и радужнаго состоянія, когда все— все равно, и когда голова не знаетъ, что дѣлаютъ руки и ноги, и что болтаетъ языкъ. И, должно-быть, не одни студенты, а всѣ случайные и постоянные посѣтители Ямы испытывали въ большей или меньшей степени треніе этой внутренней душевной занозы, потому что Дорошенко торговалъ исключительно только позднимъ вечеромъ и ночью, и никто у него не засиживался, а такъ только заѣзжали мимоходомъ на перепутьѣ.

Пока студенты пили коньякъ, пиво и водку, Рамзесъ все приглядывался къ самому дальнему углу ресторанный залы, гдѣ сидѣли двое: лохматый, сѣдой крупный старикъ и противъ него, спиной къ стойкѣ, раздвинувъ по столу локти и опершись подбородкомъ на сложенные другъ на друга кулаки, сгорбился какой-то плотный, низко остриженный господинъ въ сѣромъ костюмѣ. Старикъ перебиралъ струны лежавшихъ передъ нимъ гуслей и тихо напѣвалъ сиплымъ, но пріятнымъ голосомъ:

Долина моя, долинушка,
Раздолье широ-о-о-окое.

— Позвольте-ка, вѣдь это нашъ сотрудникъ, — сказалъ Рамзесъ и пошелъ здороваться съ господиномъ въ сѣромъ костюмѣ.

Черезъ минуту онъ подвелъ его къ стойкѣ и познакомилъ съ товарищами.

— Господа, позвольте вамъ представить моего сорат-

ника по газетному дѣлу. Сергѣй Ивановичъ Платоновъ. Самый лѣнливый и самый талантливый изъ газетныхъ работниковъ.

Всѣ перезнакомились съ нимъ, невнятно пробурчавъ свои фамиліи.

— И поэтому выпьемъ, — сказалъ Лихонинъ.

Ярченко же спросилъ съ утонченной любезностью, которая никогда его не покидала:

— Позвольте, позвольте, вѣдь я же съ вами немного знакомъ, хотя и заочно. Не вы ли были въ университетѣ, когда профессоръ Приклонскій защищалъ докторскую диссертацию?

— Я, — отвѣтилъ репортеръ.

— Ахъ, это очень пріятно, — мило улыбнулся Ярченко и для чего-то еще разъ крѣпко пожалъ Платонову руку. — Я читалъ потомъ вашъ отчетъ: очень точно, обстоятельно и ловко составлено... Не будете ли добры?... За ваше здоровье!

— Тогда позвольте и мнѣ, — сказалъ Платоновъ. — Онуфрій Захарычъ, налейте намъ еще... разъ, два, три, четыре... девять рюмокъ коньяку...

— Нѣтъ, ужъ такъ нельзя... вы — нашъ гость, коллеги, — возразилъ Лихонинъ.

— Ну, какой же я вашъ коллега, — добродушно засмѣялся репортеръ. — Я былъ только на первомъ курсѣ и то только полгода, вольнослушателемъ. Получите, Онуфрій Захарычъ. Господа, прошу...

Кончилось тѣмъ, что черезъ полчаса Лихонинъ и Ярченко ни за что не хотѣли разстаться съ репортеромъ и потащили его съ собой въ Яму. Впрочемъ, онъ и не сопротивлялся.

— Если я вамъ не въ тягость, я буду очень радъ, — сказалъ онъ просто. — Тѣмъ болѣе, что у меня сегодня сумасшедшія деньги. «Днѣпровское Слово» заплатило

миѣ гонорарь, а это такое же чудо, какъ выиграть двѣсти тысячъ на билетъ отъ театральной вѣшалки. Виновать, я сейчасъ...

Онъ подошелъ къ старику, съ которымъ раньше сидѣлъ, сунулъ ему въ руку какія-то деньги и ласково попрощался съ нимъ.

— Куда я ѣду, дѣдушка, туда тебѣ ѣхать нельзя, завтра опять тамъ же встрѣтимся, гдѣ и сегодня. Прощай!

Всѣ вышли изъ ресторана. Въ дверяхъ Боря Собашниковъ, всегда немного фатоватый и безъ нужды высоко-мѣрный, остановилъ Лихонина и отозвалъ его въ сторону.

— Удивляюсь я тебѣ, Лихонинъ, — сказалъ онъ брезгливо. — Мы собрались своей тѣсной компаніей, а тебѣ непременно нужно было затащить какого-то бродягу. Чортъ еще знаетъ, кто онъ такой!

— Оставь, Боря, — дружелюбно отвѣтилъ Лихонинъ: — онъ парень теплый.

IX.

— Ну ужъ это, господа, свинство, — говорилъ ворчливо Ярченко на подѣздѣ заведенія Анны Марковны. — Если ужъ поѣхали, то по крайности надо было ѣхать въ приличный, а не въ какую-то трущобу. Право, господа, пойдите лучше рядомъ, къ Треппелю, тамъ хоть чисто и свѣтло.

— Пожалуйте, пожалуйста, синьоръ, — настаивалъ Лихонинъ, отворяя съ придворной учтивостью дверь передъ приватъ-доцентомъ, кланяясь и простирая впередъ руку. — Пожалуйте.

— Да вѣдь мерзость... У Треппеля хоть женщины красивые.

Рамзесъ, шедшій сзади, сухо размѣялся.

— Такъ, такъ, такъ, Гаврила Петровичъ. Будемъ про-

должать въ томъ же духѣ. Осудимъ голоднаго воришку, который укралъ съ лотка пяточковую булку, но если директоръ банка растратилъ чужой миллионъ на рысаковъ и сигары, то смягчимъ его участь.

— Простите, не понимаю этого сравненія, — сдержанно отвѣтилъ Ярченко. — Да по миѣ все равно; идемте.

— И тѣмъ болѣе, — сказалъ Лихонинъ, пропуская впередъ приватъ-доцента: — тѣмъ болѣе, что этотъ домъ хранить въ себѣ столько историческихъ преданій. Товарищи! Десятки студенческихъ поколѣній смотрятъ на насъ съ высоты этихъ вѣшалокъ, и кромѣ того, въ силу обычнаго права, дѣти и учащіяся здѣсь платятъ половину, какъ въ паноптикумѣ. Не такъ ли, гражданинъ Симеонъ?

Симеонъ не любилъ, когда приходили большими компаніями — это всегда пахло скандаломъ въ недалекомъ будущемъ; студентовъ же онъ вообще презиралъ за ихъ мало понятный ему языкъ, за склонность къ легкомысленнымъ шуткамъ, за безбожіе и главное — за то, что они постоянно бунтуютъ противъ начальства и порядка. Недаромъ же въ тотъ день, когда на Бессарабской площади казаки, мясоторговцы, мучники и рыбаки избивали студентовъ, Симеонъ, едва узнавъ объ этомъ, вскочилъ на проѣзжавшаго лихача и, стоя, точно полицеймейстеръ, въ пролеткѣ, помчался на мѣсто драки, чтобы принять въ ней участіе. Уважалъ онъ людей солидныхъ, толстыхъ и пожилыхъ, котѣрые приходили въ одиночку, по секрету, заглядывали опасливо изъ передней въ залу, боясь встрѣтиться со знакомыми, и очень скоро и торопливо уходили, щедро давая на чай. Такихъ онъ всегда величалъ «ваше превосходительство».

И потому, снимая легкое сѣрое пальто съ Ярченки, онъ мрачно и многозначительно огрызнулся на шутку Лихонина:

— Я здѣсь не гражданинъ, а вышибала.

— Съ чѣмъ имѣю честь поздравить, — съ вѣжливымъ поклономъ отвѣтилъ Лихонинъ.

Въ залѣ было много народу. Оттанцовавшіе приказчики сидѣли около своихъ дамъ, красные и мокрые, быстро обмахиваясь платками; отъ нихъ крѣпко пахло старой козлиной шерстью. Мишка-пѣвецъ и его другъ бухгалтеръ, оба лысые, съ мягкими, пушистыми волосами вокругъ обнаженныхъ череповъ, оба съ мутными, перламутровыми, пьяными глазами, сидѣли другъ противъ друга, облокотившись на мраморный столикъ, и все покушались запѣть въ унисонъ такими дрожащими и скачущими голосами, какъ будто бы кто часто-часто колотилъ ихъ сзади по шейнымъ позвонкамъ:

Чу-у-ують пра-а-в-ду,

а Эмма Эдуардовна и Зося изо всѣхъ силъ уговаривали ихъ не безобразничать. Ванька-Встанька мирно дремалъ на стулѣ, свѣсивъ внизъ голову, положивъ одну длинную ногу на другую и обхвативъ сцепленными руками острое колѣно.

Дѣвицы сейчасъ же узнали нѣкоторыхъ изъ студентовъ и побѣждали имъ навстрѣчу.

— Тамарочка, твой мужъ пришелъ — Володенька. И мой мужъ тоже!

— Мишка! — взвизгнула Нюра, вѣшаясь на шею длинному, носастому, серьезному Петровскому. — Здравствуй, Мишенька. Чтò такъ долго не приходилъ? Я за тобой соскучилась.

Ярченко съ чувствомъ неловкости озирался по сторонамъ.

— Намъ бы какъ-нибудь... Знаете ли... отдѣльный кабинетикъ, — деликатно сказалъ онъ подошедшей Эммѣ Эдуардовнѣ. — И дайте, пожалуйста, какого-нибудь красного вина... Ну тамъ еще кофе... Вы сами знаете.

Ярченко всегда внушалъ прислугѣ и метрдотелямъ довѣріе своей щегольской одеждой и вѣжливымъ, но барскимъ обхожденіемъ. Эмма Эдуардовна охотно закивала головой, точно старая, жирная цирковая лошадь.

— Можно, можно... Пройдите, господа, сюда, въ гостиную. Можно, можно... Какого ликеру? У насъ только бенедиктинъ. Такъ бенедиктину? Можно, можно... И барышнямъ позвольте войти?

— Если ужъ это такъ необходимо! — развелъ руками со вздохомъ Ярченко.

И тотчасъ же дѣвушки одна за другой потянулись въ маленькую гостиную съ сѣрой плюшевой мебелью и голубымъ фонаремъ. Онѣ входили, протягивали всѣмъ поочередно непривычныя къ рукопожатіямъ, негнушіяся ладони, называли коротко, вполголоса, свое имя: Маня, Катя, Люба... Садились къ кому-нибудь на колѣни, обнимали за шею и, по обыкновенію, начинали кланчить:

— Студентикъ, вы такой красивенькій... Можно мнѣ спросить апельцыновъ?

— Володенька, купи мнѣ конфетъ! Хорошо?

— А мнѣ шеколаду.

— Толстенъкій! — ластилась одѣтая жокеемъ Вѣра къ приватъ-доценту, карабкаясь къ нему на колѣни:— у меня есть подруга одна, только она большая и не можетъ выходить въ залу. Я ей снесу яблокъ и шеколаду? Позволяешь?

— Ну ужъ это выдумки про подругу! А главное, не лѣзь ты ко мнѣ со своими нѣжностями. Сиди, какъ сидятъ умныя дѣти, вотъ здѣсь, рядышкомъ на креслѣ, вотъ такъ. И ручки сложи!

— Ахъ, когда я не могу! — извивалась отъ кокетства Вѣра, закатывая глаза подъ верхнія вѣки. — Когда вы такіе симпатичные.

А Лихонинъ на это профессиональное попрошайничество

только важно и добродушно киваль головой, точно Эмма Эдуардовна, и твердилъ, подражая ея нѣмецкому акценту :

— Мощно, мощно, мощно...

— Такъ я скажу, дуся, лакею, чтобы онъ отнесъ моей подругѣ сладкаго и яблокъ? — приставала Вѣра.

Такая навязчивость входила въ кругъ ихъ негласныхъ обязанностей. Между дѣвушками существовало даже какое-то вздорное, дѣтское, странное соревнованіе въ умѣніи «высадить гостя изъ денегъ» — странное потому, что онѣ не получали отъ этого никакого барыша, кромѣ развѣ нѣкотораго благоволенія экономки или одобрительнаго слова хозяйки. Но въ ихъ мелочной, однообразной, привычно-праздной жизни было вообще много полуребяческой, полуистерической игры.

Симеонъ принесъ кофейникъ, чашки, приземистую бутылку бенедиктина, фрукты и конфѣты въ стеклянныхъ вазахъ и весело и легко захлопалъ пивными и винными пробками.

— А вы что же не пьете? — обратился Ярченко къ репортеру Платонову. — Позвольте... Я не ошибаюсь? Сергѣй Ивановичъ, кажется?

— Такъ.

— Позвольте предложить вамъ, Сергѣй Ивановичъ, чашку кофе. Это освѣжаетъ. Или, можетъ-быть, выпьемъ съ вами вотъ этого сомнительнаго лафита?

— Нѣтъ, ужъ вы разрѣшите мнѣ отказаться. У меня свой напитокъ... Симеонъ, дайте мнѣ...

— Коньяку! — поспѣшно крикнула Нюра.

— И съ грушей! — такъ же быстро подхватила Манька Бѣленькая.

— Слушаю, Сергѣй Ивановичъ, сейчасъ, — неторопливо, но почтительно отозвался Симеонъ и, нагнувшись и крикнувъ, звонко вырвалъ пробку изъ бутылочнаго горла.

— Въ первый разъ слышу, что въ Ямѣ подаютъ коньякъ! — съ удивленіемъ произнесъ Лихонинъ. — Сколько я ни спрашивалъ, мнѣ всегда отказывали.

— Можетъ-быть, Сергѣй Ивановичъ знаетъ такое пѣтушиное слово? — пошутилъ Рамзесъ.

— Или состоитъ здѣсь на какомъ-нибудь особомъ почетномъ положеніи? — колко, съ подчеркиваніемъ вставилъ Борисъ Собашниковъ.

Репортеръ вяло, не поворачивая головы, покосился на Собашникова, на нижній рядъ пуговиць его короткаго франтовскаго кителя и отвѣтилъ съ растяжкой:

— Ничего нѣтъ почетнаго въ томъ, что я могу пить какъ лошадь и никогда не пьянѣю, но зато я ни съ кѣмъ и не ссорюсь и никого не задираю. Очевидно, эти хорошія стороны моего характера здѣсь достаточно извѣстны, а потому мнѣ оказываютъ довѣріе.

— Ахъ, молодчинище! — радостно воскликнулъ Лихонинъ, котораго восхищала въ репортерѣ какая-то особенная, лѣнивая, немногословная и въ то же время самоувѣренная небрежность. — Вы и со мной подѣлитесь коньякомъ?

— Очень, очень радъ, — привѣтливо отвѣтилъ Платоновъ и вдругъ поглядѣлъ на Лихонина со свѣтлой, почти дѣтской улыбкой, которая скрасила его некрасивое, скуластое лицо. — Вы мнѣ тоже сразу понравились. И когда я увидѣлъ васъ еще тамъ, у Дорошенки, я сейчасъ же подумалъ, что вы вовсе не такой шершавый, какимъ кажется.

— Ну вотъ и обмѣнялись любезностями, — засмѣялся Лихонинъ. — Но удивительно, что мы именно здѣсь ни разу съ вами не встрѣчались. Повидимому, вы таки-частенько бываете у Анны Марковны?

— Даже весьма.

— Сергѣй Ивановичъ у насъ самый главный гость! —

наивно взвизгнула Нюра. — Сергѣи Иванычъ у насъ въ родѣ брата!

— Дура! — остановила ее Тамара.

— Это мнѣ странно, — продолжалъ Лихонинъ. — Я тоже — завсегдатай. Во всякомъ случаѣ можно только позавидовать общей къ вамъ симпатіи...

— Мѣстный староста! — сказалъ, скрививъ сверху внизъ губы, Борисъ Собашниковъ, но сказалъ настолько вполголоса, что Платоновъ, если бы захотѣлъ, могъ притвориться, что онъ ничего не слышалъ. Этотъ репортеръ давно уже возбуждалъ въ Борисѣ какое-то слѣпое и колючее раздраженіе. Это еще ничего, что онъ былъ не изъ своего стада. Но Борисъ, подобно многимъ студентамъ (а также и офицерамъ, юнкерамъ и гимназистамъ), привыкъ къ тому, что посторонніе «штатскіе» люди, попадавшіе случайно въ кутящую студенческую компанію, всегда держали себя въ ней нѣсколько независимо и подобострастно, льстили учащейся молодежи, удивлялись ея смѣлости, смѣялись ея шуткамъ, любовались ея самолюбованіемъ, вспоминали со вздохомъ подавленной зависти свои студенческіе годы. А въ Платоновѣ не только не было этого привычнаго вилянія хвостомъ передъ молодежью, но, наоборотъ, чувствовалось какое-то разсѣянное, спокойное и вѣжливое равнодушіе.

Кромѣ того сердило Собашникова — и сердило мелкой ревнивой досадой — то простое и вмѣстѣ предупредительное вниманіе, которое репортеру оказывали въ заведеніи всѣ, начиная съ швейцара и кончая мясистой, молчаливой Катей. Это вниманіе сказывалось въ томъ, какъ его слушали, въ той торжественной бережности, съ которой Тамара наливала его рюмку, и въ томъ, какъ Манька Бѣленькая заботливо чистила для него грушу, и въ удовольствіи Зои, поймавшей ловко брошенный ей репортеромъ черезъ столъ портсигаръ, въ то время, какъ она

напрасно просила папиросу у двухъ заговорившихся сосѣдей, и въ томъ, что ни одна изъ дѣвиць не выпрашивала у него ни шоколаду ни фруктовъ, и въ ихъ живой благодарности за его маленькія услуги и угощеніе. «Коть!» — злобно рѣшилъ-было про-себя Собашниковъ, но и самъ себѣ не повѣрилъ: ужъ очень былъ некрасивъ и небрежно одѣтъ репортеръ и кромѣ того держалъ себя съ большимъ достоинствомъ.

Платоновъ опять сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ дерзости, сказанной студентомъ. Онъ только нервно скомкалъ въ пальцахъ салфетку и слегка отшвырнулъ ее отъ себя. И опять его вѣки дрогнули въ сторону Бориса Собашникова.

— Да, я здѣсь, правда, свой человѣкъ, — спокойно продолжалъ онъ, медленными кругами двигая рюмку по столу. — Представьте себѣ: я въ этомъ самомъ домѣ обѣдалъ изо дня въ день ровно четыре мѣсяца.

— Нѣтъ? Серьезно? — удивился и засмѣялся Ярченко.

— Совсѣмъ серьезно. Тутъ очень недурно кормятъ, между прочимъ. Сытно и вкусно, хотя черезчуръ жирно.

— Но какъ же это вы?..

— А такъ, что я подготовлялъ дочку Анны Марковны, хозяйки этого гостепримнаго дома, въ гимназію. Ну и выговорилъ себѣ условіе, чтобы часть мѣсячной платы вычитали мнѣ за обѣды.

— Чтò за странная фантазія! — сказалъ Ярченко. — И это вы добровольно? Или... Простите, я боюсь показаться вамъ нескромнымъ... можетъ-быть, въ это время... крайняя нужда?..

— Вовсе нѣтъ. Анна Марковна съ меня содрала раза въ три дороже, чѣмъ это стоило бы въ студенческой столовой. Просто, мнѣ хотѣлось пожить здѣсь, поближе, потѣснѣе, такъ сказать, войти интимно въ этотъ мірокъ.

— А-а! Я, кажется, начинаю понимать! — просіялъ

Ярченко. — Нашъ новый другъ, — извините за маленькую фамильярность, — повидимому, собираетъ бытовой матеріаль? И, можетъ-быть, черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ имѣть удовольствіе прочитать...

— Трррагедію изъ публичнаго дома! — вставилъ громко, по-актерски, Борисъ Собашниковъ.

Въ то время, когда репортеръ отвѣчалъ Ярченкѣ, Тамара тихо встала со своего мѣста, обошла столъ и, нагнувшись надъ Собашниковымъ, сказала ему шопотомъ на ухо:

— Миленькій, хорошенькій, вы бы лучше этого господина не трогали. Ей-Богу, для васъ же будетъ лучше.

— Чтой-тѣ? — высокомѣрно взглянулъ на нее студентъ, поправляя двумя разставленными пальцами пенснэ. — Онъ — твой любовникъ? Котъ?

— Клянусь вамъ чѣмъ хотите, онъ ни разу въ жизни ни съ одной изъ насъ не оставался. Но, повторяю, вы его не задирайте.

— Ну да! Ну конечно! — возразилъ Собашниковъ, презрительно кривляясь. — У него такая прекрасная защита, какъ весь публичный домъ. И, должно-быть, всѣ вышибалы съ Ямской — его близкіе друзья и пріатели.

— Нѣтъ, не то, — возразила ласковымъ шопотомъ Тамара. — А то, что онъ возьметъ васъ за воротникъ и выброситъ въ окно, какъ щенка. Я такой воздушный полетъ однажды уже видѣла. Не дай Богъ никому. И стыдно, и опасно для здоровья.

— Пошла вонъ, сволочь! — крикнулъ Собашниковъ, замахиваясь на нее локтемъ.

— Иду, миленькій, — кротко отвѣтила Тамара и отошла отъ него своей легкой походкой.

Всѣ на мгновение обернулись къ студенту.

— Не буянь, барбарись! — погрозили ему пальцемъ Лихонинъ. — Ну, ну, говорите, — попросилъ онъ репортера: — все это такъ интересно, что вы рассказываете.

— Нѣтъ, я ничего не собираю, — продолжалъ спокойно и серьезно репортеръ. — А матеріалъ здѣсь дѣйствительно огромный, прямо подавляющій, страшный... И страшны вовсе не громкія фразы о торговлѣ женскимъ мясомъ, о бѣлыхъ рабыняхъ, о проституціи, какъ о разъѣдающей язвѣ большихъ городовъ, и такъ далѣе и такъ далѣе... старая, всѣмъ надоѣвшая шарманка! Нѣтъ, ужасны буднишнія, привычныя мелочи, эти дѣловые, дневные, коммерческіе расчеты, эта тысячелѣтняя наука любовнаго обхожденія, этотъ прозаическій обиходъ, устоявшійся вѣками. Въ этихъ незамѣтныхъ пустякахъ совершенно растворяются такія чувства, какъ обида, униженіе, стыдъ. Остается сухая профессія, контрактъ, договоръ, почти-что честная торговлишка, ни хуже ни лучше какой-нибудь бакалейной торговли. Понимаете ли, господа, въ этомъ-то весь и ужасъ, что нѣтъ никакого ужаса! Мѣщанскія будни — и только. Да еще привкусъ закрытаго учебнаго заведенія съ его наивностью, грубостью, сентиментальностью и подражательностью.

— Это вѣрно, — подтвердилъ Лихонинъ, а репортеръ продолжалъ, глядя задумчиво въ свою рюмку:

— Читаемъ мы въ публицистикѣ, въ передовыхъ статьяхъ разные вопли суетливыхъ душъ. И женщины-врачи тоже стараются по этой части и стараются довольно противно. «Ахъ, регламентація! Ахъ, аболиціонизмъ! Ахъ, живой товаръ! Крѣпостное положеніе! Хозяйки, эти жадныя гетеры! Эти гнусные выродки чело-вѣчества, сосущіе кровь проституттокъ!..» Но вѣдь крикомъ никого не испугаешь и не проймешь. Знаете, есть поговорочка: визгу много, а шерсти мало. Страшнѣе всякихъ страшныхъ словъ, въ сто разъ страшнѣе — какой-нибудь этакій маленькій прозаическій штришокъ, который васъ вдругъ точно по лбу ошарашить. Возьмите хотя бы здѣшняго швейцара Симеона. Ужъ, кажется, по-ва-

шему, ниже некуда спуститься: вышибала въ публичномъ домѣ, звѣрь, почти навѣрно — убійца, обираетъ проституттокъ, дѣлаетъ имъ «черный глазъ», по здѣшнему выраженію, т.-е. просто-напросто бьетъ. А знаете ли, на чемъ мы съ нимъ сошлись и подружились? На пышныхъ подробностяхъ архіерейскаго служенія, на канонѣ честнаго Андрея, пастыря Критскаго, на твореніяхъ отца преблагеннаго Іоанна Дамаскина. Религіозенъ — необычайно! Заведу его, бывало, и онъ со слезами на глазахъ поетъ мнѣ: «Приидите, послѣднее цѣлованіе дадимте, братіе, усопшему...» Изъ чина погребенія мірскихъ человѣкъ. Нѣтъ, вы подумайте: вѣдь только въ одной русской душѣ могутъ ужиться такія противорѣчія.

— Да. Такой помолится-помолится, потомъ зарѣжетъ, а потомъ умоетъ руки и поставитъ свѣчу передъ образомъ, — сказалъ Рамзесъ.

— Именно. Я ничего не знаю болѣе жуткаго, чѣмъ это соединеніе вполне искренней набожности съ природнымъ тяготѣніемъ къ преступленію. Признаться ли вамъ? Я, когда разговариваю одинъ на одинъ съ Симономъ, — а говоримъ мы съ нимъ подолгу и неторопливо, такъ: часами, — я испытываю минутами настоящій страхъ. Сувѣрный страхъ! Точно вотъ я стою въ сумеркахъ на зыбкой дощечкѣ, наклонившись надъ какимъ-то темнымъ зловоннымъ колодцемъ, и едва-едва различаю, какъ тамъ, на днѣ, копошатся гады. А вѣдь онъ по-настоящему набоженъ и, я увѣренъ, пойдетъ когда-нибудь въ монахи и будетъ великимъ постникомъ и молитвенникомъ, и, чортъ его знаетъ, какимъ уродливымъ образомъ переплетется въ его душѣ настоящій религіозный экстазъ съ богохульствомъ; съ кощунствомъ, съ какой-нибудь отвратительной страстью, съ садизмомъ или еще съ чѣмъ-нибудь въ родѣ этого?

— Однако вы не щадите объекта вашихъ наблюде-

пій, — сказала Ярченко и осторожно показала глазами на дѣвицъ.

— Э, все равно. У насъ съ нимъ теперь прохладныя отношенія.

— Почему такъ? — спросилъ Володя Павловъ, поймавшій конецъ разговора.

— Да такъ... не стѣить и рассказывать... — уклончиво улынулся репортеръ. — Пустякъ... Давайте-ка сюда вашу рюмку, господинъ Ярченко.

Но торопливая Нюра, у которой ничто не могло удержаться во рту, вдругъ выпалила скороговоркой:

— Потому что Сергѣй Ивановичъ ему по мордѣ дали... Изъ-за Нинки. Къ Нинкѣ пришелъ одинъ старикъ... И остался на ночь... А у Нинки былъ красный флагъ... И старикъ все время ее мучилъ... А Нинка заплакала и убѣждала.

— Брось, Нюра, скучно, — сказала, сморщившись, Платоновъ.

— Одепне! (отстань), — строго приказала на жаргонѣ домовъ терпимости Тамара.

Но разбѣжавшуюся Нюру невозможно было сснать.

— А Нинка говорить: я, говорить, ни за что съ нимъ не останусь, хоть рѣжьте меня на куски... всю, говорить, меня слюнями обмочилъ. Ну старикъ, понятно, пожаловался швейцару, а швейцаръ, понятно, давай Нинку бить. А Сергѣй Ивановичъ въ это время писалъ мнѣ письмо домой, въ провинцію, и какъ услышалъ, что Нинка кричитъ...

— Зол, зажми ей ротъ! — сказалъ Платоновъ.

— Такъ сейчасъ вскочилъ и... апъ!.. — И Нюринъ потокъ мгновенно прервался, заткнутый ладонью Зои.

Всѣ засмѣялись, только Борисъ Собашниковъ подъ шумокъ пробормоталъ съ презрительнымъ видомъ:

— Oh, chevalier sans peur et sans reproche!

Онъ ужъ былъ довольно сильно пьянъ, стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, въ вызывающей позѣ, съ заложенными въ карманы брюкъ руками, и нервно жеваль папиросу.

— Это какая же Нинка? — спросилъ съ любопытствомъ Рамзесъ. — Она здѣсь?

— Нѣтъ, ея нѣту. Такая маленькая, курносая дѣвчонка. Наивная и очень сердитая. — Репортеръ вдругъ внезапно и искренно расхохотался. — Извините... это я такъ... своимъ мыслямъ, — объяснилъ онъ сквозь смѣхъ. — Я сейчасъ очень живо вспомнилъ этого старика, какъ слъ въ испугѣ бѣжалъ по коридору, захвативъ верхнюю одежду и башмаки... Такой почтенный старецъ, съ наружностью апостола, я даже знаю, гдѣ онъ служить. Да и вы всѣ его знаете. Но всего курьезнѣе было, когда онъ наконецъ въ залѣ почувствовалъ себя въ безопасности. Понимаете: сидитъ на стулѣ, надѣваетъ панталоны, никакъ не попадетъ ногой, куда слѣдуетъ, и оретъ на весь домъ: «Безобразіе! Гнусный притонъ! Я васъ выведу на чистую воду!.. Завтра же въ двадцать четыре часа!..» Знаете ли, это соединеніе жалкой безпомощности съ грозными криками было такъ уморительно, что даже мрачный Симеонъ разсмѣялся... Ну вотъ, кстати о Симеонѣ... Я говорю, что жизнь поражаетъ, ставить втупикъ своей диковинной путаницей и неразберихой. Можно насказать тысячу громкихъ словъ о сутенерахъ, а вотъ именно такого Симеона ни за что не придумаешь. Такъ разнообразна и пестра жизнь! Или еще возьмите здѣшнюю хозяйку Анну Марковну. Эта кровопійца, гіена, мегера и такъ далѣе — самая нѣжная мать, какую только можно себѣ представить. У нея одна дочь — Берта, она теперь въ пятомъ классѣ гимназій. Если бы вы видѣли, сколько осторожнаго вниманія, сколько

нѣжной заботы затрачиваетъ Анна Марковна, чтобы дочь не узнала какъ-нибудь случайно о ея профессіи. И сама при ней не смѣетъ даже разговаривать, боится за свой лексиконъ, глядитъ ей въ глаза, держитъ себя рабски, какъ старая прислуга, какъ глупая, преданная нянька, какъ старый, вѣрный, опаршивѣвшій пудель. Ей ужъ давно пора уйти на покой, потому что и деньги есть, и занятіе ея здѣсь тяжелое и хлопотное, и годы ея уже почтенные. Такъ вѣдь нѣтъ: надо еще лишнюю тысячу, а тамъ и еще и еще — все для Берточки. А у Берточки лошади, у Берточки англичанка, Берточку каждый годъ возятъ за границу, у Берточки на сорокъ тысячъ брильянтовъ — чортъ ихъ знаетъ, чьи они, эти брильянты? И вѣдь я не только увѣренъ, но я твердо знаю, что для счастья этой самой Берточки, нѣтъ, даже не для счастья, а предположимъ, что у Берточки сдѣлается на пальчикѣ заусеница, — такъ вотъ, чтобы эта заусеница прошла, — вообразите на секунду возможность такого положенія вещей! — Анна Марковна, не сморгнувъ, продастъ на растлѣніе нашихъ сестеръ и дочерей, заразить насъ всѣхъ и нашихъ сыновей сифилисомъ. Чтѣ? Вы скажете — чудовище? А я скажу, что ею движетъ та же великая, неразумная, слѣпая, эгоистическая любовь, за которую мы всѣ называемъ нашихъ матерей святыми женщинами.

— Легче на поворотахъ! — замѣтилъ сквозь зубы Борисъ Собашниковъ.

— Простите: я не сравнивалъ людей, а только обобщалъ первоисточникъ чувства. Я могъ бы привести для примѣра и самоотверженную любовь матерей-животныхъ. Но вижу, что затѣялъ скучную матерію. Лучше бросимъ.

— Нѣтъ, вы договорите, — возразилъ Лихонинъ. — Я чувствую, что у васъ была цѣльная мысль.

— И очень простая. Давеча профессоръ спросилъ меня, не наблюдаю ли я здѣшной жизни съ какими-нибудь писа-

тельскими цѣлями. И я хотѣлъ только сказать, что я умѣю видѣть, но именно не умѣю наблюдать. Вотъ я привелъ вамъ въ примѣръ Симеона и Анну Марковну. Я не знаю самъ, почему, но я чувствую, что въ нихъ таится какая-то ужасная, непреобримая дѣйствительность жизни, но ни рассказать ее. ни показать ее я не умѣю, — мнѣ не дано этого. Здѣсь нужно великое умѣнье взять какую-нибудь мелочишку, ничтожный, бросовый штришокъ, и получится страшная правда, отъ которой читатель въ испугѣ забудетъ закрыть ротъ. Люди ищутъ ужаснаго въ словахъ, въ крикахъ, въ жестахъ. Ну вотъ, на примѣръ, читаю я описаніе какого-нибудь погрома, или избіенія въ тюрьмѣ, или усмиренія. Конечно, описываются городовые, «эти слуги произвола», эти опричники современности, шагающіе по колѣно въ крови, или какъ тамъ еще пишутъ въ этихъ случаяхъ? Конечно, возмутительно, и больно, и противно, но все это — умомъ, а не сердцемъ. Но вотъ я иду утромъ по Лебяжьей улицѣ, вижу — собралась толпа, въ серединѣ дѣвочка пяти лѣтъ — оказывается, отстала отъ матери и заблудилась, или, быть-можетъ, мать ее бросила. А передъ дѣвочкой на короточкахъ городской. Разспрашиваетъ, какъ ее зовутъ, да откуда, да какъ зовутъ папу, да какъ зовутъ маму. Вспотѣлъ, бѣдный, отъ усилія, шапка на затылкѣ, огромное усатое лицо такое доброе, и жалкое, и безпомощное, а голосъ ласковый-преласковый. Наконецъ, что вы думаете? Такъ какъ дѣвочка вся переволновалась, и уже осипла отъ слезъ, и всѣхъ дичится — онъ, этотъ самый «имѣющійся постовой городской», вытягиваетъ впередъ два своихъ черныхъ, заскорузлыхъ пальца, указательный и мизинецъ, и начинаетъ дѣлать дѣвочкѣ козу! «Ро-о-гами забоду, ногами затопу!..» И вотъ, когда я глядѣлъ на эту милую сцену и подумалъ, что черезъ полчаса этотъ самый постовой будетъ въ участкѣ бить ногами въ лицо и въ грудь чело-

вѣка, котораго онъ до сихъ поръ ни разу въ жизни не видалъ и преступленіе котораго для него совсѣмъ неизвѣстно, — то — вы понимаете! — мнѣ стало невыразимс-жутко и тоскливо. Не умомъ, а сердцемъ. Такая чертовская путаница эта жизнь. Выпьемъ, Лихонинъ, коньяку?

— Хотите на ты? — предложилъ вдругъ Лихонинъ.

— Хорошо. Только безъ поцѣлуйчиковъ, правда? Будь здоровъ, мой милый... Или вотъ еще примѣръ. Читаю я, какъ одинъ французскій классикъ описываетъ мысли и ощущенія человѣка, приговореннаго къ смертной казни. Громко, сильно, блестяще описываетъ, а я читаю и... ну, никакого впечатлѣнія: ни волненія ни возмущенія — одна скука. Но вотъ на-дняхъ попадается мнѣ короткая хроникерская замѣтка о томъ, какъ гдѣ-то во Франціи казнили убійцу. Прокуроръ, который присутствовалъ при послѣднемъ туалетѣ преступника, видитъ, что тотъ надѣваетъ башмаки на босу ногу, и — болванъ! — напоминаетъ: «А чулки-то?» — А тотъ посмотрѣлъ на него и говоритъ такъ раздумчиво: «Стоитъ ли?» Понимаете: эти двѣ коротенькихъ реплики меня какъ камнемъ по черепу! Сразу раскрылся передо мною весь ужасъ и вся глупость насильственной смерти... Или вотъ еще о смерти. Умеръ одинъ мой пріятель, пѣхотный капитанъ, — пьяница, бродяга и душевнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Мы его звали почему-то электрическимъ капитаномъ. Я былъ поблизости, и мнѣ пришлось одѣвать его для послѣдняго парада. Я взялъ его мундиръ и сталъ надѣвать къ нему эполеты. Тамъ, знаете, въ ушко эполетныхъ пуговицъ продѣвается шнурокъ, а потомъ два конца этого шнура просовываются сквозь двѣ дырочки подъ воротникомъ и изнутри, съ подкладки, завязываются. И вотъ продѣлалъ я всю эту процедуру, завязываю шнурокъ петелькой, и, знаете, все у меня никакъ не выходитъ петля: то черезчуръ некрѣпко связана, то одинъ конецъ слишкомъ ко-

ротокъ. Копошусь я надъ этой ерундой, и вдругъ мнѣ въ голову приходитъ самая удивительно-простая мысль, что гораздо проще и скорѣе завязать узломъ — вѣдь все равно никто развязывать не будетъ. И сразу я всёѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ смерть. До тѣхъ поръ я видѣлъ остеклянѣвшіе глаза капитана, щупаль его холодный лобъ, и все какъ-то не осязалъ смерти, а подумалъ объ узлѣ — и всего меня пронизало и точно пригнуло къ землѣ простое и печальное сознаніе о невозвратимой, неизбежной гибели всёхъ нашихъ словъ, дѣлъ и ощущеній, о гибели всего видимаго міра... И такихъ маленькихъ, но поразительныхъ мелочей я могъ бы привести сотню... Хотя бы о томъ, что такое люди испытывали на войнѣ... Но я хочу свести свою мысль къ одному. Всѣ мы проходимъ мимо этихъ характерныхъ мелочей равнодушно, какъ слѣпые, точно не видя, что онѣ валяются у насъ подъ ногами. А придетъ художникъ, и разглядитъ и подберетъ. И вдругъ такъ умѣло повернетъ на солнцѣ крошечный кусочекъ жизни, что всѣ мы ахнемъ. «Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это я самъ — самъ! — лично видѣлъ. Только мнѣ просто не пришло въ голову обратиться на это пристального вниманія». Но наши русскіе художники слова — самые совѣстливые и самые искренніе во всемъ мірѣ художники — почему-то до сихъ поръ обходили проституцію и публичный домъ. Почему? Право, мнѣ трудно отвѣтить на это. Можетъ-быть, по безразличности, по малодушію, изъ-за боязни прослыть порнографическимъ писателемъ, наконецъ просто изъ страха, что наша кумовская критика отождествитъ художественную работу писателя съ его личной жизнью и пойдетъ копать въ его грязномъ бѣльѣ. Или, можетъ-быть, у нихъ не хватаетъ ни времени, ни самоотверженности, ни самообладанія вникнуть съ головой въ эту жизнь и подсмотреть ее близко-близко, безъ предубѣжденія, безъ гром-

кихъ фразъ, безъ овечьей жалости, во всей ея чудовищной простотѣ и буднишной дѣловитости. Ахъ, какая бы это получилась громадная, потрясающая и правдивая книга.

— Пишутъ же! — нехотя замѣтилъ Рамзесъ.

— Пишутъ, — въ тонъ ему скучно повторилъ Платоновъ. — Но все это или ложь, или театральные эффекты для дѣтей младшаго возраста, или хитрая символика, понятная лишь для мудрецовъ будущаго. А самой жизни никто еще не трогалъ. Одинъ большой писатель — человѣкъ съ хрустально-чистой душой и замѣчательнымъ изобразительнымъ талантомъ — подошелъ однажды къ этой темѣ, и вотъ все, что можетъ схватить глазъ внѣшняго, отразилось въ его душѣ, какъ въ чудесномъ зеркалѣ. Но лгать и пугать людей онъ не рѣшился. Онъ только поглядѣлъ на жесткіе, какъ у собаки, волосы швейцара и подумалъ: «А вѣдь и у него навѣрно была мать». Скользнулъ своимъ умнымъ, точнымъ взглядомъ по лицамъ проститутокъ и запечатлѣлъ ихъ. Но того, чего онъ не зналъ, онъ не посмѣлъ написать. Замѣчательно, что этотъ же писатель, обаятельный своей честностью и правдивостью, приглядывался не однажды и къ мужику. Но онъ почувствовалъ, что и языкъ, и складъ мысли, и душа народа для него темны и непонятны... И онъ съ удивительнымъ тактомъ, скромно обошелъ душу народа стороной, а весь запасъ своихъ прекрасныхъ наблюдений преломилъ сквозь глаза городскихъ людей. Я нарочно объ этомъ упомянулъ. У насъ, видите ли, пишутъ о сыщикахъ, объ адвокатахъ, объ акцизныхъ надзирателяхъ, о педагогахъ, о прокурорахъ, о полиціи, объ офицерахъ, о сладострастныхъ дамахъ, объ инженерахъ, о баритонахъ — и пишутъ, ей-Богу, совсѣмъ хорошо — умно, тонко и талантливо. Но вѣдь всѣ эти люди — соръ, и жизнь ихъ не жизнь, а какой-то надуманный, призрачный, пенужный бредъ ми-

ровой культуры. Но вотъ есть двѣ странныхъ дѣйствительности — древнихъ, какъ само человѣчество: проститутка и мужикъ. И мы о нихъ ничего не знаемъ, кромѣ какихъ-то сусальныхъ, пряничныхъ, ерническихъ изображеній въ литературѣ. Я васъ спрашиваю: что русская литература выжала изъ всего кошмара проституціи? Одну Сонечку Мармеладову. Что она дала о мужикѣ, кромѣ поскудныхъ фальшивыхъ народническихъ пасторалей? Одно, всего лишь одно, но зато, правда, величайшее въ мірѣ произведеніе, — потрясающую трагедію, отъ правдивости которой захватываетъ духъ и волосы становятся дыбомъ. Вы знаете, о чемъ я говорю...

— «Коготокъ увязъ...» — тихо подсказалъ Лихонинъ.

— Да, — отвѣтилъ репортеръ и съ благодарностью, ласково поглядѣлъ на студента.

— Ну, что касается Сонечки, то вѣдь это абстрактный типъ, — замѣтилъ увѣренно Ярченко. — Такъ сказать, психологическая схема...

Платоновъ, который до сихъ поръ говорилъ точно нехотя, съ развальцей, вдругъ загорячился:

— Сто разъ слышалъ это сужденіе, сто разъ! И все это не правда. Подъ грубой и похабной профессіей, подъ пьянымъ, безобразнымъ видомъ — и все-таки жива Сонечка Мармеладова! Судьба русской проститутки — о, какой это трагическій, жалкій, кровавый, смѣшной и глупый путь! Здѣсь все совмѣстилось: русскій Богъ, русская широта и безпечность, русская наивность, русское терпѣніе, русское безстыдство. Вѣдь всѣ онѣ, которыхъ вы берете въ спальни, — поглядите, поглядите на нихъ хорошенько, — вѣдь всѣ онѣ — дѣти, вѣдь имъ всѣмъ по одиннадцати лѣтъ. Судьба толкнула ихъ на проституцію, и съ тѣхъ поръ онѣ живутъ въ какой-то странной, феерической, игрушечной жизни, не развиваясь, не обогащаясь опытомъ, наивныя, довѣрчивыя, капризныя,

не знающія, что скажутъ и что сдѣлаютъ черезъ полчаса — совсѣмъ какъ дѣти. Эту свѣтлую и смѣшную дѣтскость я видѣлъ у самыхъ опустившихся, самыхъ старыхъ дѣвокъ, заѣзженныхъ и искалѣченныхъ, какъ извозчичьи клячи. И не умираетъ въ нихъ никогда эта безсильная жалость, это бесполезное сочувствіе къ челоувѣческому страданію... Напримѣръ...

Платоновъ обвелъ всѣхъ сидящихъ медленнымъ взоромъ и, вдругъ махнувши рукой, сказалъ усталымъ голосомъ:

— А впрочемъ... къ чорту! Я сегодня наговорился лѣтъ на десять... И все это ни къ чему.

— Но, въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Ивановичъ, отчего бы вамъ не попробовать все это описать самому? — спросилъ Ярченко. — У васъ такъ живо сосредоточено вниманіе на этомъ вопросѣ.

— Пробоваль! — съ невеселой усмѣшкой отвѣтилъ Платоновъ. — Но ничего не выходитъ. Начну писать и сейчасъ же заплутаюсь въ разныхъ «что», «который», «былъ». Эпитеты выходятъ пошлыми. Слова простываютъ на бумагѣ. Какая-то жвачка. Знаете ли, здѣсь однажды проѣздомъ былъ Тереховъ... Тотъ... извѣстный... Я пришелъ къ нему и сталъ рассказывать ему многое-многое о здѣшней жизни, чего я вамъ не говорю изъ боязни наскучить. Я просилъ его воспользоваться моимъ матеріаломъ. Онъ выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, и вотъ что онъ сказалъ буквально: «Не обижайтесь, Платоновъ, если я вамъ скажу, что нѣтъ почти ни одного челоувѣка изъ встрѣчаемыхъ мною въ жизни, который не совалъ бы мнѣ темъ для романовъ и повѣстей, или не училъ бы меня, о чемъ надо писать. Тотъ матеріалъ, что вы мнѣ сейчасъ сообщили, — прямо необъятенъ по своему смыслу и вѣсу. Но что я съ нимъ подѣлаю? Чтобы написать такую колоссальную книгу, о какой вы думаете, мало чужихъ словъ, хотя бы и самыхъ точ-

ныхъ, мало даже наблюдений, сдѣланныхъ съ записной книжечкой и карандашикомъ. Надо самому вжиться въ эту жизнь, не мудрствуя лукаво, безъ всякихъ заднихъ писательскихъ мыслей. Тогда выйдетъ страшная книга». Слова его меня обезкуражили и въ то же время окрылили. Съ этихъ поръ я вѣрю, что не теперь, не скоро, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, но придетъ гениальный и именно русскій писатель, который вберетъ въ себя всѣ тяготы и всю мерзость этой жизни и выброситъ ихъ намъ въ видѣ простыхъ, тонкихъ и бессмертно-жгучихъ образовъ. И всѣ мы скажемъ: «Да вѣдь, это все мы сами видѣли и знали, но мы и предположить не могли, что это такъ ужасно!» Въ этого грядущаго художника я вѣрю всѣмъ сердцемъ.

— Аминь! — сказала серьезно Лихонинъ. — Выпьемъ за него.

— А, ей-Богу, — вдругъ отозвалась Манька Маленькая. — Хотя бы кто-нибудь написалъ по правдѣ, какъ живемъ мы здѣсь, разнесчастныя...

Въ дверь постучали, и тотчасъ же вошла Женья въ своемъ блестящемъ оранжевомъ платьѣ.

Х.

Она непринужденно, съ независимымъ видомъ перваго персонажа въ домѣ, поздоровалась со всѣми мужчинами и сѣла около Сергѣя Иваныча, позади его стула. Она только-что освободилась отъ того самаго нѣмца въ формѣ благотворительнаго общества, который рано вечеромъ остановилъ свой выборъ на Манѣ Бѣленькой, а потомъ перемѣнилъ ее, по рекомендаціи экономки, на Пашу. Но зазорная и самоувѣренная красота Жени, должно-быть, сильно уязвила его блудливое сердце, потому что, прошлявшись часа три по какимъ-то пивнымъ заведеніямъ

и ресторанамъ и набравшись тамъ мужества, онъ опять вернулся въ домъ Анны Марковны, дождался, пока отъ Жени не ушелъ ея временный гость — Карлъ Карловичъ изъ оптического магазина, и взялъ ее въ комнату.

На безмолвный — глазами — вопросъ Тамары Женья съ отвращеніемъ поморщилась, содрогнулась спиною и утвердительно кивнула головой.

— Ушелъ... Бррр!..

Платоновъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ приглядывался къ Женѣ. Ее онъ отличалъ среди прочихъ дѣвушекъ и почти уважалъ за крутой, неподатливый и дерзко-насмѣшливый характеръ. И теперь, изрѣдка оборачиваясь назадъ, онъ по ея горящимъ прекраснымъ глазамъ, по ярко и неровно рдѣвшему на щекахъ нездоровому румянцу, по искусаннымъ запекшимся губамъ чувствовалъ, что въ дѣвушкѣ тяжело колышется и душитъ ее большая, давно назрѣвшая злоба. И тогда же онъ подумалъ (и впослѣдствіи часто вспоминалъ объ этомъ), что никогда онъ не видѣлъ Жени такой блестяще-красивой, какъ въ эту ночь. Онъ замѣтилъ также, что всѣ бывшіе въ кабинетѣ мужчины, за исключеніемъ Лихонина, глядятъ на нее — иные откровенно, другіе украдкой и точно мелькомъ — съ любопытствомъ и затаеннымъ желаніемъ. Красота этой женщины вмѣстѣ съ мыслью о ея ежеминутной, совѣмъ легкой доступности волновала ихъ воображеніе.

— Съ тобой что-то такое творится, Женья, — сказалъ тихо Платоновъ.

Она ласково, чуть-чуть провела пальцами по его рукѣ.

— Не обращай вниманія. Такъ... наши бабскія дѣла... Тебѣ будетъ неинтересно.

Но тотчасъ же, повернувшись къ Тамарѣ, она страстно и быстро заговорила что-то на условномъ жаргонѣ, представляющемъ дикую смѣсь изъ еврейскаго, цыганскаго

и румынскаго языковъ и изъ воровскихъ и конокрадскихъ словечекъ.

— Не звони метличка, метликъ фартовы, — прервала ее Тамара и съ улыбкой показала глазами на репортера.

Платоновъ дѣйствительно понялъ. Женя съ негодова-ніемъ рассказывала о томъ, что за сегодняшній вечеръ и ночь, благодаря наплыву дешевой публики, несчастную Пашу брали въ комнату больше десяти разъ — и все разные мужчины. Только сейчасъ съ ней сдѣлался истерическій припадокъ, закончившійся обморокомъ. И вотъ, едва приведя Пашу въ чувство и отпоявъ ее валерьяновыми каплями на рюмкѣ спирта, Эмма Эдуардовна опять послала ее въ залу. Женя попробовала-было заступиться за подругу, но экономка обругала заступницу и пригрозила ей наказаніемъ.

— О чемъ это она? — въ недоумѣніи спросилъ Ярченко, высоко подымая брови.

— Не безпокойтесь... ничего особеннаго... — отвѣтила Женя еще взволнованнымъ голосомъ. — Такъ... нашъ маленькій семейный вздоръ... Сергѣй Ивановичъ, можно мнѣ вашего вица?

Она налила себѣ полстакана и выпила коньякъ залпомъ, широко раздувая тонкія ноздри.

Платоновъ молча всталъ и пошелъ къ двери.

— Не стѣитъ, Сергѣй Ивановичъ. Бросьте... — остано-вила его Женя.

— Да нѣтъ, отчего же? — возразилъ репортеръ. — Я сдѣлаю самую простую и невинную вещь, возьму Пашу сюда, а если придется — такъ и уплачу за нее. Пусть полежитъ здѣсь на диванѣ и хоть немного отдохнетъ... Нюра, живо сбѣгай за подушкой!

Едва закрылась дверь за его широкой, неуклюжей фигурой въ сѣромъ платьѣ, какъ тотчасъ же Борисъ Собашниковъ заговорилъ съ презрительной рѣзкостью:

— На кой чортъ, господа, мы затащили въ свою компанію этого фрукта съ улицы? Очень нужно связываться со всякой рванью. Чортъ его знаетъ, кто онъ такой, — можетъ-быть, даже шпикъ. Кто можетъ ручаться? И всегда ты такъ, Лихонинъ.

— Ну какая тебѣ, Боря, опасность отъ шпики? — добродушно возразилъ Лихонинъ.

— Это не Лихонинъ, а я его познакомилъ со всѣми, — сказалъ Рамзесъ. — Я его знаю за вполне порядочнаго человѣка и за хорошаго товарища.

— Э! Чепуха! Хорошій товарищъ выпить на чужой счетъ. Развѣ вы сами не видите, что это самый обычный типъ завсегдатая при публичномъ домѣ, и всего вѣроятнѣе, что онъ просто здѣшній котъ, которому платятъ проценты за угощеніе, въ которое онъ втрапливаетъ посѣтителей.

— Оставь, Боря. Глупо, — укоризненно замѣтилъ Ярченко.

Но Боря не могъ оставить. У него была несчастная особенность: опьянѣніе не дѣйствовало ему ни на ноги ни на языкъ, но приводило его въ мрачное, обидчивое настроеніе и толкало на ссоры. А Платоновъ давно уже раздражалъ его своимъ небрежно-искреннимъ, увѣреннымъ и серьезнымъ тономъ, такъ мало подходящимъ къ отдѣльному кабинету публичнаго дома. Но еще больше сердило Собашникова то кажущееся равнодушіе, съ которымъ репортеръ пропускалъ его злыя вставки въ разговоръ.

— И потомъ, какимъ онъ тономъ позволяетъ себѣ говорить въ нашемъ обществѣ! — продолжалъ кипятиться Собашниковъ. — Какой-то апломбъ, снисходительность, профессорскій тонъ... Паршивый трехкопеечный писака! Бутербродникъ!

Женя, которая все время пристально глядѣла на сту-

дента, весело и злобно играя блестящими темными глазами, вдругъ захлопала въ ладони.

— Вотъ такъ! Bravo, студентикъ! Bravo, bravo, bravo!.. Такъ его, хорошенько!.. Въ самомъ дѣлѣ, что это за безобразіе! Вотъ онъ придетъ сюда, — я ему все это повторю.

— Пож-жалуйста! С-сколько угодно!—по-актерски процѣдилъ Собашниковъ, дѣлая вокругъ рта высокоомѣрно-брезгливыя складки. — Я самъ повторю то же самое.

— Вотъ это — молодчина, за это люблю! — воскликнула радостно и зло Женя, ударивъ кулакомъ о столъ. — Сразу видно сову по полету, добраго молодца по соплямъ!

Маня Бѣленькая и Тамара съ удивленіемъ посмотрѣли на Женю, но, замѣтивъ лукавыя огоньки, прыгавшіе въ ея глазахъ, и ея нервно подрагивавшія ноздри, обѣ поняли и улыбнулись.

Маня Бѣленькая, смѣясь, укоризненно покачала головой. Такое лицо всегда бывало у Жени, когда ея буйная душа чуяла, что приближается ея же самой вызванный скандалъ.

— Не ершись, Боренька, — сказалъ Лихонинъ. — Здѣсь всѣ равны.

Пришла Нюра съ подушкой и положила ее на диванъ.

— Это еще зачѣмъ? — прикрикнулъ на нее Собашниковъ. — Пшла, сейчасъ же унеси вонъ. Здѣсь не ночлежка.

— Ну, оставь ее, голубчикъ. Что тебѣ? — возразила сладкимъ голосомъ Женя и спрятала подушку за спину Тамары. — Погоди, миленькій, вотъ я лучше съ тобой посижу.

Она обошла кругомъ стола, заставила Бориса сѣсть на стулъ и сама взобралась къ нему на колѣни. Обвивъ его шею рукой, она прижалась губами къ его рту такъ долго и такъ крѣпко, что у студента захватило дыха-

ніе. Совсѣмъ вплотную около своихъ глазъ онъ увидѣлъ глаза женщины — странно большіе, темные, блестящіе, нечеткіе и неподвижные. На какую-нибудь четверть секунды, на мгновение ему показалось, что въ этихъ неживыхъ глазахъ запечатлѣлось выраженіе острой, бѣшеной ненависти; и холодъ ужаса, какое-то смутное предчувствіе грозной, неизбѣжной бѣды пронеслось въ мозгу студента. Съ трудомъ оторвавъ отъ себя гибкія Женины руки и оттолкнувъ ее, онъ сказалъ, смѣясь, покраснѣвъ и часто дыша:

— Вотъ такъ темпераментъ. Ахъ ты, Мессалина Пафнутьевна!.. Тебя, кажется, Женькой звать? Хорошенькая, шельма.

Вернулся Платоновъ съ Пашей. На Пашу жалко и противно было смотрѣть. Лицо у нея было блѣдно, съ синимъ отечнымъ отливомъ, мутные полужакрытые глаза улыбались слабой, идиотской улыбкой, открытыя губы казались похожими на двѣ растрепанныя красныя мокрыя тряпки, и шла она какой-то робкой, неувѣренной походкой, точно дѣлая одной ногой большой шагъ, а другой маленькій. Она послушно подошла къ дивану и послушно улеглась головой на подушку, не переставая слабо и безумно улыбаться. Издали было видно, что ей холодно.

— Извините, господа, я раздѣнусь, — сказалъ Лихонинъ и, снявъ съ себя пиджакъ, набросилъ его на плечи проституткѣ. — Тамара, дай ей шоколада и вина.

Борисъ Собашниковъ опять картинно сталъ въ углу, въ наклонномъ положеніи, заложивъ нога за ногу и задравъ кверху голову. Вдругъ онъ сказалъ среди общаго молчанія, самымъ фатовскимъ тономъ обращаясь прямо къ Платонову:

— Э... послушайте... какъ васъ?.. Это, должно-быть, и есть ваша любовница? Э? — И онъ концомъ сапога показалъ по направленію лежавшей Паши.

— Чтò-о? — спросилъ протяжно Платоновъ, сдвигая брови.

— Или вы ея любовникъ — это все равно... Какъ эта должность здѣсь у васъ называется? Ну, вотъ тѣ самые, которымъ женщины вышиваютъ рубашки и съ которыми дѣлятся своимъ честнымъ заработкомъ!.. Э?..

Платоновъ поглядѣлъ на него тяжелымъ, напряженнымъ взглядомъ сквозь прищуренныя вѣки.

— Слушайте, — сказалъ онъ тихо, хриплымъ голосомъ, медленно и вѣско разставляя слова. — Это уже не въ первый разъ сегодня, что вы лѣзете со мной на ссору. Но, во-первыхъ, я вижу, что, несмотря на вашъ трезвый видъ, вы сильно и скверно пьяны, а во-вторыхъ, я щажу васъ ради вашихъ товарищей. Однако предупреждаю, если вы еще вздумаете такъ говорить со мною, то снимите очки.

— Чтò за чушь? — воскликнулъ Борисъ и поднялъ кверху плечи и фыркнулъ носомъ. — Какія очки? Почему очки? — Но машинально, двумя вытянутыми пальцами, онъ поправилъ дужку пенснэ на переносицѣ.

— Потому что я васъ ударю, и осколки могутъ попасть въ глазъ, — равнодушно сказалъ репортеръ.

Несмотря на неожиданность такого оборота ссоры, никто не размѣялся. Только Манька Бѣленькая удивленно ахнула и всплеснула руками. Женья съ жаднымъ нетерпѣниемъ перебѣгала глазами отъ одного къ другому.

— Ну, положимъ! Я и самъ такъ дамъ сдачи, что пе обрадуешься! — грубо, совсѣмъ по-мальчишески, выкрикнулъ Собашниковъ. — Только не стòитъ рукъ марать обо всякаго... — онъ хотѣлъ прибавить новое ругательство, но не рѣшился... — Со всякимъ... И вообще, товарищи, я здѣсь оставаться больше не намѣренъ. Я слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы панибратствовать съ подобными субъектами.

Онъ быстро и гордо пошелъ къ дверямъ.

Ему приходилось пройти почти вплотную около Платонова, который краемъ глаза, по-звѣриному, слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. На одинъ моментъ у студента мелькнуло-было въ умѣ желаніе неожиданно, сбоку, ударить Платонова и отскочить — товарищи навѣрно разняли бы ихъ и не допустили до драки. Но онъ тотчасъ же, почти не глядя на репортера, какимъ-то глубокимъ, бессознательнымъ инстинктомъ, увидѣлъ и почувствовалъ эти широкія кисти рукъ, спокойно лежавшихъ на столѣ, эту упорно склоненную внизъ голову съ широкимъ лбомъ и все неуклюже-ловкое, сильное тѣло своего врага, такъ небрежно сгорбившееся и распустившееся на стулѣ, но готовое каждую секунду къ быстрому и страшному толчку. И Собашниковъ вышелъ въ коридоръ, громко захлопнувъ за собою дверь.

— Баба съ возу, кобылѣ легче, — насмѣшливой скороговоркой сказала вслѣдъ ему Женя. — Тамарочка, папей мнѣ еще коньяку.

Но всталъ съ своего мѣста длинный студентъ Петровский и счелъ нужнымъ вступить за Собашникова.

— Вы какъ хотите, господа, это дѣло вашего личного взгляда, но я принципиально ухожу вмѣстѣ съ Борисомъ. Пусть онъ тамъ неправъ и такъ далѣе, мы можемъ выразить ему порицаніе въ своей интимной компаніи, но—разъ нашему товарищу нанесли обиду—я не могу здѣсь оставаться. Я ухожу.

— Ахъ ты, Боже мой! — и Лихонинъ досадливо и нервно почесалъ себѣ високъ. — Борисъ же все время вель себя въ высокой степени пошло, грубо и глупо. Что это за такая корпоративная честь, подумаешь? Коллективный уходъ изъ редакцій, изъ политическихъ собраний, изъ публичныхъ домовъ.

— Все равно, какъ хотите, но я ухожу изъ чув-

ства солидарности! — сказалъ важно Петровскій и вышелъ.

— Будь тебѣ земля пухомъ! — послала ему вдогонку Женья.

Но какъ извилисты и темны пути человѣческой души! Оба они — и Собашниковъ и Петровскій — поступили въ своемъ негодованіи довольно искренно, но первый только на половину, а второй всего лишь на четверть. У Собашникова, несмотря на его опьянѣніе и гнѣвъ, все-таки стучалась въ голову заманчивая мысль, что теперь ему удобнѣе и легче передъ товарищами вызвать потихоньку Женю и уединиться съ нею. А Петровскій, совершенно съ тою же цѣлью и имѣя въ виду ту же Женю, пошелъ вслѣдъ за Борисомъ, чтобы взять у него займы три рубля. Въ общей залѣ они поладили между собою, а черезъ десять минутъ въ полуотворенную дверь кабинета просунула свое косенькое, розовое, хитрое лицо экономка Зося.

— Женечка, — позвала она: — иди, тамъ тебѣ бѣлье принесли, посчитай. А тебя, Нюра, актеръ просить прійти къ нему на минуточку, выпить шампанскаго. Онъ съ Генріетой и съ Маней Большой.

Быстрая и нелѣпая ссора Платонова съ Борисомъ долго служила предметомъ разговора. Репортеръ всегда въ подобныхъ случаяхъ чувствовалъ стыдъ, неловкость, жалость и терзанія совѣсти. И, несмотря на то, что всѣ оставшіеся были на его сторонѣ, онъ говорилъ со скукой въ голосъ:

— Господа, ей-Богу, я лучше уйду. Къ чему я буду разстраивать вашъ кружокъ? Оба мы были виноваты. Я уйду. О счетѣ не беспокойтесь, я уже все уплатилъ Симеону, когда ходилъ за Пашей.

Лихонинъ вдругъ взъерошилъ волосы и рѣшительно всталъ.

— Да нѣтъ, чортъ побери, я пойду и приволоку его сюда. Честное слово, они оба славные ребята — и Борисъ и Васька. Но еще молоды и на свой собственный хвостъ лаютъ. Я иду за ними и ручаюсь, что Борисъ извинится.

Онъ ушелъ, но вернулся черезъ пять минутъ.

— Успокояются, — мрачно сказалъ онъ и безнадежно махнулъ рукой. — Оба.

ХІ.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Симеонъ съ подпосомъ, на которомъ стояли два бокала съ игристымъ золотымъ виномъ и лежала большая визитная карточка.

— Позвольте успросить, кто здѣсь будетъ Гаврила Петровичъ господинъ Ярченко? — сказалъ онъ, оглядывая сидѣвшихъ.

— Я! — отозвался Ярченко.

— Пожалуйте-сь. Господинъ актеръ прислали.

Ярченко взялъ визитную карточку, украшенную сверху громадной маркизской короной, и прочиталъ вслухъ:

Евменій Полуэктовичъ
ЭГМОНТЪ-ЛАВРЕЦКІЙ.

Драматическій артистъ столичныхъ театровъ.

— Замѣчательно, — сказалъ Володя Павловъ: — что всѣ русскіе Гаррики носятъ такія странныя имена, въ родѣ Хрисанфовъ, Ѳетисовъ, Мамантовъ и Епимаховъ.

— И кромѣ того самые извѣстные изъ нихъ обязательно или картавятъ, или пришепетываютъ, или заикаются, — прибавилъ репортеръ.

— Да, но замѣчательнѣе всего то, что я совсѣмъ не имѣю высокой чести знать этого артиста столичныхъ театровъ. Впрочемъ, здѣсь на оборотѣ что-то еще напи-

сано. Судя по почерку, писано человѣкомъ сильно пьянымъ и слабо грамотнымъ.

«Пю...» Не пью, а пю, — пояснилъ Ярченко. — «Пю за здоровье свѣтила русской науки Гаврила Петровича Ярченко, котораго случайно увидѣлъ, проходя мимо по коридору. Желалъ бы чокнуться лично. Если не помните, то вспомните Народный театр, Бѣдность не Порокъ и скромнаго артиста, игравшаго Африкана».

— Да, это вѣрно, — сказалъ Ярченко. — Миѣ какъ-то навязали устроить этотъ благотворительный спектакль въ Народномъ театрѣ. Смутно мелькаетъ у меня въ памяти и какое-то бритое гордое лицо, но... Какъ быть, господа?

Лихонинъ отвѣтилъ добродушно:

— А волоките его сюда. Можетъ-быть, онъ смѣшной?

— А вы? — обратился привать-доцентъ къ Платонову.

— Миѣ все равно. Я его немножко знаю. Сначала будетъ кричать: «Кельнеръ, шампанскаго!», потомъ расплатится о своей женѣ, которая — ангелъ, потомъ скажетъ патриотическую рѣчь и наконецъ поскандалитъ изъ-за счета, но не особенно громко. Да ничего, онъ занятный.

— Пусть идетъ, — сказалъ Володя Павловъ изъ-за плеча Кати, сидѣвшей, болтая ногами, у него на колѣняхъ.

— А ты, Вельтманъ?

— Чтò? — встрепенулся студентъ. Онъ сидѣлъ на диванѣ спиною къ товарищамъ около лежавшей Паши, нагнувшись надъ ней, и давно уже съ самымъ дружескимъ, сочувственнымъ видомъ поглаживалъ ея то по плечамъ, то по волосамъ на затылкѣ, а она уже улыбалась ему своей застѣнчиво-безстыдной и бессмысленно-страстной улыбкой сквозь полуопущенныя и трепетавшія рѣсницы. — Чтò? Въ чемъ дѣло? Ахъ, да, можно ли сюда актера? Ничего не имѣю противъ. Пожалуйста...

Ярченко послалъ черезъ Симеона приглашеніе, и актеръ

пришелъ, и сразу же началъ обычную актерскую игру. Въ дверяхъ онъ остановился, въ своемъ длинномъ сюртукѣ, сіявшемъ шелковыми отворотами, съ блестящимъ цилиндромъ, который онъ держалъ лѣвой рукой передъ серединой груди, какъ актеръ, изображающій на театрѣ пожилого свѣтскаго льва или директора банка. Приблизительно этихъ лицъ онъ внутренно и представлялъ себѣ.

— Будетъ ли мнѣ позволено, господа, вторгнуться въ вашу тѣсную компанію? — спросилъ онъ жирнымъ, ласковымъ голосомъ, съ полупоклономъ, сдѣланнымъ нѣсколько набокъ.

Его попросили, и онъ сталъ знакомиться. Пожимая руки, онъ оттопыривалъ впередъ локоть и такъ высоко подымалъ его, что кисть оказывалась гораздо ниже. Теперь это уже былъ не директоръ банка, а этакій лихой, молодцеватый малый, спортсменъ и кутила изъ золотой молодежи. Но его лицо — съ взъерошенными дикими бровями и съ обнаженными безволосыми вѣками — было вульгарнымъ, суровымъ и низменнымъ лицомъ типичнаго алкоголика, развратника и мелко-жестокаго человѣка. Вмѣстѣ съ нимъ пришли двѣ его дамы: Генріета — самая старшая по годамъ дѣвица въ заведеніи Анны Марковны, опытная, все видѣвшая и ко всему притерпѣвшаяся, какъ старая лошадь на приводѣ у молотилки, обладательница густого баса, но еще красивая женщина, и Манька Большая, или Манька-Крокодилъ. Генріета еще съ прошлой ночи не разставалась съ актеромъ, бравшимъ ее изъ дома въ гостиницу.

Усѣвшись рядомъ съ Ярченко, онъ сейчасъ же заигралъ новую роль — онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ стараго добряка-помѣщика, который самъ былъ когда-то въ университетѣ и теперь не можетъ глядѣть на студентовъ безъ тихаго отеческаго умиленія.

— Повѣрьте, господа, что душой отдыхаешь среди мо-

лодежи отъ всѣхъ этихъ житейскихъ дрязгъ, — говорилъ онъ, придавая своему жесткому и порочному лицу поактерски преувеличенное и неправдоподобное выраженіе растроганности. — Эта вѣра въ святой идеалъ, эти честные порывы!.. Чтò можетъ быть выше и чище нашего русскаго студенчества?.. Кельнеръ! Шампанскава-а! — заоралъ онъ вдругъ оглушительно и треснулъ кулакомъ по столу.

Лихонинъ и Ярченко не захотѣли остаться у него въ долгу. Началась попойка. Богъ знаетъ какимъ образомъ въ кабинетъ очутились вскорѣ Мишка-пѣвецъ и Колька-бухгалтеръ, которые сейчасъ же заплѣли своими скачущими голосами:

Чу-у-у-ують пра-а-а-авду,
Ты-жь, заря-я-я-я, скорѣ-ѣ-ѣе...

Появился и проснувшійся Ванька-Встанька. Опустивъ умильно набокъ голову и сдѣлавъ на своемъ морщинистомъ старомъ лицѣ Донъ-Кихота узенькіе, слезливые, сладкіе глазки, онъ говорилъ убѣдительно-просящимъ тономъ:

— Господа студенты... угостили бы старичка. Ей-Богу, люблю образованіе... Дозвольте!

Лихонинъ всѣмъ былъ радъ, но Ярченко сначала — пока ему не бросилось въ голову шампанское — только поднималъ кверху свои коротенькія черныя брови съ боязливымъ, удивленнымъ и наивнымъ видомъ. Въ кабинетѣ вдругъ сдѣлалось тѣсно, дымно, шумливо и душно. Симеонъ съ грохотомъ заперъ снаружи болтами ставни. Женщины, только-что отдѣлавшись отъ визита или въ промежуткѣ между танцами, заходили въ комнату, сидѣли у кого-нибудь на колѣняхъ, курили, пѣли вразбродъ, пили вино, цѣловались и опять уходили, и опять приходили. Приказчики отъ Керешковскаго, обиженные тѣмъ, что дѣвицы больше удѣляли вниманія кабинету, чѣмъ залѣ, за-

тѣяли-было скандалъ и пробовали вступить со студентами въ задорное объясненіе, но Симеонъ въ одинъ мигъ укротилъ ихъ двумя-тремя властными словами, брошенными какъ будто бы мимоходомъ.

Вернулась изъ своей комнаты Нюра и немного спустя вслѣдъ за ней Петровскій. Петровскій съ крайне серьезнымъ видомъ заявилъ, что онъ все это время ходилъ по улицѣ, обдумывая происшедшій инцидентъ, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что товарищъ Борисъ былъ дѣйствительно неправъ, но что есть и смягчающее его вину обстоятельство — опьянѣніе. Пришла потомъ и Желя, но одна: Собашниковъ заснулъ въ ея комнатѣ.

У актера оказалась пропасть талантовъ. Онъ очень вѣрно подражалъ жужжанію мухи, которую пьяный ловить на оконномъ стеклѣ, и звукамъ пилы; смѣшно представлялъ, ставъ лицомъ въ уголъ, разговоръ нервной дамы по телефону, подражалъ пѣнію граммофонной пластинки и наконецъ чрезвычайно живо показалъ мальчишку-персеянна съ ученой обезьянкой. Держась рукой за воображаемую цѣпочку и въ то же время оскаливаясь, присѣдая, какъ мартышка, часто моргая вѣками и почесывая себѣ то задъ, то волосы на головѣ, онъ пѣлъ гнусавымъ, однотоннымъ и печальнымъ голосомъ, коверкая слова:

Малядой кизакъ на война пишоль,

Малядой барышня подъ заборомъ валантса.

Айна, айна, ай-на-на-на, ай-на-на-на-на.

Въ заключеніе онъ взялъ на руки Маню Бѣленькую, завернулъ ее бортами сюртука и, протянувъ руку и сдѣлавъ плачущее лицо, закивалъ головой, склоненной набокъ, какъ это дѣлають черномазые грязные восточные мальчишки, которые шляются по всей Россіи въ длинныхъ, старыхъ солдатскихъ шинеляхъ, съ обнаженной бронзоваго цвѣта грудью, держа за пазухой кашляющую, облѣзлую обезьянку.

— Ты кто такой? — строго спросила толстая Катя, знавшая и любившая эту шутку.

— Сербіянь, барина-а, — жалобно простоналъ въ носъ актеръ. — Подари что-нибудь, барина-а-а.

— А какъ твою обезьянку зовутъ?

— Матрешка-а-а... Онъ, барина, голодні-і-ій... онъ кушай хочи-и-ить.

— А паспортъ у тебя есть?

— Ми сербія-а-анъ. Дай что-нибудь, барина-а-а...

Актеръ оказался совсѣмъ не лишнимъ. Онъ произвелъ сразу много шуму и поднялъ падавшее настроеніе. И минутно онъ кричалъ зычнымъ голосомъ: — «Кельнеръ! Шампанскава-а-а!» — хотя привыкшій къ его манерѣ Симеонъ очень мало обращалъ вниманія на эти крики.

Началась настоящая русская, громкая и непонятная безтолочь. Розовый, бѣлокурый, миловидный Толпыгинъ игралъ на піанино сегодилью изъ «Карменъ», а Ванька-Встанька плясалъ подъ нее камаринскаго мужика. Поднявъ кверху узкія плечи, весь искособочившись, растопыривъ пальцы опущенныхъ внизъ рукъ, онъ затѣйливо перебиралъ на мѣстѣ длинными, тонкими ногами, потомъ вдругъ пронзительно ухалъ, вскидывался и выкрикивалъ въ тактъ своей дикой пляски:

Ухъ! Пляши, Матвѣй,
Не жалѣй лаптей!..

— Эхъ, за одну выходку четвертной мало! — приговаривалъ онъ, встряхивая длинными сѣдѣющими волосами.

— Чу-у-ують пра-а-а-авду! — рѣвѣли два пріятели, съ трудомъ подымая отяжелѣвшія вѣки подъ мутными, закисшими глазами.

Актеръ сталъ рассказывать похабные анекдоты, высыпая ихъ какъ изъ мѣшка, и женщины визжали отъ восторга, сгибались пополамъ отъ смѣха и отваливались на

спинки кресель. Вельтманъ, долго шептавшійся съ Пашей, незамѣтно, подъ шумокъ, ускользнулъ изъ кабинета, а черезъ нѣсколько минутъ послѣ него ушла и Паша, улыбаясь своей тихой, безумной и стыдливой улыбкой.

Да и всѣ остальные студенты, кромѣ Лихонина, одинъ за другимъ, кто потихоньку, кто подъ какимъ-нибудь предлогомъ, исчезали изъ кабинета и подолгу не возвращались. Володѣ Павлову захотѣлось поглядѣть на танцы, у Толпыгина разболѣлась голова, и онъ попросилъ Тамару провести его умыться, Петровскій, тайно перехвативъ у Лихонина три рубля, вышелъ въ коридоръ и уже оттуда послалъ экономку Зосю за Манькой Бѣленькой. Даже благо-разумный и брезгливый Рамзесъ не смогъ справиться съ тѣмъ прянымъ чувствомъ, какое въ немъ возбуждала сегодняшняя странная, яркая и болѣзненная красота Жени. У него оказалось на нынѣшнее утро какое-то важное, неотложное дѣло, надо было поѣхать домой и хоть два часика поспать. Но, простившись съ товарищами, онъ, прежде чѣмъ выйти изъ кабинета, быстро и многозначительно указалъ Женѣ глазами на дверь. Она поняла, медленно, едва замѣтно, опустила рѣсницы въ знакъ согласія, и когда ихъ подняла, то Платонова, который, почти не глядя, видѣлъ этотъ нѣмой разговоръ, поразило то выраженіе злобы и угрозы въ ея глазахъ, съ какимъ она проводила спину уходившаго Рамзеса. Выждавъ пять минутъ, она встала, сказала: «извините, я сейчасъ», и вышла, раскачивая своей оранжевой короткой юбкой.

— Чтò же? Теперь твоя очередь, Лихонинъ? — спросилъ насмѣшливо репортеръ.

— Нѣтъ, братъ, ошибся! — сказалъ Лихонинъ и прищелкнулъ языкомъ. — И не то, что я по убѣжденію или изъ принципа. Нѣтъ! Я, какъ анархистъ, исповѣдываю,

что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше... Но, къ счастью, я игрокъ и весь свой темпераментъ трачу на игру, поэтому во мнѣ простая брезгливость говорить гораздо сильнѣе, чѣмъ это самое неземное чувство. Но удивительно, какъ совпали наши мысли. Я только-что хотѣлъ тебя спросить о томъ же.

— Я — нѣтъ. Иногда, если сильно устану, я ночью ѣдѣсь. Беру у Исаея Саввича ключъ отъ его комнатки и сплю на диванѣ. Но всѣ дѣвицы давно уже привыкли къ тому, что я — существо третьяго пола.

— И неужели... никогда?..

— Никогда.

— Ужъ что вѣрно, то вѣрно! — воскликнула Нюра. — Сергѣй Ивановъ какъ святой отшельникъ.

— Раньше, лѣтъ пять тому назадъ, я и это испыталъ, — продолжалъ Платоновъ. — Но, знаете, ужъ очень это скучно и противно. Въ родѣ тѣхъ мухъ, которыхъ сейчасъ представлялъ господинъ артистъ. Слѣпились на секунду на подоконникѣ, а потомъ въ какомъ-то дурацкомъ удивленіи почесали задними лапками спину и разлетѣлись навѣки. А разводитъ здѣсь любовь?.. Такъ для этого я герой не ихъ романа. Я некрасивъ, съ женщинами робокъ, стѣснителенъ и вѣжливъ. А онѣ здѣсь жаждутъ дикихъ страстей, кровавой ревности, слезъ, отравленій, побоевъ, жертвъ, — словомъ, истеричнаго романтизма. Да оно и понятно. Женское сердце всегда хочетъ любви, а о любви имъ говорятъ ежедневно разными кислыми, слюнявыми словами. Невольно хочется въ любви перцу. Хочется уже не словъ страсти, а трагически-страстныхъ поступковъ. И поэтому ихъ любовниками всегда будутъ воры, убійцы, сутенеры и другая сволочь. А главное, — прибавилъ Платоновъ: — это тотчасъ же испортило бы мнѣ всѣ дружескія отношенія, которыя такъ славно наладились.

— Будетъ шутить! — недовѣрчиво возразилъ Лихошинъ. — Что же тебя заставляетъ здѣсь днeвать и ночевать? Будь ты писатель — дѣло другого рода. Легко найти объясненіе: ну, собираешь типы, что ли... наблюдаешь жизнь... Въ родѣ того профессора-иѣмца, который три года прожилъ съ обезьянами, чтобы изучить ихъ языкъ и нравы. Но вѣдь ты самъ сказалъ, что писательствомъ не балуешься?

— Не то, что не балуюсь, а просто не умѣю, не могу.

— Запишемъ. Теперь предположимъ другое — что ты являешься сюда какъ проповѣдникъ лучшей, честной жизни, въ родѣ такого спасителя погибающихъ душъ. Знаешь, какъ на зарѣ христіанства иные святые отцы вмѣсто того, чтобы стоять на столпѣ тридцать лѣтъ или жить въ лѣсной пещерѣ, шли на торжища, въ дома веселья, къ блудницамъ и скоморохамъ. Но вѣдь ты не такъ?

— Не такъ.

— Зачѣмъ же, чортъ побери, ты здѣсь толчешься? Я чудесно же вижу, что многое тебѣ самому противно, и тяжело, и больно. Напримѣръ, эта дурацкая ссора съ Борисомъ, или этотъ лакей, бьющій женщину, да и вообще постоянное созерцаніе всяческой грязи, похоти, звѣрства, пошлости, пьянства. Ну, да разъ ты говоришь, — я тебѣ вѣрю, что блуду ты не предашься. Но тогда мнѣ еще непонятнѣе твой *modus vivendi*, выражаясь штилемъ передовыхъ статей.

Репортеръ отвѣтилъ не сразу.

— Видишь ли, — заговорилъ онъ медленно, съ разстановками, точно въ первый разъ вслушиваясь въ свои мысли и взвѣшивая ихъ. — Видишь ли, меня притягиваетъ и интересуеетъ въ этой жизни ея... какъ бы это выразиться?.. ея страшная, обнаженная правда. Понимаешь ли, съ нея какъ будто бы сдернуты все условные

покровы. Нѣтъ ни лжи, ни лицемѣрія, ни ханжества, нѣтъ никакихъ сдѣлокъ ни съ общественнымъ мнѣніемъ, ни съ навязчивымъ авторитетомъ предковъ, ни съ своей совѣстью. Никакихъ иллюзій, никакихъ прикрасъ! Вотъ она — я! Публичная женщина, общественный сосудъ, клоака для стока избытка городской похоти. Иди ко мнѣ любой, кто хочетъ, — ты не встрѣтишь отказа, въ этомъ моя служба. Но за секунду этого сладострастія внопы-хахъ — ты заплатишь деньгами, отвращеніемъ, болѣзнью и позоромъ. И все. Нѣтъ ни одной стороны человѣческой жизни, гдѣ бы основная главная правда сіяла съ такой чудовищной, безобразной голой яркостью, безъ всякой тѣни человѣческаго лганья и самооблеченія.

— Ну, положимъ! Эти женщины врутъ, какъ зеленныя лошади. Поди-ка поговори съ ней о ея первомъ паденіи. Такого наплететь!..

— А ты не спрашивай. Какое тебѣ дѣло? Но если онѣ и лгутъ, то лгутъ совсѣмъ какъ дѣти. А вѣдь ты самъ знаешь, что дѣти—это самые первые, самые милые вралишки и въ то же время самый искренній на свѣтѣ народъ. И замѣчательно, что и тѣ и другія, то-есть и проститутки и дѣти, лгутъ только намъ — мужчинамъ — и взрослымъ. Между собой они не лгутъ — они лишь вдохновенно импровизируютъ. Но намъ они лгутъ потому, что сами этого отъ нихъ требуютъ, потому что мы лѣземъ въ ихъ совсѣмъ чуждыя намъ души со своими глупыми приемами и разспросами, потому наконецъ, что они насъ втайнѣ считаютъ большими дураками и безтолковыми притворщиками. Да вотъ хочешь, я тебѣ сейчасъ пересчитаю по пальцамъ всѣ случаи, когда проститутка непременно лжетъ, и ты самъ убѣдишься, что къ лганью ее побуждаетъ мужчина.

— Ну, ну, посмотримъ.

— Первое: она беспощадно красится, даже иногда и въ

ущербъ себѣ. Отчего? Оттого что каждый прыщавый юнкеръ, котораго такъ тяготитъ его половая зрѣлость, что онъ весною глушѣетъ, точно тетеревъ на току, и какой-нибудь жалкій чиновникъ изъ управы благочинія, мужъ беременной жены и отецъ девяти младенцевъ, — вѣдь оба они приходятъ сюда вовсе не съ благоразумной и простой цѣлью оставить здѣсь избытокъ страсти. Онъ, негодяй, пришелъ насладиться, ему — такому эстету! — видите ли, нужна красота. А всѣ эти дѣвицы, эти дочери простого, незатѣливаго, великаго русскаго народа, какъ смотрятъ на эстетику? «Что сладко — то вкусно, что красно — то красиво». И вотъ, нѣ, изволь, получай себѣ красоту изъ сурьмы, бѣлилль и румянъ.

«Это разъ. Второе то, что этотъ же распрекрасный кавалеръ мало того, что хочетъ красоты, — нѣтъ, ему подай еще подобіе любви, чтобы въ женщинѣ отъ его ласкъ зажегся бы этотъ самый «агонь безу-мной са-та-ра-са-ти!», о которой поется въ идиотскихъ романсахъ. А! Ты этого хочешь? Нѣ! И женщина лжетъ ему лицомъ, голосомъ, вздохами, стонами, тѣлодвиженіями. И онъ самъ вѣдь въ глубинѣ души знаетъ про этотъ профессиональный обманъ, но — подите же! — все-таки обольщается: ахъ, какой я красивый мужчина! ахъ, какъ меня женщины любятъ! ахъ, въ какое я ихъ привожу, изступленіе!.. Знаете, бываетъ, что человѣку съ самой отчаянной наглостью, самымъ неправдоподобнымъ образомъ лстятъ въ глаза, и онъ самъ это отлично видитъ и знаетъ, но — чортъ возьми! — какое-то сладостное чувство все-таки обмасливаетъ душу. Такъ и здѣсь. Спрашивается: чей же починъ во лжи?

«А вотъ вамъ, Лихонинъ, еще и третій пунктъ. Вы его сами подсказали. Больше всего онъ лгуть, когда ихъ спрашиваютъ: «Какъ дошла ты до жизни такой?» Но какое же право ты имѣешь ее объ этомъ спрашивать,

чортъ бы тебя побралъ?! Вѣдь она не лѣзетъ же въ твою интимную жизнь. Она же не интересуется твоей первой, «святой» любовью или невинностью твоихъ сестеръ и твоей невѣсты. Ага! Ты платишь деньги? Чудесно! Бандерша, и вышибала, и полиція, и медицина, и городская управа блюдутъ твои интересы. Прекрасно! Тебѣ гарантировано вѣжливое и благопристойное поведеніе со стороны нанятой тобою для любви проститутки, и личность твоя неприкосновенна... хотя бы даже въ самомъ прямомъ смыслѣ, въ смыслѣ пощечины, которую ты, конечно, заслуживаешь своими безцѣльными и, можетъ-быть, даже мучительными разспросами. Но ты за свои деньги захотѣлъ еще и правды? Ну ужъ этого тебѣ никогда не учесть и не проконтролировать. Тебѣ расскажутъ именно такую шаблонную исторію, какую ты — самъ человѣкъ шаблона и пошлякъ — легче всего переваришь. Потому что сама по себѣ жизнь или черезчуръ обыденна и скучна для тебя, или ужъ такъ черезчуръ неправдоподобна, какъ только умѣетъ быть неправдоподобной жизнь. И вотъ тебѣ вѣчная, средняя исторія объ офицерѣ, о приказчикѣ, о ребенкѣ и о престарѣломъ отцѣ, который тамъ, въ провинціи, оплакиваетъ заблудшую дочь и умоляетъ ее вернуться домой. Но замѣть, Лихонинъ, все, что я говорю, къ тебѣ не относится. Въ тебѣ, честное слово, я чувствую искреннюю и большую душу. Давай выпьемъ за твое здоровье!»

Они выпили.

— Говорить ли дальше? — продолжалъ нерѣшительно Платоновъ. — Скучно?

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя, говори.

— Лгутъ онѣ еще и лгутъ особенно невинно тѣмъ, кто передъ ними красуется на политическихъ коняхъ. Тутъ онѣ со всѣмъ, съ чѣмъ хочешь, соглашаются. Я ей сегодня скажу: «Долой современный буржуазный строй! Уни-

чтожимъ бомбами и кинжалами капиталистовъ, помѣщиковъ и бюрократію!» Она горячо согласится со мною. Но завтра лабазникъ Ноздруновъ будетъ орать, что надо перевѣшать всѣхъ социалистовъ, передрать всѣхъ студентовъ и разгромить всѣхъ жидовъ, причащающихся христіанской кровью. И она радостно согласится и съ нимъ. Но если къ тому же еще вы воспламените ея воображеніе, влюбите ее въ себя, то она за вами пойдетъ всюду, куда хотите: на погромъ, на баррикаду, на воровство, на убійство. Но и дѣти вѣдь такъ же податливы. А онѣ, ей-Богу, дѣти, милый мой Лихонинъ... Въ четырнадцать лѣтъ ее растлили, а въ шестнадцать она стала патентованной проституткой, съ желтымъ билетомъ и съ венерической болѣзныю. И вотъ вся ея жизнь обведена и отгорожена отъ вселенной какой-то причудливой, слѣпой и глухой стѣною. Обрати вниманіе на ея обиходный словарь — тридцать-сорокъ словъ, не болѣе — совѣмъ какъ у ребенка или дикаря: ѣсть, пить, спать, мужчина, кровать, хозяйка, рубль, любовникъ, докторъ, больница, бѣлье, городской — вотъ и все. Ея умственное развитіе, ея опытъ, ея интересы такъ и остаются на дѣтскомъ уровнѣ до самой смерти, совершенно такъ же, какъ у сѣдой и нанвной классной дамы, съ десяти лѣтъ не переступавшей институтскаго порога, какъ у монашенки, отданной ребенкомъ въ монастырь. Словомъ, представь себѣ дерево настоящей крупной породы, но выращенное въ стеклянномъ колпакѣ, въ банкѣ изъ-подъ варенья. И именно къ этой дѣтской сторонѣ ихъ быта я и отношу ихъ вынужденную ложь — такую певинную, безцѣльную и привычную... Но зато какая страшная, голая, ничѣмъ не убранная, откровенная правда въ этомъ дѣловомъ торгѣ о цѣнѣ ночи, въ этихъ десяти мужчинахъ въ вечеръ, въ этихъ печатныхъ правилахъ, изданныхъ отцами города, объ употребленіи раствора бор-

ной кислоты и о содержаніи себя въ чистотѣ, въ еженедѣльныхъ докторскихъ осмотрахъ, въ скверныхъ болѣзняхъ, на которыя смотрятъ такъ же легко и шутливо, такъ же просто и безъ страданія, какъ на насморкъ, въ глубокомъ отвращеніи этихъ женщинъ къ мужчинамъ, — такомъ глубокомъ, что всѣ онѣ, безъ исключенія, возмѣщаютъ его лесбійскимъ образомъ и даже ничуть этого не скрываютъ. Вотъ вся ихъ нелѣпая жизнь у меня какъ на ладони, со всѣмъ ея цинизмомъ, уродливой и грубой несправедливостью, но нѣтъ въ ней той лжи и того притворства передъ людьми и передъ собою, которыя опутываютъ все человѣчество съ верху до низу. Подумай, милый Лихонинъ, сколько нуднаго, длительнаго, противнаго обмана, сколько ненависти въ любомъ брачномъ сожителствѣ въ девяноста девяти случаяхъ изъ ста. Сколько слѣпой, беспощадной жестокости — именно не животной, а человѣческой, разумной, дальновидной, расчетливой жестокости — въ святомъ материнскомъ чувствѣ — и смотри, какими нѣжными цвѣтами разубрано это чувство! А всѣ эти ненужныя, шутовскія профессіи, выдуманная культурнымъ человѣкомъ для охраненія моего гнѣзда, моего куска мяса, моей женщины, моего ребенка, эти разные надзиратели, контролеры, инспекторы, судьи, прокуроры, тюремщики, адвокаты, начальники, чиновники, генералы, солдаты и еще сотни и тысячи названій. Всѣ они обслуживаютъ человѣческую жадность, трусость, порочность, рабство, узаконенное сладострастіе, лѣнь — нищенство!.. Да, вотъ оно настоящее слово: — человѣческое нищенство! А какія пышныя слова! Алтарь отечества, христіанское состраданіе къ ближнему, прогрессъ, священный долгъ, священная собственность, святая любовь. Тьфу! Ни одному красивому слову я теперь не вѣрю, а тошно мнѣ съ этими лгунишками, трусами и обжорами до безконечности! Нищенки!.. Чело-

вѣкъ рожденъ для великой радости, для безпрестаннаго творчества, въ которомъ онъ — Богъ, для широкой, свободной, ничѣмъ не стѣсненной любви, — любви ко всему: къ дереву, къ небу, къ человѣку, къ собакѣ, къ милой, кроткой, прекрасной землѣ, ахъ, особенно къ землѣ съ ея блаженнымъ материнствомъ, съ ея утрами и ночами, съ ея прекрасными ежедневными чудесами. А человѣкъ такъ изолгался, испрошайничался и унизился!.. Эхъ, Лихонинъ, тоска!

— Я, какъ анархистъ, отчасти понимаю тебя, — сказалъ задумчиво Лихонинъ. Онъ какъ будто бы слушалъ и не слушалъ репортера. Какая-то мысль тяжело, въ первый разъ, рождалась у него въ умѣ. — Но одного не постигаю. Если ужъ такъ тебѣ осмердѣло человѣчество, то какъ ты терпишь, да еще такъ долго, вотъ это все, — Лихонинъ обвелъ столъ круглымъ движеніемъ руки: — самое подлое, что могло придумать человѣчество?

— А я и самъ не знаю, — сказала простодушно Платоновъ. — Видишь ли, я — бродяга и страстно люблю жизнь. Я былъ токаремъ, наборщикомъ, сѣялъ и продавалъ табакъ, махорку-серебрянку, плавалъ кочегаромъ по Азовскому морю, рыбачилъ на Черномъ — на Дубининскихъ промыслахъ, грузилъ арбузы и кирпичъ на Днѣпрѣ, ѣздилъ съ циркомъ, былъ актеромъ, — всего и не упомяну. И никогда меня не гнала нужда. Нѣтъ, только безмѣрная жадность къ жизни и нестерпимое любопытство. Ей-Богу, я хотѣлъ бы на нѣсколько дней сдѣлаться лошадей, растеніемъ или рыбою, или побыть женщиной и испытать роды; я бы хотѣлъ пожить внутренней жизнью и посмотрѣть на міръ глазами каждаго человѣка, котораго встрѣчаю. И вотъ я безопасно брожу по городамъ и весямъ, ничѣмъ не связанный, знаю и люблю десятки ремеслъ и радостно плыву всюду, куда угодно судьбѣ направить мой парусъ... Такъ-то вотъ я и набрелъ на пу-

бличный домъ, и чѣмъ больше въ него вглядываюсь, тѣмъ больше во мнѣ растетъ тревога, непониманіе и очень большая злость. Но и этому скоро конецъ. Какъ переселить дѣло на осень — опять ай-да! Поступлю на рельсо-прокатный заводъ. У меня пріятель есть одинъ, онъ устроить... Пстой, пстой, Лихонинъ... Послушай актера... Это актъ третій.

Эгмонтъ-Лаврецкій, до сихъ поръ очень удачно подражавшій то поросенку, котораго сажаютъ въ мѣшокъ, то ссорѣ кошки съ собакой, сталъ понемногу раскисать и опускаться. На него уже находилъ очередной стихъ самообличенія, въ припадкѣ котораго онъ нѣсколько разъ покушался поцѣловать у Ярченки руку. Вѣки у него покраснѣли, вокругъ бритыхъ, колючихъ губъ углубились плаксивыя морщины, и по голосу было слышно, что его носъ и горло уже переполнялись слезами.

— Служу въ фартъ! — говорилъ онъ, бѣя себя въ грудь кулакомъ. — Кривляюсь въ полосатыхъ кальсонахъ на потѣху сытой толпѣ! Угасилъ свой свѣтильникъ, зарылъ въ землю талантъ, какъ рабъ лѣнивый! А прежде, — заблеялъ онъ трагически: — пре-ежде-е-е! Спросите въ Новочеркасскѣ, спросите въ Твери, въ Устюжнѣ, въ Звенигородѣ, въ Крыжополѣ. Какимъ я былъ Жадовымъ и Бѣлугинымъ, какъ я игралъ Макса, какой образъ я создалъ изъ Вельтищева — это была моя коронная ро-оль... Надинъ-Перекопскій начиналъ со мною у Сумбекова! Съ Никифоровымъ-Павленко служилъ. Кто сдѣлалъ имя Легунову-Почайнину? Я! А те-пе-ерь...

Онъ всхлипнулъ носомъ и полѣзъ цѣловать приватъ-доцента.

— Да! Презирайте меня, клеймите меня, честные люди. Паясничая, пьянствую... Продалъ и разлилъ священный елей! Сажу въ вертелѣ съ продажнымъ товаромъ. А моя жена... святая, чистая, голубка моя!.. О, если бы она

знала, если бы только она знала!.. Она трудится, у нея модный магазинъ, у нея пальцы—эти ангельскіе пальцы—истыканы иглой, а я! О, святая женщина! И я—негодяй! — на кого я тебя мѣняю! О, ужасъ! — Актеръ схватилъ себя за волосы. — Профессоръ, дайте, я поцѣлую вашу ученую руку. Вы одинъ меня понимаете. Поѣдемте, я васъ познакомлю съ ней, вы увидите, какой это ангель!.. Она ждетъ меня, она не спитъ ночей, она складываетъ ручки моимъ малюткамъ и вмѣстѣ съ ними шепчетъ: «Господи, спаси и сохрани папу».

— Врешь ты все, актеръ! — сказала вдругъ пьяная Манька Бѣленькая, глядя съ ненавистью на Эгмонта-Лаврецаго. — Ничего она не шепчетъ, а преспокойно спитъ съ мужчиной на твоей кровати.

— Молчи, — завопилъ изступленно актеръ и, схвативъ за горло бутылку, высоко поднялъ ее надъ головой. — Держите меня, иначе я размозжу голову этой стервѣ. Не смѣй осквернять своимъ поганымъ языкомъ...

— У меня языкъ не поганый, я причастіе принимаю, — дерзко отвѣтила женщина. — А ты дуракъ, рога носишь. Ты самъ шляешься по проституткамъ, да еще хочешь, чтобы тебѣ жена не измѣняла. И нашелъ же, болванъ, мѣсто, гдѣ слюну вожлой распустить. Зачѣмъ ты дѣтей-то приплелъ, папа ты злочастный! Ты на меня не ворочай глазами и зубами не скрипи. Не запугаешь!

Потребовалось много усилій и краспорѣчія со стороны Ярченки, чтобы успокоить актера и Маньку Бѣленькую, которая всегда послѣ бенедиктина лѣзла на скандалъ. Актеръ подъ конецъ обширно и некрасиво, по-старчески, расплакался и разморкался, ослабѣлъ, и Генріета увела его къ себѣ.

Всѣмъ уже овладѣло утомленіе. Студенты одинъ за другимъ возвращались изъ спаленъ, и врозь отъ нихъ съ равнодушнымъ видомъ приходили ихъ случайныя лю-

бовницы. И правда, и тѣ и другія были похожи на мухъ, самцовъ и самокъ, только-что разлетѣвшихся съ оконнаго стекла. Они зѣвали, потягивались, и съ ихъ блѣдныхъ отъ бессонницы, нездорово лоснящихся лицъ долго не сходило невольное выраженіе тоски и брезгливости. И когда они передъ тѣмъ, какъ разлѣхаться прощались другъ съ другомъ, то въ ихъ глазахъ мелькало какое-то враждебное чувство, точно у соучастниковъ одного и того же грязнаго и ненужнаго преступленія.

— Ты куда сейчасъ? — вполголоса спросилъ у репортера Лихонинъ.

— А, право, самъ не знаю. Хотѣлъ-было переночевать въ кабинетѣ у Исаея Саввича, но жаль потерять такое чудесное утро. Думаю выкупаться, а потомъ сяду на пароходъ и поѣду въ Липскій монастырь къ одному знакомому пьяному чернецу. А что?

— Я тебя попрошу остаться немного и пересидѣть остальныхъ. Миѣ нужно сказать тебѣ два очень важныхъ слова.

— Идетъ.

Последній ушелъ Ярченко. Онъ ссылаясь на головную боль и усталость. Но едва онъ вышелъ изъ дома, какъ репортеръ схватилъ за руку Лихонина и быстро потащилъ его въ стеклянная сѣни подъѣзда.

— Смотри! — сказалъ онъ, указывая на улицу.

И сквозь оранжевое стекло цвѣтнаго окошка Лихонинъ увидѣлъ приватъ-доцента, который звонилъ къ Трепелю. Черезъ минуту дверь открылась, и Ярченко исчезъ за ней.

— Какъ ты узналъ? — спросилъ съ удивленіемъ Лихонинъ.

— Пустяки. Я видѣлъ его лицо и видѣлъ, какъ его руки гладили Вѣркино трико. Другіе поменьше стѣснялись. А этотъ стыдливъ.

— Ну, так пойдёмъ, — сказалъ Лихонинъ. — Я тебя не долго задержу.

XII.

Изъ дѣвицъ остались въ кабинетѣ только двѣ: Женя, пришедшая въ ночной кофточкѣ, и Люба, которая уже давно спала подѣ разговоръ, свернувшись калачикомъ въ большомъ плюшевомъ креслѣ. Свѣжее веснучатое лицо Любы приняло кроткое, почти дѣтское выраженіе, а губы какъ улыгнулись во снѣ, такъ и сохранили легкій отпечатокъ свѣтлой, тихой и нѣжной улыбки. Сидѣ и ѣдко было въ кабинетѣ отъ густого табачнаго дыма, на свѣчахъ въ канделябрахъ застыли оплывшія бородавчатые струйки; залитый кофеемъ и виномъ, заброшенный апельсинными корками столъ казался безобразнымъ.

Женя сидѣла съ ногами на диванѣ, обхвативъ колѣни руками. И опять Платонова поразилъ мрачный огонь ея глубокихъ глазъ, точно запавшихъ подѣ темными бровями, грозно сдвинутыми сверху внизъ, къ переносью.

— Я потушу свѣчи, — сказалъ Лихонинъ.

Утренній полусвѣтъ, водянистый и сонный, наполнилъ комнату сквозь щели ставенъ. Слабыми струйками курились потушенные фитили свѣчей. Слоистыми голубыми пеленами колыхался табачный дымъ, но солнечный лучъ, прорѣзавшійся сквозь сердцеобразную выемку въ ставнѣ, пронизалъ кабинетъ вкось веселымъ, пыльнымъ золотымъ мечомъ и жидкимъ горячимъ золотомъ расплескался на обояхъ стѣны.

— Такъ-то лучше, — сказалъ Лихонинъ, садясь. — Разговоръ будетъ короткій, но... чортъ его знаетъ... какъ къ нему приступить.

Онъ разсѣянно поглядѣлъ на Женю.

— Такъ я уйду? — сказала она равнодушно.

— Нѣтъ, ты посиди, — отвѣтилъ за Лихонина репор-

теръ. — Она не помѣшаетъ, — обратился онъ къ студенту и слегка улыбнулся. — Вѣдь разговоръ будетъ о проституціи? Не такъ ли?

— Ну, да... въ родѣ...

— И отлично. Ты къ ней прислушайся. Мнѣнія у нея бываютъ необыкновенно циничнаго свойства, но иногда чрезвычайной вѣскости.

Лихонинъ крѣпко потеръ и помялъ ладонями свое лицо, потомъ сцѣпилъ пальцы съ пальцами и два раза нервно хрустнулъ ими. Видно было, что онъ волновался и самъ стѣснялся того, что собирался сказать.

— Ахъ, да не все ли равно! — вдругъ воскликнулъ онъ сердито. — Ты вотъ сегодня говорилъ объ этихъ женщинахъ... Я слушалъ... Правда, новаго ты ничего мнѣ не сказалъ. Но — странно — я почему-то, точно въ первый разъ за всю мою безпутную жизнь, поглядѣлъ на этотъ вопросъ открытыми глазами... Я спрашиваю тебя, что же такое, наконецъ, проституція? Что она? Блажной бредъ большихъ городовъ, или это вѣковѣчное историческое явленіе? Прекратится ли она когда-нибудь? Или она умретъ только со смертью всего человѣчества? Кто мнѣ отвѣтитъ на это?

Платоновъ смотрѣлъ на него пристально, слегка, по привычкѣ, щурился. Его интересовало, какою главною мыслью такъ искренно мучится Лихонинъ.

— Когда она прекратится — никто тебѣ не скажетъ. Можетъ-быть, тогда, когда осуществятся прекрасныя утопіи социалистовъ и анархистовъ, когда земля станетъ общей и ничьей, когда любовь будетъ абсолютно свободна и подчинена только своимъ неограниченнымъ желаніямъ, а человѣчество сольется въ одну счастливую семью, гдѣ пропадетъ различіе между твоимъ и моимъ, и наступитъ рай на землѣ, и человѣкъ опять станетъ нагимъ, блаженнымъ и безгрѣшнымъ. Вотъ развѣ тогда...

— А теперь? Теперь? — спрашивалъ Лихонинъ съ возрастающимъ волненіемъ. — Глядѣть, сложа ручки? Моя хата съ краю? Терпѣть, какъ неизбѣжное зло? Мириться, махнуть рукой? Благословить?

— Зло это не неизбѣжное, а непреоборимое. Да не все ли тебѣ равно? — спросилъ Платоновъ съ холоднымъ удивленіемъ. — Ты же вѣдь анархистъ?

— Какой я къ чорту анархистъ. Ну да, я анархистъ, потому что разумъ мой, когда я думаю о жизни, всегда логически приводитъ меня къ анархическому началу. И я самъ думаю въ теоріи: пускай люди людей бьютъ, обманываютъ и стригутъ, какъ стада овецъ, — пускай! — насиліе породить рано или поздно злобу. Пусть насилуютъ ребенка, пусть топчутъ ногами творческую мысль, пусть рабство, пусть проституція, пусть воруютъ, глумятся, проливаютъ кровь... Пусть! Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, тѣмъ ближе къ концу. Есть великій законъ, думаю я, одинаковый какъ для неодушевленныхъ предметовъ, такъ и для всей огромной, многомилліонной и многолѣтней человѣческой жизни: сила дѣйствія равна силѣ противодѣйствія. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Пусть накаплиется въ человечествѣ зло и месть, пусть они растутъ и зрѣютъ, какъ чудовищный нарывъ — нарывъ во весь земной шаръ величиной. Вѣдь лопнетъ же онъ когда-нибудь! И пусть будетъ ужасъ и нестерпимая боль. Пусть гной затопитъ весь міръ. Но человечество или захлебнется въ немъ и погибнетъ, или, переболѣвъ, возродится къ новой, прекрасной жизни.

Лихонинъ жадно выпилъ чашку чернаго холоднаго кофе и продолжалъ пылко:

— Да. Такъ именно я и многіе другіе — теоретизируемъ, сидя въ своихъ комнатахъ за чаемъ съ булкой и съ вареной колбасой, причемъ цѣнность каждой отдѣльной человѣческой жизни—это такъ себѣ, безконечно-ма-

лое число въ математической формулѣ. Но увижу я, что обижаютъ ребенка, и красная кровь мнѣ хлынетъ въ голову отъ бѣшенства. И когда я погляжу, погляжу на трудъ мужика или рабочаго, меня кидаетъ въ истерику отъ стыда за мои алгебраическія выкладки. Есть — чортъ его побери! — есть что-то въ человѣкѣ нелѣпное, совсѣмъ нелогичное, но что въ сто разъ сильнѣе человѣческаго разума. Вотъ и сегодня... Почему я сейчасъ чувствую такъ, какъ будто бы я обокралъ спящаго, или обманулъ трехлѣтняго ребенка, или ударилъ связаннаго? И почему мнѣ сегодня кажется, что я самъ виноватъ въ злѣ проституціи — виноватъ своимъ молчаніемъ, своимъ равнодушіемъ, своимъ косвеннымъ попустительствомъ? Что мнѣ дѣлать, Платоновъ! — воскликнулъ студентъ со скорбью въ голосѣ.

Платоновъ промолчалъ, щуря на него узенькіе глаза. Но Женья неожиданно сказала язвительнымъ тономъ:

— А ты сдѣлай такъ, какъ сдѣлала одна англичанка... Приѣзжала къ намъ тутъ одна рыжая старая халда. Должно-быть, очень важная, потому что съ цѣлой свитой приѣзжала... все какіе-то чиновники... А до нея приѣзжалъ пристава помощникъ съ околсточнымъ Кербшемъ. Помощникъ такъ прямо и предупредилъ: «Если вы, стервы, растакъ-то и растакъ-то, хоть одно грубое словечко, или что, такъ отъ вашего заведенія камня на камнѣ не оставлю, а всѣхъ дѣвокъ перепорю въ участкѣ и въ тюрьмѣ сгною!». Ну и приѣхала эта грымза. Лоташила-лоташила что-то по-иностранному, все рукой на небо показывала, а потомъ раздала намъ всѣмъ по пяточковому евангелію и уѣхала. Вотъ и вы бы такъ, миленькій.

Платоновъ громко разсмѣялся. Но, увидѣвъ наивное и печальное лицо Лихонина, который точно не понималъ и даже не подозрѣвалъ насмѣшки, онъ сдержалъ смѣхъ и сказалъ серьезно:

— Ничего не сдѣлаешь, Лихонинъ. Пока будетъ собственность, будетъ и нищета. Пока существуетъ бракъ, не умреть и проституція. Знаешь ли ты, кто всегда будетъ поддерживать и питать проституцію? Это такъ называемые порядочные люди, благородные отцы семействъ, безукоризненные мужья, любящіе братья. Они всегда найдутъ почтенный поводъ узаконить, нормировать и обандеролить платный развратъ, потому что они отлично знаютъ, что иначе онъ хлынетъ въ ихъ спальни и дѣтскія. Проституція для нихъ — оттяжка чужого сладострастія отъ ихъ личнаго, законнаго алькова. Да и самъ почтенный отецъ семейства не прочь втайнѣ предаться любовному дебошу. Надоѣсть же, въ самомъ дѣлѣ, все одно и то же: жена, горничная и дама на сторонѣ. Человѣкъ, въ сущности, животное много — и даже чрезвычайно — многобрачное. И его пѣтушинымъ любовнымъ инстинктамъ всегда будетъ сладко развѣртываться въ этакое пышное разсадникѣ, въ родѣ Треппеля или Анны Марковны. О, конечно, уравновѣшенный супругъ или счастливый отецъ шестерыхъ взрослыхъ дочерей всегда будетъ орать объ ужасѣ проституціи. Онъ даже устроитъ при помощи лотереи и любительскаго спектакля общество спасанія падшихъ женщинъ или пріютъ во имя святой Магдалины. Но существованіе проституціи онъ благословитъ и поддержитъ.

— Магдалинскіе пріюты! — съ тихимъ смѣхомъ, полнымъ давней, не переболѣвшей ненависти, повторила Женья.

— Да, я знаю, что всѣ эти фальшивыя мѣропріятія — чушь и сплошное надругательство, — перебилъ Лихонинъ. — Но пусть я буду смѣшонъ и глупъ — и я не хочу оставаться соболѣзнующимъ зрителемъ, который сидитъ на завалинкѣ, глядитъ на пожаръ и приговариваетъ: «Ахъ, батюшки, вѣдь горитъ... ей-Богу, горитъ! Пожалуй, и

люди вѣдь горять!», а самъ только причитаетъ и хлопаетъ себя по ляжкамъ.

— Ну да, — сказалъ сурово Платоновъ: — ты возьмешь дѣтскую спринцовку и пойдешь съ нею тушить пожаръ?

— Нѣтъ! — горячо воскликнулъ Лихонинъ. — Можетъ-быть, — почему знать? Можетъ-быть, мнѣ удастся спасти хоть одну живую душу... Объ этомъ я и хотѣлъ тебя попросить, Платоновъ, и ты долженъ помочь мнѣ... Только умоляю тебя, безъ насмѣшекъ, безъ расхолаживания...

— Ты хочешь взять отсюда дѣвушку? Спасти? — внимательно глядя на него, спросилъ Платоновъ.

Онъ теперь понялъ, къ чему клонился весь этотъ разговоръ.

— Да... я не знаю... я попробую, — неувѣренно отвѣтилъ Платоновъ.

— Вернется назадъ, — сказалъ Платоновъ.

— Вернется, — убѣжденно повторила Женья.

Лихонинъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руки и заговорилъ дрожащимъ шопотомъ:

— Женечка... можетъ-быть, вы... А? Вѣдь не въ любовницы зову... какъ друга... Пустяки, полгода отдыха... а тамъ какое-нибудь ремесло изучимъ... будемъ читать...

Женья съ досадой выхватила изъ его рукъ свои.

— Ну тебя въ болото! — почти крикнула она. — Знаю я васъ! Чулки тебѣ штопать? На керосинкѣ стряпать? Ночей изъ-за тебя не спать, когда ты со своими коротковолосыми будешь болты-болтать? А какъ ты задѣлаешься докторомъ, или адвокатомъ, или чиновникомъ, такъ меня же въ спину колѣномъ: пошла, молъ, на улицу, публичная шкура, жизнь ты мою молодую заѣла. Хочу на порядочной жениться, на чистой, на невинной...

— Я какъ братъ... Я безъ этого... — смущенно лепеталъ Лихонинъ.

— Знаю я этихъ братьевъ. До первой ночи... Брось и не говори ты мнѣ чепухи! Скучно слушать.

— Подожди, Лихонинъ, — серьезно началъ репортеръ. — Вѣдь ты и на себя взвалишь непосильный грузъ. Я знавалъ идеалистовъ-народниковъ, которые принципиально женились на простыхъ крестьянскихъ дѣвкахъ. Такъ они и думали: натура, черноземъ, непочатая сила... А этотъ черноземъ черезъ годъ обращался въ толстенную бабищу, которая цѣлый день лежитъ на постели и жуесть пряники, или унижаетъ свои пальцы копеечными кольцами, растопырить ихъ и любитъся. А то сидитъ на кухнѣ, пьетъ съ кучеромъ сладкую наливку и разводитъ съ нимъ натуральный романъ. Смотрите, здѣсь хуже будетъ!

Всѣ трое замолчали. Лихонинъ былъ блѣденъ и утиралъ платкомъ мокрый лобъ.

— Нѣтъ, чортъ возьми! — крикнулъ онъ вдругъ упрямо. — Не вѣрю я вамъ! Не хочу вѣрить! Люба! — громко позвалъ онъ заснувшую дѣвушку. — Любочка!

Дѣвушка проснулась, провела ладонью по губамъ въ одну сторону и въ другую, зѣвнула и смѣшно, по-дѣтски, улынулась.

— Я не спала, я все слышала, — сказала она. — Только самую-самую чуточку задремала.

— Люба, хочешь ты уйти отсюда со мною? — спросилъ Лихонинъ и взялъ ее за руку. — Но совѣмъ, навсегда уйти, чтобы больше уже никогда не возвращаться ни въ публичный домъ ни на улицу?

Люба вопросительно, съ недоумѣніемъ поглядѣла на Женю, точно безмолвно ища у нея объясненія этой шутки.

— Будетъ вамъ, — сказала она лукаво. — Вы сами еще учитесь. Куда же вамъ дѣвицу брать на содержаніе.

— Не на содержаніе, Люба... Просто хочу помочь

тебѣ... Вѣдь не сладко же тебѣ здѣсь, въ публичномъ домѣ-то!

— Понятно, не сахаръ! Если бы я была такая гордая, какъ Женечка, или такая увлекательная, какъ Паша... а я ни за что здѣсь не привыкну...

— Ну и пойдѣмъ, пойдѣмъ со мной!.. — убѣждалъ Лихонинъ. — Ты вѣдь, навѣрно, знаешь какое-нибудь рукодѣлье, ну тамъ шить что-нибудь, вышивать, мѣтить?

— Ничего я не знаю! — застѣнчиво отвѣтила Люба и засмѣялась и покраснѣла, и закрыла локтемъ свободной руки ротъ. — Чтò у насъ, по-деревенскому, требуется, то знаю, а больше ничего не знаю. Стряпать немного умѣю... у попа жила — стряпала.

— И чудесно! И превосходно! — обрадовался Лихонинъ. — Я тебѣ пособлю, откроешь столовую... Понимаешь, дешевую столовую... Я рекламу тебѣ сдѣлаю... Студенты будутъ ходить! Великолѣпно!..

— Будетъ смѣяться-то! — немного обидчиво возразила Люба и опять искоса вопросительно посмотрѣла на Женю.

— Онъ не шутить, — отвѣтила Женя странно дрогнувшимъ голосомъ. — Онъ вправду, серьезно.

— Вотъ тебѣ честное слово, что серьезно! Вотъ ей-Богу! — съ жаромъ подхватилъ студентъ и для чего-то даже перекрестился на пустой уголъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, — сказала Женя: — берите Любку. Это не то, чтò я. Я какъ старая драгунская кобыла съ норомомъ. Меня ни сѣномъ ни плетью не передѣлаешь. А Любка—дѣвочка простая и добрая. И къ жизни нашей еще не привыкла. Чтò ты, дурица, пялишь на меня глаза? Отвѣчай, когда тебя спрашиваютъ. Ну? Хочешь или нѣтъ?

— А чтò же? Если они не смѣются, а взаправду... А ты чтò, Женечка, мнѣ посоветуешь?..

— Ахъ, дерево какое! — разсердилась Женя. — Чтò же

по-твоему лучше: съ проваленнымъ носомъ на соломѣ сгнить? Подъ заборомъ издохнуть, какъ собакѣ? Или сдѣлаться честной? Дура! Тебѣ бы ручку у него поцѣловать, а ты кобенишься.

Наивная Люба и въ самомъ дѣлѣ потянулася губами къ рукѣ Лихонина, и это движеніе всѣхъ размѣшило и чуть-чуть растрогало.

— И прекрасно! И волшебю! — суетился обрадованный Лихонинъ. — Иди и сейчасъ же заяви хозяйкѣ, что ты уходишь отсюда навсегда. И вещи заведи самыя необходимыя. Теперь не то, что раньше, теперь дѣвушка, когда захочетъ, можетъ уйти изъ публичнаго дома.

— Нѣтъ, такъ нельзя, — остановила его Женья: — что она уйти можетъ — это такъ, это вѣрно, но неприятностей и крику не оберешься. Ты вотъ что, студентъ, сдѣлай. Тебѣ десять рублей не жаль?

— Конечно, конечно... Пожалуйста.

— Пусть Люба скажетъ экономкѣ, что ты ее берешь на сегодня къ себѣ на квартиру. Это ужъ такса — десять рублей. А потомъ, ну хоть завтра, приѣзжай за ея билетомъ и за вещами. Ничего, мы это дѣло обладимъ кругло. А потомъ ты долженъ пойти въ полицію съ ея билетомъ и заявить, что вотъ такая-то Любка нанялася служить у тебя за горничную, и что ты желаешь перемѣнить ея бланкъ на настоящій паспортъ. Ну, Любка, живо! Бери деньги и маршь. Да, смотри, съ экономкой-то будь половчѣе, а то она, сука, по глазамъ прочтетъ. Да и не забудь, — крикнула она уже вдогонку Любѣ: — румяны-то съ морды сотри. А то извозчики будутъ пальцами показывать.

Черезъ полчаса Люба и Лихонинъ сѣли у подъѣзда на извозчика. Женья и репортеръ стояли на тротуарѣ.

— Глупость ты дѣлаешь большую, Лихонинъ, — гово-

рилъ лѣниво Платоновъ: — но чту и уважаю въ тебѣ славный порывъ. Вотъ мысль — вотъ и дѣло. Смѣлый ты и прекрасный парень.

— Со вступленіемъ! — смѣялась Женя. — Смотрите, на крестины-то не забудьте позвать.

— Не дождетесь! — хохоталъ Лихонинъ, размахивая фуражкой.

Они уѣхали. Репортеръ поглядѣлъ на Женю и съ удивленіемъ увидалъ въ ея смягчившихся глазахъ слезы.

— Дай Богъ, дай Богъ, — шептала она.

— Чтò съ тобою сегодня было, Женя? — спросилъ онъ ласково. — Чтò? Тяжело тебѣ? Не помогу ли я тебѣ чѣмъ-нибудь?

Она повернулася къ нему спиной и нагнулася надъ рѣзнымъ периломъ крыльца.

— Какъ тебѣ написать, если нужно будетъ? — спросила она глухо.

— Да просто. Въ редакцію «Отголосковъ». Такому-то. Миѣ живо передадутъ.

— Я... я... я... — начала-было Женя, но вдругъ громко, страстно разрыдалась и закрыла руками лицо: — я напишу тебѣ...

И, не отнимая рукъ отъ лица, вздрагивая плечами, она взбѣжала на крыльцо и скрылася въ домѣ, громко захлопнувъ за собою дверь.

Оглавленіе

УІІІ тома.

Кіевскіе типы.

	стр.
Студентъ-драгунъ	5
Днѣпровскій мореходъ	11
„Будущая Патти“	14
Лжесвидѣтель	20
Пѣвчій	24
Пожарный	27
Квартирная хозяйка	31
Босякъ	37
Воръ	41
Художникъ	49
„Стрѣлки“	53
Заяць	57
Докторъ	60
„Ханжушка“	66
Бенефициантъ	70
„Поставщикъ карточекъ“	73

Разказы.

Психея	77
Первый встрѣчный	100
Аль-Исса. Легенда	113
Друзья	118
Забытый поцѣлуй	125
Безуміе	128

	стр.
Странный случай	131
Ужась	141
Нарциссъ	149
Негласная ревизія	160
Духъ вѣка. Фантастическій разсказъ	180
Оборотень. Полѣсская легенда	188
Кровать.	199
Первенець.	206
Милліонеръ	212
Дѣтскій садъ.	223
Чары.	230
Пиратка.	235
Сны.	246
Локонь.	251
Погибшая сила	260
По заказу	280
Легенда.	294
Самоубійство.	298
Пасхальныя яйца	302
Травка	306
Зачарованный глухарь.	313
Путешественники	318
На разъѣздѣ.	328
Въ Крыму (Меджидъ)	341
.	
Яма. Повѣсть	352

Алфавитный указатель.

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Алле!	VI	311	Воръ (Кіевскіе типы).	VIII	41
Аль-Исса	VIII	113	Впотьмахъ	VII	342
Барбось и Жулька	VII	308	Въ звѣринцѣ	VI	395
Безуміе	VIII	128	Въ клѣткѣ звѣря	VI	289
Безъ заглавія	V	325	Въ Крыму (Меджидь).	VIII	341
Бенефициантъ (Кіевскіе типы)	VIII	70	Въ нѣдрахъ земныхъ.	VII	272
Блаженный	VI	50	Въ трамваѣ	VI	86
Болото	I	139	Въ циркѣ	I	201
Бонза	VII	314	Гамбринусъ	III	122
Бора (Листригоны, VI).	V	89	Горькій, М. Дружочки (Пародіи)	VII	8
Босякъ (Кіевскіе типы)	VIII	37	Господня рыба. Апокрифическое сказаніе (Листригоны, V).	V	85
Брегеть	VI	111	Гранатовый браслетъ.	V	3
Бредъ	III	293	Демиръ-Кая. Восточная легенда	VI	300
Брильянты	VI	343	Днѣпровскій мореходъ (Кіевскіе типы)	VIII	11
Будущая Патти (Кіевскіе типы)	VIII	14	Дознаніе	II	294
Бунинъ, И. А. Пирогисъ груздями (Пародіи)	VII	5	Докторъ (Кіевскіе типы)	VIII	60
Бѣдный принцъ	VII	289	Дружочки (Пародіи)	VII	8
Бѣлая акація	VII	49	Друзья	VIII	118
Бѣлуга (Листригоны, IV)	V	78	Духъ вѣка. Фантастическій разсказъ	VIII	180
Бѣлый пудель	VII	185	Дѣтскій садъ. Разсказъ	VIII	223
Бѣлыя ночи	VI	347	Жидовка	I	272
Бѣшеное вино (Листригоны, VIII)	V	115	Забытый поцѣлуй	VIII	125
Вечерній гость	VI	318	Замѣтка о Джекѣ Лондонѣ	VII	84
Водолазы (Листригоны, VII)	V	94			
Воровство (Листригоны, III)	V	73			

	ТОМЪ.	СТР.
Зачарованный глухарь	VIII	313
Заяць (Кіевскіе типы).	VIII	57
Изумрудъ	IV	3
Искусство	VI	310
Искушеніе	VI	73
Исполіны	VI	373
Кадеты (На переломѣ)	IV	24
Какъ я былъ актеромъ	IV	274
Капризь	VI	129
Картина	VI	170
Квартирная хозяйка (Кіевскіе типы)	VIII	31
Кіевскіе типы:		
Бенефициантъ	VIII	70
Босякъ	VIII	37
Будущая Патти	VIII	14
Воръ!	VIII	41
Днѣпровскій мореходъ	VIII	11
Докторъ	VIII	60
Заяць	VIII	57
Квартирная хозяйка	VIII	31
Лжесвидѣтель	VIII	20
Пожарный	VIII	27
Поставщикъ карточекъ	VIII	73
Пѣвчій	VIII	24
Стрѣлки	VIII	53
Студентъ-драгунъ	VIII	5
Ханжушка	VIII	66
Художникъ	VIII	49
Клоунъ. Пьеса въ 1-мъ дѣйстви	VI	225
Кляча	VI	142
Конокрады	I	104
Королевскій паркъ. Фантазія	VI	273
Корь	IV	211
Кровать	VIII	199
Кусть сирени	VII	41
Къ славѣ	V	284
Лавры. Сказочка	VII	226
Легенда	VIII	294
Леночка	VI	22

	ТОМЪ.	СТР.
Листригоны:		
I. Тишина	V	64
II. Макрель	V	68
III. Воровство	V	73
IV. Бѣлуга	V	78
V. Господня рыба. Апокрифическое сказаніе	V	85
VI. Бора	V	89
VII. Водолазы	V	94
VIII. Бѣшеное вино. Лжесвидѣтель (Кіевскіе типы)	VIII	20
Локонъ	VIII	251
Лолли	VI	362
Лунной ночью	VI	37
Лѣсная глушь	I	237
Макрель (Листригоны, II)	V	68
Марабу	VII	55
Маріанна	VI	122
Меджидъ (Въ Крыму)	VIII	341
Мелюзга	III	155
Механическое правосудіе	VII	14
Милліонеръ. Разсказъ	VIII	212
Мирное житіе	IV	241
Мой паспортъ	VII	35
Молохъ	I	3
Морская болѣзнь	V	218
Мясо	VI	189
На глухарей. Очеркъ	IV	259
Надъ землей	VI	404
На переломѣ (Кадеты)	IV	24
На покоѣ	I	163
На разѣздѣ	VIII	328
Нарциссъ	VIII	149
На рѣкѣ	VII	299
Наталья Давыдовна	VI	251
Начальница тяги	VI	379
Наше оправданіе	VII	156
Негласная ревизія	VIII	160
Немножко Финляндіи	VII	169
Ночлеги	II	312
Ночная смѣна	III	188
Обида. Истинное происшествіе	V	250

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Оборотень. Полѣсская легенда	VIII	188	Поставщикъ карто- чекъ (Кіевск. типы).	VIII	73
Одиночество	III	233	Походъ	III	219
О Кнутѣ Гамсуѣ	VII	71	Прапорщикъ армей- скій	IV	113
Олеся. Повѣсть	V	122	Предсказанія Ностра- дама на 2000-й годъ.	VII	11
О пуделѣ	VII	234	Психея	VIII	77
Осенніе цвѣты. Раз- сказъ	V	272	Пустыя дачи	VI	351
О томъ, какъ проф. Леопарди ставилъ мнѣ голосъ	VII	63	Путаница	I	325
О томъ, какъ я видѣлъ Толстого на паро- ходѣ „Св. Нико- лай“	VII	151	Путешественники	VIII	318
О Чеховѣ	VII	81	Пѣвчій (Кіевскіе ти- пы)	VIII	24
Палачъ	VII	262	Редіардъ Киплингъ	VII	141
Памяти А. И. Богда- новича	VII	88	Рѣка жизни	I	297
Памяти Н. Г. Михай- ловскаго-Гарина	VII	135	Самоубійство	VIII	298
Памяти Чехова	VII	96	Свадьба	III	246
Пародіи:			Святая любовь	III	304
I. И. А. Бунинъ. Пироги съ груз- дями	VII	5	Сентиментальный ро- манъ	VI	240
II. Скиталець. Я колоколь! Я пла- мя! Я тарань!	VII	7	Сильнѣ смерти	VI	307
III. М. Горькій. Дру- жочки	VII	8	Сказка	VI	95
Пасхальныя яйца	VIII	302	Скиталець. Я коло- коль! Я пламя! Я тарань! (Пародіи)	VII	7
Первенець	VIII	206	Славянская душа	VI	61
Первый встрѣчный	VIII	100	Слонъ	VII	248
Печальный рассказъ. О Комарѣ, Слонѣ и Верблюдѣ	VI	207	Сны	VIII	246
Пиратка	VIII	235	Собачье счастье	VI	325
Пироги съ груздями (Пародіи)	VII	5	Столѣтникъ	VI	355
Погибшая сила	VIII	260	Станный случай	VIII	131
Поединокъ	II	3	Страшная минута	VI	148
Пожарный (Кіевскіе типы)	VIII	27	Стрѣлки (Кіевскіе типы)	VIII	53
По заказу	VIII	280	Студентъ-драгунъ (Кіевскіе типы)	VIII	5
Полубогъ	VI	3	Суламиѣ	III	3
Попрыгунья-стрекоза. По-семейному	VI	265	Счастливая карта	VI	281
По-семейному	VI	257	Счастье. Сказка	VI	304
Послѣднее слово	VII	27	Съ улицы	IV	167
			Таперъ	VII	325
			Телеграфистъ	VI	387
			Тишина (Листригоны, I)	V	64
			Тость	VI	294
			Травка	VIII	306
			Трусъ	III	266

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Убийца	VI	336	Чары	VIII	230
Ужасъ	VIII	141	Черный туманъ. Пе-		
Умеръ смѣхъ.	VII	148	тербургскій случай.	VI	209
Ученикъ	V	339	Чудесный докторъ . .	VII	237
			Чужой хлѣбъ	VI	103
Фараоново племя . .	VII	160	Штабсъ-капитанъ		
			Рыбниковъ	III	73
Ханжушка (Кіевскіе			Я колоколь! Я пламя!		
типы)	VIII	66	Я таранъ! (Пародіи).	VII	7
Художникъ (Кіевскіе			Яма. Повѣсть	VIII	352
типы)	VIII	49			
